ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ АЛЬМАНАХ

20

ОДЕССА, 2005

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 20 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Автограф", 2005. — 334 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{\textbf{4702640204}}{\textbf{2004}} + \frac{\textbf{0503020902}}{\textbf{2004}}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Григорий Поженян (Москва), Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Gregory Pogenyan (Moscow), Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2005

От редакции

Практически все, кто причастен к созданию альманаха, принадлежат к семьям, так или иначе связанным с морем. Наши деды, отцы, старшие братья участвовали в Великой Отечественной войне, детство многих из нас пришлось на эти страшные годы... Впрочем, так сложилась судьба большинства одесских семей наших авторов и читателей, в какой стране бы они сегодня ни жили.

Один из членов редколлегии, родившийся накануне войны, лишь чудом избежал гибели 26 июля 1941 года. Семья фронтовиков, мы получили литер на эвакуацию морем, но в тот день мест всем не хватило, и пароход "Ленин" ушел без нас... Судно, рассчитанное на 606 пассажиров, взяло на борт 2500 беженцев – стариков, женщин, детей – и держало курс на Мариуполь. На траверсе Ялты пароход подорвался на мине и затонул. Удалось спасти лишь 500 человек...

В Государственном музее Морского флота Украины хранится летопись судов Черноморского морского пароходства, участвовавших в войне, есть и мартиролог погибших в ней. Сегодня, в начале XXI века, новое поколение одесситов может увидеть их на страницах замечательного календаря, созданного сотрудниками музея Морфлота и изданного судоходной компанией "Укрферри" к 60-летию Великой Победы.

Вот знаменитая серия почтово-товаро-пассажирских теплоходов: "Крым", "Грузия", "Абхазия"... В дни обороны "Крым", подвергаясь атакам вражеских торпедоносцев, доставлял в Одессу бойцов 157-й стрелковой дивизии, в 1942-м был сильно поврежден и полузатоплен у Геленджика, в 1944-м отбуксирован в родной порт, отремонтирован на заводе им. Марти и ходил по Крымско-Кавказской линии до середины 70-х. Помню, как мы – студенты, собравшие денег на палубные места, входили на нем в Батуми...

А вот "Абхазия" и "Грузия" погибли под фашистскими бомбами...

Такая же участь постигла теплоход "Чехов", переоборудованный под плавучий госпиталь, и сухогрузы "Большевик", "Зырянов", и танкер "Валаам Аванесов"...

Сотрудники ЧМП воевали не только в составе экипажей своих мирных судов, но и на военных кораблях, в десанте, в авиации, матушке-пехоте. Многие их них после войны вернулись в родное пароходство и проработали в нем десятилетия, иные – и до наших дней.

На презентации календаря выступили фронтовики, награжденные боевыми орденами: девяностолетний морской связист Владимир Александрович Богданов и командир взвода разведки Маркус Симонович Рашковецкий Честь им и слава!

Это о них, о своих боевых друзьях – в далеком нынче 1971 году – написал замечательный поэт, герой обороны Одессы, друг нашего альманаха Григорий Поженян:

Это было – трижды десять –
тридцать с лишним
лет назад.
В южной солнечной Одессе
Шел по улице отряд...
Чтоб отныне навсегда
красной не была вода,
чтоб весною только птицы
занимали города...

С той нашей встречи с Григорием Михайловичем в весенней Одессе – на Мемориале 411-й батареи – прошло уже без малого четверть века В нынешнем мае Великой Победе будет 60. Ей посвящены многие материалы 20-го юбилейного номера альманаха "Дерибасовская – Ришельевская".

Вадим КОРОБ

Связная Молодцова-Бадаева

Работая с молодыми одесскими туристами, я посчитал нужным познакомить их с героическими страницами обороны, сопротивления и освобождения Одессы. Тогда бюро экскурсий помещалось на Большой Арнаутской угол Базарного переулка. Наша дружба с ними была особенно близка, потому что при экскурсионном бюро был пункт проката туристского снаряжения.

Я попросил сделать нам экскурсию по партизанским местам Одессы. Экскурсоводом была молодая красивая женщина, которую звали Мария Виницкая. В оккупированной Одессе она была руководителем партизанской группы. Ее партизан Жора Дюбакин поднял красный флаг на колокольне Успенского собора 7 ноября 1943 года. Я вспомнил, что наш одноклассник видел, как румынский офицер с напомаженными губами заставлял своих солдат лезть на колокольню снимать флаг, и как эти солдаты боялись туда лезть по лесам. В то время ремонтировался собор. Офицер, поднявшийся на маковку колокольни, увидел на чердачке какие-то квадратные ящики, перепутанные провода. Офицер немедленно удрал, боясь мин, и вместо себя послал своих солдат. Солдаты отказывались. Тогда офицер бил их по щекам рукой в белой лайковой перчатке, а потом придумал другое наказание. Он приказал взять ружья за дуло и приклад и положить их на затылок. Потом солдаты с ружьями на затылке должны были сесть на корточки и вприпрыжку совершать круги посредине улицы.

Был полдень. Приехали немцы-саперы. Мин не оказалось. Вместо мин лежали папки для переноски патефонных пластинок. Но красный флаг в течение половины дня был виден даже из самых отдаленных точек города. В то время колокольня Успенского собора была самым высоким сооружением в городе. С помощью "благожелателей" румыны очень быстро определили членов отряда и Марию Виницкую. Офицер потребовал у Марии Виницкой расписку в том, что она не будет воевать против Королевской румынской и союзной германской армий. Мария Виницкая это выполнила.

Таков был наш экскурсовод.

Ровно через полгода приближался день 10 апреля 1952 года. Мы организовали туристский слет в Хаджибейском парке недалеко от конечной остановки 20-го трамвая. Самым ярким событием того слета должно бы-

ло быть посещение катакомб туристами-студентами разных одесских вузов. Так как ожидалось много туристов, нам дали двух экскурсоводов: мужчину и женщину. Женщину звали Галина Павловна Марцишек. Галина Павловна — женщина с постаревшим лицом, в потрепанном пальто серого цвета. По виду ей было значительно больше лет, чем в действительности.

Туристов одного за другим начали пропускать в катакомбы. Мы должны были через один вход зайти, а через другой выйти на ту же поляну. Заходивших людей пересчитывал мужчина-экскурсовод. И вот он сбился со счета. Не то 107, не то 109 человек прошло в катакомбы. Когда все вышли, мы с Галиной Павловной заново всех пересчитали, проверили, не мог ли кто-то заблудиться или не пойти в катакомбы, а герой этого ЧП стоял рядом с глупой улыбкой. Мы с Галиной Павловной понравились друг другу, и она пригласила меня бывать на ее экскурсиях. Оказалось, что Галина Павловна была связной Героя Советского Союза Владимира Александровича Молодцова-Бадаева.

Как-то у нас случайно зашел разговор о Марии Виницкой. Лицо моей собеседницы перекосила неприятная гримаса. Галина Павловна никогда подписки немцам, что не будет с ними воевать, не давала. Более того, немцы обещали ее немедленно отпустить, если она не подпишется, а только скажет, что не будет больше действовать против немцев. Этого они от нее не дождались. Понятно, что после этого я Виницкую на экскурсии больше не приглашал.

Вскоре мы с Галиной Павловной и с небольшой группой туристов стали довольно часто ходить в катакомбы. У нас был второй проводник — старый шахтер. Он жил в селе Нерубайское, там, где главный вход в Нерубайские катакомбы, и наверху стоял довольно красивый дом. Это было кирпичное здание клуба, сожженное румынами. Примерно через три дома по улице, которая вьется над балкой, был его дом. Пусть он меня простит, но я не помню, как его звали. У него были страшные руки — видно было, что ему руки засунули в дверь, а дверь закрыли. История этого человека

была такова. Когда были схвачены румынами капитан Молодцов-Бадаев и его связные — Тамара Болышая и Тамара Маленькая, поступил радиоприказ из Москвы, из Центра, уходить из катакомб на север Одесской области, в Савранские леса, лес Лесничевка и другие. Этот человек со своим сыном, который тоже был в отряде, перебрался в район Балты. Там они удачно акклиматизировались, но сыну не понравилось, что они должны были жить у одной молодки, с которой у отца — по легенде — хорошие отношения. Сын фыркнул и, ничего не сказав, вернулся к матери в Нерубайское. Там его сразу схватили румыны, через некоторое время взяли и отца. Поэтому я никогда не видел его сына — он сидел в тюрьме за предательство. Отец был вычеркнут из списков партизанского отряда, не получал пенсии, и они (жена и пять детей) жили за счет своего огорода. Поэтому всегда, отправляясь в Нерубайское, брали гостинцы: килограмма два дешевых конфет "подушечки" и пару селедок.

Г.П. Марцишек проживала по улице Софиевской, 15, во втором этаже. Из ее окон была видна улица Торговая. На третьем этаже со стороны входа есть гербовые щиты со скачущими всадниками. Я стал часто бывать в этой квартире.

Как-то вечером, придя к Галине Павловне, я застал ее в необычайном возбуждении.

"Буду писать книжку о Молодцове-Бадаеве и о нашем отряде. Вот первая страничка", — сказала она.

Если мне когда-то довелось учить. что у Льва Толстого было тридцать вариантов страницы в романе "Война и мир", то у Галины Павловны их было не меньше. Дело в том, что не каждого человека можно было называть своим именем, то ли потому, что он продолжал находиться на секретной службе, то ли он себя чем-то запачкал, то ли по каким-то политическим соображениям. Так, например, все знают, что капитану Молодцову подчинялся отряд из двадцати комсомольцев, говоривших по-немецки, но никто не мог сказать тогда, что все они были евреи.

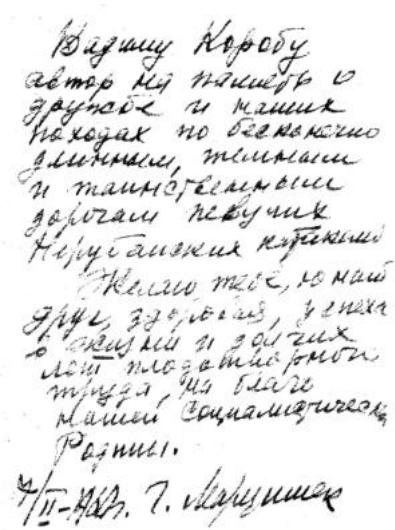
В другой раз, придя к Галине Павловне, я увидел сидящего на диване молодого мужчину. Галина Павловна, улыбаясь, представила его: "Вот это Колька Медерер, о котором я столько говорила".

"Здравствуйте, Николай", — сказал я.

Надувшись, он заметил: "Иванович". Он был лет на пять старше меня и работал механиком в каком-то автохозяйстве.

Помню, как-то я пришел в эту уютную комнату, а Галина Павловна, смеясь, указала мне на окно. В левом окне, недалеко от подоконника, стек-

ла пробиты — пулевой вход. Галина Павловна мне рассказывала, что когда немцы не смогли ничего с ней сделать, то они выслали ее в лагерь смерти под Белградом. В это время (1944 год) было большое наступление Украинского фронта, и узникам ночью удалось бежать. Много людей погибло, продираясь сквозь колючую проволоку, но все же некоторым повезло больше, в том числе и Галине Павловне. Когда они, пробежав несколько километров в темноте, упали на землю, чтобы немного передохнуть и побежать дальше, кто-то попытался застрелить Галину Павловну. Следовательно, немцы кого-то из своих агентов хотели внедрить к нам, и ссылка на Марцишек, лучше на мертвую, была для него очень кстати...

Вадиму Коробу
автору книг о нашей
дружбе и наших
походах по бесконечно
длинным, темным
и таинственным
дорогам невучих
Карпатских хребтов.
Желаю тебе, мой
друг, здоровья, и пока
окрылят и зовут
нас плодотворному
труду на благо
нашей Социалистической
Родины.
4/II-1973 г. Г. Марцишек

Я вспоминаю отдельные детали рассказов Галины Павловны.

Улица Золотой Берег. Если идти от шестнадцатой станции Большого Фонтана к морю, на одном из поворотов, со стороны балки, после войны был построен кооптрговский магазин с рестораном на втором этаже. За этим магазином к балке тянулся маленький переулок. В следующем по улице доме находилась явка отряда капитана Молодцова-Бадаева. В осажденной Одессе там находился заместитель Владимира Александровича. Дети хозяйки между собой называли его "Главпудра" за то, что он всегда пудрился после бритья. Он и был тем, кто выдал Героя Советского Союза капитана Молодцова-Бадаева. С хозяйкой держали связь два отряда, которые под видом рыбаков располагались в куренях на Большом Фонтане. Предатель ее выдал. Ее звали К. Булавина.

Яша Гордиенко, командир группы верховых разведчиков, жил на улице Нежинской, 75, второй дом от угла улицы Спиридоновской. К нему на квартиру можно было попасть со стороны Нежинской и через чердаки домов, выходящих на маленький скверик, который сейчас носит имя Веры Холодной.

В угловом здании напротив (Спиридоновская, 1), где до революции

помещалось Офицерское собрание, а в годы советской власти — Дом Красной Армии, где в обрамлении красных флагов в большой банке со спиртом плавало сердце Котовского, пробитое пулями, — вот в этом здании и помещалась секретная часть оккупантов. Все попытки внедрить туда своего человека не удались. Бадаев вышел на связь с центром. Ему приказали устроить поджог. Поэтому сейчас в кинотеатре "Одесса", когда откалывается старая краска, на стене виднеется красного цвета камень — следы пожара. Одновременно с Домом Красной Армии сгорело и соседнее здание по улице Спиридоновской угол Нежинской, 73.

Как-то зимой 1942 года Бадаев устроил совещание командиров подчиненных отрядов на квартире у Яши Гордиенко. Неожиданно последний квартал по улице Нежинской, куда выходила дверь явки, был перекрыт румынскими бронетранспортерами. Всех мужчин выгнали из домов последнего квартала и отсчитали каждого десятого. Всех товарищей Молодцова тоже выгнали на улицу. Капитан стоял, прижатый к стене дверью, которая открывалась внутрь, сжимая в руке пистолет. Несколько солдат врага прошли по запасному ходу, проверяя, нет ли там кого. Они пришли со стороны Полицейской.

Было ясно, что это предательство, и облава подстроена. Владимир Александрович не имел возможности выстрелить в себя. При звуке этого выстрела был бы расстрелян каждый десятый из отсчитанных жителей домов по улице Нежинской. Ему осталось отбросить пистолет и выйти с поднятыми руками.

Кстати, после войны во втором этаже этого дома жил командир 248 Одесской дивизии генерал Н.Э. Галай, который освобождал наш город.

Куда повезут арестованных? Налево — это полиция, направо — через Тираспольскую площадь и дальше, по улице Еврейской, так оно и есть — в сигуранцу. Это необычная облава. Владимир Александрович быстро вспомнил:

— Володя! Мы ж собрались на встречу, нужно обязательно вино.

— Не надо, садись.

— Я сейчас!

И он выбежал из квартиры Гордиенко, где происходила эта встреча. Спустя несколько минут он вернулся и поставил на стол две бутылки пива, а еще через несколько минут появились бронетранспортеры. Капитан Молодцов все понял, решение пришло сразу и окончательно. Поэтому, когда его поставили перед следователем сигуранцы, он сразу заявил:

— Ни с одной фашистской сволочью я разговаривать не буду.

Это обязательство он выполнил. Только когда на суде была объявлена амнистия от королевы-матери Марии, если он попросит прощения, капитан Молодцов произнес замечательную фразу:

— Мы на своей земле у врагов пощады не просим.

Больше от него ничего не добились. Эта фраза стала названием книги, которую Г.П. Марцишек посвятила своим друзьям-партизанам. Как звали предателя, я не знаю, но это был заместитель Бадаева, которого дети звали "Главпудра".

Как-то мы с Галиной Павловной стояли у первого номера Нерубайских катакомб — главного входа. Там находилась конюшня. В ней помещались низкорослые лошади, почти слепые. Они вывозили нарезанный известняк. Кстати, он лежал тут же, возле входа, сложенный штабелем. Галина Павловна хмыкнула и улыбнулась. Она указала мне на сожженный клуб и рассказала:

"Мы здесь жили под видом беженцев. Поэтому у нас были припасы и домашние животные. Мое первое задание было: во время воздушной тревоги вывести большую свинью и загнать ее в катакомбы. Свинья отказывалась идти и громко визжала. Еще немного — и будет отбой тревоги, а тогда люди начнут спрашивать, зачем мы ведем животное в катакомбы. Обращению с домашними животными я не была обучена. До войны я работала библиотекарем на станции Одесса-Товарная. Муж мой был тоже в этом не силен: до войны он плавал механиком на теплоходе "Красный профинтерн". Как я сумела загнать эту свинью, я уже не скажу, но задание выполнила".

Вскоре после того как схватили капитана Молодцова, румыны взорвали все входы в катакомбы, которые знал предатель. Когда стало понятно, что ждать Бадаева нет смысла, командование на себя принял начальник штаба Яков Федорович Васин. Остатки керосина заливались в последнюю лампу "летучая мышь" и отдавались тем, кто шел искать выход. Обычно этими разведчиками были Галина Павловна и старый шахтер Гаркуша. Далеко от входа, где обычно никто не бывает, можно и сейчас увидеть "стенгазету":

"Наша Галя может спать.
Нету выхода опять.
Только выход мы добудем.
Мы придем, тебя разбудим"

Эти бесхитростные стихи, не без грамматических ошибок, написали шахтеры-партизаны. Было непросто искать выход. В день нужно было

пробежать несколько десятков километров по ходу, согнувшись в три погибели, а иногда ползая на пузе. Во время одного такого похода, когда не было ни корки хлеба, а весь керосин помещался в одном фонаре, Галина Павловна проходила с Гаркушей катакомбами Среднего Куяльника. По прямой — это километров двадцать наверху при свете. Надо было пройти из села Нерубайское через село Усатово, и там только, у обрыва, был поселок Средний Куяльник. В темноте катакомб пройти этот путь было непросто. Чтобы туда добраться, приходилось лезть ползком, где через воду, где по молодым ходам. Где-то на подходе к Среднему Куяльнику в темноте катакомб вдруг показались фосфоресцирующие кошачьи глаза. Если кот, значит, есть выход. Кот в катакомбах жить не станет. Накоптили на высоком потолке отметку "Кот" и пошли дальше искать выход. Выхода не было. Пришлось возвращаться тем же путем. Против отметки Кот" на полу, на нетронутом песке кто-то написал "Кто". Потушили "мышку" и побежали в темноте. Трудно сказать, сколько петляли, чтобы не привести неизвестно кого в лагерь. Задыхаясь, прибежали к своим. Доложили Васину. По его приказу написали под надписью "Кот": "Кажется, мы те же, что и вы". Последовала надпись: "Давайте встретимся". Так бадаевцы встретились с боевым отрядом подпольного Пригородного райкома партии.

В начале лета 1942 года Г.П. Марцишек схватили в селе Усатово румыны и потащили в полицейский пост. Если стоять на насыпи у Хаджибейского лимана у Окружной дороги, лицом к Хаджибейскому парку, вот там, в углу забора, справа, где забор поворачивает под прямым углом вверх по улице, был маленький павильончик-ротонда. В нем размещался жандармский пост. По счастью, кто-то из своих увидел, что полицейские схватили Марцишек, и доложили командованию. Тотчас же нашлись деньги, и Галину Павловну за взятку румыны отпустили. В тот раз ей повезло, но в конце лета все произошло иначе.

Едва Галина Павловна пришла на явку в городе, как хозяин запер связную и побежал звать полицейских, а его жена смотрела, чтобы Марцишек не убежала.

Галине Павлове пришлось пройти все девять кругов ада. Сначала была сигуранца, она находилась на улице Пушкинской угол Еврейской. Там был двухэтажный особняк, принадлежавший до революции одесскому богачу Анжело Анатра. При советской власти хозяева сменяли один другого. Так, например, в гроте (на втором этаже, два крайних окна со стороны Еврейской) защищал свой проект планера К-5 великий конструктор Ко-

ролев. Перед войной в особняке помещался Дом учителя. При румынах там находилась сигуранца. Когда же румын потеснили их союзники, в этом доме помещалось гестапо. А вот использование "грота" было одинаковым — в нем была камера пыток. Убегая из Одессы, немцы сожгли этот дом.

На противоположной стороне улицы, от Пушкинской, по Еврейской тянулся двухэтажный дом. Следующий был — трехэтажный. Оба здания занимали больше чем половину квартала. В них была следственная тюрьма сигуранцы, а потом — гестапо.

Галину Павловну взяли в конце лета, на ней было легенькое платьице. Офицер, который завел ее в переполненную камеру, указал ей место:

— Будешь спать здесь на полу, лицом к параше.

Я спрашивал Галину Павловну, какие методы применялись плачами в комнате пыток.

— Зачем это тебе? — ответила она.

Я больше не стал спрашивать. Но как-то Галина Павловна сама рассказала, как издевались над узниками в подследственной тюрьме. Как-то Галину Павлову вели по коридору первого этажа. Вдруг открылась какая-то дверь и ее куда-то затолкнули. Это была очень маленькая комнатенка с резким противным запахом. Осмотревшись, она увидела, что у комнаты нет потолка. Вместо потолка — решетка из толстых прутьев. Вдруг на втором этаже открылась дверь, зашел румын и с хохотом начал оправляться. Некуда было укрыться от грязи, которая лилась сверху. В этой комнатке без еды и питья пришлось находиться пару суток. Через каждые двадцать-тридцать минут на втором этаже кто-то заходил. Галина Павловна рассказывала и о другой пытке. Распахивалась металлическая дверка, и человека помещали в стоячий гроб. Кроме того что отекали ноги, ни сесть, ни сменить позу не было возможности, но и еще не хватало воздуха. Человек, запертый в этом гробу, начинал задыхаться. Он сам поглощал весь кислород, и ни от кого нельзя было ожидать помощи. Иногда часовой, стоящий у "гроба", был приличным человеком и в ночную смену он на некоторое время приоткрывал дверь. Узенькая щелочка давала вздохнуть обреченному узнику.

Никто в катакомбах не знал, как и почему пропала Г.П. Марцишек. В камере был разговор, что одну молодую женщину с маленьким мальчиком обещали отпустить на свободу. Галина Павловна осторожно поговорила с этой женщиной и попросила передать привет на волю. Эта молодка выполнила просьбу, не догадываясь, что этим она сообщает партизанам, кто предатель, и как Марцишек схватила сигуранца.

Румыны не знали, что делать с Марцишек. Уж очень им нужно было ее завербовать. Они пытались разными способами найти с ней общий язык. Когда не удалось от нее чего-то добиться, они даже обещали ее отпустить, если Галина Павловна напишет расписку, что она не будет воевать против Королевской румынской и союзной (германской) армий. Последовал отказ. Через некоторое время следователь сказал: "Дай нам честное слово, что ты не будешь действовать против нас, и мы тебя отпустим".

Это предложение тоже было отклонено.

Галину Павловну отправили в лагерь смерти недалеко от города Белграда. Там она пробыла до начала 1944 года, именно того времени, когда ей посчастливилось бежать с группой заключенных. Всю ночь заключенные бежали, опасаясь, что их догонят. Под утро, когда они, измученные, чуть-чуть вздремнули на земле, кто-то в темноте стрелял в Галину Павловну. Значит, побег был подстроен немцами. Очевидно, они хотели воспользоваться именем Марцишек для того, чтобы натурализовать своего шпиона. К апрелю 1944 года Галина Павловна была уже среди своих.

Как-то Галина Павловна, узнав, что я должен ехать в командировку в Москву, дала мне поручение для семьи Молодцова-Бадаева. Мне был вручен запечатанный пакет с адресом. Я уже не помню, что это была за командировка. Кажется, в Центральный совет па туризму. Закончив свои официальные дела, я отправился по указанному адресу.

Если произнести "Моссовет", каждый представит себе дом красного цвета с решетками по правую и левую сторону. Вот, пройдя через ворота с левой стороны, я увидел справа дома и подошел, насколько мне помнится, к третьему дому. Поднялся по лестнице и позвонил в двери. Мне открыла приятная женщина, лет на двадцать старше меня. Это оказалась Антонина Бадаева.

Такую фамилию имела жена В.А. Молодцова, Героя Советского Союза. Пусть она меня простит, но я забыл ее отчество. Она посмотрела на конверт, рассмеялась и пригласила меня войти. Мне стало очень неудобно. Я понял, что Галине Павловне ничего не нужно было серьезного передавать, а все это было задумано только для того, чтобы я побывал в семье героя одесских катакомб. Зная мою любовь к истории Одессы, Галина Павловна пошла на этот небольшой розыгрыш.

Кроме Бадаевой была дочь Владимира Александровича — Люся. Я уже не помню, где был его сын. Антонина Бадаева угостила меня чаем с домашним печеньем. Так что, когда я вел экскурсию по одесским катакомбам, я мог утверждать, что печенье, которое подавалось к чаю в семье Молодцова, было превосходное.

Мы с Галиной Павловной много раз ходили по катакомбам в разных направлениях и с разными целями. Как-то мы пошли в сторону деревни Малая Фомина Балка. Была она небольшой, что-то около тридцати домов. Сейчас такого населенного пункта нет, жители этой деревушки переселились в село Усатово. Мы долго шли и наконец-то подошли к входу (напоминаю, это было под землей), заложенному рельсами. Когда-то здесь был вход, пятый номер. Саперы при оставлении Одессы так взрывали этот вход, а он был глубокий и состоял из подъемника для нарезанного камня и лестницы для людей, что можно было по разрушенным конструкциям подняться на поверхность и спуститься вниз. С поверхности шахта имела разрушенный вид. Сейчас же шахта не существует, и высоко над нами пробегали автомашины по дороге Одесса – Киев – Ленинград, построенной в послевоенные годы. Галина Павловна вспоминала, что много раз пользовалась этой шахтой, отдаленной от жилья и дорог, идя в город на связь.

В другой раз Галина Павловна вспомнила, как во время осады катакомб румынами она шла в разведку на поиски выхода. Вообще, искать выходы было постоянной задачей партизан. Катакомбы были осаждены дивизией оккупантов. Днем и ночью часовые противника проходили вдоль обрывов с выходами из катакомб. Каждый раз румынские солдаты находили выход, а партизанам приходилось искать взамен заблокированного новый выход.

Вот пример боевой операции по выходу на связь радиста. Радиоволны не проникают через толщу земли — крышу катакомб, поэтому нужно было работать на поверхности. Румыны первый номер — главный вход в Нерубайские катакомбы — опутали колючей проволокой и повесили между закладками — двумя стенками из камня, противопехотные мины. Партизаны разобрали внутреннюю кладку, осторожно сняли мины, выплавили из них тол и повесили пустые банки на прежнее место. Румынский часовой, проходя мимо наружной закладки, заглядывал в окошко и убеждался, что все в порядке. Из катакомб часовой-партизан следил за состоянием закладок и поведением противника. Ночью, перед тем как выйти на связь, несколько минеров-партизан разбирали кладку, проделывали проход и пропускали бойцов. Те занимали круговую оборону у выхода. За ними шел радист и забрасывал антенну на акацию, которая росла рядом с первым номером. Этого дерева давным-давно нет. После можно было вести сеанс связи.

"Корреспондент № 12." — это был позывной капитана Молодцова-Ба-

даева. Если не будет поставлена точка, это означает, что радиста схватили враги. После сеанса связи все приходилось делать в обратном порядке.

Румынское командование заподозрило, что партизаны все-таки выходят из катакомб и осуществляют радиообмен. По приказу румынского командования солдаты насыпали у входа № 1 большую кучу золы. Партизанские часовые, которые стояли внутри выхода и вели наблюдение за действиями противника, немедленно доложили об этом капитану Молодцову. В очередной раз, когда партизаны выходили на связь, они взяли с собой золу из подземной кухни и замаскировали следы своего пребывания на поверхности.

Галина Павловна вспомнила случай, происшедший с ней, когда командовал подземным гарнизоном Васин и не было выхода на поверхность. Как-то раз, проходя мимо одного из забоев недалеко от подземного лагеря, она увидела, как оттуда блеснул огонек и раздался детский голос: "А слабо?". Она осторожно заглянула в забой. Там стоял пятилетний Петька, сын одного из партизан, с горящей свечой на голове. В шагах десяти от него — четырнадцатилетний Колька Медерер с пистолетом в руке. "Не попадёсь", — сказал Петька, и Колька начал целиться. Рядом стояли другие дети партизан, которые вместе со своими родителями находились в катакомбах. Трудно сказать, как Галина Павловна отвлекла Колино внимание, потому что он от неожиданности мог нажать на спуск. Осторожно она взяла пистолет и вдруг заметила, что из Петиных ботинок торчат пальцы.

— Петя! Отчего у тебя пальцы из ботинок торчат?

— Мыси прогрызли. Мыси, как фасисты — все гризугь. Тетя Галя, ты опять идешь наверх?

— Да.

— А сто там?

— Дома, солнышко, люди, деревья, кошки, собаки.

И вдруг Петька разрыдался.

— Ой, хоцю небо, солнышко и кошку.

Этот пятилетний человек два года, находясь в катакомбах, не видел солнца.

— Вот побьем фашистов, будет солнце, будет небо и кошка. А какую ты хочешь кошку?

— Черную, рыжую, белую, серую и с пятнысками.

Когда удалось найти выход, Петьке принесли пятнистую кошку, по поверию приносящую счастье. Сейчас он уже не Петька, а Петр Батькович, и живет по-прежнему в Одессе.

Как мне помнится, в 1961 году Галина Павловна сказала, что к ней приехала студентка-дипломантка из Горьковского университета. Темой ее диплома была тетралогия Валентина Катаева "Волны Черного моря". Вы помните, что туда входит роман "Катакомбы". Собственно этот роман и был основной частью ее работы. Мы поехали в село Нерубайское, встретились там с бывшим партизаном, о котором я уже рассказывал. И через первый номер вошли в катакомбы. Мы довольно долго углублялись по штреку, и там, где штрек поворачивал в сторону, Галина Павловна сказала: "Здесь". Другой дороги не было видно. Галина Павловна поставила фонарь "летучая мышь" на землю. Под стеной известняка была щель, как раз высотой в фонарь. Галина Павловна распласталась на полу, и, продвигая фонарь перед собой, ползла по-пластунски по мокрой глине, устилавшей дно этой щели. Я с электрофонариком полз за нею вслед. За мной ползла эта студентка. Замыкающим полз бывший шахтер.

Щель, по которой пришлось ползти, тянулась метров пятнадцать, а может, и больше. Подняться и двигаться на четвереньках не было возможности. Руки, ноги, да и весь ты прилипал к мокрой глине. Сказать, сколько у нас это отняло времени, — трудно. Наконец ползущая впереди меня Галина Павловна поднялась почти во весь свой рост. Наконец и мы преодолели эту щель и смогли подняться. Перед нами протянулся в темноте довольно высокий и ровный штрек. Первый большой забой, в который вел вход из штрека, был когда-то общежитием молодых бойцов. "Здесь жили наши комсомольцы", — сказала Галина Павловна. Комсомольцев было двадцать. Меж собой они разговаривали только по-немецки, готовясь к агентурной работе. Предательница, врач-немка сумела их "залечить". Когда очередного комсомольца обмывали и хоронили, он оказывался евреем. Соседний забой был женским общежитием. Надо вспомнить о лежанках, которые были в каждом забое. Они были сложены из хороших камней ракушняка, так как лежать на мокром и холодном ракушняке было невозможно. Поверх камней ровным слоем был насыпан сухой навоз, смешанный с измельченной соломой. Эта смесь потихоньку тлела и выделяла тепло. На этом слое лежала парусина и накрывала всю лежанку.

В следующем помещении находился "красный уголок". После того как бадаевцы получили приказ уходить в леса на север Одесской области, сюда вместе с фашистами пришли предатели, и все было побито и поломано в отместку несгибаемому подземному гарнизону.

На стене висела полочка с книгами. Галина Павловна рассказала, что

в "красном уголке" был патефон с пластинками и баян, на котором играл Владимир Александрович Молодцов.

Следующий забой занимал Бадаев. Дальше шли жилые забои, в которых жили семейные партизаны. Один из них занимала Галина Павловна Марцишек со своим мужем Иваном Ивановичем Ивановым до его гибели в бою против румын, прорвавшихся в катакомбы. Он был похоронен в одном из дальних забоев. Вместе с ним Галина Павловна похоронила свой дневник. Предатель выкопал его и передал румынам, разумеется, после того, как партизаны ушли из катакомб.

Дальше шел склад продовольствия, склад оружия и кухня. Все оружие и патроны приходилось постоянно чистить. Где бы ни сидел партизан, он ковырял стенку, измельчал ракушняк и вот этой "пудрой" каждую свободную минуту приходилось чистить патроны, потому что под действием влаги на деталях оружия и патронах появляются дендриты окислов. Если их не почистить, стрелянная гильза не экстрагируется (не извлечется) из патронника, и тогда у тебя вместо ружья окажется железная палка. Взрыватели к гранатам хранились в маленьких мешочках, подвешенных на тесемке под рубашкой на теле, по той же причине.

На кухне были примусы и "грецы" — двухфитильные лампы, которые создавали высокую температуру для приготовления пищи. От горения примусов и "грецев" висела полоса плотного дыма, от потолка и примерно до колен. Так что, дневальным по кухне приходилось заниматься варкой, ползая на четвереньках вокруг "стола", сложенного также из ракушняка. Этот дым уходил в дальний забой и не выходил наружу.

Нужно рассказать, где партизаны брали воду. Три колодца по дороге к воде пересекались катакомбами. Один из них — недалеко от наружного павильона музея катакомб в селе Нерубайское. Так много экскурсантов его посещало, что и вода, и подземная часть колодца сильно закапаны свечками. Разумеется, когда хозяева колодца с пустым ведром отправляли записочки, их перехватывал часовой круглосуточного поста под землей. Второй "колодец связи" находился на улице, ведущей к церкви, с левой стороны среди домов. Колодец и сейчас помещается у самого входа на участок дома, около калитки. Хозяина партизаны заставили работать на себя. Третий колодец находился во дворе одной из трех хат, приткнувшихся справа от церкви. Сейчас он не существует, как уже нет и этих трех домов.

Вернемся к колодцу, которым приходилось пользоваться партизанам. Он был вырублен в полу штольни и наверх не выходил. Понятно, что возле него стоял часовой.

Я не назвал еще два забоя. Один именовался — "Гитлера", а другой — "Антонеску". Первый посещали мужчины, а второй — женщины.

У начала и у конца лагеря стояло по часовому.

После осмотра лагеря мы начали собираться в обратный путь. Там, где нужно было ложиться на живот, я прихватил штук шесть "ершей". Это небольшие "ваньки-встаньки" с острыми шипами. Партизаны связывали их проволокой и закапывали в пыли на дорогах, чтобы портить шины вражеским машинам — и машины "вылетали" под откос. Впоследствии я три "ерша" подарил музею Поста № 1 у могилы Неизвестного Матроса.

Наконец мы выбрались в нормальный штрек. Нормальный проход — это значит, что по нему можно проходить согнувшись.

"Вадим, дай мне слово, что больше сюда не будешь приходить". Галина Павловна имела в виду партизанский лагерь. Я обещал и больше никогда лагерь капитана Молодцова не посещал.

Когда мы выходили из первого номера Нерубайских катакомб, солнце уже пряталось за горизонт. Вдруг дипломантка говорит: "Галина Павловна, давайте с вами сфотографируемся на память у входа в катакомбы!".

Я знал, что Галине Павловне не полагалось с кем-либо фотографироваться вдвоем. Это было связано с ее работой. Конечно, этой девушке было очень нужно сфотографироваться с живым участником событий, описанных Валентином Катаевым. Это, конечно, было очень важным атрибутом для ее работы. Но как она ни уговаривала Галину Павловну, та фотографироваться с нею отказывалась. Вдруг она повернулась ко мне и говорит: "Вадим! Я хочу с тобой сфотографироваться". И студентке: "У тебя ФЭД? Сфотографируй нас у выхода".

Эту фотографию я долгие годы хранил, никому не показывал, чтобы не подвести Галину Павловну.

В последние годы Галина Павловна Марцишек, работая экскурсово-

дом по катакомбам в Одесском бюро путешествий и экскурсий, стала плохо себя чувствовать. Как-то, спускаясь в катакомбы, она, что называется, на ровном месте, сломала ногу. Дали себя знать пребывание в фашистском лагере смерти зимой в летнем платьице. Вскоре ее не стало.

Я, будучи экскурсоводом от Бюро пропаганды памятников Одесской областной организации охраны памятников, водил экскурсантов по катакомбам. И делал все от меня зависящее, чтобы прославлять этих замечательных патриотов нашей Родины — Героя Советского Союза капитана Молодцова-Бадаева и его сподвижницу Галину Павловну Марцишек.

И сегодня десятки людей стремятся посетить места боев героического подземного гарнизона. Понять, какой ценой куплено голубое спокойное небо.

Будьте счастливы!

Борис РЕЗНИК

Из винтовки по "юнкерсу"*

Немного найдется в наше время бывших рядовых красноармейцев, которые наблюдали мобилизацию, что называется, "изнутри". Наш 45-й стрелковый корпус в мирное время существовал в "свернутом виде", а с объявлением войны каждый его полк должен был превратиться в дивизию, а каждый батальон — в полк. Я имел возможность наблюдать, как четко работали военкоматы, ими были приведены в действие мобилизационные планы, тщательно подготовленные еще в мирное время. Согласно им в расположение корпуса прибывали не только военнообязанные граждане, но и приписанные к нему шоферы с автомашинами и даже ездовые с лошадьми. Я видел, как были распечатаны многочисленные склады, местонахождение которых до тех пор держалось в тайне. В них хранилось огромное количество обмундирования и оружия, необходимого для оснащения войск при мобилизации. В складах вещевого имущества находились аккуратно перевязанные солдатские майки, которые в то время шили из темно-синего сатина, и трусы из того же материала, хлопчатобумажные гимнастерки и брюки для обмундирования в летнее время, ватные брюки со стеганными куртками для зимы, меховые теплые полушубки, поражавшие своим необычным элегантным светло-бежевым цветом, шинели, сапоги и каски, котелки, саперные лопатки, фляги и т. д. Стопками лежали новые валенки и меховые ушанки из искусственного меха для рядовых и из натурального меха для командиров. Там же находились комплекты амуниции для командиров, изготовленные из натуральной первоклассной кожи: ремни, портупеи, кобуры для пистолетов, командирские сумки, планшеты для топографических карт. В специальном складе находилось бесчисленное количество алюминиевых ложек, там же были и котелки для пищи новой усовершенствованной формы, они удобно прилегали к туловищу и были снабжены крышкой, которая одновременно могла служить миской для каши. На отдельных площадках были установлены в ряд новые полевые кухни, которые, в отличие от старых, были на резиновом ходу для буксировки автомобилем.

Оружие в специальных деревянных ящиках, обильно смазанное жиром и упакованное в прожиренную бумагу, множество ящиков с патронами и гранатами находились в специальных складах. Многие виды оружия

*Фрагмент книги воспоминаний

до этого были засекречены. Так, мы никогда до этого не держали в руках десятизарядную полуавтоматическую винтовку СВТ-10, которую я получил тогда взамен устаревшей трехлинейной. Автоматов было мало (они тогда назывались "пистолеты-пулеметы"). После финской войны, которая обнаружила нехватку у нас этого важного в современной войне огнестрельного оружия, которого, кстати, у финнов было предостаточно (мне писал об этом с Карельского перешейка, где и погиб, школьный друг Миша), этот недостаток начали спешно устранять. Вначале армия получила автоматы марки ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), а позднее — более модернизированный ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Однако к началу войны ими были вооружены лишь 1-2 бойца стрелкового отделения.

Обилие имущества, находившегося на складах, не удивляло. Многие годы каждое предприятие, будь то крупный завод или всего-навсего швейная фабрика, имели цех, который работал на оборону. Производимое в этих цехах не подлежало разглашению, и рабочие говорили просто: "Мы работаем на оборону". На каждом предприятии были специальные военпреды, которые тщательно следили за качеством предназначенной для армии продукции.

Именно во время мобилизации я с радостью наконец расстался с опостылевшими обмотками и впервые надел кирзовые сапоги. Тут же я засунул за голенище правого сапога алюминиевую ложку, рукоятку которой предусмотрительно загнул в виде крючка, чтобы она не провалилась внутрь сапога. Старослужащие говаривали: "Солдат с ложкой всегда будет сыт: повар зачерпнет из котла суп или борщ и нальет в любую посудину, хоть в каску, но если не будет ложки, ты только с завистью будешь смотреть на аппетитно уплетающих еду товарищей".

На четвертый день войны наш 45-й стрелковый корпус, отмобилизовавшись, двинулся на запад, пересек границу с Белорусской республикой и занял оборону на реке Днепр между городами Рогачев и Жлобин, западнее условной линии, соединяющей Могилев с Гомелем. Штаб корпуса расположился в небольшой рощице в нескольких километрах от своих дивизий. Поскольку телефонная связь еще полностью не наладилась, мне приходилось пешком преодолевать это расстояние по нескольку раз в день, для того чтобы передать неотложные распоряжения начальника штаба и получить срочные донесения. Там, на передовых позициях, я с интересом наблюдал за тем, как кадровые военнослужащие умело роют окопы и хода сообщения, как обустраивают огневые точки артиллеристы, "привязывая" орудия к ориентирам на местности, (т. е. определяют коор-

динаты ориентиров и устанавливают положение, которое необходимо придать прицельным приспособлениям орудий). Создавая линию обороны, одна из дивизий нашего корпуса "оседлала" магистральную шоссейную дорогу, которая вела из Бобруйска, расположенного за Днепром, на восток, в Кричев, Рославль, а там прямиком на Тулу и Москву. Пока в этих местах было относительно тихо, и лишь долетавший с запада гул взрывов, напоминавший раскаты грома, говорил о том, что боевые действия совсем недалеко и скоро приблизятся к нам вплотную. Седой Днепр катил свои воды на юг, и я невольно подумал, что вот они через некоторое время достигнут Киева, потом Херсона, а затем вольются в мое Черное море, и, может быть, даже достигнут Одессы, о которой, равно как и о моих близких, у меня пока нет никаких сведений.

По шоссе из Бобруйска на восток двигались беженцы. Войска пока еще пропускали их через свои боевые порядки, и я имел возможность наблюдать вблизи за их скорбным шествием. Этот поток представлял собой весьма унылую картину: они передвигались, как правило, на ветхих пароконных повозках, в которые была впряжена только одна костлявая лошадка, а рядом шагал возница, держа в руках вожжи и кнут. Он был в пыльных стоптанных сапогах, носил картуз и поверх рубахи жилетку, несмотря на жаркое летнее время. В повозках на перинах и подушках размещались многочисленные дети, глядевшие на красноармейцев с присущим всем детям смешанным чувством страха и интереса.

Бородатые мужчины, обычно старики, были лучшими физиономистами, чем я, поэтому быстро узнавали во мне своего соплеменника. Они оживлялись, и, видимо, надеялись получить от меня исчерпывающие сведения о том, как долго им еще придется убегать от немцев, и как скоро Красная Армия нанесет фашистам сокрушительный удар. Все они, перебивая друг друга, говорили на языке, которого я, увы, не понимал. (По детским воспоминаниям, на нем изредка говорила моя бабушка.) Когда они уразумели этот факт, на их лицах отразилось крайнее удивление: дескать, как же ты не понимаешь слова, обращенные к тебе на языке твоих предков? В тот момент я почувствовал укол совести. Действительно, как получилось, что я не знаю язык моего древнего народа? Неужели в этом следует винить моих родителей? Но ведь и они переходили на него лишь изредка в годы моего детства, только тогда, когда пытались скрыть от меня смысл своего разговора. Да и делали это неумело, перемежая речь русскими словами и дополняя ее выразительными жестами рук. А я прыгал на одной ноге и кричал, что я все понял: они хотят пойти в гости и отпра-

вить меня спать к бабушке, а я не хочу идти к бабушке, мне неприятно с ней спать! А мама в ответ говорила: "Вот, глупенький, ты ничего и не понял: мы говорили, что бабушка придет к нам и будет тебе перед сном читать сказку". И бабушка, жившая этажом ниже в семье своей старшей дочери, действительно поднималась ко мне и читала сказку Андерсена о стойком оловянном солдатике. Почему же она читала ее на русском языке? Почему она, вообще, читала Андерсена, а не рассказывала какую-то нашу народную сказку? Наверняка она знала их немало. Этому я мог дать только одно объяснение: тогда многие, в том числе и мои родители, видели разрешение вековечного еврейского вопроса в слиянии с культурой народа, на земле которого проживали, и старались этот процесс по возможности ускорить.

Удалось ли несчастным беженцам — моим соплеменникам — спастись и сохранить жизнь своих детей? Думаю, что нет, потому что всего через несколько дней на нашем участке фронта начались ожесточенные бои, а затем и наше отступление на восток.

Над нашими позициями по несколько раз в день появлялся немецкий самолет-разведчик "фоке-вульф". Он приближался на большой высоте, медленно кружил, высматривая и, по-видимому, фотографируя то, что представляло интерес, а затем улетал. Но в тот день, о котором я вспоминаю, он летел сравнительно низко, покружился над боевыми порядками, увертываясь от огня нашей зенитной артиллерии, и улетел, оставив за собой какое-то странное белое облако, которое медленно опускалось вниз. Вскоре стало заметно, что оно состоит из множества прямоугольных бумажных листков, которые, покружившись в воздухе, постепенно оседали на землю. Это были фашистские листовки, о которых мы были предупреждены командирами и политработниками, причем, от нас требовалось уничтожить "эту заразу", как они говорили, даже не читая. В случаях же "случайного прочтения" следовало воздержаться как от комментариев, так и от полемики и опровержения их содержания. Но именно это строгое предупреждение и подстегивало наше любопытство. Наблюдая за окружавшими меня красноармейцами, я видел, как прежде, чем поднести спичку к кучке листовок, они их читали. Естественно, так же поступил и я. Содержание листовки, которую я прочел только до середины, было настолько отвратительным, что я даже вначале не понял, о чем идет речь. Потребовалось несколько секунд, чтобы уразуметь, что в них содержится утверждение, будто существует всемирный заговор еврейских "толстосумов", которые поставили перед собой цель завоевать весь мир, и что гит-

леровская армия, в основном, воюет только против них и против коммунистов, которые не лучше. Содержались и другие измышления, которые были так отвратительны, что о них и вспоминать не хочется. Ведь не зря же говорил министр пропаганды фашистской Германии Геббельс, что чем ложь невероятнее, тем она кажется правдоподобнее.

Вслух комментировать листовку не разрешалось, но никто не мог мне запретить мысленно полемизировать с ее автором. Это кто "толстосумы"? Может быть, мои бабушка и дедушка, в бедности воспитывавшие пятерых детей? Когда положение стало совсем тяжелым, дедушка со старшим сыном поехал на заработки в Аргентину, откуда вернулся после безуспешных мытарств через три года нищим и больным (на обратном пути он заразился на корабле сыпняком и вскоре по приезде умер). Старшего сына бабушка больше не видела, а оставшихся четверых поднимала сама. Может быть, "толстосумом" является мой отец, который вместо учебы вынужден был в четырнадцатилетнем возрасте начать работать? Может быть, капиталистом является мой любимый дядя Филя, мамин брат, с шестнадцати лет работавший электриком, один из первых выпускников Одесского политехнического, строитель "Запорожстали" и главный электрик одного из заводов этого гигантского комбината? Тот дядя Филя, который всегда ходил в неизменной рабочей спецовке, в нагрудный карман которой была засунута логарифмическая линейка, заменявшая в те годы калькулятор.

О подобных измышлениях я читал еще в школьные годы, когда знакомился со стенографическим отчетом знаменитого дела Бейлиса, который якобы убил гимназиста Лещинского, чтобы получить его кровь для ритуальных религиозных обрядов. Мне помнится, что в этом отчете было приведено выступление писателя-гуманиста В.Г. Короленко, который смело поднял свой голос в защиту Бейлиса, и суд присяжных, в составе которого были и учителя, и простые люди — ремесленники и лавочники — оправдал его. То, что я прочел в фашистской листовке, было гнуснее крайнего антисемитизма, и мне казалось, что в это никто не может поверить. Увы, в это поверили. Прошло всего три-четыре года после победоносного завершения войны, как я прочел в таких авторитетных газетах, как "Правда" и "Известия", выпускаемых миллионными тиражами, о людях "без роду и племени", "беспачпортных бродягах", "безродных космополитах" и, наконец, о "врачах-вредителях". А разве сейчас не об э т о м пишут в газетах и брошюрах люди, претендующие на ученость и образованность?

Я так и не дочитал листовку и с удовольствием поднес к ней спичку. Горечь от клеветы, которая содержалась в гитлеровской листовке, быстро

прошла, когда я посмотрел вокруг себя и увидел знакомые лица однополчан, из уст которых за время военной службы я ни разу не услышал слов, оскорблявших мою национальную гордость. С полной ответственностью могу утверждать, что в армии в годы Великой Отечественной войны ни антисемитизма, ни великорусского шовинизма, ни национализма любого оттенка не было и быть не могло.

Между тем рытье огневых точек и окопов заканчивалось: красноармейцы подсыпали грунт, создавая брустверы, рыли небольшие ниши в стенах, куда укладывали боеприпасы и некоторые личные вещи. Впереди окопов в некоторых местах были выложены рулоны материи. Оказалось, что они имеют совершенно определенное военное назначение: при подлете нашей авиации их раскатывают и тем самым указывают, что в этих окопах находятся свои, и это наш передний край. Таким несколько архаичным способом осуществлялась тогда связь пехоты с авиацией. Лишь позднее, в 1942 г. эта связь стала более совершенной: представители воздушных соединений, находясь в боевых порядках пехоты, по рации направляли и руководили действиями своих самолетов.

Напряженный военный день заканчивался, солнце почти скрылось за горизонтом, донесение в штаб мне уже вручили, и пора было возвращаться. Но в этот момент к передовой линии подъехали полевые кухни, которые до этого в какой-то лощинке варили для бойцов ужин. В воздухе невыносимо вкусно запахло пищей, и повар, в числе других, "насыпал" и в мой котелок солидную порцию каши с мясом, которую я съел с нескрываемым аппетитом. То был последний мирный день для нашего корпуса...

2 июля 1941 г., на десятый день войны, на противоположном берегу Днепра появились немецкие танки. О приближении немецких войск, конечно, в штабе знали, потому что, когда я вернулся, там шла напряженная работа, и одновременно с ней проводились мероприятия по укреплению обороны самого штаба. Этими работами руководил начальник саперно-инженерной службы капитан Лопатин. Он собрал немногочисленное "войско" из числа красноармейцев комендантского взвода и различных штабных отделов, развел их по периметру опушки рощи и указал места для рытья окопов. Довести работу до конца не удалось — мы все уснули с лопатами в руках в не полностью отрытых окопах, оставив их завершение на завтрашнее утро...

Следующий день был наполнен событиями до отказа... Со стороны реки доносился звук боя, интенсивность которого с каждой минутой нарастала. Артиллерийская канонада перемежалась со звуком пулеметных оче-

редей и разрывами авиабомб. Дивизии нашего корпуса упорно сопротивлялись, подбили множество танков, уничтожили большое число немецких солдат, но немцы действовали согласно выработанной ими тактике: встретив упорное сопротивление, они оставляли попытку пробиться "в лоб" и предпринимали обходные маневры. Мы узнали ранее не известные нам термины: "клинья" и "клещи". Суть этих военных акций состояла в том, что немцы, нащупав слабые места в нашей обороне, а такими местами обычно являются стыки между частями и соединениями, где военное руководство особенно затруднено, так как подразделения-соседи подчинены разным командирам и штабам, вбивают в эти места "клинья" из мощных танковых групп, подкрепленных пехотой и авиацией. Затем "клинья" углубляются и превращаются в "клещи", которые смыкаются вокруг наших войск. Сильному противнику трудно противостоять лицом к лицу, даже имея за спиной надежный тыл, возможность подкрепления, санитарную службу. Но во сто крат трудней воевать в окружении! В моей памяти всплывают картины лета и осени 1941 года, и, прежде всего, бои в окружении, а таковых было не много и не мало — ровно семь. Какие возможности представляет судьба бойцу, попавшему в окружение? Можно умереть, но это не лучший выход из положения, можно сдаться, но это равносильно смерти, и значит, выход остается один — воевать! Жизнь научила, что лучше воевать большими группами. Появился даже термин: "вышли из окружения с боем". Удавалось иногда выйти из окружения и одиночкам, но на них смотрели подозрительно, не подосланы ли они фашистами.

Первое окружение, в которое я попал, произошло в описанном выше лесочке. Поздним вечером, когда мы прикорнули в своих окопах, шестерых из нас поднял по тревоге капитан Лопатин, так как он только что получил распоряжение об усилении обороны штаба. Когда мы собрались, он вручил каждому из нас по две противотанковые мины со словами: "я понимаю, что вы не саперы и не обучены минированию, но этих мин не следует бояться — они сконструированы таким образом, что взрываются только под тяжестью танка или автомашины, а человек может на мину даже спокойно стать, и она не сработает". Для убедительности он вытащил из кузова машины небольшой металлический квадратной формы ящичек с ручками для переноски и штампованными рифлениями для прочности корпуса, положил на землю и встал на него обеими ногами. Я ощутил неприятный холодок в груди, но мина действительно не взорвалась.

Капитан продолжал: "Вы отойдете от опушки на 200 шагов — не забывайте их считать, и приступите к установке мин. Грунт здесь рыхлый, пес-

чаный, однако при необходимости используйте саперные лопатки. Глубоко не зарывайте и тщательно присыпьте каждую мину землей. Один из вас (тут он указал на меня) будет идти по дороге, двое — справа от него на расстоянии пяти шагов, трое на такой же дистанции друг от друга слева. В результате ваших действий будет перекрыт путь к нашему штабу по единственной грунтовой дороге. Все ясно? Вопросы есть? Ну что же, вперед, ребятки!".

Что чувствовал я, и какие мысли проносились в моей двадцатилетней, совсем еще юной голове в тот момент, когда я сделал первые шаги и погрузился в темноту тревожной фронтовой ночи? Прежде всего, острое чувство опасности, угрожавшей мне отовсюду. Но это не был панический страх, нет, мое сознание работало достаточно четко и рождало самые разные мысли. Опасность, прежде всего, таится в этих чертовых минах, которые я несу! Кто знает, хоть они и не взрываются под тяжестью человека, но вдруг "шарахнут" от толчка или даже от сотрясения... Значит, нужно отвести руки с минами в стороны, подальше от приклада винтовки и саперной лопатки, торчащих по бокам моего туловища. Примерно так, как несут ведра, наполненные водой. Хорошо. Но главную опасность, конечно, представляют немцы, вдруг они уже выслали разведчиков, которые охотятся за "языком"? Это я — "язык"? Черта с два! Мины на землю, винтовку с плеча и досылаю патрон в патронник! Вот так спокойней! Вперед, Боря! А сколько я уже сделал шагов? Кажется, тринадцать. Что значит "кажется"? Не "кажется", а точно, ведь Циля живет в Отраде в доме под таким номером. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Вот бы увидела она меня сейчас, убедилась, что полюбила не какого-то слюнтяя, а настоящего воина. Да, да, воина. Почему капитан Лопатин именно мне поручил самый ответственный участок дороги? Наверно, во мне есть что-то такое, ну, если не героическое, то смелое... А что бы сказали родители? Папа, конечно, язвительно заметил бы, что я всегда люблю "выпендриваться": первым идти сдавать экзамен, попасть в президиум собрания или на "Доску почета". А ты, дорогой папочка, каков? Кто всем показывал газету, в которой твое учреждение было названо лучшим, и упоминалась наша фамилия? Все мы такие, это для нас придумано "соцсоревнование", "Доска почета" и звания "ударник", "передовик", и пр. А мама? Нет, ее лучше не посвящать в происходящее, она может потерять сознание от страха. Пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь... А почему я решил, что она меня любит? Глупец, разве это сейчас важно? Где она, где Цилька и что с ней? Восемьдесят три, восемьдесят четыре, восемьдесят пять...

Неожиданно над рекой появились две осветительные ракеты, и вся местность озарилась призрачным светом. Бросок на землю невозможен, в руках мины! Присел на корточки и пригнул голову в каске. Как, однако, долго они горят, эти ракеты, а вот и еще одна. Интересно, кого немцы высматривают, не меня ли? Но вот наступила относительная темнота, можно двигаться. Сто пятнадцать, сто шестнадцать... Стоп, что это шевелится всего в нескольких шагах от меня? Неужели немец? Мины — на землю, винтовку — с плеча, направил на неизвестного и громким голосом:

— Хальт. Стреляю без предупреждения! Их верде шиссен!

— Ти що, з переляку з глузду з'їхав? Борисе, це ж я, Микола!

— Прости, не признал, силен ты ползти с двумя минами в руках!

— Та ні, одну я приховав з самого початку...

— И как ты ее теперь в темноте собираешься найти?

— Я встромив біля неї гілочку... А ну стривай, я зараз повернуся за нею...

Продолжаю шагать и веду счет. Наконец-то двести! Приступаю к минированию. Да это же совсем просто, даже лопатка не нужна: разгребаю дорожную пыль руками, погружаю в ямку мину и присыпаю землей. Затем сгребаю лишнее, и теперь немцам ни за что не обнаружить мою мину! Таким же образом поступаю со второй. Готово, можно возвращаться! Вполголоса докладываю: "Товарищ капитан, ваше приказание выполнено, мины установлены". Что ни говори, а в армии есть и свои "приятности", и среди них слова командира: "Благодарю за службу!", а ты в ответ: "Служу Советскому Союзу!". Довольны оба — и командир, и солдат. Нет, друзья, армия есть армия!

Всю ночь у реки продолжался бой, и к утру немцам удалось форсировать Днепр и потеснить наши дивизии, а на одном из участков углубиться на 8-10 километров. Примерно в 9-10 часов утра вблизи расположения штаба корпуса, как раз напротив участка, на котором мы произвели минирование, раздался шум танковых моторов и лязг гусениц, а затем показались и немецкие танки. Они медленно ползли, и их башни, как у живых существ, хищно поворачивались из стороны в сторону, будто высматривая добычу. Внезапно раздался мощный взрыв, один танк замер на месте и послышался отчаянный крик: "Майн машин! Майн машин!". Поняв, откуда исходит опасность, остальные танки открыли беглый пулеметный и артиллерийский огонь по нашей рощице, но он был не прицельный и срезал лишь ветки деревьев над нашими головами. Танки начали совершать какой-то маневр, но в этот момент раздался второй такой же сильный взрыв, и на месте замер второй танк. Тогда уцелевшие три танка — очевидно, это

была не более чем танковая разведка, развернулись и ушли, а перед нами остались застывшие огромные, как нам казалось, уже не опасные два чудовища. В этот день немцы больше не появлялись, но нам было очевидно, что потерю двух машин они не оставят безнаказанной и обязательно вернутся. Во-первых, чтобы эвакуировать подбитые танки, и, во-вторых, чтобы рассчитаться с теми, кто укрылся в рощице, за их гибель. Вскоре над нашим расположением появился все тот же самолет-разведчик и долго кружился, стараясь нас выявить и определить нашу численность. Затем он улетел, и наступила зловещая тишина, не предвещавшая ничего хорошего. Поскольку оборона на нашем участке была взломана, очевидно, было принято решение об отходе на другой рубеж, но штаб пока оставался на месте, мы ждали прибытия командира корпуса комдива Магона, который всегда на своем маленьком броневичке мотался по передовой. Как выяснилось позднее, там он героически погиб, вступив в неравный бой с противником.

Полковнику Ивашечкину, начальнику штаба корпуса, было ясно, что мы срочно должны сменить дислокацию, так как шум боя доносился уже со всех сторон на достаточно близком от нас расстоянии. В целях маскировки он решил совершить наш переход ночью. С наступлением сумерек во время короткого затишья мы услышали, что из подорванных танков раздаются звуки человеческой речи. Капитан Лопатин приказал нам — тем, кто устанавливал мины, взять по две противотанковых гранаты и подползти к танкам возможно ближе, пока мы не попадем в "мертвую зону", недосягаемую для танкового пулемета. Тогда мы должны встать и забросать танк гранатами, чтобы уничтожить оставшихся в живых фашистов. Вначале мы ползли достаточно быстро, но затем, видимо, потому, что каждый старался ползти чуточку медленнее соседа, почти остановились. Однако, вспомнив о приказе, мы возобновили движение, и вскоре наступил момент, когда нужно было вскочить с гранатой в руке и подбежать к танку на расстояние броска. Так получилось, что к первому подбежали мы — я и мой приятель Игорь, а остальные устремились ко второму танку. Вот мы уже в пяти шагах, затем в двух, а танк, вернее, тот, кто в нем находится, никак на это не реагирует. Наконец, мы подбежали к танку вплотную и заглянули через открытый люк внутрь: на месте механика-водителя лежал мертвый танкист, а звуки издавала танковая рация, которая оставалась включенной. Довольно явственно доносились слова немецкой речи и какие-то команды. Наше напряжение сменилось неестественным нервным смехом. Я покровительственно похлопал рукой по броне и не без

бахвальства обратился к другу: "Ну как, Игорь, ловко я установил мины?". Игорь, очевидно, удивленно посмотрел на меня, я, правда, в темноте этого не увидел, но я услышал в ответ от него: "Ты это брось, Борис, танк подорвался не на твоих, а на моих минах!". Поскольку определить, на чьих в действительности минах подорвалось это чудовище, было невозможно, мы уже собрались чисто по-братски "разделить его на двоих" — не терять же фронтовую дружбу из-за этого! Но в тот момент, когда мы уже пришли к этому дружескому решению, раздался голос третьего, подползшего к нам товарища: "Хлопці, бачите як я справно приховав свої міни, попався-таки, гад!". Итак, появился еще один претендент на "наш" танк! Игорь не без сарказма поспешил ему тут же ответить: "Мыкола! Ты ошибся, вон тот — твой танк, поторопись, а то возле него уже кто-то вертится!". В ответ послышалось: "А звідкіля це ти дізнався, що саме той — м і й танк?". Игорь засмеялся: "Так на нем же написано — "Подбил Мыкола Поберезнюк!".

Тем временем мы занялись обследованием нашего боевого трофея. Над поврежденной правой гусеницей были прикреплены два больших деревянных ящика, они оказались заполненными различными поношенными предметами женского и мужского туалета. Господи, подумал я, так немцы не только убийцы, а и просто барахольщики и мародеры! Мы уже надумали возвращаться, но тут неожиданно мои мысли вернулись к мертвому танкисту, и я сказал: "Игорь, нам, наверно, как говорится, надо "предать тело земле!". "Ну да, — ответил он мне, — может, еще и цветочки на могилку положить? Мы какое получили приказание? Обследовать танк. Мы выполнили его? Выполнили. А что сказал капитан Лопатин, провожая нас? Возвращайтесь немедленно по выполнению задания. Так почему же мы с тобой тут задерживаемся? А о мертвом немце ты не волнуйся. Слышишь, вон уже доносится шум "похоронной команды"!".

Действительно, шум немецких танков приближался к нашей роще. Когда мы возвратились и попытались обо всем доложить капитану Лопатину, он не дослушал нас и приказал: "Быстрей, в машину!". Небольшая колонна штабных "полуторок" уже была выстроена на грунтовой дороге, опоясывающей рощицу. Впереди была легковая машина начальника штаба, а за ней пустой грузовик, в который начальник штаба и распорядился усадить нескольких красноармейцев. В маршрут нашего движения он, конечно, никого не посвятил по вполне понятной причине. В те дни по всей стране, а особенно в армии, была очень развита шпиономания. В каждом незнакомом человеке подозревали немецкого парашютиста, впрочем,

для этого были основания. В сторону нашего штаба ночью кто-то регулярно выпускал сигнальные ракеты, и это можно было объяснить только наличием переодетых лазутчиков врага в нашем тылу. Учитывая это, командиры старались не распространяться о перемещениях войск.

Погрузку на машины пришлось ускорить, так как грохот гусениц немецких танков слышался все явственнее. Колонна тронулась, довольно быстро проехала мимо деревни Грудиновка, а за нею и строений совхоза "Красный осоавиахимовец" и вытянулась на магистральной дороге. Машины двигались с выключенными фарами, а для ориентировки в темноте к заднему борту каждой был прикреплен развернутый газетный лист, который служил водителям ориентиром для соблюдения необходимого интервала.

Тем не менее, нас, по-видимому, заметили, и несколько танков погнались непосредственно за нами, а поскольку догнать они нас не сумели, то открыли беспорядочный огонь. К счастью, он не причинил нам никакого вреда. Когда наша колонна приблизилась к одной из развилок дорог, стало ясно, для чего следом за машиной начальника штаба следовала машина с красноармейцами. Полковник Ивашечкин приказал одному из нас спуститься и остаться на этом месте в качестве "маяка" — указывать всем следующим машинам, какую из двух дорог следует выбрать. Так постепенно, оставляя на пути такие "маяки", колонна выбралась из окружения. Когда солнце уже светило достаточно ярко, полковник "выдернул" из машины и меня, приказав то же, что и всем моим предшественникам. Я задал вопрос, как я узнаю, какая машина будет последней, на что он ответил: "А ты прояви солдатскую смекалку". И вот первые машины проследовали дальше, а я остался один. Слева от меня у какой-то деревни шел ожесточенный бой, мне были видны следы трассирующих пуль и разрывы снарядов. Я по дурости "маячил", стоя во весь рост и всматривался в ту сторону дороги, откуда можно было ожидать появление наших машин. Действительно, вскоре прошла одна, за ней еще две, а потом сразу три. Узнавал я их по номерным знакам, начинавшимся с определенной буквы алфавита.

Внезапно я услышал звук немецкого самолета, он снижался и явно устремлялся ко мне. Только тогда я сообразил, что "маячить" лучше лежа в придорожной канаве, но было уже поздно: он начал вести по мне огонь. Вот так немцы охотились в 41-ом году не только за колоннами и отдельными машинами, но даже за одиночным солдатом! Через некоторое время подъехала запоздавшая машина, и когда я спросил у шофера, движется ли кто-нибудь за ним, он ответил отрицательно. Пора было "проявлять сме-

калку", и я прыгнул в кузов и благополучно достиг места сосредоточения штаба и наших дивизий. А дальше продолжалось все в той же последовательности: опять временный оборонительный рубеж, опять бои и опять отступление... И так в течение всего 1941 года.

Особенно ожесточенно бомбили и обстреливали с воздуха немецкие летчики автомашины на магистральных дорогах. Их действия в военной обстановке были бы понятны, если бы речь шла только о машинах с военной техникой или с солдатами, идущими к передовой, но они так же безжалостно обстреливали и машины с большими красными крестами на крыше и бортах, не менее жестоко поступали и с толпами мирных беженцев, движущихся на восток от линии фронта. Немецкие самолеты налетали с запада и проносились над дорогой, не стреляя и не сбрасывая бомб, потом, удалившись на три-четыре километра, они внезапно разворачивались, максимально снижались и начинали обстрел из пулеметов и малокалиберных орудий, а также высыпали на наши головы сотни мелких бомб. Стремясь максимально деморализовать свои жертвы, немецкие пилоты нередко использовали придуманный ими необычный прием: один из "юнкерсов" набирал высоту и затем сбрасывал на землю какие-то большие предметы, которые неслись к земле, издавая жуткое, совершенно непереносимое завывание. Этот мощный звук заставлял людей предположить, что сейчас рядом взорвется авиабомба — в ужасе они покидали придорожные канавы или другие укрытия, а этого только и ждали фашистские стервятники, и расстреливали на бреющем полете обезумевших от ужаса бегущих людей. Опытные солдаты объясняли, что немцы в этих случаях сбрасывают всего-навсего продырявленные бочки из-под бензина.

В первые месяцы войны немецкая авиация действовала почти безнаказанно. 22-23 июня 1941 г. многие наши самолеты были уничтожены в результате внезапной бомбардировки аэродромов, а оставшиеся невредимыми истребители И-16 явно уступали в скорости, маневренности и мощности вооружения немецким "мессершмидтам-109". Это было ясно даже нам, красноармейцам наземных войск. Затаив дыхание, мы следили за воздушным боем. Наши храбрые летчики пытались атаковать "юнкерсы" и помешать им творить свое черное дело, но, увы, одной смелости было мало — подлетевшие "мессеры" без труда расправлялись с ними. Трудно было смотреть на трагическую картину воздушного сражения, чувствуя свое бессилие и отсутствие какой-либо возможности помочь нашим летчикам. Разве можно забыть, как они выпрыгивали из горящих самолетов и, успев раскрыть парашют, становились легкой мишенью для немецких самолет-

ных стрелков. Зато какую радость ощущали мы, пехотинцы, когда загорался ненавистный "мессер", подбитый нашими истребителями. Дружное "ура!" раздавалось в окопах и лесочках, бойцы на минуту забывали о собственных невзгодах и трудностях. Так продолжалось до ноября-декабря 1941 г., когда на фронт стали поступать "ЛАГи", а затем и "Яки", которые уже могли вести воздушные бои с немцами на равных.

Приходилось пользоваться подсказанной жизнью тактикой движения по дорогам: пока немецкие летчики тебя не заметили — гони со всей возможной скоростью. Даже когда кто-либо при виде "юнкерсов" кричал: "Воздух!", не следовало сразу же останавливаться, а можно было проехать еще несколько сот метров, пока не увидишь, что самолеты разворачиваются для атаки. Вот тогда — стоп-машина! — а все "пассажиры" — долой из кузова и заползают в любую ямку, канавку, просто складку местности. Отбомбившись, немцы улетали — можно было стремительно взобраться в кузов и проехать еще один-два километра до их возвращения. Увы, после каждого такого "броска" мы не досчитывались и нескольких машин, и нескольких товарищей. Но двигаться вперед было совершенно необходимо — таков был приказ! Нас ждала очередная линия обороны. Плохо только, что "Вперед!" означало по-прежнему "на восток"...

Однако и немцы с первых же дней войны не только несли значительные потери в живой силе и в технике, но, что было для них совершенно необычным, попадали в плен. На одном из допросов военнопленных мне довелось присутствовать в июле 1941 г. Я попал на него благодаря своему другу Игорю, бывшему студенту иняза, он хорошо знал немецкий и был нештатным переводчиком при нашем штабе. Именно он "подсказал" начальнику разведотдела, что меня можно использовать для снятия копий с топографических карт, отобранных у немцев. Начальник разведки корпуса сидел за небольшим складным столиком и просматривал личные документы пленных. Перед ним стояли двое: офицер в чине капитана (по-немецки гауптман) и рядовой. С первых же минут бросилось в глаза, с каким почтением немецкий солдат даже в плену относился к своему офицеру. Когда майор предложил им обоим сесть на ящики из-под артиллерийских снарядов, заменявшие табуреты, офицер поблагодарил и сел, а солдат продолжал стоять до тех пор, пока гауптман кивком головы не разрешил и ему это сделать. Майор объявил пленным, что советское командование гарантирует им жизнь и питание в плену. И это были не пустые слова: уже в первые дни войны специальным приказом для военнопленных немцев была установлена норма питания, хотя и ниже, чем для красноар-

мейцев, но почти не уступающая пайкам, которые получало население по продовольственным карточкам. Это даже вызывало возмущение многих из нас. Кроме того, в этом же приказе категорически запрещалось чинить самосуд над пленными.

Немецкий офицер, услышав слова майора, недоверчиво улыбнулся: он явно ожидал быстрого расстрела, о котором его, очевидно, предупреждали работники соответствующих отделов немецкой пропаганды. Поэтому майор повторил свои слова и подчеркнул, что они основаны на приказах советского командования. Вначале допрашивали солдата. Он охотно назвал фамилию, имя, место рождения, но когда майор задал ему несколько вопросов, касающихся его воинской части, солдат произнес очень странные слова: "На этот вопрос я буду отвечать только с разрешения господина гауптмана". Майор не понял и повторил через переводчика свой предыдущий вопрос, а когда понял смысл ответа солдата, добавил: "Почему? Вы ведь оба находитесь в плену". Ответ солдата был еще более наглым: "Когда война победоносно завершится, господин гауптман удостоверит перед фюрером, что он дал мне разрешение отвечать на ваши вопросы". У всех присутствовавших буквально зачесались кулаки от непреодолимого желания сбить спесь с этих чванливых завоевателей, но лишь майор сдержал себя и спокойно попросил переводчика разъяснить пленным, что советское командование гарантирует им жизнь только в том случае, если они будут себя вести в плену лояльно. Видимо, немцы его правильно поняли, и начали складно и подробно отвечать на все последующие вопросы. В карманах солдата находились две фотографии: на первой на фоне танка, похожего на тот, который подорвался на наших минах, расположилась группа людей в гражданской одежде. В центре на двух стульях сидели пожилые люди, по-видимому, его отец и мать, а он стоял между ними, обнимая их за плечи. На коленях отца сидела девочка, а на башню танка взобрался подросток, в руке которого был автомат, правда, без магазина. Он приложил оружие к плечу и имитировал стрельбу по воображаемому врагу. Надпись на обороте гласила: "Моя семья у моего танка". На второй фотографии была запечатлена солдатская койка в ряду подобных, на ней сидела женская половина персонажей предыдущего фото, а надпись была: "Моя любимая мама и сестра Эмма в спальне моей казармы". Я невольно вспомнил, что всего семь месяцев назад и моя мама посетила меня в топографической школе в Харькове. Она, как и все матери, поинтересовалась, где и в каких условиях спит ее сын, и поэтому попросила у дежурного разрешения пройти в казарму, постоять у моей койки. Разумеется, ей было

отказано из-за необходимости соблюдения военной тайны. Что уж говорить тут о фотографии ее или Цили с моим оружием! По-видимому, гитлеровское командование старалось внушить населению, что армия — неотъемлемая часть жизни всего немецкого народа, и танк, на котором будет воевать их сын, и его автомат — это "семейный танк" и "семейный автомат". К единению народа и армии стремились и в нашей стране, но совершенно иначе, не опускаясь до таких "бытовизмов".

В полевой сумке гауптмана были топографические карты с нанесенной "обстановкой", они-то и заинтересовали майора больше всего. Мне же интересной показалась небольшая книжечка под названием "Образцы вооружения Красной Армии. В ней были изображены силуэты всех наших самолетов, начиная от тяжелого бомбардировщика ТБ-3 и кончая истребителем И-16, который мы любовно именовали "ишачок". Там же были фотографии наших танков, в том числе сверхтяжелого КВ (Клим Ворошилов) и среднего Т-34, который только-только начал поступать в войска. Была сфотографирована полуавтоматическая винтовка СВТ-10 и новая модель противогаза, засекреченные до самого начала войны. Под каждой фотографией были приведены тактико-технические данные этого оружия. "Значит, разговоры о вражеской разведке, о необходимости "бдительности", — подумал я, — имеют под собой фактическое обоснование. Ведь кто-то все это высматривал и фотографировал!"

Несмотря на довольно большие потери в личном составе и технике, немцы все-таки упорно продвигались вперед, а мы отступали. Не следует думать, что мы отступали строго на восток: наши войска маневрировали, отходили то к северу, то к югу. Российские деревни и города сменялись украинскими, затем вновь российскими, да и граница-то между ними была весьма условна. Вот, к примеру, город Глухов и расположенная к северу Середина Буда — это Украина, а совсем недалеко, на расстоянии 20 километров, города Севск и Дмитриев-Льговский — это уже Россия. Тогда об этих границах никто не думал — то была одна страна, и был один народ, который нужно было защищать, не зависимо от республиканской принадлежности территорий.

Тяготы и трудности первого года войны способствовали тому, что мы, молодые красноармейцы, мужали значительно быстрее, чем это произошло бы при других обстоятельствах. Мы быстро раздались в плечах, наши гимнастерки стали тесноваты, пальцы приобрели светло-коричневый цвет и пахли махоркой. Даже быстрее прежнего стала отрастать борода! Во фронтовых условиях крепчал мужской характер, крепла особая фрон-

товая дружба и фронтовое братство однополчан. По существу, между нами не было секретов, и каждый знал о другом почти все и разделял с ним общие заботы и тревоги. Но почти у каждого был тот тайничок, в который он не допускал никого и который принадлежал только ему. У одних, подобно мне, то была подружка юности, у других — невеста, у третьих — жена, и каждого беспокоила, особенно по ночам, одна мысль: сохраняет ли тебе верность та женщина, которую ты выбрал себе в спутницы жизни? Кое-кому было легче, чем мне: они уже успели получить по одному, а то и по два письма и перечитывали их по многу раз, уединившись в какомнибудь укромном уголке. Мне, как и многим другим моим товарищам, не имевшим из дома никакой весточки, было очень тяжело. Именно поэтому, когда во фронтовой газете было напечатано стихотворение Константина Симонова под названием "Жди меня", оно привлекло внимание всех молодых красноармейцев. Его вырезали из газет, переписывали, учили наизусть, носили в нагрудном кармане или в сумке противогаза, при первом же удобном случае пересылали своим возлюбленным. Концовка стихотворения "ожиданием своим ты спасла меня" не только запомнилась всем, но и стала как бы мистическим заклинанием, в которое многие поверили...

Во время длительного своего отступления мы часто останавливались в придорожных домах. Гостеприимству хозяек не было предела! Они, как правило, сами солдатки, отдавали в наше распоряжение весь дом, а сами с детьми забирались на печь и уже оттуда давали советы, как лучше расположиться на ночлег, где взять солому для подстилки. А когда мы засыпали, при свете керосиновой лампы они до утра латали нашу одежду и пришивали пуговицы. Утром на столе для нас стоял чугунный котелок с только что сваренным картофелем, и когда мы уходили, горячо поблагодарив за ночлег, они напутствовали нас словами: "Возвращайтесь, родненькие, побыстрее, не оставляйте нас надолго под проклятым фрицем!".

В то время солдат фашистской армии уже перестали называть "немцами". Совершенно неожиданно, неизвестно по чьей инициативе, они все были переименованы во "фрицев". Почему именно это немецкое имя было выбрано в качестве нарицательного, никто не знал, но, подчеркивая ненависть и презрение, писали его с маленькой буквы: "фриц бомбит", "фриц свирепствует", "фриц драпает"...

В августе-сентябре 1941 г. я обратил внимание, что моя кожа, особенно по ночам, сильно зудит. Вначале я совершенно не понимал, в чем дело, но однажды на берегу небольшой речушки, решив искупаться, я разделся.

Когда я сбросил с себя сатиновую майку и трусы, то при ярком солнечном свете увидел вдоль всех швов какие-то белые точки, между которыми гнездились подвижные отвратительного вида насекомые. То были вши!

Я нисколько не стыжусь признаваться в этом, потому что в те месяцы фронтовики были завшивлены поголовно. Даже когда удавалось искупаться где-нибудь в реке или пройти санобработку, то достаточно было остановиться на постой в хате и поспать на соломе — кровожадные враги рода человеческого снова переползали на тебя со случайных соседей и набрасывались на мытое тело с удвоенным остервенением. Бывало, я просил хозяйку поставить в печь утюг и затем помочь мне прогладить им одежду. Потрескивание насекомых-кровопийц при соприкосновении с раскаленным утюгом доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие и вселяло надежду на избавление, но в борьбе с ними ничего не помогало, даже баньки "по-черному", которые мы растапливали до совершенно немыслимой температуры, при которой случайно прикосновение металлической пуговицы вызывало настоящий ожог. Что спасло нашу армию и гражданское население от эпидемии тифа, как это было в 1918 году, не знаю...

В конце августа 1941 г. произошло событие, которое чуть было не сыграло самую негативную роль не только в моей военной судьбе, но и во всей дальнейшей жизни. В ходе отступления мы переправились через небольшую речку по старому мостику и обосновались в лесочке. За штабом корпуса должна были переправляться наши дивизии. Между тем "фрицы", для того чтобы воспрепятствовать этой переправе, предприняли бомбардировку мостика. Пикирующие "юнкерсы", числом не менее 10-12, образовав в воздухе кольцо, по очереди сбрасывали бомбы. Бомбардировщики подобного типа получили название "пикирующих", потому что при бомбометании они переходили в пике, т. е. резко опускали нос машины и тем самым как бы прицеливались всем своим корпусом, затем, сбросив бомбы, они выравнивались и продолжали горизонтальный полет. На сей раз они бомбили достаточно бездарно и в злосчастный мостик никак не могли попасть. При выходе из пике "юнкерсы" проносились как раз над тем лесочком, в котором притаились мы. Видеть над собой низко летящие самолеты, низко настолько, что просматривались сквозь колпак кабины силуэты летчиков, а на крыльях сверкала свастика, было для меня нестерпимо. Я вскочил, приложил к плечу винтовку и успел сделать три выстрела. Я оказался не столь удачлив, как небезызвестный герой Твардовского Василий Теркин, и самолет не сбил, но несколько утихомирил свою ярость.

Когда самолеты отбомбились, так и не разрушив мостик, и улетели, види-

мо, для пополнения боекомплекта, вокруг меня собралось несколько однополчан, которые оживленно обсуждали происшедшее. Некоторые с видом знатоков упрекали меня за то, что я не учел скорость самолета и не сделал так называемое "упреждение", другие, наоборот, не менее авторитетно утверждали, что я сделал слишком большое "упреждение", короче, можно было подумать со стороны, что такие стрельбы по самолетам у нас проводятся ежедневно.

Во время этой "разборки" к нам подошел тарший лейтенант, оперуполномоченный особого отдела НКВД при штабе нашего корпуса. Все ждали, что он также включится в обсуждение вопроса о технике стрельбы по фашистскому самолету, но он лишь полюбопытствовал, кто именно из солдат совершил эти выстрелы. Я, грешным делом, ждал от него если не похвалы, то хоть какого-то одобрения, поэтому то, что я услышал, поразило меня вдвойне и лишило дара речи: "Ты зачем стрелял по самолету? Хотел демаскировать штаб корпуса? Может быть, ты и раньше этим занимался?". Он посмотрел на меня зло и неприязненно. Ребята окружили меня стеной, а комсорг попытался объяснить особисту, что я проверенный активный комсомолец, хорошо веду себя в боевой обстановке и стрелял по самолету из самых лучших побуждений. Продолжению этого разговора помешали снова прилетевшие для повторного бомбометания немецкие самолеты, но я понял, что с этого момента нахожусь "под колпаком" у особиста, а чем это обычно заканчивается, всем было хорошо известно. Неожиданную помощь мне оказал в этом деле сам Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин: через три дня после описанного происшествия в войска, в том числе и в штаб нашего корпуса, был прислан приказ за его личной подписью о том, что пехоте надлежит открывать по низко летящим самолетам противника огонь из всех видов оружия, включая даже личное оружие командиров, т. е. пистолеты. Конечно, после этого приказа особист не мог предъявить мне уже никаких претензий, но при каждой нашей встрече, тем не менее, продолжал на меня подозрительно смотреть.

К слову сказать, "особые отделы" в армейских соединениях просуществовали лишь до 1942 года. Затем они были преобразованы в отделы контрразведки "СМЕРШ" ("Смерть шпионам"). Логично было бы называть с этого времени сотрудников этого отдела "контрразведчиками", но армейские острословы окрестили их "смертниками", и это прозвище сохранилось за ними до конца войны.

Александр КРАЙНИЙ

Бабушка Саша

Из цикла "Образы прошлого"

Мне было пять лет. Кончался май 1944 года — предпоследнего года войны. Наша семья вернулась из эвакуации в Одессу, которую недавно освободили. Ютились мы в старой своей квартире, состоявшей из одной комнаты и примыкавшего к ней глухого "кубрика" площадью не более восьми квадратных метров. Это жилище располагалось на первом этаже прямо против Привоза и до революции использовалось под мелкий магазинчик, а "кубрик" был, скорее всего, складиком. Помню, однажды утром меня разбудил отец. Армия двигалась к границам Румынии, а его инженерная часть была оставлена в Одессе для восстановления береговых батарей. Широко улыбаясь, отец сказал: "Знаешь, кто к нам приехал? Бабушка Саша!". Потом, совсем проснувшись, я впервые увидел полную невысокую женщину с добрым круглым, покрытым мелкими морщинками лицом и добрыми улыбчивыми глазами. Ходила она, слегка переваливаясь на больных отечных ногах.

Моя бабушка, в девичестве Александра Игнатьевна Кириченко, уроженка городка Очаков, происходила из потомственной рыбацкой семьи и едва умела писать. Вся ее жизнь до последнего вздоха прошла в заботах о близких и нелегком труде. Как сказал мне лечивший ее врач, "последние годы она жила лишь работой".

...В семье было пять сестер и один брат. Хотел прадед Игнатий выучить сына, да у того учеба не пошла, остался он на всю жизнь, как и его отец, рыбаком. А на учебу сестер денег уже не хватало. До замужества бабушка вместе с другими выходила на шаланде в море "по чирус и ставриду". Была бабушка в молодости красивой. К слову, и остальные сестры тоже были, как теперь говорят, "в порядке". И трое из пятерых поэтому весьма удачно вышли замуж. А она приглянулась потомку запорожских казаков, которые в свое время основали Славяно-Сербку, Ивану Павловичу Крайнему. Был он из семьи крестьян-погорельцев, работал с юных лет в Луганске, где окончил вечерние классы. Природа наградила его каллиграфическим почерком и врожденной грамотностью. Поэтому, попав на военную службу в крепость Очаков, он был замечен и произведен в писаря. Окончив военную службу, уехал домой на Донбасс, но вскоре вернулся, пошел на сверхсрочную и женился на бабушке Саше. У меня хранится

его вид на жительство, где в 1907 году сделана, церковная запись "...Повенчан первым браком с очаковской мещанкой Кириченко Александрой Игнатьевной...". И все у бабушки начиналось хорошо. Она родила мужу трех прекрасных сыновей, муж не пил, не курил, никогда не повышал голос. Служба у мужа тоже складывалась неплохо. Начальство присмотрелось к нему, оценило его способности и положительные качества, и в канун Первой мировой войны он был отправлен на курсы офицеров инженерных войск. За три года войны он дослужился до штабс-капитана. Ему доверяли ведение работ на о. Первомайском, на минной батарее...

Грянула революция. В Москве, Петрограде, Киеве поменялась власть, а в Очакове оркестр каждое утро исполнял "Боже, царя храни", и поднимался триколор. Потом к Очакову подступил Григорьев со своими "революционными" формированиями. После недолгого сопротивления гарнизон крепости отступил на Одессу и самораспустился. Дед некоторое время служил у красных, но потом "великие" очаковские революционеры Чижиков и Цукуренко начали третировать его как бывшего офицера, и он от греха подальше сбежал к белым. Чего добивались эти выходцы из люмпенов — неизвестно. Ведь большая семья бабушки не имела в тот момент даже своего угла, а располагалась в доме мужа ее сестры Феодосии...

Если бы не дети, которые, слава Господу, "удались", личная жизнь моей бабушки — одна из самых трагичных, которые повстречались на моем жизненном пути. А какой силой духа нужно было обладать, чтобы все пережить, устоять, не поддаться... Дед Иван Павлович шлет к ней посыльных и просит взять детей и выйти в море на шаланде за Кимбурнскую косу, где их будет встречать белый миноносец. Бабушка отказывается. Либо очень уж у нее были глубокие корни на своей земле, которые трудно вырвать, либо побоялась она пускаться в море с тремя малолетками, младшему из которых было всего пять лет. А может, ей нашептала это природная интуиция: дома, как говорят, и стены помогают, а что бы она, неграмотная рыбачка, делала, оказавшись с тремя детьми за рубежом?

Первый ее муж, Иван Павлович Крайний, был расстрелян "красно-зелеными" после взятия Феодосии вместе со всем инженерным управлением армии Врангеля. Бабушкина приятельница Вера Михайловна Воробьева была при своем муже в Белой Армии, и расстрел офицеров происходил на ее глазах. По ее словам, Иван Павлович принял смерть мужественно. Бабушка осталась одна с тремя детьми. Старшему из них было одиннадцать, младшему — шесть. Она никогда не рассказывала, не жаловалась, как ей было трудно. Но ее старшая сестра Степанида, которая так

и не вышла замуж, а всю жизнь состояла при трех своих племянниках, бывало, со слезами говорила: "Как она работала! С ночи до ночи! Она таскала на себе тяжелые мешки с картошкой из Бейкуша, Анчикрака, чтобы кормить хлопцев...". Я уже писал, что бабушка была хороша собой, помимо этого простая рыбачка обладала природным тактом и шляхетностью. А как красиво она держалась та столом!

Начался нэп. На бабушку обратил внимание одесский предприниматель Василий Алексеевич Голиков. Он владел кондитерской фабрикой на углу Пантелеймоновской и Пушкинской, в помещении этом сейчас располагается супермаркет "Приморье". Несколько лет нэпа были для бабушки передышкой. За это время старший Константин окончил школу и уехал на Донбасс зарабатывать пролетарский стаж. Пройдя суровую подземную школу, один раз проведя в завале под врубовой машиной почти сутки, другой раз — более трех в затопленном помповом отделении, из которого путь на поверхность был отрезан, отслужив в Красной Армии, он вернулся в Одессу и окончил Политехнический институт. К концу трудовой деятельности он стал директором завода в Тамбовской области, где выпускались ракеты класса "земля-воздух". Константин Иванович прекрасно играл на гитаре. Когда он попал в завал, его приятель взрывник сказал: "Эх, а хто ж будэ граты нам на гитари?". Израсходовал месячный запас тола и добрался до Константина Ивановича. Уже в солидном возрасте Константин Иванович самостоятельно освоил фортепиано и всегда исполнял на нем только украинские песни. Но после донбасской школы у него всю жизнь подергивалась нижняя губа.

Средний брат Александр бредил о море, но из-за сомнительного происхождения не был принят на судоводительское отделение мортехникума. Тогда, поработав, поднабрав рабочего стажа, окончил в Одессе строительный институт, потом попал в армию, начало войны встретил офицером-сапером на западной границе, отступал до Кубани, а в 1943 году получил тяжелейшее ранение под Ростовом и на всю свою недолгую жизнь остался инвалидом. После войны до конца дней преподавал в строительном институте. У Александра Ивановича был один крупный недостаток. Он говорил правду. В советские времена правда, как известно, всегда имела розовый оттенок, а в его правде таковой начисто отсутствовал. За это в 1938 году он был арестован. Заложил Александра Ивановича его приятель, однокурсник, который в буквальном смысле дневал и ночевал в нашей семье. Однако дядюшке фантастически повезло. Во-первых, попал к хорошему следователю, что в те времена было чрезвычайной редко-

стью, а во-вторых, "шлепнули" Ежова, пришел Берия, в начале власти которого ряд дел был закрыт, а часть арестованных выпустили. Дядюшка отсидел всего несколько месяцев.

Младший брат Сергей тоже набрал рабочий стаж и закончил Одесский мортехникум, гидротехническое отделение. Руки у него были золотые. Учась в мортехникуме, он подрабатывал мелким ремеслом: ремонтировал дверные замки, делал ключи к ним, плотничал.

А муж бабушки Василий Алексеевич Голиков был в конце 20-х годов экспроприирован, хорошую квартиру у него отобрали, и он вместе с бабушкой, детьми и ее сестрой Степанидой перебрался в бывшую лавку с "кубриком". Работал он теперь чернорабочим, перевоспитывался. Бабушка не бросила его, не отвернулась, но опять вынуждена была перебраться в Очаков. Как бывшего буржуя туда Василия Алексеевича не пускали, ведь городок и при советской власти числился крепостью. Опять бабушка работала с утра до ночи, чтобы поддержать одесситов, в том числе Василия Алексеевича. Приезжая в Одессу, привозила неподъемные сумки со съестным. В 1938 году Василия Алексеевича как не перевоспитавшегося взяли, и он исчез без следа. Заложил его все тот же сокурсник Александра Ивановича. А бабушка лишилась второго мужа. Не знаю, как она перенесла этот удар, но она никогда не прикладывалась к рюмке, не курила. Вот чай она любила до самозабвения. У нее была огромная чашка, и вечером после рабочего дня она выпивала не менее трех. Даже когда врачи запретили ей потреблять много жидкости, она раздобыла где-то другую чашку с толстенными боками, внутренний объем которой был гораздо меньше, но общий вид оставался впечатляющим.

Накануне войны мой отец был призван во флот и участвовал в обороне своего родного Очакова. Что греха таить, во время нашего сумбурного отступления, несмотря на общий патриотизм, многие военнослужащие на фоне общей неразберихи разбегались по домам. Но у бабушки даже мысли не возникло после всего того, что сотворила с ее личной жизнью советская власть, уговорить младшего сына остаться дома после ухода наших войск из Очакова. Она только сняла со стены образ Божьей матери и благословила его. Мой отец отступил с гарнизоном на Кинбурн, а позже, став неожиданно старшиной госпитального катера, который был переоборудован из рыбацкого дубка, — на Керчь. Еще позже, поскольку офицерский корпус нуждался в пополнении, его послали на курсы, учтя гражданскую специальность строителя. Окончив их, он до конца войны служил в инженерных частях Черноморского флота... В этот раз судьба была благосклонна к бабушке. Все ее три сына остались живы.

Бабушка владела половиной глинобитного дома из четырех комнат и зимней веранды. Эта половина досталась ей от ее родной сестры Феодосии, которая тоже весьма удачно вышла замуж за потомка древнего литовского рода Довойно, правда, дворянин был старше ее, по официальным данным, на 34 года. Дядя Александр Иванович рассказывал, что Довойно сбежал подальше от Вильнюса после участия в националистическом движении, устроился на работу в местное отделение банка. Деньги, по всей видимости, у него водились, он приобрел дом из восьми комнат, половина которого была продана с наступлением тяжелых времен, а половина осталась в распоряжении бабушки после того, как зятя ее сестры Феодосии, офицера Красной Армии, перевели служить на Кавказ, и старики вместе с дочерью и внуком переехали в Батуми. Во время войны на попечении бабушки находилась несовершеннолетняя дочь Константина Ивановича Лиля. Родители отправили ее из Донбасса на летнее море, а тут война...

При оккупационных властях бабушка устроилась поваром в румынскую офицерскую столовую. Надо сказать, что кулинаром она была отличным. Плюс, вероятно, основательно подучилась кондитерскому делу, когда жила со своим вторым мужем. И, насколько я помню, до тех пор, пока не слегла окончательно, выполняла заказы по выпечке тортов всему Очакову. На День Военно-морского флота она делала большие красивые торты для Очаковской ВМБ. Помню, на одном торте она изобразила торпедный катер в бурунах пены. Правда, всегда просила меня проверить грамотность надписи. Один раз, приготовив огромный свадебный торт, она позвала меня, и я прочел: "Новобрачным счастье в сруки!". Буква "с" в последнем слове оказалась явно лишней. Бабушка застенчиво посмеивалась... У бабушки была своя "коптельня", маленькая глинобитная пристройка к летней кухне. Она здорово коптила скумбрию, ставриду, осетровых, домашние колбасы... Может быть, это только воспоминания о детстве, но до сих пор мне кажется, что никогда в жизни я не пробовал более аппетитных копченостей.

Итак, бабушка в оккупации не бедствовала. К ней с уважением относились румынские власти. Как-то я подслушал рассказ бабушки своей сестре, что нагрянуло в Очаков высокое начальство с проверкой гарнизона, и румынский генерал жал ей руку и лично благодарил за отлично накрытый стол. Я был в те времена воспитан в архипатриотическом духе, поэтому спросил однажды бабушку: "А ты не могла подсыпать им яда?". "Ты что?! — испугалась она. — Знаешь, что бы мне за это было?!"

Не помню, как она в свой первый послевоенный визит сумела добрать-

ся до Одессы. Ведь прошло менее двух месяцев со дня освобождения, и никакого регулярного транспорта не было. Она забрала меня и мать моей матери, т. е. вторую мою бабушку Веронику Васильевну, и мы поехали в Очаков набираться сил. Первое мое путешествие морем в Очаков шло на "морском охотнике". Нас пристроил на него командир Очаковской ВМБ контр-адмирал Александр Мечников, который снимал в бабушкином доме две комнаты. С тех пор я считаю Очаков своей второй родиной...

У нашей семьи не было глубоких корней в Одессе. Тогда, в конце сороковых, на одесских кладбищах не лежало ни одного нашего родственника. Поэтому впервые в жизни я побывал на кладбище, тихом чуть ли не сельском кладбище, очаковском. Бабушка в течение лета минимум дважды посещала могилы своих родителей. Она расстилала на высохшей, покрытой скудной травой земле кусок рядна, присаживалась, задумывалась. Стрекотали кузнечики, в прозрачном знойном воздухе неслись голоса птиц... Вообще, бабушку нельзя было отнести к разговорчивым людям. Она всегда больше слушала. На кладбище она выглядела печальной. О чем она вспоминала? Может, это была ее дань погибшим и неизвестно где и как похороненным мужьям? Я никогда не задумывался и не расспрашивал бабушку о ее детстве, о ее родителях. Теперь можно только жалеть об этом. Пусть и простые прадед и прабабушка были люди, но ведь, если у них вырос ребенок без пороков и вредных привычек, значит, есть причина этому... А прадед мой, вероятно, был расстроен, когда родилась очередная девочка, хоть и была она прелестна...

В 1941-1944 годах часть Очакова занимали румыны. Люди они были покладистые. Очаковские хлопцы, на несколько лет старше меня, рассказывали, что можно было наблюдать и такую картину: дед с палкой гонится за румынским солдатом, а тот улепетывает по баштану с двумя арбузами под мышкой, с болтающимся за спиной карабином. Правда, слободской район Очакова занимала немецкая часть, а там мужики были строгие, вольностей не допускали, могли и побить за самовольство либо пререкания, в общем, вели себя как натуральные оккупанты. Уровень жизни на момент моего первого приезда в Очаков был по сравнению с другими неоккупированными районами Советского Союза очень высок. Еды было полно. В Очакове люди, вернувшиеся из эвакуации, отъедались. Однако советская власть быстро навела порядок. Приехав к бабушке на следующее лето, я помню, что на местном молзаводе уже вместо молока давали по талонам "маслянку" или "перевийку". Однако такой голод, как был в других районах Украины в 1946-1947 гг., Очаков миновал. Это городок рыбаков, а рыба, пусть даже плохо, но ловится всегда.

У бабушки на двоих с соседями был огромный сад-огород, где росло несколько абрикос, пару кислых вишен, пару слив и груша. Почва в Очакове бедная, с водой плохо, поэтому огород был худой. Помню, рос лук, немного мелкой картошки, кабак. Роясь в огороде, я находил остатки турецких глиняных курительных трубок, осколки керамической посуды. Ведь Очаков со второй половины 18 века был турецкой крепостью...

Бабушка по своему складу не была ни садоводом, ни огородницей. Но работала она в буквальном смысле от зари до зари. На базар она собиралась, едва начинал брезжить рассвет. Став постарше, я, бывало, шел ей помогать, а бывало, встречал, когда она возвращалась с полными корзинами. "Бабу Сашу" знал весь Очаков. Позже, когда ноги совсем разболелись, она просила кого-нибудь поднести ей корзины. Ее сопровождали поэтапно. Один пройдет с ней квартал, бабушка присядет, отдохнет, попросит другого попутчика — еще квартал — и так до дома. Потом бабушка начинала готовить пищу. Завтрак у нас обычно был легкий. Правда, на столе могла быть черная икра. Родственники-рыбаки тайком подбрасывали и икряных осетров. А так — густая сметана, масло, ряженка, яйца отварные, творог, брынза. Обед и ужин не отличались разнообразием гарниров. Бабушка, правда, любила кашу по-рыбацки. Раз приехав к бабушке на весенние каникулы, я навсегда запомнил, как она аккуратно, с удовольствием доставала из пшена распаренные кусочки бычков и неторопливо смаковала их, словно впитывая живительный нектар. Может, в этот миг перед ее глазами проносились картины рыбацкой молодости... Но на обед и на ужин у нас всегда была рыба в разных вариациях: копченая, жареная, вареная, тушеная, соленая. Калкан, глосса, скумбрия, судак, осетрина, ставрида, бычки, анчоус... Конечно, бывали и куры, и утка, и гусь, и котлеты, и тефтели, но, в общем, мясо было не часто. А вот вареники с творогом, с вишнями, плацинды с кабаком, т. е. разнообразное тесто, бабушка готовила. частенько. Кстати, ленивые вареники с творогом я впервые попробовал в Очакове. Бабушка много и разнообразно пекла. Помимо вышеупомянутого были и пирожки, и коржи с маком, и печенье, и пироги с разнообразными начинками, и вертуты — всего и не упомнишь. А какие она делала пасхи! Я помню, что последние не черствели и не плесневели, по крайней мере, три недели после праздников. Она всегда привозила или передавала их в Одессу. Сырную пасху первый раз я попробовал тоже в бабушкином исполнении. А из абрикос и вишен она готовила такую уйму варенья и повидла, что даже родичи не успевали все съесть до следующего сезона.

Казалось бы, что проще сварить обед для себя и внука, который, к тому же, страдал отсутствием аппетита. Но летом у бабушки почти всегда был полон дом гостей, и готовить приходилось предостаточно.

И очень часто, почти ежедневно, поступали заказы: сделать торт на столько-то яиц, закоптить окорок, осетрину, спечь хрустики и т. д. Конечно, бабушке за это платили. Но она, получив деньги, могла сунуть их куда угодно, а потом забыть. Я находил эти трешки и пятерки в самых неожиданных местах. Под скатертью, в книгах, под вазой с цветами, в наволочке, за зеркалом... Бабушка была очень хлебосольна. Помню, на одной расхожей деревянной тарелке для хлеба была вырезана надпись по-польски: "Чем хата богата — тем рада". У бабушки во времена моего детства систематически объявлялись одна-две бедные, несчастные, одинокие старушки, которых она подкармливала. А родственников у нее и кумовьев было чуть не половина Очакова. Первые годы, когда я приезжал один, каждый вечер у бабушки собирались чаевничать старые приятельницы. Было им в ту пору едва по 60 лет. Помню веселую тетю Пашу Приступу, которая часто брала меня с собой на баштан. Они с бабушкой в шутку называли себя подругами. Тетя Паша была первая, кто, приехав в Одессу, сказал, что бабушка стала терять силы и уже не та. Теперь она уже не бегает целый день из кухни в хату, из хаты в сад, а больше сидит или ложится отдыхать.

У бабушки всегда были квартиранты. Сперва она сдавала две комнаты из четырех. Потом одну, самую светлую и просторную. В последние годы не было никого. Снимали у нее комнаты совершенно разные люди, но все больше военные семьи. Конечно, многих из них, которые жили у бабушки не один год, я хорошо запомнил. Я уже говорил о командире Очаковской ВМБ контр-адмирале Александре Месникове, дяде Саше. Еще продолжались боевые действия на всех фронтах, а он поселился у бабушки с женой тетей Валей. Не помню отчества дяди Саши, но грудь его была увешена наградами. Человек он был веселый, общительный, добрый. Кажется, у них с тетей Валей не было детей. Возможно поэтому ко мне он относился прекрасно. А бабушка ладила со всеми квартирантами вне зависимости от возраста, рангов и национальности. У нее в свое время проживали три еврейские офицерские семьи. Первую семью я плохо запомнил, только их дочку, рыженькую девочку моего возраста, Мару. Глава второй семьи, майор Яков Маркович Зелихман, был начальником снабжения Очаковской ВМБ. Бабушка его очень хвалила как отличного хозяйственника, много сделавшего для улучшения быта и питания моряков. У него были две дочери, Майя и Рада, на три-четыре года старше меня.

Последняя — семья Краковских. С этой семьей у меня сложились очень теплые отношения, когда я служил на Северном флоте. К тому времени подполковник медслужбы Яков Леонович, совсем молодым попав на войну, имеющий боевые награды, был переведен дослуживать свой срок в Мурманск. Отличный врач, он много сделал в свое время для поддержания здоровья бабушки. Доверяла она ему как врачу исключительно. Я не был с ними знаком, когда они жили в Очакове. Вероятно, это был период моих курсантских лет. Но там, в Заполярье, я был их частым гостем. В семье Краковских тоже росли две дочери, Нина и Лена, они были значительно младше меня. Почему у бабушки снимали квартиру так много еврейских семей? По-видимому, из-за ее демократичного склада характера. Все-таки, подавляющее большинство населения Очакова — украинцы. Зачем лукавить, есть у многих щирых украинцев врожденная неприязнь к евреям. Я помню, как примахивались парни в Очакове на танцплощадке к моему старшему брату, москвичу Игорю Хохлову за его якобы еврейское происхождение, хотя у Игоря не было ни одного семитского признака, только, разве что, он обладал густой черной шевелюрой. А бабушка всегда была очень деликатна. И вот еще... Я не могу вспомнить ни одной ее серьезной ссоры с соседями по дому. Половину его занимали две родственные семьи Стацюра и Швец. С их сыновьями я дружил, нам делить было нечего. А бабушка еще, по-видимому, обладала христианским даром всепрощения. Ведь нам, славянам, прожить в одном дворе, фактически под одной крышей десятки лет и не разругаться — это что-то сверхъестественное.

В последние школьные годы я стал реже бывать в Очакове, уже не приезжал, как раньше, на все лето. Вначале причиной этому было появление у отца новой семьи, потом начались курсантские годы, плавпрактики. Да и в Очакове уже не было для меня так интересно, как в детстве. Бесспорно, влекло туда, но через некоторое время становилось скучно. В Одессе были друзья, более близкие по духу, а очаковские хлопцы могли меньше бездельничать, т. к. во всю помогали своим родителям. Ведь городок так и оставался большой деревней... А бабушка звала к себе и говорила: "Можешь приезжать с товарищем". Последний раз я видел бабушку за год до ее смерти. Мы приехали с отцом буквально на два дня. Было начало апреля. Уже более двух лет с ней жила старшая сестра Степанида, перевезенная из Одессы доживать свой век. Дом бабушки словно оглох, стены комнат пропитались старостью. Бабушка расплакалась: "Вы все не хотите знать, какая я больная"... Потом успокоилась и, собравшись с сила-

ми, приготовила обед, и конечно, как всегда, завернула что-то на обратную дорогу. Вскоре я ушел в рейс на теплоходе "Белорецк", а через год, в апреле, когда судно стояло на выгрузке в Египте, получил от матери радиограмму о бабушкиной смерти на 76 году жизни. Умерла она на руках тети Ани, жены среднего сына Александра, мотавшейся много месяцев из Одессы в Очаков. Только она одна из всех невесток, человек исключительно отзывчивый, добрый, бывшая военная медсестра, отдала уйму своих сил и времени, ухаживая за больной бабушкой. Перед смертью бабушка сказала ей: "Теперь, Аня, я вижу, что значит дочка"... Отец перевез и похоронил ее в Одессе. И до сих пор с фотографии на памятнике мне чуть улыбается старая женщина с добрым лицом... Конечно, такие люди заслуживают лучшей судьбы, но Бог послал ей испытания...

Я смотрю на шикарные памятники крутых парней, рано ушедших в мир иной, и думаю: "А хватило бы у вас мужества и сил, потеряв двух мужей, поставить на ноги трех сыновей, не имея ничего кроме своих умелых рук, трудолюбия, широкой души и доброго сердца?" Хотя это тоже от Бога.

Неизвестный рассказ Виктора Некрасова об Одессе

В киевском музее М.А. Булгакова 20 ноября 2004 года, накануне именин автора "Белой гвардии" и дня Михаила Архистратига, покровителя города, открылась выставка "Возвращение в Дом Турбиных", посвященная писателю-фронтовику В.П. Некрасову (1911-1987). Выставка приурочена к 30-летию со дня его отъезда в эмиграцию. В 1967 г. Некрасов открыл "городу и миру" этот дом, в котором в начале XX века проживала семья Булгаковых ("Новый мир", № 8).

Когда Некрасов уезжал, на таможне произошел нелепый, оскорбительный, но характерный для того времени эпизод, о котором писатель вспоминал в книге "Взгляд и нечто" (1977), написанной в эмиграции: "Все те же полковники не разрешили мне взять с собой медаль "За оборону Сталинграда". Нету, мол, соответствующего разрешения — оно, как назло, куда-то запропастилось. Медаль эта все-таки мне дорога, и только когда я, разозлившись, проявил находчивость и пришпилил ее к "Окопам Сталинграда", полковники развели руки".

Так родина прощалась с писателем-фронтовиком, участником Сталинградской битвы и лауреатом Сталинской премии, так писатель прощался с родным городом, которому он посвятил многие свои произведения. Действительно, нет пророка в своем отечестве.

На открытии выставки выступили деятели культуры, друзья и знакомые писателя — В.Л. Скуратовский, Л.С. Танюк, В.Н. Кузнецов, Е.В. Завгородняя, А.Е. Парнис и другие. Организаторы выставки (ст. научный сотрудник Т. Рогозовская и художник Б. Губианури) поставили перед собой трудную задачу — нужно было показать все ипостаси Некрасова. До того как стать профессиональным литератором, он начинал как архитектор, несколько лет проработал в театре как артист и художник, а после войны работал журналистом и написал несколько сценариев для художественных и документальных фильмов. Организаторам выставки пришлось начинать практически с нуля, архивных материалов писателя в Киеве почти нет. В январе 1974 г. у Некрасова во время обыска, который длился почти двое суток, изъяли семь мешков документов, рукописей и книг. На мой запрос в СБУ о судьбе этих материалов ответили, что все уничтожено.

В одном из выступлений на вернисаже было сказано, что нашу жизнь

и историю диссидентского движения второй половины XX века будут изучать не только по историческим трудам и изданиям "Мемориала", но и по книгам Некрасова.

В своих книгах, написанных в эмиграции, — а это был уже стилистически "другой" Некрасов — он, можно сказать, продолжал свою главную тему — строительство мостов между Востоком и Западом. Кроме того, писатель неожиданным образом выступил также и в качестве футуролога. В книге "По обе стороны Стены" (1978) он с горечью писал, что связь с родным Киевом полностью прекратилась, оттуда "не доносится ни одного голоса". Но он верил, что наступят "новые времена", и у него есть две-три мечты — "мы народ романтиков", — которые должны стать реальностью. О первой мечте он рассказал словами берлинского экскурсовода, обращенными к туристам: "Перед вами остатки того, что называлось когда-то Стеной позора. Сейчас ее нет, но кусок ее, как некое напоминание и предостережение, решено сохранить, законсервировать". Далее группа туристов отправляется на не совсем обычную выставку "Сталин и Гитлер, искусство одной эпохи". О второй мечте идет речь в рассказе о пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 22 июня 198? (так у В. Н. — **А. П.**) года. После доклада генерального секретаря партии постановили: "Учитывая сложившуюся ситуацию — выполнять больше нечего, все выполнено, — считать существование коммунистической партии нецелесообразным и нерентабельным, а потому распустить ее". Была еще третья мечта, но так как в связи с опубликованием информационного сообщения пленума ЦК о роспуске партии все упились, в том числе и автор книги, он никак не мог вспомнить о ней. Очевидно, об этой третьей мечте он говорил год назад в книге "Взгляд и нечто": "Вышел на Лубянку, или, как она в мое время называлась, на площадь Дзержинского. Посмотрел налево, все честь честью, "Детский мир", направо — Политехнический музей. Посмотрел прямо. А где же Железный Феликс? Нет его. Вместо него скверик, а в скверике столб, кол. А на колу мочало...".

И еще об одном пророчестве писал Некрасов в той же книге — о том, что Украина станет независимой, и что для поездки в Киев нужно будет получать визы...

В эмиграции Некрасов вернулся к журналистской деятельности (после войны, до получения Сталинской премии, он два года работал заведующим отделом в газете "Радянське мистецтво"). Он часто выступал по радио "Свобода" ("клеветал", по его определению), печатал статьи в русскоязычных газетах "Новое русское слово", "Русская мысль", "Новый американец", несколько лет был заместителем главного редактора журнала

"Континент". Писатель откликался на все интересные события в литературе и в политике, писал рецензии на вышедшие книги, рассказывал о путешествиях, печатал воспоминания о диссидентах и друзьях, оставшихся на родине и, разумеется, часто возвращался к главной теме — теме войны. В одном из интервью, данном за два года до смерти, он сказал: "Я пишу здесь, но живу я там". Его публицистические статьи о литературе, искусстве, политике, воспоминания о войне до сих пор не собраны.

Среди малоизвестных статей Некрасова есть несколько текстов, связанных с Одессой. Например, очерк "Одессит есть одессит", напечатанный в "Русской мысли" 12 июля 1984 г. За четыре месяца до смерти он написал статью о М. Жванецком "Давайте поговорим о смехе", которая, кажется, не публиковалась, она сохранилась в парижском архиве писателя. Некрасов участвовал в освобождении Одессы и в 1984 г. написал об этом мемуарный очерк, который здесь публикуется впервые. Машинописный текст этого очерка находится в архиве Некрасова в Центральном архиве литературы и искусства в Киеве.

Александр ПАРНИС

Виктор НЕКРАСОВ

Сорок лет со дня освобождения Одессы

10 апреля 1944 года войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского ночным штурмом при содействии партизан овладели крупным морским портом и железнодорожным узлом городом Одесса. Так звучало очередное сообщение Совинформбюро.

В ночном штурме я не участвовал и не очень уверен, что он был, но в какой-то степени в освобождении крупного морского порта и железнодорожного узла участие принимал.

В то солнечное весеннее утро я вступил на Дерибасовскую и Ришельевскую не в первый раз. Бывал в Одессе и раньше. Относился к ней, как истый киевлянин, естественно, с определенным предубеждением. Киев и Одесса спокон веков если и не враждовали, то соперничали. Каждый считал себя выше другого. "У нас море! — хвастались одесситы. — Лучшее в мире Черное море!" — "А у нас Днепр, — парировали киевляне, — воспетый еще Гоголем, с лучшим в мире речным пляжем. А Крещатик? Чего

стоит один Крещатик?" — "Ха-ха, — переглядывались одесситы, — Крещатик... А вы были когда-нибудь на Дерибасовской? Нет? Тогда молчите... А наш Оперный театр? Второй в мире после венского. А? А Бабель, Багрицкий, Катаев, Ильф и Петров — все они одесситы..." — "И Паустовский и Булгаков тоже одесситы? — иронизировали киевляне. — И вообще, мы мать городов русских..."

Споры эти продолжаются до сих пор, хотя Одесса давно уже потеряла свой вольный, бени-криковский, остап-бендеровский дух, а Киев, став столицей, во многом обогнал провинциальную Одессу.

Мне повезло, я еще застал нэповскую Одессу. Но, будучи мальчишкой, не мог, к сожалению, пользоваться истинными ее благами — в рестораны и всякие там рулетки ходу мне не было, приходилось ограничиваться киношками и пляжами.

К величайшему же нашему, освободителей, удивлению и, добавим, радости, апрельская сорок четвертого года Одесса встретила нас духом забытого прошлого — бесчисленным количеством "бодег", иными словами, кабаков. И скажем прямо, мы не так уж старательно их обходили.

Одесса оккупирована была не немцами, а румынами — только последние недели хозяйничали в ней немцы — и, как с присущим им юмором утверждали одесситы, морально было, конечно, тяжеловато, но жить было можно. Они ж не фашисты, они элементарные жулики и спекулянты, эти румыны. Воевать не любят и не умеют, а вот спереть, что плохо лежит, большие специалисты. Нет, не грабили, воровали. И, вообще, не злые. Детей любили, конфетки давали.

Особенно нас поразило, когда мы вошли в Одессу, это обилие молодых здоровых ребят. За прилавками крохотных магазинчиков, у стоек тех самых бодег-кабаков, да и просто без дела валандающихся по улицам. Всех их на третий-четвертый день взяли в армию, и кое- кто из них впоследствии не так уж плохо воевал.

Военные историки утверждают, что так называемая Одесская операция 1944 года длилась с 26 марта по 14 апреля, иными словами, почти три недели. Нам же, освободителям, казалось, что каких-нибудь два-три дня. За почти три года войны мы отвыкли от городов — после сталинградских слепых блиндажей нам украинские хаты казались хоромами, а деревенские сало, молоко и сметана — лукулловским угощением, — здесь же, в Одессе, хитроглазые одесситы в своих бодегах угощали нас настоящей копченой колбасой, голландским сыром и свежей, хрустящей арнауткой, вкус которой мы давно уже забыли. Был, конечно, и кофе. О других на-

питках, покрепче, не говорю уже. Благодаря им-то три недели и показались нам тремя днями.

Кстати, о кофе. К моменту, когда мы, наконец, обнаружили друг друга — после второй бодеги мой славный 88-й Гвардейский саперный батальон расползся по всему городу, и даже исполнительный начштаба Щербаков не в силах был его собрать — так вот, когда потерявший меня верный мой Валега обнаружил меня спящим на какой-то пустой даче, он, малость поворчав, доложил все же:

— Слыхал я, товарищ капитан, что вы любитель кофе. Так вот, нашел я у немцев целый мешок этого самого кофе. Если хотите, могу сварить.

— Свари, свари, Валега, люблю.

И он пошел варить. Варил что-то очень долго.

— Ну, как у тебя там кофе? Долго еще?

Он растерянно развел руками.

— Варю, варю, товарищ капитан, а оно никак не разваривается.

Оказывается, милый мой оруженосец усиленно варил в своем котелке не молотый кофе, а в зернах...

— Кто ж его знал, — ворчал он зло, раздосадованный. — В первый раз ведь вижу. Иди догадайся....

Много смеха вызвал и сухой лимонад, в порошке. Солдаты обнаружили целый вагон, набитый какими-то бумажными пакетиками. Не раздумывая, высыпали содержимое, желтый порошок, в свои пасти. И порошок запенился. Только потом кто-то догадался, что его надо в воду и размешать.

— А что если яд? — орал на них все тот же Щербаков. — Порошки жрут, гады. Видишь в первый раз — спроси. Нет, сразу же в глотку...

Кроме вагона с лимонадом и кофе обнаружен был и шоколад, и какао, и мясные консервы, короче, когда всех удалось в конце концов собрать, у каждого солдата за спиной или в руках был сидор величиной с дом, и не расставались они с ними, потом уж пополняемыми в селах, до самого Днестра, куда мы пришли только в начале мая.

Ну, а Одесса, сама Одесса, какое она на нас произвела впечатление? Прекрасное! И не только из-за бодег. Город почти не разрушен, так, две-три случайные развалины, оперный театр — тот самый, второй после венского — на месте, Дерибасовская полна жизни, на Приморском, ныне Фельдмана, бульваре бабы торгуют настоящими длинными калеными семечками "конский зуб" и копченой скумбрией "качалкой" — теперь, через сорок лет, нигде ее не найдешь, — ну и море, ах, Черное море, хор-рошее море!

В первый же день я заставил весь батальон, ну не весь, половину, раздеться и ринуться в него. Холодное еще, но сколько радости, сколько веселья, сколько солдатского хохота вызвало оно, это Черное, действительно хорошее море.

Ну, а потом ринулись согреваться...

Вот так и освободили мы Одессу. Приятно вспомнить.

28.3.84 г.

Подготовка текста Александра ПАРНИСА

Александр ДОРОШЕНКО

Ночные тени в Городе

"Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время"
Осип Мандельштам

Это Хромой Бес из плутовского романа Луиса Велеса де Гевара показывает лиценциату дону Клеофасу, начинающему влюбленному и вечному студенту, ночную жизнь Мадрида. Время — час ночи и конец июля где-нибудь в 1640 году. Бес для этого разом приподнял все мадридские крыши. Смотрят они на город с его самой высокой точки, с колокольни храма Святого Спасителя. У нас теперь есть такая же высокая точка, чтобы подсмотреть ночную жизнь горожан, — это крест колокольни Спасо-Преображенского собора. И названия храмов, в принципе, одинаковы. У нашего более удобен крест, на нем есть косая дополнительная перекладина, и на ней можно удобно сидеть. И под крестом есть удобная площадка. Вот на ней расположившись, можно присесть на позолоченный шар в основании креста, закурить и спокойно наблюдать Город.

Интересен черт, сидящий верхом на кресте?! Наших православных крестов черти, судя по отзывам очевидцев, боятся как огня. Вот и Гоголь писал. Разве что ночью... Либо сила в православии, а не в созерцательности католицизма. Хромой Бес здесь похож на наших городских котов. Булгаковский кот был в равной мере мастер на такие проделки с людьми. Может быть, это тот же самый?

Как позже выяснилось, этот Бес притворялся хромым, на самом же деле бегал он, при необходимости, достаточно резво, отбросив костыли. И вообще, он таскал их с собой неизвестно с какой целью, поскольку чаще летал, чем ходил по земле. Как у Михаила Булгакова, где кот, тоже неизвестно зачем, всюду таскал с собой примус. Рисунок же этот, что в Мадриде, что в нашем Городе, будет точно таким же, даже и домов у нас в центре таких старых и двухэтажных великое множество. Не говоря уже о заня-

тиях обитателей. Точно такие же у нас эти занятия, как нарисовано здесь и описано в книге Велеса.

Странно, прошло 360 лет, но все так похоже...

С колокольного креста видно, как черна Ночь и что рисуется она белым и серым цветом. Серое в ней — это вездесущие коты и тени.

Следует помнить, что оборотная сторона Солнца — тьма, а у Луны — кровь. Это сказал апостол Петр. По этой причине тени бывают дневные и ночные и ведут себя по-разному. Эта двойственность соответствует нашей природе, что заметил и описал Роберт Луис Стивенсон в истории о докторе Джекиле и мистере Хайде. Ведь мы совсем разные днем, при свете Солнца, и ночью, когда нас отражает Луна. Так и наша тень, она рабыня тела в солнечный полдень и властвует в лунную ночь (а в безлунную остается жить только тень!). Солнечная тень случайна и преходяща. Она танцующий клоун. Ночная загадочна. Она вроде бы наша тень, но и чья-то еще, одновременно... Ночь хранит наши тени и тени наших дел даже тогда, когда мы исчезаем. Как облако, как жидкий воздух, но тень материальна, и природы этой материи мы не знаем.

Я вообще убежден, что мы что-то напутали, что основное время нашей правильной жизни — ночное время.

По этой причине ночью можно увидеть ушедших людей и Город, которого уже нет.

С креста Спасо-Преображенского собора видно, как тень колокольни легла вдоль Греческой улицы и ее крест пришелся на середину Строгановского моста. За перекрестком Екатерининской к колокольне склонился вычурный квадрат тени магазина братьев Петрококино... В лунном свете виден отсюда каждый отдельный булыжник дорожной вымостки, в солнечном свете это невозможно с такого расстояния разглядеть...

Вдоль Ришельевской пролегли на мостовой тени утрат. Странно, я не замечал раньше, но сталинские дома совсем не отбрасывают тени. По этой причине там видны тени только когда-то стоявших старых домов. И только на углу Екатерининской и Еврейской лег квадрат чистого лунного света — то, что там стоит сейчас, не имеет тени, но и то, что стояло, ее утратило навсегда. Там можно будет что-нибудь построить, расчистив место...

Ночная конка тихо едет вдоль Преображенской. Виден только передний фонарь, качающийся в такт шагу печальных лошадей, мечтающих о ночлеге. Цок-цок-цок... Это звук проезжающей улицами Города вечности. Пока едет этот вагончик времени, он собирает старое и отжившее и привозит и раздает новую жизнь... в каждый дом Города. Вот умолк звук

и перестал качаться в ночи фонарь — там что-то происходит или происходило когда-то...

Сколько всего было здесь за прошедшее столетие!

Вот в этой квартире на углу Садовой и Соборной, в третьем, самом верхнем этаже и прямо на развороте угла человек ждал ареста весь 1937 и часть 1938 года. Каждую ночь, засыпая, он надеялся, что минует, каждое утро с 4:00 он просыпался и слушал шаги на лестничной площадке... мимо ли... И только в 5:00 он успокаивался — пронесло! Еще не на этот раз, не сегодня!

"А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.
А город спал..."

Наум Коржавин. 1944

И потом человек весь день хранил беззаботность вида и поступков, с ужасом думая о приближающейся ночи. Здесь остался жить запах страха, в нем ужас смерти и болезненная надежда о продлении жизни...

"Квартира тиха, как бумага,
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать..."

Осип Мандельштам

Я часто вечерами огибаю этот угол Садовой. И что-то всегда задевает мое сердце и, перейдя на другую сторону улицы, я долго стою, глядя на эти окна, на парадное, которым в то ранее утро, в час между волком и собакой, как крысы, бесшумными серыми тенями один за другим прошмыгнули НКВДисты, и вижу, как вышел на улицу, к машине с надписью "ХЛЕБ", схваченный инквизицией человек... как в последний раз пытался разглядеть он в пустоте уличного пространства другого человека, чтобы попрощаться хоть взглядом, но вокруг были только ощерившиеся серые деловые крысы... как тронулась эта машина с места, натужно и сыто урча мотором, звук которого никто не услышал (так научились в те годы не слышать люди). И потом иду я вдоль этого дома, смотрю на ночные ярко освещенные высокие окна и вижу ту страшную ночь, когда были они темны, когда утаив дыхание пытались ничего не увидеть и не услышать люди. Так они тогда жили, все, и мои папа и мама, в моем Городе, по формуле:

"Ничего не вижу,
ничего не слышу,
ничего никому не скажу..."

Скажешь, скажешь, все рассказывали... обо всех, о себе... надеясь и моля Бога, чтобы мы, их дети, выжили...

А здесь, в старом доме на Херсонской, долго болел человек, еще молодым и полным жизненных планов... Он был мне другом, еще от студенческих лет. Он отнесся к своему недомоганию, как всегда привык относиться, что пройдет и образуется, а боль все не отпускала, и, снисходительно улыбаясь приставаниям жены, он пошел, наконец, к врачу, и врач этот его тоже обнадежил, но как-то странно, советуя все же, на всякий случай, пройти еще это и это обследования. Он долго и послушно все это выполнял. Пока как-то вечером, выйдя на прогулку, на свежий и такой полезный ему воздух, приняв непременную полезную микстуру, он на углу улицы внезапно снова ощутил отпустившую было с час назад боль и сразу понял — все, это все! Постепенно он проникался ужасом, что планы миновали, что это сделать... и то завершить... уже никогда, никогда, Боже мой, никогда не удастся! И постепенно приходила ясность, что все эти планы были просто способом занять чем-то и как-то заполнить время жизни, самообманом, но что единственная ценность жизни только в самой жизни, только в возможности жить и видеть, и говорить, и улыбаться, и ходить своими ногами, и чувствовать запах весенней зелени и осеннего быстрого

дождя с растворенной в нем пылью, и хруст первого чистого снега под упругой и быстрой ногой. Он знал и не верил себе, что умирает. Не верил родственникам и жене, что все наладится. Верил только глазам своего пса, крупного и глупого эрдельтерьера, потому что в этих глазах были слезы. И он прижимался к нему лицом под утро, когда уходила, как вода сквозь сжатые пальцы, надежда и приходила ослепительная и четкая ясность — горько жалуясь, без слов...

Где-то в Городе спит этот пес, глаза у него открыты, в этих глазах больше, чем во всех наших книгах...

Здесь, на Молдаванке, на Прохоровской улице, человек жил всю свою жизнь в темном как склеп и мрачном, как освещенный морг, полуподвале. Когда улицей громыхал трамвай, разгоняясь на ее прямой линии, звенела посуда в комоде и расплескивалась запасенная в ведре вода (не было воды в этом подвале и туалета тоже не было). Бесу пришлось поднять, кроме крыши, еще и два этажа старого дома, чтобы раскрыть этот мрачный склеп, чтобы это увидеть... Он был простой труженик, и его обманули. Он работал честно и много, ему обещали дать квартиру в хорошем и новом районе, с балконами и лоджиями, пронизанными чистым воздухом с моря, и он терпеливо много лет подряд работал и ждал... А квартиру дали другому, приехавшему из села, из области, и имевшему родственника у власти... И он снова ждал терпеливо... и снова... А потом изменилась и вовсе власть, и ему сказали, это был плохой старый режим, но мы, новые и правильные, тебе ничего не должны, а то, что ты половину столетия отработал за станком среди ветоши и опилок, пропитанных машинным маслом, так ты работал на коммунистов, вот у них и проси. А он был болен годы перед смертью, ему нужен был чистый воздух и хорошая еда, но и пенсию ему дали копеечную, только на воду и хлеб. На плохую и неочищенную воду, а на чистую ему не хватило денег. Взяли обманом жизнь и посмеялись над дураком!

Но такое никому не проходит бесследно, и сгущаются над... ночные тени, а ждать уже осталось чуть-чуть!

Ворюги, забравшиеся в дом на Нежинской, пользуются "особым ключом — отмычки нынче вышли из моды". И вообще, вышло из моды вот так мелочиться. Вон к светящимся окнам элитного ночного клуба на Александровском проспекте бесшумно подкатывают одна за другой мощные машины, каждая в цену еды для всего городского квартала, и выходят из

них спокойные люди, не опасающиеся никаких альгвасилов, но, наоборот, они, альгвасилы, приданы теперь им охраной. Эти новые люди знают секреты нового воровства, когда, никуда не забираясь с устаревшей отмычкой, можно обокрасть сразу весь город... страну... и не только глупых этих горожан, но и всех тех заодно, кто у них еще не родился...

А насчет всяких обманов и хитростей, мужчин и женщин, это мы ведь сами с собой играем в прятки. И есть люди, мужчины и женщины, которые любят играть в это, называемое ими любовью, понимая под этим соитие и общий антураж, до и после, недолгий, и им полезны эти игры, они наполняют их пустую жизнь и прогоняют, пусть ненадолго, страх смерти. И есть, которым эта игра смертельно опасна. Они платят за всех. Но правда здесь в том, что все задумано это, любовная эта смешная механика, вовсе не ради первых, которые здесь как рыбы в воде, но только чтобы помучить и вразумить вторых. Только мучительные потери в этой любви ведут к настоящей, и только любовная драма из своей пошлости рождает высокое напряжение поэзии.

В этой игре много званных, ради немногих избранных!

Но вот голоса тихой радости. Мать уложила в кроватку ребенка, чистенького после вечернего умывания, в пахнущие чистотой простыни, рядом лежат любимые игрушки, и мама рассказывает в тишине ночи сказку. Так тихо все вокруг, так спокойно, так радостно малышу от маминой руки, от ее голоса, и он просит ее не уходить, насильно раскрывает слипающиеся свои глазки, просит еще посидеть рядом и рассказывать. Мама, поцеловав в последний раз головку заснувшего малыша, вышла на кухню заварить себе чай, она сидит за кухонным столом, помешивает ложечкой чай... и улыбается. Так, ни от чего... Это и есть самое счастливое ее время жизни, эти короткие минуты. Ради которых и вопреки всему стоит жить и стоит начинать новую жизнь!

Есть Ангелы смерти, порученцы, специалисты похоронного дела, но есть и Ангелы жизни — у этой детской кроватки, если прислушаться к дыханию спящего ребенка, можно уловить шелестение их бережно сложенных крыльев...

Вот молодые любовники, это они впервые так вместе, в любовном объятии, еще не известные друг другу, жаждущие и боящиеся, как все сложится, еще позирующие друг перед другом, играя словами, как заклинаниями... В обычных этих словах после состоявшегося... они произносят слова молитвы, вечной и непреходящей, слова надежды. Тихая ночь, и в ее тишине смех и поцелуй...

А здесь, в этой квартире, под самой крышей старого дома на Пастера, долго и опасно болел человек, и все в доме были испуганы его болезнью, он был основой их семьи и кормильцем, он на плечах своих многие годы держал этот дом, и вот заболел... А сегодня он уже сам встал и ел не в постели, как все прошедшие месяцы, но за столом, на своем привычном месте у стола, сам, и сам же прошел к старому дедовскому креслу и сел в нем отдохнуть... И все в доме этом полны счастья, чуть отпустило наболевшее сердце. Они сидят вокруг него в комнате и тихо беседуют, впервые не о болезни, впервые спокойно. Все миновало...

Вечные далекие звезды живут вместе с нами, слушая наши голоса и нам отвечая. Здесь с высоты колокольни эти звезды почти что рядом, некоторые даже ниже нас, сидящих верхом на кресте. Их голоса не услышать мощным радарам и телескопам, обращенным в пустоту неба. Только сердце может услышать и передать надежду далекому другу, о котором ты беспокоишься... можно по такой звездной связи... от сердца к сердцу... и далекая, данная тебе в жизненный путь звезда, бережно перенесет сигнал тревоги и даст ответ, и ободрит далекого друга... Так рождаются Надежда и Вера и так питают они великое чувство Любви!

Эта тварь с косой и сумкой за плечами (продранная с виду старая сумка подобрана ею в мусорном баке Альтфатера, и держит она в ней рецепты хвори и болезней, там таблетки для кашля, там примочки от здорового сердца, там пилюли аритмии и головокружений...) старой и грязной бомжихой идет вдоль наших ночных улиц, отпугивая зловонием прохожих и чутко прислушиваясь к домам... собираясь войти здесь... но вот этот дом обойти, где слышен смех молодых любовников, где тихо спит счастливый малыш и снится ему мама...

Если тебе снится мама, спи спокойно, эта старая сука обойдет твой дом стороной. Но даже если твой дом ей по пути, и она прошла уже много кварталов, именно к вам в дом собравшись, все может изменить голос молодой матери, смеющийся смеху ребенка, все может изменить тихий шепот влюбленных в вашем доме. Это спасет и всех остальных домочадцев. Это единственное, с чем не может справиться Смерть.

Пишущий что-то в освещенном окне, это я сам, Мастер. Место это по правую руку от колокольни, в самом конце Спиридоновской улицы, при пересечении ее с Дегтярным рядом. За окном комнаты в темноте ночных улиц Города слышны пьяные крики и ругань, звон разбитых бутылок

и визгливые крики женщин, то ли о помощи, то ли от удовольствия, а у меня на столе горит свеча, лежит лист белоснежной в меру плотной бумаги, в руке моей гусиное перо и на голове колпак. А на глазах очки. Из летнего окна немного дует. Под тихий скрип пера ложатся на бумагу ровные линии бегущих строк, не успевающие за мыслью и чувством. Слева остается край нетронутой бумаги — полем, для маргиналий. Потому что будучи написан, этот текст становится мне чужим, незнакомым, и рука тянется записать слова несогласия на полях. Даже почерк этих пометок иной и отличен от почерка основного текста.

Начатое днем я не могу дописать и продолжить ночью. Оно станет иным... Лучшее следует начинать ночью — так рождены мы и так написаны были главные книги!

Светает, в моем Городе и в далеком Мадриде, с разницей в сотни лет времени и тысячи километров пути и с расхождением стрелок часов на одно деление. У нас утро наступает раньше. С крестов колокольни видно, как первый солнечный луч лизнул в выпуклую щеку главный купол Собора. Но еще до этого солнечный лучик появился на наших морских склонах, там, со стороны моря, ему проще... Ничто не заслоняет там ему дорогу... солнце, море и начала земли, склонами Отрады и Ланжерона и Фонтанов. Здесь первые солнечные лучи во всей дальшележащей Европе, здесь начинается европейский день, а Гринвич есть просто шоссейный столб на дорогах идущего дня...

"Но уже светает, и нам пора заканчивать обзор. На улицах появились первые приметы наступающего дня: лотки с водкой и закусками". Я полагаю, что в Мадриде сегодня все иначе, и нет таких утренних лотков с водкой. Значит, нам осталось подождать еще лет эдак с 360!

Мы терпеливый народ и времени у нас много...

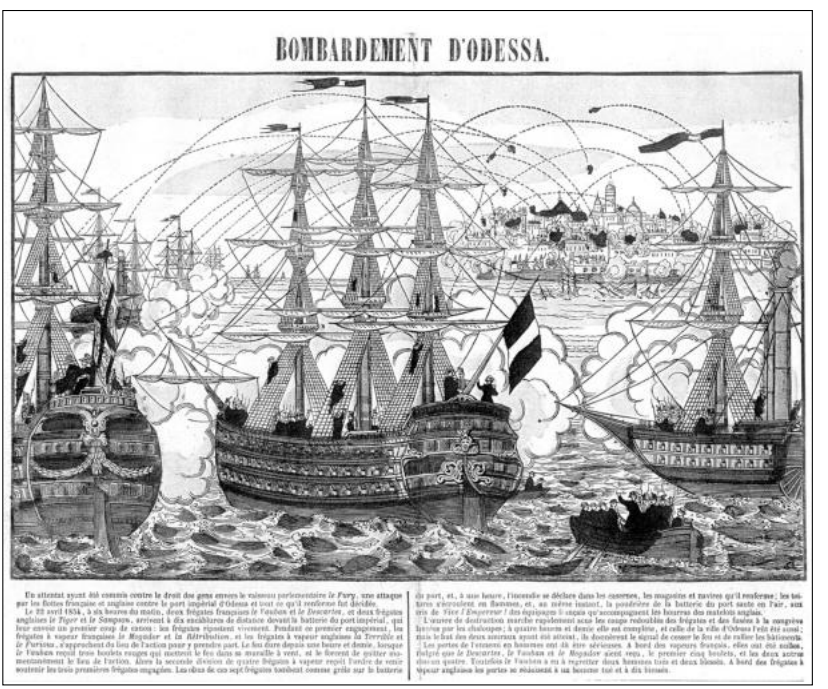

Сергей КАЛМЫКОВ

Взгляд с противоположной стороны

Общеизвестна эпопея с бомбардированием Одессы англо-французской эскадрой в Страстную субботу далекого 1854 года, когда батарея юного прапорщика Щеголева успешно противостояла нескольким фрегатам противника. Но, оказывается, французская пресса сумела по-своему осветить эти события.

В уютном и живописном доме Леопольда де Стабенрата, чье дружеское расположение мне очень дорого, я увидел интересную гравюру с пространной подписью. Поглядите — это жуткая отсебятина неведомого автора. И Одесса не Одесса, и корабли скорее из 18-го века, а не паровые фрегаты времен Крымской войны. Подстать и текст, бравурно освещающий действия нападающей стороны. Любопытно, однако, познакомиться с этой реляцией.

Атаку англо-французской эскадры на имперский порт Одессу предрешили противоправные действия в отношении судна-парламентера "Le Fury".

22 апреля 1854 года в 6 часов утра два французских фрегата "Le Vauban" и "Le Descartes" и два английских "Tiger" и "Sampson" подошли на дистанцию 10 кабельтовых от портовой батареи, которая открыла огонь, и фрегаты тут же ответили. Приблизились французские паровые фрегаты "Le Mogador" и "Le Retribution", а также английские фрегаты "Terrible" и "Furious" для участия в сражении. После полуторачасовой ожесточенной перестрелки, когда подветренный борт фрегата "Le Vauban" был подожжен тремя ядрами, он был вынужден выйти из боя. Тогда второй отряд паровых фрегатов получил приказ поддержать троих оставшихся. Ядра семи фрегатов градом сыпались на портовую батарею и за час подожгли казармы, склады и суда. Крыши обрушивались в пламя и тут же взлетел в воздух пороховой погреб батареи под крики "Да здравствует император!" французских экипажей и "ура!" английских моряков. Разрушения происходили быстро под ударами фрегатов и огнем шлюпок, а спустя четыре с половиной часа поражение стало полным, как и для города Одессы. Однако оба адмирала дожидались сигнала на прекращение огня и соединение с эскадрой.

Потери противника были серьезными, у французов ничтожными, хотя "Le Descartes" получил 5 ядер, а "Le Vauban" и "Le Mogador" по 4 каждый. И все же на "Le Vauban" скорбели по поводу двух погибших и двух раненых. У англичан был один погибший и десять раненых.

Что к этому добавить? Давным-давно на территории нашей киностудии, когда там снимался фильм "Миклухо-Маклай", а это был 1947 год, валялся крупный макет парусного фрегата. В нем свободно помещался человек, и были электрические контакты для имитации пушечной пальбы. На корме имелась резная надпись "Retribution". Совпадение ли это, или когда-то снимался фильм о событиях Крымской войны? Ответа не знаю...

Олег ГУБАРЬ

Дом на Полицейской

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики – агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. Сюжет посвящен занимательной истории одного из старых домов, расположенных буквально в сердце города – между Греческой площадью, улицей Бунина и Красным переулком.

Если стать лицом к фасаду бывшего ресторана "Киев", то справа внимание наблюдателя привлечет окрашенный зеленью большой дом классической архитектуры, явно отличающийся от всех окрестных. "Что за дом такой?" Любопытно ведь.

Во второй половине XIX столетия этот дом, а точнее — целый комплекс строений, носил двойную нумерацию — Полицейская, № 32-34, — о причинах которой мы расскажем ниже. После упорядочения нумерации домов в начале XX века за этими строениями остался № 32, а № 34 получил соседний, изначально — дом Ансельма, затем Эгиза, а в то время принадлежавший Телефонному обществу (в начале 1960-х на его месте построен ресторан "Киев"). Одновременно часть этого комплекса домостроений, выходившая на Александровскую площадь (Греческий базар), носила № 33 по этой площади, а фасады, обращенные к Красному (Греческому) переулку, — № 34 по этому переулку (в настоящее время — № 24).

Общеизвестно, что все корпуса, окаймлявшие Александровскую (Северную) площадь, в середине 1810-х годов были оформлены как торговые ряды итальянским архитектором Франческо Фраполли, а позднее достраивались его братом Джованни Фраполли и архитектором Иваном Козловым. Каждый из четырех корпусов (кварталов) Греческого базара имел Г-образную форму, и их торцы были обращены соответственно к Дерибасовской и Полицейской улицам. Все эти торговые кварталы вмещали по 25 типовых равновеликих секций, декорировались портиками и колоннадами, а весь комплекс в целом имитировал общественный центр античного полиса. "Наш дом" находился в пределах корпуса 4, обращенного лицом на рыночную площадь, а "задами" — на Греческий (Красный) переулок и Полицейскую улицу.

В середине XIX столетия, как видно из плана Александровской площади 1862 года, нынешний дом по улице Полицейской, № 32, представлял собой четыре секции торгового корпуса № 4, принадлежавшие одной домовладелице — Милованової, а Г-образная "загогулина" со стороны Греческого базара — домовладельцу Кудрявцеву. Семейству Милованових принадлежала и еще одна секция этого корпуса — седьмая по счету от Греческой улицы. Как свидетельствуют изыскания историка градостроительства Одессы В.И. Тимофеенко, этот корпус кардинально перестраивался видным зодчим Францем Боффо в 1837 году. Серьезным перестройкам в разные годы подверглись и другие секции Греческого базара, а потому он постепенно утратил облик единого архитектурного ансамбля.

Из "Списка домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года" видно, что "дом жены купца Милованова" оценен всего в 1.800 рублей, "дом купца Милованова" — в 2.880 рублей, а упомянутый "дом Федора Кудрявцева" — в 1.980 рублей. О чем это говорит? О том, что до 1848 года Милованова владела лишь одной секцией, а в интервале между 1848 и 1862 годами прикупила три соседние с ней секции корпуса (квартала) № 4. И поскольку на Полицейскую улицу выходили два домостроения этого корпуса, постольку они и получили двойную нумерацию — 32-34, о чем говорилось выше. То есть дом Милованової носил № 32, а дом Кудрявцева — № 34. В третьей четверти XIX века первый из этих домов также носил № 33, а второй — № 35 по Александровской площади.

Итак, большею частью интересующего нас домостроения на протяжении многих лет владело семейство Милованновых. Что о нем известно? Это весьма и весьма солидный и почтенный род одесситов русского происхождения. Георгий Иванович Милованов, купец второй гильдии, еще в 1830-е годы состоял ратманом, то есть членом городского магистрата. Участие в общественном самоуправлении свидетельствует о большом кредите доверия одесситов. Что касается домовладелицы Екатерины Григорьевны Милованновой, то она с того же времени активнейшим образом участвовала в деятельности Одесского женского общества призрения бедных, руководимого графиней Е.К. Воронцовой. Членство Е.Г. Милованновой в этой благотворительной организации по историческим первоисточникам прослеживается до 1852 года.

С начала 1840-х в общественную, в том числе благотворительную, деятельность включился другой представитель семейства Милованновых — Матвей Петрович. Занимался он главным образом виноторговлей, как и ряд других его соседей по четвертому кварталу Греческого базара — таких, как, скажем, Осип Кислов, тоже видный деятель городского общественного управления. Вино потреблялось в Одессе тех времен весьма обильно, поскольку пиво в простом народе вошло в более или менее широкий обиход не ранее 1860-х годов, а, кроме того, еще не вполне развилась индустрия производства искусственных минеральных вод. Бессарабское вино (Шабо, Манзырь и др.) продавалось по очень низким ценам: от 1.25-1.50 до 2 рублей серебром за ведро. Крымское — подороже. Немалой популярностью пользовались греческие, прежде всего кипрские, вина — 35 копеек серебром за кварту (около литра). Дешевы были и ординарные французские вина из Бордо: при закупке значительными партиями цена опускалась до 1.10 руб. за ведро. Отменная итальянская марсала стоила 3.25-3.50 рублей ведро. Шампанское местного производства в годы Крымской войны реализовывалось по 1.50-1.60 руб. за бутылку. Торговал Милованов и дорогостоящими, выдержанными, коллекционными винами, скажем, мадерой и хересом 25-летней выдержки. Дорогие напитки доставлялись с берегов Рейна, из отдельных районов Австро-Венгрии, с Балеарских островов, из Бордо, Бургундии и т. д. Из Англии привозили черный и белый портер, эль. В этом же торговом заведении предлагался большой выбор отечественных и привозных водок, ликеров, наливок, настоек, вплоть до голландского дженевера.

Не следует думать, будто в интересующем нас доме помещался магазин отечественных и иностранных вин, прочих алкогольных изделий —

в том виде, к какому мы привыкли. В то время в Одессе еще не было четко разграниченной специализированной торговли, а потому, скажем, в книжной лавке помимо книг могли продавать "персидский порошок" для потравы насекомых, табак, сигары и т. п., в аптеке — "шипучий лимонад" и чернила, а в винном — прованское масло, одеколон и горчицу. Что до М.П. Милованова, то он, наряду с винами и прочим, продавал краски и овощи — постольку, поскольку Греческий базар издавна служил зеленным рынком и местом торговли красками (как тогда говорили, москательными товарами).

Другой важной отраслью его коммерции была продажа игральных карт, причем Милованов был монополистом этого дела. Почему? Дело в том, что реализация игральных карт была вообще монополией государства: весь доход от продажи шел на благотворительные цели, в пользу детей-сирот, находившихся на воспитании в различных казенных заведениях. Поэтому в данном случае купец Милованов выступал как откупщик, как комиссионер: то есть карты, отпечатанные на государственном предприятии — в Александровской мануфактуре, ему отпускались по оптовой цене, он получал определенный процент от реализации, а остальная выручка шла Детскому приюту сирот при упоминавшемся выше Одесском женском благотворительном обществе. Вот и выходит, что Милованов по существу работал на благотворительность.

Москательные товары (краски) и овощи постепенно отодвигают виноторговлю на второй план, и в 1853 году магазин М.П. Милованова официально переходит из разряда виноторговых в число москательных и овощных. В следующем, памятном и грозном для Одессы 1854-м, году Милованов выбирается городским бургомистром, то есть руководителем городского магистрата. В 1856 году Матвей Петрович Милованов становится членом Одесского коммерческого суда, представляющим местное купечество. Все это — новые свидетельства, с одной стороны, его солидного социального, а с другой — и материального положения. Неудивительно поэтому, что как раз в это время владения Миловановых в четвертом квартале Греческого базара серьезно умножились, о чем было говорено выше.

В конце 1850-х на общественную арену выходит уже сын М.П. Милованова — Константин Матвеевич, продолжавший дело отца и семейные традиции как в коммерческой, так и в социальной сферах. В 1859 году в составе Одесского попечительного комитета о тюрьмах впервые появляется "купеческий сын Константин Матвеевич Милованов". Сохранив отцовский москательный и овощной магазин на прежнем месте, он отка-

зался от комиссионерства по продаже игральных карт в Одессе (оно перешло к другому известному в городе предпринимателю, купцу-чаеторговцу и бакалейщику Гавриилу Матвеевичу Крапивину), сосредоточив свои усилия на других направлениях "движения милосердия".

С 1861 года К.М. Милованов занимает отцовское место и в городском коммерческом суде. В 1864 году он становится депутатом "купеческого разряда" Одесского городского депутатского собрания при Общей Думе, имея социальный статус "почетного гражданина". В 1868 году, оставаясь в том же депутатском собрании, он значится уже "потомственным почетным гражданином". Сохраняя должности в коммерческом суде и депутатском собрании, в 1870 году К.М. Милованов входит в Учетный и ссудный комитет Одесской конторы государственного банка, и в 1872 году участвует в осуществлении оценки одесской недвижимости. То было дело невероятной важности и ответственности, ибо от оценки зависела величина налога в пользу города и другие значимые моменты. Большинство из перечисленных постов Милованов занимал до 1879 года включительно.

А что же дом Федора Кудрявцева, чем славен он? "Слава" его довольно-таки специфическая. Поскольку строение это служило одним из четырех углов Греческого базара и выходило на него непосредственно, здесь помимо магазинов и лавок с давних пор прижились разного рода кабачки, трактиры, питейные заведения. Так, после пуска пивоваренного завода Ансельма, построившего соседний дом, поблизости обосновались многочисленные пивные залы — бирхоллы, как их называли. Один из них устроился и в доме Кудрявцева. Здесь продавалось пиво не только от Ансельма, но и от Савицкого и других заводов Одессы и Юга ("Венское", "Бок-бир", "Лагер-бир", "Русское черное" и прочие сорта), холодные и горячие закуски, прежде всего — блины с разнообразной начинкой.

Непременным атрибутом таких заведений были музыкальные машины, именуемые оркестрионами, а равно "живые оркестры", преимущественно австрийских музыкантов. Как правило, выступали ансамбли, состоящие из так называемых "арфянок", то есть исполнительниц на тирольских цитрах, а также — скрипачек, флейтисток, пианисток. "Арфянки" не только играли, но и пели, причем по-немецки, по-итальянски, по-французски, по-польски, по-русски и др. Газетное сообщение (ноябрь 1874 года) сохранило информацию о типологическом для пивных зал и трактирных заведений в целом происшествии: "...Один из посетителей ударом ножа нанес рану в бок одной из находившихся там арфянок; она отправлена в больницу и находится в опасности".

В начале 1880-х за Миловановыми остается лишь одна изолированная секция четвертого корпуса Греческого базара, числившаяся тогда по Красному переулку, № 22 и одновременно по Александровской площади, № 21 (в этом доме находилась табачная фабрика Куфуди), а весь интересующий нас комплекс строений, включая бывший дом Федора Кудрявцева, переходит во владение другого известного в старой Одессе семейства — Попандопуло (Папандопуло, Попандополо). Представители этой греческой фамилии — старожилы города и фигурируют в метрических книгах греческой Свято-Троицкой церкви, начиная с 1814 года. Впрочем, эти книги за 1801-1805, 1807, 1810, 1812 годы вовсе не сохранились, так что, вполне вероятно, фамилия укоренилась в Одессе и несколько раньше. Между прочим, один из этих Попандопуло впоследствии долго содержал пивную залу в доме Эгиза (Ансельма) на Греческом базаре.

Информация об этой фамилии, относящаяся к XIX — началу XX столетий, заслуживает некоторого внимания. Владелицами "нашего дома" в начале прошлого века были Мария Спиридоновна Попандопуло-Кливун и Мария Петровна Попандопуло-Глушкова. Обе активно занимались благотворительной деятельностью, в особенности — вторая. М.П. Попандопуло-Глушкова была одной из самых ярких сотрудниц Городского попечительства детских приютов. Почетным членом попечительства детских приютов ведомства императрицы Марии был брат М.С. Попандопуло-Кливун, Спиридон Спиридонович Попандопуло. Александр Спиридонович Попандопуло исполнял обязанности казначея Одесского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых. Евгений Спиридонович Попандопуло — видный одесский юрист и журналист, некоторое время редактировал газету "Одесские новости", статья о нем вошла в недавно изданный второй том "Старой Одессы" А.М. Дерибаса.

В последние десятилетия Спиридон Попандопуло владел весьма и весьма солидной недвижимостью в городе. Помимо "нашего дома" это, например, несколько секций в элитарном Пале-Рояле, со стороны Театрального переулка. Ему же принадлежал обширный дом на Александровской улице, на пересечении с Ново-Рыбной улицей и Привозной площадью. Он же владел другим большим домом в престижном районе — по улице Преображенской, № 29, примыкавшим к Тираспольской площади. Домостроения эти выгодно сдавались в аренду: как под жилье и кабинеты врачей, нотариусов и т. д., так и под торговые помещения и заведения сферы обслуживания.

Но вернемся к "нашему дому".

Итак, в 1880-х за Попандопуло числится дом № 32-34 по улице Полицейской и одновременно № 34 по Красному переулку. В 34-м номере помещалась тогда фабрика чернил и сургуча немецкого уроженца Карла Верзебе, вскорости перебравшаяся на противоположную сторону Полицейской — в дом № 31. Здесь же одно время (еще в первой половине 1870-х) квартировал и "Торговый дом для продажи мануфактурных и суконных товаров К.И. Глущенко и П.Н. Истомина" (впоследствии подобная торговая специализация стала одной из "фишек" дома Попандопуло), переехавший в соседний дом Соломона Эгиза. Со стороны Греческого базара в этом доме помещался большой "Московский" чайный трактир. Сие заведение активно посещали не только продавцы и покупщики, но и извозчики. Чай продавался по пять копеек "пара": в Москве парой называли чайник и два куска сахару, в Одессе — иногда два чайника, один с кипятком, другой с заваркой. Экономя даже на чае, извозчики брали на троих две пары и три прибора, да еще, бывало, просили подбавить заварки и кипяточку. В середине 1870-х трактир пострадал от пожара — выпали уголья из ведерного самовара.

В это самое время начинается новый строительный бум и, в частности, строятся новые ("Центральная" и др.) и переоборудуются старые ("Сан-Суси" и др.) дома под гостиницы. Семейство Попандопуло решает перестроить и перепрофилировать свой обширный дом под хороший отель, который и вступает в строй в курортный сезон 1887 года. Содержателем и устроителем новой гостиницы "Вена" был опытный специалист этой сферы бизнеса, О.М. Груцкий. Вот текст одного из самых первых рекламных объявлений:

"ГОСТИНИЦА "ВЕНА"
на углу Полицейской ул. и Александровского проспекта,
в доме Попандопуло, около Русского и вблизи Городского театров
(бывший Милованова).
(Вход с Полицейской улицы).
В Одессе:
Номера изящно меблированы.
От 60 копеек.
При гостинице ресторан.
Содержатель гостиницы О. М. Груцкий".

Стоимость номера соответствует гостинице не самой фешенебельной (таких в Одессе тогда было еще не так много: "Лондонская", "Петербургская", "Северная", "Франция", "Крымская"), но добротного среднего уров-

ня — типа "Славянской", "Одесской", "Белый Лебедь" и т. п., где взимали от 50-75 копеек до 2-3 рублей за номер. Помесячно же выходило значительно дешевле, порядка 6-8 рублей, что было немаловажно: многие военные, чиновники, частные врачи, юристы, преподаватели и т. д. обитали в гостиницах годами. На Полицейской находился целый куст гостиниц: помимо "Вены" это "Новороссийская" — в доме № 41, "Ново-Коммерческая" — в доме № 39, "Ширяевская" — в доме № 42. "Вена" же чаще числилась по Красному переулку, в котором имелась еще гостиница "Греция". Позднее, в середине 1890-х, появились в том же переулке отели "Версаль", "Невская", "Новая Бухария" и другие (но это, откровенно говоря, были скорее дома свиданий, нежели солидные заведения — см. тексты Семена Юшкевича).

В 1890 году "Вена" перешла к другому содержателю и была переименована в "Англию". Вот текст первого рекламного объявления по этому поводу: "Одесса. Угол Полицейской и Александровского проспекта, дом Попандопуло № 34, прилично меблированные номера от 60 коп. до 2 руб. с бельем. При гостинице ресторан, телефон и т. п. удобство. Гостиница "АНГЛИЯ"". Тот же текст дублировался и по-французски.

В первой половине 1890-х в первом этаже гостиницы обосновался торговый дом Ландесмана и Теплицкого, специализировавшийся на продаже

ГОСТИННИЦА „ВѢНА"

на углу Полицейской ул. и Александровскаго проспекта, въ домѣ Попандопуло, около Русскаго и вблизи Городскаго театровъ (бывш. Милованова).

(ВХОДЪ СЪ ПОЛИЦЕЙСКОЙ УЛИЦЫ).

въ Одессѣ:

НОМЕРА ИЗЯЩНО МЕБЛИРОВАННЫЕ

отъ 60 копѣекъ.

ПРИ ГОСТИННИЦѢ РЕСТОРАНЪ.

Содержатель гостинницы О. М. ГРУЦКІЙ.

мануфактуры, готового платья и меховых изделий. В 1896 году его сменил магазин мануфактуры, сукна и готового платья Штейнгауза, причем У. Ландесман переехал в дом "Ширяевской" гостиницы № 42, а Г. Теплицкий — на Преображенскую, № 54. Тогда же в третий раз перелицовывается и гостиница, снова обретшая другого содержателя, а заодно и новое имя — "Берлин" (кстати говоря, название "Англия" получила другая гостиница — по улице Екатерининской, № 42). Владельцем отеля становится А.С. Дмитриев: очень возможно, это тот самый буфетчик знаменитого московского "Эрмитажа", который сделал завидную карьеру и описан незабвенным В.А. Гиляровским. Вот рекламное объявление, помещенное им в справочнике "Вся Одесса" в 1898 году:

"Гостиница "БЕРЛИН" А. С. Дмитриева, угол Полицейской и Александровского проспекта, дом Попандопуло, в Одессе. Гостиница находится в центре города, вблизи Городского театра, нового здания биржи, банков и банковых учреждений, недалеко от почты, морских ванн и конножелезных дорог. Образцовая чистота и расторопная прислуга. Номера посуточно от 60 копеек с постелью, постельным бельем и кипятком для чаю. Телефон № ..."

В это время в одесских справочниках упоминается порядка 15-ти первоклассных и около 30-ти второклассных гостиниц, в том числе — и "Берлин". Любопытно, что содержатель А.С. Дмитриев выбрал "промысловое свидетельство на торговое предприятие второго разряда", что приравнивалось ко второй гильдии, а владелец, Попандопуло — первого разряда. В доме по-прежнему оставался "Конфексион готового платья одесского второй гильдии купца Хаима-Лейбы Мошковича Шейнгауза"; а на всей Полицейской наличествовало девять магазинов подобного типа. Как свидетельствует известный литературный краевед Ростислав Александров, в доме по Полицейской, № 34 одно время помещалась и галантерейная торговля Годеля Дзюбина — отца Эдуарда Багрицкого.

19 сентября 1905 года улица Полицейская, на которой издавна помещалось городское полицейское управление (здание "Городской полиции" построено в 1828-1830 годах по проекту Ф.К. Боффо), получила имя героя обороны Порт-Артура, дивизионного командира, генерал-лейтенанта Р.И. Кондратенко (1857-1904), тело которого в 1904 году было доставлено в Одессу морем с театра военных действий. Примерно в это время к салону Шейнгауза присоединились дамский конфексион Д.Б. Богатырской и мужской — Ф.А. Берщанской. На рубеже 1900-1910-х годов в "нашем доме" открылась популярная кондитерская Г.Н. и Е.А. Катаровых, пред-

лагавшая не только европейские, но и восточные сладости. Коньком программы были изумительные бисквиты собственного изделия. Герасим Николаевич Катаров (он числится проживающим в этом же доме, по ул. Кондратенко, № 32) — "мастер кондитерского цеха", а затем купец второй гильдии — в это время состоял гласным, то есть избранным горожанами депутатом Городской думы, членом Одесской торговой депутации Городской управы, оценщиком недвижимости и присяжным по соответствующему налогообложению одной из частей города, а также и по раскладке "промыслового налога" в этом же районе. Все это свидетельствует о его высоком социальном статусе в Одессе. Г.Н. Катаров владел бисквитной фабрикой, помещавшейся в принадлежавшем ему доме по улице Малороссийской (она же — Цыганская, она же — Лазарева), № 69. Реализацией же продукции этого производства занималась главным образом его супруга, Елизавета Катарова — в кондитерской, размещавшейся в первом этаже дома по улице Кондратенко, № 32.

На смену магазину Шейнгауза в эти же годы пришел аналогичный — Н.Ш. Шилькройта и Я.Б. Липовецкого (готовое мужское и дамское платье). Тогда же А.С. Дмитриев уступил содержание отеля "Берлин" Меиру Кельману Фишману, который презабавно разрекламировал свою второклассную гостиницу: "Гостиницы 2-го класса... Первоклассная гостиница "БЕРЛИН" в Одессе, улица Кондратенко (бывшая Полицейская), № 32, против сада Александровского проспекта. Тел. № 6-39".

В таковом положении гостиница и находившиеся при ней заведения (ресторация, кондитерская, мужские и дамские салоны готовой одежды и проч.) дожили до "экспроприации экспроприаторов". Дальнейшая история "зеленого дома" не содержит в себе ничего особо примечательного, если не считать капитальной перестройки всего комплекса старых домостроений (Ф.К. Боффо, 1837 г.), осуществленной в 1951 году под руководством архитектора С. Жабокрицкого для размещения здесь проектного института. Что будет дальше, поглядим...

Владимир КАТКЕВИЧ

Бомбей

Рассказ

1.

Истошный крик среди ночи:

— Почему ты послал меня на хрен?

Вечная тема, русский вопрос.

"Вас уже давно всех послали, идиоты, — думает Терлецкий. — Где базар, у газовиков?"

Русский вопрос остался без русского ответа. И гаражные собаки не залаяли. Днем они валяются на стекловате, а ночью лучше не шляться возле гаража. Недавно водитель молоковозки забыл в машине хлеб, вернулся в гараж с темнотой, так его лохматые на крышу кабины загнали.

— Нет, я хочу знать, почему он меня послал? — с пьяной задержкой.

В комнате администратора щелкнул замок. Остановилась перед его дверью, но не постучала. Администратор, чуть что, к нему бежит, как в дээндэ, он в сельской гостинице старожил.

Терлецкий поднялся, стараясь не разбудить сварщика Алексеева.

— Так ты меня еще ложишь начальству? — упрекает в пространство, не поворачиваясь, Алексеев.

— Если участковый подтвердит, что ты украл нержавейку, пойдешь под суд, — обещает Терлецкий.

— Я тебе ночью голову отрежу. Ты со мной будешь бояться спать в одном номере.

— Извините, — говорит администратор. — У вас в комнате койка свободная? Мужчина просился переселить, он до немецких комбайнов приехал.

Терлецкий ожидал увидеть шеренгу одеревеневших кирзачей, расквашенные носы, домино по полу, обычно монтажники самый роскошный номер превращают в бытовку, — а за столом мирно играют в шахматы.

— Почему вы спать не даете людям, — выговаривает дежурная с ударением на последнем слоге.

Шахматист поднимает голову, в предглазьях синяки, сразу два. Приварили, видимо, аккуратно в переносицу, кровоподтеки в желтом ореоле придают лицу животное выражение, шахматист похож на Панду.

— У тебя цугцванг, — объявляет Панда сопернику. — Любой ход ведет к проигрышу, — и уже Терлецкому: — Скажи!

Панда бригадир на лесоповале. Пригнал на станцию два вагона леса, напился, и местные сопляки его крепко избили. Когда очнулся, пришел к Терлецкому в номер жаловаться.

— Что же это творится? — сказал. — Кровь уже качают.

Задрал рукав, и показал анонимный укол в вену. Как в фильме ужасов.

— Сколько эта пьянка может продолжаться, Леня? — журит администратор.

— Пусть сначала скажет, почему он послал меня на хрен? — настаивает Панда. — Потому что он полковник?

У третьего, под стеной, на ушах одеяло, но явно не спит.

— Будете выражаться, пойду до председателя, — обещает администратор. Дядю Ваню здесь боятся.

— Так берешь пилу "Урал"? — спрашивает Панда у Терлецкого. Он считает его шабашником. — Даю в запас четыре алмазные цепи. Есть три церквы под ключ. Одна — в Радостном, вторая в Силовке... — он загибает рабочие пальцы. Ему надо сбыть лес.

Лежавший садится.

— Ради бога, переселите куда угодно! — просит, блестя золотыми коронками. — Вы же обещали.

Лицо умное и нервное.

— Сдаешься? — спрашивает Панда. — Чистый цугцванг!

— Я выключаю свет, — объявляет администратор.

— Бывают же такие высокомерные люди! — возмущается Панда вслед ушедшему с подушкой полковнику.

Администратор выключает на общем рубильнике автомат и запирает щит трехгранным ключиком. Панда догоняет Терлецкого.

— Говорят, наркоманы заменяют порченую кровь, — делится догадкой. — Может, и мою выкачали на замену?

— А если группа крови не совпадет? — озадачивает его Терлецкий.

Подселенный полковник аккуратно стелит постель, потом ложится, но не спит. Алексеев стреляет у него сигареты и идет курить. Или похмеляться. С вечера он колобродничал с Пандой.

Уже светает. В тишине разливается перестук тяжелой работы, частит, нарастая:

— Дык-дык-дык-дык.

Грузовой поезд спускается под горку порожняком. Когда пустой, гул беспорядочнее.

Долина не отпускает шум, усиливает, во всех селах кажется, что рядом,

а поезд на той стороне измученной, спрямленной экскаватором речушки. Простучал мостик, полез с одышкой по склону, утащил за собой отставшие перестуки.

Теперь не заснуть.

Терлецкий приехал в Коноплево год назад строить консервный завод. Помнит, как хрумкал и рассыпался по пористой глине черный бурьян, когда поднимался на высокую насыпь. Потом шагал по шпалам с оглядкой. Куда прыгать, если нагонит поезд? Тогда они гудели чаще. Чуть не прошел станцию, спрятавшуюся в зелени. Попил из ведра у дежурной.

— Вы бомбей ждете? — спросила. Зовут Симой.

Почему бомбей? В Бомбей заходили с туристами, но Терлецкий на берег не записывался, он шесть лет плавал музыкантом на лайнерах. Напротив станции громада элеватора, слепая, непонятная, как чья-то ошибка. И голубей не видно, засуха.

Сима вышла с жезлом и сказала:

— О, унук ходыть почав. Баба, сбырай на машину.

Бабка сидит, широко расставила ноги. Внук топчется, сжав ручонками ее пальцы. Две девчонки поглядывают в сторону Терлецкого.

— Яка машина? — отвечает баба. — Баба сама, бач, в чем ходыть, — показывает тряпочные тапочки. — Зовсим бабу заштовкалы.

Вскрикнул бомбей. Весь состав — два вагона, пассажирский с матовыми туалетными стеклами и товарный с двумя настежь открытыми проемами.

Бабка взяла внучонка на руки и сказала:

— Махай! Дэ Наталка?

Бомбей мотало, Терлецкий хватался за скобу у проема, ловил девчат, обнимал. Одну, кажется, Каролиной звали. Или Кристиной? Нет, Каролиной.

Долина широкая, просторная. По склонам посадки ярусами, у подножий села чередой срослись, выше на косогоре аккуратно кладбища, как ацтекские знаки, побеленные заборы из плоского бута. Следующая остановка — его. Договорился через неделю на станции под абрикосами, сразу с двумя. Бабушка Каролины живет в невидимом селе за полем сгоревшего подсолнечника, здесь все села в балках. С бабушкой им скучно. Они помахали на прощанье.

Село просыпается с мычаньем коров. Молоковозка проехала, она развозит по хатам сыворотку.

— Вовчык, Вовчык! — кричат.

Терлецкий думал, его зовут, он Владимир. Глянул в окно. На грядках дядя Коля с сапкой, прямо под гостиницей участок колхозного токаря дяди Коли.

— Вовчык! — зовет он. В зарослях порыжевшего укропа мелькнул черный хвост с белой кисточкой. Терлецкий видел песика и раньше, но не знал, что он тоже Вовчык или Вовчок.

Воды в гостинице нет с мая. Терлецкий берет банку и идет колодцу. Тезка уже привязан, он отползает на длину веревки и рычит.

— Вы на собаку лляйте, — разрешает дядя Коля. — Лляйте, лляйте. Ты чого гарчыш? — сам окатил пса.

— Вы будете на машдворе? — спрашивает Терлецкий, ему нужна токарная помощь дяди Коли.

— До десяти, пока свет не выключат. Инженеру по немецким комбайнам председатель приказал втулки точить. А зачем той немецкий "Клаас", чи "Цеппелин" нужен? Только ребята забижаются. зарплата на "Клаасе" выше, а работа легше. На один немецкий трактор три человека.

Терлецкий возвращается в гостиницу, включает кипятильник.

— Здесь колодец далеко? — спрашивает полковник.

— Дядя Коля будет точить втулки для комбайна? — выясняет Терлецкий. — Он мне в цеху нужен.

— Там работы на десять минут. Боремся с "рацухой". Техника чуткая, если комбайн наткнулся на металл или препятствие какое на пути, компьютер его остановит. Местные же кулибины норовят усилить узлы, чтобы комбайн камни молол. У нас в "эспэ" есть афганец. Он говорит умельцам: "Вы луддиты. Вас стрелять надо".

— Заварка в тумбочке.

— Спасибо. Моя в номере осталась. Попадется же такая дрянь, жизнь отравит. Какой ему еще укол сделали? У нас в Тюмени тоже крепко пили, но без уколов. У меня все вещи в Тюмени остались. Верите, дома тумбочки нет и сделать не из чего.

— Офис вашего предприятия в Германии?

— В Иене, это бывшая ГДР, я там тоже служил. Когда устраивался, думал, язык понадобится. В академии больше допросам учили, — он впервые улыбнулся. — А оказалось, немецкий механик-наставник говорит по-русски, в Киеве танковое училище заканчивал.

— Курт, что ли?

2.

Предприниматель Вадик, которого в селе называют принимателем, топчется перед открытой дверью начальника машдвора Пети. Петя смотрит с кладовщицей Марисабэль и другими женщинами бразильскую мелодраму, отрывать его от телевизора бесчеловечно.

— Петя, — говорит Вадик, — тебе Вовчик Терлецкий расскажет, что будет дальше. Он это фуфло в Бразилии видел. Ты же был в Бразилии?

В Бразилии Терлецкий бывал, но мыльных сериалов не видел. Вадику тоже нужна помощь дяди Коли. Он выращивает на арендованных площадях тыквы, семечки отправляет в Австрию для приготовления препаратов, стимулирующих мужскую потенцию, а тыквы оставляет председателю Ивану Михайловичу. За это дядя Ваня привлекает для уборки школьников, они дурачатся, футболят тыквы ногами. Терлецкому совсем не весело, его заявление об увольнении из монтажно-наладочного управления не подписано, на нем "висят" материалы, которые немыслимо списать. Трубы Алексеев продал на виноградные арки и пропил, пропановые баллоны украли местные луддиты. Луддиты курят возле немецкого трактора, здесь же и Алексеев, Терлецкого он не узнает...

— Вы уже кронштейн приварили? — спрашивает экс-полковник.

— Свет выключали, — врут.

Как раз сегодня планового отключения не было.

Подкатил мужик на велосипеде. Одной рукой в рабочей рукавице рулит, вторая рукавица нанизана на ручку руля, свободной рукой бросает в рот семечки. Остановился послушать базар.

— Куртик, накатай на дядю Колю телегу в офис, — провоцирует Вадик. — У вас в фирме цугцвангов не бывает?

— Курт свой хлопец, — говорит дядя Коля.

— Так вы его не боитесь? — спрашивает Вадик. — Или за немца не имеете?

Курт и есть тот самый немец с киевским танковым образованием. Для дяди Коли стереотип врага — румынский солдат со швейной машинкой за плечами, еще конные калмыки, которые шашками протыкали в Коноплево скирды в поисках партизан, Курт в этот ряд не попадает.

На первых порах Курт жил в благоустроенном вагончике. Потом вагончик подожгли, болтали, что муж Машки, Марисабэль. Муж увез детей в Радостное, а Курт переселился к Марисабэль.

3.

После обеда на объект приехали АББА, управляющий Абрамович и начальник участка Басистый.

— Баббит привезли? — спрашивает Терлецкий.

— Какой нужен, семьдесят второй или восемьдесят шестой? — уточняет Абрамович. Не привезли никакого.

— А какой манометр ты заказывал, образцовый? — спрашивает Басистый.

— Краснознаменный имени Александрова, — не выдерживает Терлецкий.

Вопросы снабжения саботируются самим же начальством, и не без оснований, платежи дядя Ваня задерживает. Вопросы пола повисли на абрикосах год назад, он так и не выбрался на станцию к Каролине. Вопросы быта дядя Ваня "порешал" в мае. Когда насос оборвался в артезианскую скважину, обитателям гостиницы выдали по оцинкованному ведру для воды. Алексеев в ведро мочится.

— Почему обвязку не переделал? — спрашивает сварщика Басистый.

— А ты мне заплатил? — Алексеев сидит верхом на ферме под крышей, Басистый видит его прожженную подошву.

— Я же тебе сказал, переделать, — включается Терлецкий.

— Да пошел он на хрен! Пусть сам переваривает за Фимку Медника, — Алексеев прерывает диалог снопом искр на голову.

Медник — предшественник Терлецкого, прораб, который вел до него объект в Коноплево, проект несколько раз переделывали.

— Вот клоун был, — вспоминает Алекссеев, немного успокоившись. — Приезжает в колхоз: "Вы Медника заказывали?". Те — на жопу: "Какого Медника?". А он: "Инженера Медника, моя фамилия Медник". — "Нет, нет, вас мы тоже не заказывали". Сейчас где-то на Брайтоне посуду моет.

Увольнения Алексеев не боится. Его выгоняли за склочность еще до акционирования монтажно-наладочной шараги. Пару лет Алексеев работал по ремонту котлов. Когда в Коноплево открылись объемы, Алексеева разыскали. Платили сполна только первый месяц, потом Алексеев стал бунтовать, вспоминать "халтуры" на котлах и пить. Когда Терлецкий лишал его квартальной премии, Алексеев крал нержавейку и варил из нее баки для вина. Басистый в короткие наезды уводил сварщика в "рафик" и воспитывал с глазу на глаз. Алексеев, пользуясь моментом, обливал грязью прораба Терлецкого.

Терлецкий проводил АББУ за мясом к дяде Ване, обогнул цех с тыльной стороны, нашел в чертополохе обрезок нержавейки с почерневшей кромкой, прямую улику, и услышал сильный хлопок. Прорвало проклад-

ку на автоклаве, и Алексеев обварил глаза острым паром. Сторож повез сварщика на мотоцикле в районную больницу.

— Что у него? — спросил Терлецкий у врача.

— Вы родственник?

— Его начальник.

— Ожог первой степени.

Врач объяснил, что при помутнении роговицы образуется бельмо. По пути Алексеев попросил остановить у рынка, насыпал сторожу мелочи, тот купил в ларьке стакан вина. Алексеев выпил, смакуя, и спросил:

— У Фроси брал?

Вечером Терлецкий принес в номер ужин.

— Уже темно? — спросил Алексеев.

Заглянул участковый, отозвал Терлецкого в коридор и показал выварку, коряво сваренную не в среде аргона, а электродами.

— Пиши заявление, — сказал. На Алексееве две судимости: одна по малолетке за хулиганство, вторая — грабеж со взломом.

Ночью оглушительно стрекотали цикады. Оба не спали, Алексеев курил, болело. Потом сказал:

— Кажись, командир, твоя очередь идти до хозяина.

Утром в приемной правления сидела женщина.

— У меня-то делов — всего ничего, — пожаловалась, — а все футболят.

Она нервно взрыхлила ключом землю в горшке с геранью.

— Ты, Зина, всю жизнь хочешь прожить на свободе, — услышал Терлецкий голос дяди Вани. — Не получится!

Открылась дверь, и взволнованно вышла главбух, за ней сам дядя Ваня.

— Ну, як, сыльно обварывся? — спросил.

— Ожог первой степени, — Терлецкий развернул рецепт.

— Лекарства достанем, — пообещал дядя Ваня.

На крыльце правления встретил полковника.

— Немца не видели? — спросил он. — Исчез, собака, вместе с трактором. Далеко не уйдет, знаю, где искать.

4.

"Фердинанд", каэспэшный автобус, двигался с остановками, от колодца к колодцу, как по караванному пути. У колодцев шофер брал ведро и шлепал за водой.

— Что, Славик, закипел? — сочувствовали мужики.

До станции не доехали, на переезде звенело и мигало, по склону спускался бомбей.

— Спыняй! — Славик махал в окно. — Спыняй!

Терлецкий вывел Алексеева. Машинист увидел бинты и остановил поезд прямо на переезде. Алексеев споткнулся о рельс и выругался.

Терлецкий подвел его к телятнику и увидел Панду.

— Что у него с очами? — спросил Панда. В мешке стоял на задних ножках поросенок и истошно орал. — Если берешь пилу, то только с гидроклином.

Из телятника долина, как на ладони. Одна хата сделала смелый шаг к дороге, конек венчает крест, под шелковицей висит кислородный баллон для звона, рядом долговязая фигура в черном. По долине растекаются звоны:

— День-за-днем, день-за-днем.

Станция под абрикосами. Дежурная Сима. Может быть, в последний раз. Дрожащее небо над элеватором и сытые голуби на карнизе. Что там дальше, тюрьма?

— Сима, подержи красный, — просит рабочий в замызганном жилете.

Из телятника выгружают тележку, сложили на нее пропахший креозотом инструмент. Один берется за косую, как у литовки, ручку и катит тележку по рельсу на закат.

— Допоможить, хлопци, — просят с перрончика. Та самая женщина, что ждала в правлении.

Терлецкий помогает погрузить мешки с зерном.

— У кого вода е? — спрашивает попутчица весело. Путейцы подают бутылку из-под "Русской". — Цилый день голодна, як собака, тилькы на вечир выпыла самогонки сто пятьдесят. Нэ знаетэ, почем в городе пшеныця?

Откровенничает по-дорожному. С мужем не живет, он пил, аварию сделал, переехал к матери. Детей трое: мальчик семи лет, девочки десяти и пятнадцати. Девочки в интернате, интернат хороший, в сосновом лесу под Котовском. Устроила по блату. Едет в Раздельную, там все-таки милиция, ночь перекантуется в зале ожидания, а утром на базар продавать пшеницу. Детям хочется сникерсов и жвачки.

— А що з чоловиком? — спрашивает она.

— Авария.

— Не дай бог!

У озера поезд замедляет бег. Десант рыбаков. Сначала бросают в вагон велосипеды, мешки, удочки, потом яростно лезут сами. Запахло макухой.

В камуфляжной толпе полковник, вид у него растерзанный, на тельняшку налипла чешуя.

— Угнал фриц трактор, чтоб бредень тащить, — сообщает удовлетворенно, разоблачил Курта, как и обещал.

— А где солярку взял? — рассеянно включается Терлецкий.

— На буксире трактор к ставку притащил, буряк же возят на сахарный.

— Что-то вода в ставке упала, — замечает Панда. Полковник узнает его и отворачивается.

— Ставок чистили, — объясняет пожилой рыболов, — содрали со дна глину, подводные ключи затамповали, вода и ушла. Теперь долавливают все, кому не лень.

— Сначала рак дохнет, — говорит Панда, — вся зараза в иле. А рак гибнет и всех заражает.

Бомбей объезжает овраги, выписывает немыслимые зигзаги, низкое солнце заглядывает в окна то с одной, то с другой стороны.

Подсаживаются дачники с урожаем в ведрах.

— Вы не знаете, почем пшеныця на базаре? — справляется женщина.

— Сейчас цены по два раза на неделю скачут, — рассуждает новенькая, — мне дочь говорит: "Давай, возьмем телочку, будем брынзу продавать". А кто будет доить? Хватит, я за свою жизнь надоилась. Вы посмотрите, какая земля твердая. Что мне та брынза, я хоть на работе отдохну от нее и зятя.

В мешке снова заходится поросенок.

— И чего ты орешь? — хозяин гладит мешок. — Я ж тебя не украл.

— Письмо пришло из Иены, — полковник достает из длинного конверта письмо. — Генеральный у нас немец-агроном, профессор. Семьдесят четыре года. Каждое письмо заканчивает: "Пусть погода и успех сопутствуют нам", — Терлецкий видит, как полковник криво улыбается во второй раз.

Мешок с поросенком промок, завоняло.

— А где моя сумка? — Алексеев шарит возле себя.

— Как она выглядела, браток? — участливо спрашивают.

Обычный клетчатый замызганный баул, с каким перемещаются шабашники и любой монтажный люд. Сумки нет. Скорее всего, в каэспэшном "фердинанде" оставили, барахло не пропадет, но крови Алексеев Терлецкому попортит.

— Мало того, что я изувечился в твоем блядском цеху, — выговаривает сварщик, — ты еще мою сумку с документами похерил.

Завтра придется ехать на этом же бомбее за вещами. А если кто-то из пассажиров прихватил? И Панды что-то не видно.

Бомбей останавливается. На соседнем пути пограничники досматривают московский скорый, пассажиры кучкуются у вагонов, бледные, недовольные. Озлобленные таможенники с фонариками и повязками кого-то ссаживают.

— Я вот что думаю, — говорит Панда, он уже тут как тут, — кому было выгодно мне укол делать? Может, в ментовке. Чтоб меня расколоть, пока подогретый? Я налево три куба леса толкнул, а у нас в бригаде работал бывший опер, мог стукнуть.

У ног Панды кулек и клетчатая торба. Терлецкий лезет в нее, находит потрепанный паспорт Алексеева.

— Ты откуда ее принес? — Терлецкий совершенно ошалел.

— А, с пацанами ходил в соседний вагон, они по ошибке прихватили. Это твоя? Звыняйте, хлопци, — от Панды пахнет вином. — Так ты уже зрячий? — Панда толкает Терлецкого. Алексеев приподнял бинты с правого глаза, чтобы удостовериться. Белок воспален, страшно смотреть. — Тогда за исцеление, — Панда достает из кулька початый двухлитровый пузырь и разливает.

Проходят пограничники.

— Ты где служил? — спрашивает Панда.

— В Кандалакше, — отвечает Терлецкий.

— А я в Марах. Но не погранцом. А ты, Нельсон, где служил?

— В котельной, — освобожденный глаз Алексеев промакивает тряпицей.

— Глаз не жмет? — Панда берет помидор из чужого ведра, потом спрашивает: — Пару помидор, а?

У московского семья, старики стараются выглядеть бодрячками. Терлецкий знает, куда едут в трех поколениях, а проводники московского не обращают внимания, к массовому бегству за кордон привыкли. Билеты до Нового Йорка через Париж Терлецкому придется сдать, если, конечно, примут с потерей, подследственным выезд на ПМЖ заказан. Мать узнает, сляжет. Нужно было раньше бежать, пока музыкантом плавал.

— Такие люди — и на свободе, — Алексеев первым обнаруживает Фиму Медника в толпе у московского. — Фима, а я думал, ты уже в Брайтоне.

Медник замечает Терлецкого, бежит к телятнику, обнимает, жмет локоть Алексееву.

— Цех не сдали? — спрашивает. — Что у тебя с глазами?

— Ты уезжаешь за бугор, — наседает Алексеев, — а я твою обвязку переделываю...

Медник увлекает Терлецкого в сторонку.

— Вовчик, а ты когда?

— Через месяц, уже билеты на руках, но ты же видишь...

— А третий автоклав не проверяли на плотность? — спрашивает Медник. — Я его не надавливал.

Зажигают зеленый, пассажиры лезут в вагоны, остаются только пограничники с собакой.

— Вот вы — грамотный человек, — обращается Панда к полковнику, — скажите, на хрена нам эти таможни?

Бомбей трогается, потом останавливается, будто споткнувшись, а московский плывет.

— Фима, я желаю видеть тебя на костылях, — благословляет Алексеев, — а чтоб ты меня видел одним глазом, как я сейчас.

Медник натянуто улыбается, за проклятия Алексеева ему неловко перед родственниками.

— Жизнь моя, любовь моя с черными глазами, — декламирует Панда проводнице. — Где пропали, девушка, что случилось с вами?

Проводница замечает желтые фингалы, хохочет. Пассажиры в раскрытых окнах поворачивают головы, даже машут, бомбей выглядит живописно, отъезжающие завидуют им. Фима что-то кричит Терлецкому напоследок слабым голосом, проклятья Алексеева его подкосили, Терлецкий не слышит.

Немного не дотянули до узловой станции. Бомбей стыдливо замирает напротив туалета, как будто своим куцым видом не хочет нарушать железнодорожный пейзаж. Рыбачки дружно опускают велосипеды и мешки. Полковник помогает женщине выгрузить мешки с пшеницей. Панда спрыгивает, в кульке булькает. Остается запах рыбы.

Девчонка на перроне предлагает самогонку и сигареты "Жок".

— Сколько пузырь? — прицениваются Алексеев.

Терлецкого клонит в сон, две последние ночи спал урывками.

Когда просыпается, в телятнике никого. Ни людей, ни вещей. А в сумке подписанные дядей Ваней акты выполненных работ — будущая зарплата бригады. Где же Алексеев? Видимо, выпил на дармовщинку и сошел с собутыльниками в Раздельной, чтобы трястись до города в летучке, так дольше, но зато нальют на халяву. Облегченный бомбей резво бежит в темноту, не собираясь останавливаться. Тамбура нет, до пассажирского

вагона, где, наверняка, есть экстренное торможение, не доберешься. Что делать? Терлецкий карабкается по скобам на крышу. Над головой гудят высоковольтные провода, бежит согнувшись, прыгает на пассажирский вагон, нащупывает ногой поручень, срывается и висит на пальцах, ухватиться не за что. Поезд замедляет бег и останавливается возле безлюдной платформы. Терлецкий проникает в вагон, он пуст. В служебном отсеке сидит с проводницей Алексеев. Под столиком сумка Терлецкого.

— Ты прикемарил, — предупреждает скандал Алексеев. — Я торбы забрал, чтоб не сперли, воды захотелось.

— А теодолит? — все-таки взрывается Терлецкий.

— Вот.

Алексеев тащит с третьей полки треногу и нашаривает там спящего старика в железнодорожной фуражке.

— Раждельную проехали? — шепелявит старик.

— Подъем, батя! — командует Алексеев. — Проехал ты свою станцию. Вылезай.

— А где стоим? — старик спросонья вглядывается в узорчатое матовое стекло, через которое и днем-то ничего не видно.

— Брайтон Бич, — Алексеев вытирает бинтами руки, промакнул глаз, пахнет мочой. — Я в армии при котельной служил, смолой обварился, мочой спасался, — объясняет неприятный запах Алексеев.

"И чего же тебе при котельной не служилось? — думает Терлецкий. — Ограбил с двумя солдатами военторг. Какие-то расходные копейки в кассе выгребли, леденцы, водку. Подельник выдал, показал, где закопали добычу, и Алексеев как зачинщик получил шесть лет. Сидел в Барнауле".

— А ты в окружном оркестре служил? — спрашивает Алексеев с издевкой.

— В оркестре, только не окружном. Утром на разводе играли "Прощай, Маруся!", потом на растворный узел.

— Так ты тоже в стройбате?

— В трубопроводных.

— Что ты гонишь? Таких войск нет.

— А где же я служил?

На праздники в клубе обувной фабрики играли. Там как-то Терлецкий выдал: "Идет солдат по городу, с ширинкою расстегнутой...". Девчонки, конечно, рвали животы, но потом бетономешалка для него начиналась уже с развода.

— Потом плавать пошел?

Сначала визу зарабатывал, в цирке играл, у них должность освободилась, тромбониста в ЛТП забрали...

— Я тоже хотел плавать. Отец при сдаче Одессы погиб. Мать замуж вышла... На причал ходил к дяде Мише, он фофан держал. Первого бычка споймает, и за борт. "Иди, — говорит, — до папы". Второго — "Иди до мамы". Потом подзалетел по малолетке... Вот ты — моряк. А как называется дощечка на шторм-трапе?

— Балясина.

— Пароход снится?

— Теперь реже.

— И мне.

Алексеев идет в туалет, он в метре, дверь за собой не закрывает, спрашивает оттуда:

— Ты объяснительную мою написал?

— А чего это я должен писать? Сам напишешь.

— Нет, напишешь ты, а я подпишу.

Бомбей дергается и снова останавливается просто в поле.

— Пока киевский не пропустим, не поедем, — говорит проводница.

Цикады неистовствуют в предчувствии осени. Терлецкий выходит из вагона и бредет к посадке. За кронами акаций музыка, даже женский смех доносится, там прячется село, обозначенное пиками тополей, верхушки их усохли и оголились, как будто ветки пропускали между пальцев, есть такая детская игра "петушок или курочка". Над тополями плывут вытянутые верховым ветром пурпурные облака.

— Чтобы завтра в контору принес объяснительную, — твердо напоминает из темноты Терлецкий. — Иначе больничный не получишь.

Ему сейчас сам черт не брат, вроде бежит по крыше вагона, сутулясь под проводами. Алексеев слышит, но молчит, он сидит по-зековски на корточках у ступенек, просто сидит, курить нечего.

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ

Два рассказа

Несправедливость

Так зачем же камень положил
Бог в мою протянутую руку...

Руслана Ларина сидела на диване, грустно глядя в темный пустой экран выключенного телевизора. Боже мой, какая несправедливость! Как жестоко судьба может обращаться с человеком. В ее памяти мелькали события пятнадцатилетней давности.

Вот ее дочь, ее Мила выходит замуж. Сергей, высокий красивый парень, сын председателя крупного колхоза Овидиопольского района, и она, стройная, вся в белом, как березка, раскрасневшаяся от счастья; эх, было от чего прийти в умиление. Вокруг нее вьются однокурсницы (Мила училась на пятом курсе медина), шепчутся.

— Вот это пара, — с восхищением сказала Руслане двоюродная сестра Людмила, — поздравляю, Русланка.

Жили молодые прекрасно: Сергей был хорошим мужем, не пил, не курил, не гулял. Зарабатывал скромно (инженер на Спецавтоматике), но тогда этого хватало. Зато отец, Руслана вспомнила широкого, приземистого, с мозолистыми крестьянскими руками Владислава, частенько навещая их, привозил на своей "ниве" заколотого кабанчика или шмат белого как снег сала. Это не считая прочих мелочей.

Поначалу жили у них в трехкомнатной, но когда родился Яша, молодые захотели жить сами и сняли квартиру в доме напротив. Яша. Что за имя? Она тогда стеной встала, но Владислав напирал на сына — назвать мальчика в честь деда. Руслана бы не уступила, если бы не муж. Этот рохля тогда сказал, что раз у людей традиция, можно и уступить. Уступить. Что парню сейчас здесь с таким именем делать? Впрочем, привыкли уже.

А потом перестройка. Муж уже был на пенсии. Милка работала гинекологом в больнице, Сергей копался у себя на заводе, Яша рос у нее, на лето ездил в Красный Луч. Словом, все шло как обычно. Дальше — хуже. Завод почти не работал, зарплату не платили, и Сергей уволился. Новую работу найти было непросто, перебивался случайными заработками. В колхозе тоже все шло наперекосяк, Владислав жаловался, что то ферму за-

крыли, то кормов нет. Денег и сала уже не привозил. Жила семья на Милкину зарплату и Сашин случайный заработок. Руслана тогда принялась нажимать на Сашу: отец семьи должен обеспечить достойное будущее жене и ребенку. И Милке это вдалбливала, тем более что вокруг как мух расплодилось всяких предпринимателей, которые умудрялись зарабатывать миллионы. Но парень был из другого теста, ничего путного найти не смог.

И вот Миле предложили съездить на стажировку в Германию. Руслана дочь сразу поддержала — нечего в этой стране штаны просиживать, хоть посмотрит, как люди живут. Впрочем, сильно никто и не возражал. Сергей остался с ребенком, а Милка поехала в Дортмунд. Вернулась через год, всего на две недели, возбужденная, цветущая. Стажировка шла успешно, ей предлагали остаться работать. От здешней жизни успела отвыкнуть, Руслана улыбнулась: в первый день вечером, когда они за столом сидели, дочь пошла в ванную. Через несколько секунд послышался недовольный голос: "Мама, вызовите сантехника, горячий кран не работает".

— Да это не кран, горячая вода до девяти только.

Удивленная Мила выглянула из ванны:

— Как это?.. Ах да, я забыла.

Сергей был не очень доволен, что жена опять уезжает, да еще и неизвестно на какой срок, но работы у него по-прежнему не было, пришлось смириться.

Проходит несколько месяцев, в доме у Лариных звонит телефон. Руслана взяла трубку. Звонила Мила. Спросила, как дела дома. Руслана в двух словах рассказала, добавив, что Саша, как обычно, бездельничает. Она говорила быстро, зная, что междугородний звонок дорого стоит. Но в этот раз Мила не торопилась вешать трубку.

— Мама, — в словах дочери Руслана уловила колебание, — Саша ведь не очень приспособлен к современной жизни.

— Конечно, — возмущенно сказала Руслана, — когда Союз был, так он у отца, как у Христа за пазухой был, да и сам бы инженером не пропал, а сейчас если бы не ты, так, может, по мусорникам бы побирались!

— Мама, — Мила говорила с трудом, тщательно подбирая слова, — мне уже сказали точно, я остаюсь здесь работать.

— Ну и отлично, поздравляю, Милочка!

— Понимаешь, мама, это я буду работать, а пока получу вид на жительство, и вообще, здесь тяжело одной очень.

— Конечно, тяжело, но ты терпи.

— Нет, я не о том. Понимаешь, я встретила человека, очень хорошего

человека. Он хорват, старше меня, но у него свой бизнес, гражданство. Если мы поженимся, то я смогу получить гражданство, вас вызвать.

На секунду Руслане стало страшно, но тут же все выгоды ситуации засверкали яркими лучами новогодней елки. "Она будет жить в Германии. В цивилизации. Да, прочь из этой грязной жестокой страны".

— Милочка, — голос у Русланы дрогнул, — я понимаю тебя. Ты поступаешь правильно. О Яше не волнуйся, я все сделаю.

На следующий день она пошла к Саше, предложила Яше пожить у них, а Саше будет легче работу искать. Самое интересное, что этот простак через месяц работу нашел в каком-то кооперативе. Еще через месяц приехала Мила, а дальше завертелось, закружилось. Они развелись. Саша с горя уволился, несколько раз напился. Руслана тогда рассказала, что за ним эта склонность всегда была, просто скрывал. Солгала, а что делать? Все соседи Милу осуждали, особенно когда узнали (откуда только), что Милкиному хорвату под пятьдесят. А она, бедная, тогда сильно колебалась, могла все бросить. Но Руслана проявила характер, довела дело до конца.

Милка с сыном уехала. Через три месяца, продав две квартиры (свою и покойной бабки), машину, дачу и прочее имущество, уехали и Ларины. Конечно, здесь хорошо. Вот только дорого все. Милочка, бедная, бьется с утра до вечера в этом госпитале. К тому же, здесь плохо к иммигрантам относятся, Мила жалуется, что немцы грубо себя ведут. Не все, конечно, но все же. И хорват этот тоже хорош. Он машинами торгует. Бизнес неплохой, но много денег домой шлет. Милу спрашиваю: почему? Отвечает, что там у него родители, родственники. Родители. О своей семье надо думать.

Яша подрос уже, с девочкой встречается; тоже иммигрантка, русская. Хорошая девочка, но бедная — отец шофер, какое у них будущее? Здесь и за воду, и за газ, и за свет надо хорошо платить. Приходится экономить, да так, что иногда ешь хуже, чем дома. И тут еще это несчастье.

Людмила пригласила ее на месяц погостить. Они уже пять лет как в Германии жили, с Людмилкой все шесть не виделись, решила съездить. Ну, ей про трудности не говорила, расписывала жизнь за границей в красочных тонах. Людмила, конечно, охала, завидовала. Когда Руслана закончила про свою распрекрасную жизнь, сестра принялась за свои новости. Зарплата маленькая, не хватает, но Людмила давно уже, три года как, записалась в "Цептер", там можно кое-что заработать. Сын плавает матросом, нелегко, видятся мало, Вера, ну, соседка Русланкина, в Канаду уехала с сыном...

— Да, что ты знаешь, — оживилась сестра, — отец твоего Сережки-то умер.

— Упокой Господь, — небрежно бросила Русланка, — а сам Сережка где? Спился, небось.

— Да нет, держи карман шире, — усмехнулась Людмила. — Он сперва на свой завод вернулся, "Автоматика" уже работает, а сейчас в Красном Луче живет.

— В деревню переехал?

— И ты бы переехала. Слушай, что расскажу, — от возбуждения глаза Людмилы горели. — Когда Владислав умер, после него осталась земля, конюшня с лошадками, а там и племенные есть, свиноферма. И все это частное.

— Частное? — обмерла Руслана.

— Ну, официально это как долгосрочная аренда, но фактически все Сережке досталось. Представляешь?

Как раскаленный нож вошла эта новость в сердце Лариной. На следующий день она позвонила в Красный Луч сестре Владислава, Вере. Спросила: какие новости, как живут, а потом и про наследство. Но вздорная баба едва об имуществе заслышала, сразу отрезала: "Украинские земли гражданам другой страны не даются!" — и трубку положила. Руслана не успокоилась, к адвокату пошла, но в ответ то же неутешительное: если они в разводе, шансов никаких. И вот сейчас, уже в Германии, сидя на диване, Руслана не могла примириться с мыслью, что наследство ускользает из рук.

Вечером, не утерпев, рассказала все Милке. Та в слезы, сгоряча вспомнила, что это мать ее уговаривала мужа бросить, сейчас бы жили безбедно. Но Руслана в долгу не осталась, память ей освежила, что решение дочь принимала сама, она только не оставила, поддержала в трудную минуту. Поплакав и успокоившись, женщины принялись думать.

— Мама, — вспомнила Милка, — а сходите к Генриху.

— Что за Генрих?

— Ну, помните, когда у Милана проблема была, он к адвокату ходил? И говорил, что такой хороший, нахвалиться не мог.

— Да ходила я к адвокату, я же говорила.

— Ну, так то там, а то здесь.

— Ну, так ты бы и сходила, я же по-немецки плохо говорю.

— Да я же на работе все время. А язык не страшно, у Генриха помощник поляк — он по-русски понимает.

И Руслана решилась. Все получилось, как Мила рассказывала. Генрих оказался приветливым круглым старичком с широкой улыбкой. Услышав, что фрау Руслана не говорит по-немецки, Генрих засмеялся, сказал, что он

по-русски понимает, у него много клиентов-иммигрантов, но на "трудный случай" пригласил пана Вацлава.

Внимательно выслушав фрау Руслану, Генрих сочувственно вздохнул. Действительно, дело плохо. Семья разъединилась давно, все споры были решены тогда при разводе. К тому же, насколько Генрих знает, с землей в Украине сейчас полная неразбериха.

— Да не надо земли, — всхлипнула Руслана, — мне вообще ничего не надо, все для мальчика. Пусть продадут что-то, отдадут деньгами.

Герр Генрих и пан Вацлав были полны сострадания к бедной фрау, но:

— К сожалению, дело безнадежно. Мы, фрау Руслана, — здесь немец, довольно сносно говоривший по-русски, сделал заминку и щелкнул пальцами, подыскивая слово, — реалисты. Мы не можем давать вам надежду там, где ее нет. Если бы вы имели какое-нибудь упоминание в завещании...

— Как же, упомянет, старый черт, прости, господи, мою душу грешную. А ведь Сережа такой добрый, так любит сына, — эти слова вырвались у Русланы, когда она уже вставала из-за стола.

Пока Вацлав что-то говорил Генриху, она уже дошла до дверей, и тут немец остановил ее. В его хитрых глазках Руслана уловила заинтересованность.

— А что, ваш зять действительно человек мягкий?

— Да из него веревки можно вить!

Тут ей пришлось объяснить адвокатам, что это значит.

— И он любит своего сына?

— Да он рыдал, когда мальчик уезжал.

Тут поляк с немцем быстро заговорили по-немецки. Руслана не поняла ни слова.

— Значит так, пани, — начал Вацлав, когда они с Генрихом закончили обсуждать, — можно попробовать. Конечно, получится, нет, кто знает, но если получится, пани с большой выгодой окажется, а если нет, с малым убытком, так?

— Так.

— Так вот, мы с вами и с дочкой поедем в этот хутор к вашему зятю и попробуем поговорить. Если он добрый человек, то от большого богатства малую часть отдать он может. А мы тут же бумагу напишем, чтобы он не передумал потом. Пани согласна?

"Еще бы она не согласилась! Поедет, поговорит с Сергеем, не зверь же он. Вот только Милка ехать наотрез отказалась. У нее, видите ли, работа! Знаем мы эту работу. Просто боится ехать. Конечно, там бабы языкатые,

враз косточки перемоют, а что делать? Привыкла, что мать за нее пашет. Ладно, справятся вдвоем с Вацлавом. Адвокат тоже не прост. Двадцать процентов в случае успеха! И сейчас тоже некоторую сумму возьми и заплати. Ну да ладно, потерпим, лишь бы дело выгорело".

Ехали на машине Вацлава. По немецким гладким как зеркало дорогам "Volkswagen Passat" шел далеко за сто. На Украине стало хуже. И дороги разбиты, и народ угрюмый, лишний раз остановиться боишься. У Руслаы сильно затекла спина, ныли ноги. Но несмотря ни на что на третий день под вечер они благополучно прибыли в Красный Луч. За семь лет, что Руслана здесь не была, она и дорогу забыла, пришлось спрашивать. Но ничего, доехали. Зато дом Владислава нашла сразу.

Саша был дома, с матерью. Старая не ответила на приветствие Руслаы, только зыркнула глазами и пошла греметь кастрюлями. А Сергей ничего: поздоровался, к столу пригласил. Посидели, поели, о том о сем поговорили. Руслане не терпелось к делу приступить, но старуха хоть за стол не садилась, все время крутилась рядом. Но вот старая карга вышла за дверь, и Руслана, не теряя времени, принялась рассказывать, как тяжело жить в Германии, как все дорого, как убивается бедная Мила. При упоминании о бывшей жене, Саша нахмурился, и Руслана решила потянуть за другую нить.

— Яша такой хороший мальчик, уже с девочкой встречается, пожениться думают. Девочка русская, тоже небогатая. В Германии жить не хотят, думают на родину ехать. Только не решили, в Россию или в Украину. А мы, родители, им: "Ну куда вы поедете, ведь ни квартиры, ни денег же нет, как жить думаете?". Они не слушают.

Тут Сергей еще ниже опустил голову, и Руслана решила, что пришла пора решительных действий.

— Сережа, ты понимаешь, что было, то было, кто не прав, время рассудит. Но ты скажи, ты Яшу своим сыном считаешь?

— Конечно, — бывший зять поднял голову, — конечно, он — мой сын.

— Тогда не оставь его. Мила, понятное дело, ничего не хочет и не просила бы тебя ни о чем, но я ради Яши прошу: дай ему что-то из дедова наследства. Мы имеем право на свою долю, вот и адвокат тебе скажет.

Вацлав кивнул головой с важным видом.

— Но ты сам реши: сколько и что ты можешь.

Сергей молчал. Руслана даже дыханье затаила — сейчас решалось все.

— Ладно, — наконец сказал Сергей, — я согласен. Но только Яше.

— Пан Сергей, — осторожно подал свой голос Вацлав, — чтобы вы не

сомневались, мы можем составить бумагу, где прямо укажем, что все, что вы согласны передать, пойдет вашему сыну и только ему.

Это была ловушка, теперь получалось, что составлять бумаги требовалось для Сергея, а не для них.

— Хорошо.

Дело продвигалось прекрасно. Руслана с облегчением вздохнула. Мысленно она представляла себя владелицей свинофермы. "Кто знает, может, она завалит Германию тушенкой со своим изображением".

Но мать Сергея вышла не зря. Едва пан Вацлав полез в портфель за бланками, как дверь открылась, и в комнату заглянула копна черных как смоль волос — Верка.

— Руслана, здравствуй.

— Здравствуй, Вера, — елейно ответила Руслана, предчувствуя беду.

Но все обошлось.

— Там сейчас Милка звонила, беги до нас, через пять минут перезвонит.

Руслана спохватилась:

— Что еще стряслось?

— Да я откуда знаю? Беги к нам, там стара сидит в хате, и жди звонка.

— Пан Вацлав, я сейчас.

И Руслана выбежала из комнаты.

Пока Руслана с Вацлавом обрабатывали Сергея, его мать побежала к Вере.

— Вера, любушка, спасай, там эта дочь антихриста приехала с нимцем адвокатом, судиться с Сергеем за отцово наследство будут!

— Вот змеюка, — всплеснула руками Вера, — ведь она звонила мне, я ее отбрила. Видно, мало! Ну, я ей дам.

Наказав старой сидеть дома, Вера ринулась на улицу. Спровадив Руслану нехитрым образом, она принялась думать, что сделать с адвокатом. К счастью, Вера знала, где найти мужа. Вбежав в дом Миколы-вдовца, она со всей силы толкнула дверь. Тяжелая дверь распахнулась, и ее взору предстали три богатыря — Микола, Генка-тракторист и несравненный Богдан. Вся троица застыла с поднятыми рюмками.

— Сидите, — зловещим тоном начала Вера.

— Так, Вера, — робко начал муж.

— Сидите, — повторила Вера, — все на свете пропить готовы!

— Верусь, да брось ты, — засмеялся Генка, — сядь с нами, выпей рюмку, совсем мужика затюкала.

— Да я сяду, — сделала смирный вид Вера, — Сережу только жаль.

— А что с Серегой? — насторожился Богдан.

— Приехала сейчас Русланка из Германии, притащила адвоката, насели на него с двух сторон, хотят наследства Владислава.

У мужиков рты от удивления открылись.

— Во дает! Ну Русланка! Из Германии адвоката приволокла.

Они бы еще долго болтали, но Вера живо пресекла болтовню:

— Вы поболтайте, поболтайте. Они как раз бумаги и подпишут.

Они аж подскочили.

— Что делать будем, Микола?

— Что делать, — Вера задохнулась от ярости. — Руслану я уже спровадила. А вы бегите да намните бока адвокату. А я сбегаю да приведу еще наших.

Пан Вацлав только приготовил бумаги, разложил их на столе, как в дверь опять постучали. Он думал, что это пани Руслана, но в комнату заглянул неизвестный ему мужик с красным носом.

— Здравствуй, Сережа, — поздоровался мужик.

— Здравствуйте, дядя Богдан.

— Господин адвокат, — вежливо попросил Богдан, — на пару слов.

Пан Вацлав с неохотой выбрался из-за стола: он предчувствовал затруднение в их деле. Вся суть успеха заключалась в стремительности и внезапности. А если весть об их приезде разнесется по селу, могут начаться толки, споры, и Сергей может заупрямиться. Впрочем, как учил его Генрих, в любых условиях надо улыбаться. Но улыбка быстро сползла с лица поляка, когда он увидел, что вместе с Богданом стоят еще двое красноносых.

Руслана места себе не находила. Она ждала звонка уже пятнадцать минут. Дернул же черт Милку позвонить в такой момент! Вацлав с Сергеем там одни, и Верка сейчас все разузнает. Нет, надо бежать! В этот момент зазвонил телефон. Руслана схватила трубку:

— Алло!

— Алло, Вера, дай Богдана.

— Да нет его, — крикнула она и бросила трубку на рычаги.

Еще две минуты ждет — и все.

— Господин адвокат приехал с Русланой? — вежливо поинтересовался Генка.

— О, да, — кивнул пан Вацлав, постепенно обретая присутствие духа.

— Из Германии?

— О, да.

— Что ж пани Руслана не нашла адвоката здесь? — с издевкой поинтересовался Генка, делая шаг вперед.

— Законы одни, — запинаясь и с сильным от волнения акцентом проговорил пан Вацлав.

— Это верно, законы одни, — с угрозой сказал Микола, заходя сзади.

— Так чтобы пан адвокат не занимался бесчестными делами, хотим передать ему вот!..

Генка сильным ударом кулака заставил согнуться поляка почти вдвое. Следующие пять минут пан Вацлав издавал звуки, какие издают все люди, когда их бьют, правда, с акцентом. Руслана подоспела как раз в тот момент, когда провожаемый улюлюканьем и насмешками пан Вацлав бежал к машине. К тому времени к месту драки сбежалось немало односельчан. Руслане пришлось выдержать яростную, но неравную схватку с женщинами поселка. Вера тем временем напустилась на вышедшего на шум Сергея.

— Как телок малый, — негодовала она. — Для того отец твой горб гнул, чтобы эта немецкая шлюха теперь себе все заграбастала! Кто ты был, когда ты просто инженером работал? Алкашом, тунеядцем! Теперь снизошли до тебя, приехали. А за старика, который ей в отцы годится, она по любви пошла?!

Тетка еще долго учила нерадивого племянника, время от времени вспоминая и Руслану, которая, в конце концов, не выдержала и пошла прочь. Идти ей было некуда, и она направилась на берег реки. Сельчане стояли возле хаты, качали головами, волновались. Среди них был и дед Никодим, участник войны. Качая головой, Никодим медленно шел домой. Он не все понял из многочисленных разговоров сельчан, так как почти не слышал, но пара слов дошли до его сознания: земли, немецкий адвокат, судиться... "Что ж, немцы приходили за землями на Украину в сорок первом, пришли и сейчас. Только тогда они шли с автоматами, а сейчас с хитрыми законами и золотом".

Пан Вацлав пылал жаждой мщения. "Проклятые дикари". Он тридцать лет жил в чужой Германии, и так с ним еще никто не поступал. Ладно, закон есть и в этой стране. Проезжая поворот, он видел одноэтажное здание с надписью "милиция". "Вы еще пожалеете, что связались с паном Вацлавом!"

Большая часть народа уже разошлась, Верка еще не закончила отчитывать племянника, когда в конце улицы, поднимая столб пыли, показался знакомый зеленый "Volkswagen". Хлопнули дверцы, из машины вышли

пан Вацлав и капитан Фомийчук. Тяжело ступая, Фомийчук, следуя указанию Вацлава, подошел к группе, где стояли Микола, Генка и Богдан. Пан Вацлав быстро шепнул капитану что-то на ухо и побежал в дом за оставленным имуществом. Портфель и бумаги были на месте. Побросав бумаги в портфель, пан Вацлав поспешил обратно.

— Ну, что, Кушнир, допрыгался с ребятами? — мрачно спросил Фомийчук. — Ты хоть знаешь, кого вы избили?

— Извини, Васильич, выпили малость, — со смирением вздохнул Генка.

— А это только усугубит вашу вину.

— Так-то оно так, а все же сам посуди. Отец этого немца здесь карателем был. И ему сам Гиммлер посулил эти земли. Теперь этот наследник приезжает и требует свою долю.

Есть в борьбе понятие: запрещенный прием. Все, знающие капитана Фомийчука, поняли, что сейчас Генка сделал по отношению к нему запрещенный прием.

Капитан Фомийчук родился в тридцать девятом году; матери не помнил, умерла при родах. Жил с отцом и бабкой. В сорок втором бабка умерла. До сорок четвертого малец бродил по селу, просил подаяние. В сорок четвертом чудо — вернулся отец. Танкист, горевший под Курском, изуродованным лицом напоминал чудовищ из сказок. Но для Васи он был самим ангелом хранителем, спустившимся с небес защитить свое бесприютное чадо. Отец был для Васи всем и когда, выпив с мужиками, он начинал вспоминать Курск, Прохоровку, мальчик слушал, впитывая каждое слово. Отец сильно болел и умер, когда Васе было двенадцать. Мальчик мечтал вырасти, стать танкистом, отомстить фашистам за отца. Жизнь распорядилась иначе. Армия, десантные войска, потом милиция. Но сейчас, услышав, что немецкий гад приехал за землей, где похоронен отец, Фомийчук на секунду потерял контроль. Пан Вацлав вышел из дома и аж присел, увидев налитые кровью глаза капитана.

— Немецкая сволочь, — услышал он, а потом увидел, как рука Фомийчука потянулась к кобуре.

Пан Вацлав взвизгнул и бросился бежать, Генка с Миколой кинулись держать обезумевшего представителя власти. И в этот момент грохнул выстрел. Нет, это был не пистолет капитана, это выстрелила старая "тулка" деда Никодима. Увидев, что проклятый тевтон взялся за дело всерьез, дед Никодим решил защищать Родину. Руки у старого охотника тряслись, вряд ли он попал бы в танк с пятидесяти метров, поэтому он направил ружье повыше и нажал на спусковой крючок.

Пуля полетела высоко вверх, но бедному пану Вацлаву показалось, что она просвистела над самым его ухом. Ноги его заработали с удвоенной скоростью. Подобно хорошему ковбою в плохом вестерне, который лихо вскакивает в седло, пан Вацлав впрыгнул в свой "Volkswagen".

Заревел мотор, и пыльная машина, взяв с места высокую скорость, понеслась по улице. Она пролетела мимо пани Русланы, спешившей узнать, что за выстрелы в деревне, обдав ее облаком пыли. И еще долго, но безуспешно махала пани Руслана руками в надежде остановить своего спутника.

"Так вот она — украинская мафия, — испуганно думал пан Вацлав, с силой нажимая на педаль газа. — Полицейский, представитель власти пытается убить меня на глазах у жителей хутора! Теперь, если я поеду обращаться в полицию, меня обвинят в торговле наркотиками и расстреляют. Нет, домой, и как можно скорее".

Испуганному адвокату несколько раз казалось, что его преследуют. Тогда он выжимал из несчастной машины все, что возможно. Темный "Volkswagen" пытались остановить на одном из постов ДАИ, но машина с грязными номерами пронеслась, как метеор, мимо отчаянно сигнализирующего жезлом инспектора.

Лишь к вечеру пан Вацлав немного успокоился и решился заночевать в гостинице. Впрочем, через три часа беспокойного сна он вскочил и поехал дальше. Дорога домой заняла в полтора раза меньше времени, чем дорога в Красный Луч.

Мы не знаем, что сказал пан Вацлав герру Генриху по возвращении. Мы также не знаем, что пришлось вынести бедной Руслане, так как доподлинно известно, что ей пришлось заночевать в деревне, в доме у Веры. Но нам точно известно, какой разговор состоялся, когда она вернулась в Дортмунд и пришла к герру Генриху.

Вначале она обвиняла пана Вацлава в том, что он бросил ее, а пан Вацлав оправдывался, что его пыталась убить украинская мафия. Герр Генрих считал, что пан Вацлав несколько преувеличивает опасность. Но когда фрау Руслана подтвердила, что она слышала выстрел, он удивился:

— Неужели они рассчитывали, что можно безнаказанно убить немецкого адвоката? А расследование? Нашли бы тело.

— Да кто нашел бы? — зло бросила фрау Руслана. — Закопали бы в плавнях, сто лет бы искали — не нашли.

От неожиданности герр Генрих едва не лишился речи:

— А представители власти, полиция?

— Да они же кормятся все от села! Вот и покрывают друг друга.

— Но, фрау, это же и есть мафия! Когда представители власти соединяются с бандитами...

Когда фрау Руслана вышла из конторы, хлопнув на прощанье дверью, герр Генрих облегченно вытер лоб. "Варварская страна. Я думал, что бедный Вацлав преувеличивает, а тут: "закопали бы, и никто не нашел!". Надо будет выдать Вацлаву небольшую премию". Тут герр Генрих вспомнил, что фрау Руслана не оплатила последний счет на пятьдесят марок. Он уже думал позвонить Милану, но потом раздумал — сумма невелика, а тревожить фрау Руслану из-за пустяка — наживать неприятностей. В конце концов, он не в убытке от этого дела.

Вечером Руслана зашла к дочери и рассказала ей подробности. Мила чуть не заплакала, когда узнала, что деньги были почти в кармане.

— Зачем ты мне звонила, скажи на милость? — поинтересовалась мать.

— Да не звонила я вам!

Руслана только вздохнула, сообразив, как просто ее провели.

— Мама, вы же умная женщина, — со слезами начала Мила.

— Да? Надо было самой ехать лаяться, — отрезала мать.

Сама она думала, что зря она связалась с этим рохлей адвокатом. Сестру Людмилку бы туда! Вместе они бы сумели справиться с любыми сельскими бабами.

Друг

— Кофе будешь?

— Нет, не хочу.

— А я выпью, — Витя встал, подошел к столу и с силой вдавил кнопку электрочайника.

Вова оттолкнулся левой ногой от стола, сделал полтора оборота на своем стуле, потом крутнулся в обратную сторону. На часах было двенадцать пятнадцать. В воздухе висела напряженная тишина.

Работа делилась на будни и на дни "нала". В будни они втроем — Витя, Вова и Саша — сидели в магазине, торговали детскими игрушками. А в дни "нала" кто-то один, согласно очереди, ехал на место, получал, передавал товар, забирал деньги. Иногда, когда требовали обстоятельства, надо было ехать вдвоем, но это редко. Сегодня был день "нала".

Раздался щелчок — кипятильник выключился. Витя налил кипяток в чашку, потом посмотрел на часы: двенадцать двадцать.

— Еще пятнадцать минут.

— Знаю, — меланхолично ответил Вова.

Опять тишина, нарушаемая лишь скрипом стула, Витиным кряхтеньем — он пил горячий кофе. Вообще, ждать звонка в дни "нала" было довольно мучительно. И если уж совсем честно, то неизвестно, что еще было лучше: самому передавать товар или вот так ждать.

— Ты на хату уже насобирал?

Витя недоуменно смотрит на друга — он задумался и не сразу понял суть вопроса.

— Что? А, нет, то есть, да. Но у Ленки появилась идея строить дом. Не очень большой, но все равно, это дороже.

— Понятно.

— А чего ты спросил?

— Просто. Я, наверное, завтра или после завтра поеду машину смотреть.

— Хорошо тебе.

— Не лучше, чем тебе. Меньше пьянствовать нужно, давно бы построил свой дом.

— Ой, вот чья бы корова... Кстати, двенадцать тридцать четыре.

— Вижу. Сейчас позвонит.

— Скорей бы. Надоела мне эта нервотрепка.

Вова промолчал. Иногда они позволяли себе предположение, что наступит время, и они завяжут. Но, здраво рассуждая, кто их отпустит? Если уж ты попал в этот бизнес...

— Двенадцать тридцать семь.

— Не нервничай.

— Я не нервничаю, просто констатирую факт.

— Надеюсь, он не забудет позвонить.

— Я тоже надеюсь.

— А я припоминаю, как кто-то когда-то пошел купить пирожков вместо того чтобы сделать звонок.

— Я опоздал всего на пять минут, а вони...

— Сейчас тоже пять минут.

— Уже шесть.

— Да, шесть, — Витя опрокинул чашку, допивая остатки черной жидкости, и резко встал. — Это уже много.

— Может, батарея села?

— Нет, я вчера два раза ему напоминал.

— Тогда ждем.

— Ждем, что еще остается? И перестань вертеться, меня этот скрип за...
— Ладно.
В двенадцать пятьдесят стало ясно, что что-то случилось.
— Может, машина сломалась?
— Позвонил бы.
— Мобилку спиз...
— Из автомата бы позвонил.
— Ну...
— Хватит, Вова. Я пойду, позвоню, а ты сиди здесь.

— Мама, это я.
.....
— Все в порядке, просто мне надо срочно уехать.
.....
— На несколько дней. Все, не переживай, пока.
.....
— Нет времени, пока.

Витя вышел из магазина, перешел дорогу и направился к бару "Семь футов". Внутри играла спокойная ненавязчивая музыка, посетителей не было. Он подмигнул симпатичной Леночке за стойкой и показал на телефон. Девушка с готовностью кивнула, Витю здесь хорошо знали.

Он набрал номер, послушал, потом еще раз набрал. Абонент вне досягаемости. Черт, что же случилось? Замели? Менты не отключат мобилку, напротив будут фиксировать звонки. Витя рассеянно кивнул Леночке и вышел. Так же, погруженный в свои невеселые размышления, начал переходить дорогу и вдруг остановился как вкопанный: возле магазина стоял черный BMW. Витя оглянулся, убедился, что его не засекли, и спрятался за газетный киоск. Пускай Вова сам говорит с Меченым.

Через четыре минуты из магазина вышел высокий крепкий мужчина в черном плаще и сел в машину. Витя подождал, пока BMW скроется за поворотом, потом пошел в магазин. Вова сидел на телефоне, лицо потное от возбуждения.

— Пока ты звонил, — быстро сообщил он, — приезжал Меченый.
— Ну и что?
— Что, что, х... через плечо, Сашка взял товар и пропал.
Витя присвистнул.
— Да. Ты дозвонился ему?

— Нет, абонент вне досягаемости.

Вова опустил трубку:

— Слушай... Он же не... кинул нас?

Витя пожал плечами:

— Не должен. Случилось что-то.

Вова снова поднял трубку.

— Да, да, Алла Сергеевна.

.....

— Да, нет я не молчу, это телефон барахлит. А Саша не знаете где?

.....

— В командировку?

.....

— Нет, не знаю, может Витя...

.....

— Да, спасибо, до свидания.

Вова опустил трубку на рычаг. Вид у него был убитый.

— Он позвонил матери, сказал, что едет в командировку.

— Вот сука, — Витя сел на стул, достал сигареты, закурил. — Как же он? Мы же в одном классе учились.

— Слушай, а на сколько там товара?

— Тысяч на тридцать, ну, тридцать пять от силы.

— Дай сигарету. Что делать будем?

— Что делать... Позвони Кириллу, пусть поищет нашу "короллу".

— Хорошо. А Меченому?

— Пока не будем.

— А может, лучше скажем? Он быстрее найдет его. Пока не поздно.

— Ты что, идиот или притворяешься?! — Витя бросил сигарету на пол. — Кто его сейчас найдет? Он в любом направлении... Черт, дай телефон.

— На.

— Алло, Лена. Слушай, я не приеду на обед сегодня.

.....

— Ну не получается. И вечером мы, наверное, к Козе не пойдем.

.....

— Я понимаю, что день рожденья. Хочешь — иди сама! — он бросил трубку и посмотрел в окно. — Повесь "Переучет", слышишь, Вова.

— Нет, Гриша! Христом Богом!!

— Давай, — голос сух, бесстрастен.

Газовая горелка приближается к Вовкиному животу. Он, с округлившимися от ужаса глазами, смотрит на желтое дрожащее пламя. Огонь приближается. От боли резкой, прожигающей все тело боли Вовка бьется об пол, кричит... Наконец горелка плывет в сторону. Через некоторое время боль немного отходит. Сквозь слезы Вовка видит, как к нему склоняется небритое Гришино лицо:

— Ну что, Вова, колись.

— Гриша, я клянусь, я тебе мамой клянусь. Я не знаю, где эта сука.

Гриша внимательно смотрит на толстое, красное от слез лицо. На нем отчаяние и мольба.

— Самое страшное, Вова, что я тебе верю. Верю. Но мне нужно знать точно, что ты не знаешь. А смогу я это узнать только когда ты сломаешься. Только тогда я смогу сказать точно, что ты чист, — он поворачивает голову и говорит в сторону. — Давай.

Пламя приближается к темно-красной обожженной коже, Вовка кричит, бьется об пол... Когда вместо крика он стал скулить, совсем как щенок, Гриша достал мобильник.

— Это я. Он не знает.

Витя сидит на стуле, смотрит на левую ладонь, точнее туда, где когда-то был мизинец. Рука дрожит.

— Ну, что, Витя, — он поднимает голову, лицо с узким ровным шрамом под правым глазом бесстрастно. — Вова чист, ты тоже, считаем, чист.

— Я же говорил...

— Ты молчи, ты слушать должен. Ответить все равно надо. Он, — Меченый кивает вверх, — не хочет, чтобы кому-то еще раз в голову пришла мысль кинуть его. Ты понял?

Витя судорожно кивает:

— И что?..

— Получишь срок. Ограбление обменника месяц назад помнишь?

Витя опускает голову:

— С огнестрельным... А не боитесь, что я лишнее брякну?

— Нет, Витя. В ментуре много нераскрытых дел. Тех, кто девчонку в подъезде изнасиловал три года назад, так и не нашли.

Витя закусывает губу, смотрит в сторону.

— Это, не говоря о том, что у тебя семья...

— Валик, здравствуй.
— Кто это?
— Это я, Саша.
— А, привет.
— Привет, я по-быстрому, как там мама?
— Нормально.
— Не болеет?
— Нет.
— Ну хорошо, пока.

В квартире накурено. С непривычки от трех рюмок Витя захмелел. Справа сидит Ленка, смущенно улыбаясь, каждый раз, когда муж смотрит на нее. Она чувствует себя неуверенно. Эти пять лет она не была пай-девочка. Но в поведении тех мужчин чувствовалась какая-то торопливость, даже вороватость, что ли. Понимали, что не свое. И вот первый раз за это время ее обнимает сильная рука, чувствующая свое право. Даже раньше он так уверенно себя не вел. От этой силы сладко замирает сердце. Она ждет не дождется, когда все уйдут, но это нескоро — веселье в самом разгаре. Если это можно назвать весельем.

Слева от него мать. Глаза испуганные — ей все время кажется, что сейчас он куда-то уйдет, исчезнет, поэтому она крепко держится за его рукав. Напротив пацаны: Дима, Леха, Чебан. Еще дальше — дядя Петя, тетя Маша, Вовкины родители.

— Витя, — тетя Маша смущенно улыбается, — как там Вова, не болеет?

— Все нормально, тетя Маша, — кривится Витя, — здоров.

Незачем ей знать, что у Вовки отбиты легкие, и вряд ли он долго протянет.

— А за что же ему добавили, — в ее голосе горечь, — Витя?

— За драку, тетя Маша.

— Он никогда раньше не дрался, — она всхлипывает.

Витя опускает голову, а когда поднимает, глаза его горят нехорошим, злым огнем.

— Я хочу поднять следующий тост, — Витя говорит тихо, но шум в комнате мгновенно затих, — за ту тварь, имя которой говорить не хочу. Я знаю, что он шхерится и будет шхериться до самой смерти. Потому что я прощать не собираюсь. Те бабки, что он взял, не принесут ему удачи. А он... пусть живет долго и боится...

— Алло, Валик?
— Привет.
— Как мама?
— Ничего, нормально.
— Не болеет?
— Ноги опухают, ходит с трудом, а так ничего.
— Понятно.
— Как вообще у вас?
— Ничего.
— Ну, хорошо, пока.

Саша повесил трубку. Некоторое время рука висела над диском, колеблясь набрать домашний номер, поговорить с мамой. Вероятность того, что его засекут, мала... Но нет, не стоит. В конце концов, что он ей скажет?

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ

Мы попали в запендю: жизнь в театре, театр в жизни*

Павлины...

Анатолий Борисович Чубайс — мой сосед по даче.

Иногда мы ходим друг к другу в гости без повода, и непременно — по поводу дней рождения, которые у нас с ним почти совпадают по времени. Примерно за две недели до дня рождения Чубайса я начинаю ломать голову, что ему подарить. У него есть все — большой красивый дом буквально завален всевозможными подарками. Год назад, когда я в очередной раз был озабочен поисками подарка, ко мне на дачу заехали приятели — супружеская пара, с которой я знаком уже несколько лет. Шел обычный разговор ни о чем, и мои гости вдруг упомянули про какую-ту ферму, где выращивают павлинов и фазанов.

"А не подарить ли павлина?" — подумал я и живо представил, как по красивому саду возле дома Анатолия Борисовича разгуливает важная птица с великолепным разноцветным хвостом.

На всякий случай спросил, нельзя ли будет обратиться на эту ферму, чтобы добыть павлина для Чубайса.

— Конечно, — с готовностью ответили мне мои приятели, — для Анатолия Борисовича всегда можно...

Дальше события развивались очень быстро. Навалилась куча дел в театре, и про павлинов я забыл начисто. Однако дня за три до дня рождения Чубайса к моему дому подъехал автомобиль, и мои недавние гости выпустили из него двух павлинов — самца и самку, попросив с наилучшими пожеланиями передать их Анатолию Борисовичу. Я немножко опешил, потому что не ожидал, что они воспримут мою просьбу так буквально, и не понимал, где держать и чем кормить птиц до того момента, когда их можно будет торжественно подарить соседу.

Пришлось поместить павлинов в гараж. Там они быстро освоились, стали громко кричать, требовать еды и загадили всю предоставленную площадь. Поздно вечером, непосредственно перед днем рождения Анатолия Борисовича, я долго возился с какими-то делами, и уже в половине первого ночи заметил, что в его доме зажегся свет — значит, он вернулся

*Из книги, выходящей в издательстве ЭКСМО

с работы. Решив, что день рождения уже наступил, я позвонил, поздравил его и сообщил, что завтра торжественно приведу через общую калитку подарок — двух редких павлинов. Чубайс, как мне показалось, заинтересовался подарком, по крайней мере, точно не остался равнодушным. Расспрашивал, как их содержать и чем кормить. Мы попрощались, и я с чувством хорошо выполненного долга пошел спать. Наутро меня разбудил телефонный звонок. Это была Мария Давыдовна, жена Чубайса.

— Иосиф, — сказала она очень строгим голосом. — НИКАКИХ ПАВЛИНОВ! Вы поняли? Даже не думайте об этом! А вечером мы вас ждем...

Я очень расстроился. Поводов для расстройства было два: непонятно, что делать, во-первых, с подарком, во-вторых, с павлинами...

В это время я услышал, как от ворот отъезжает машина моего соседа Валеры Туманова. Несмотря на то, что был выходной день, он ехал на работу, в Центробанк. Мне всегда казалось, что Центробанку очень повезло с таким сотрудником, потому что Валера все время проводил на работе — уезжал в несусветную рань и возвращался домой поздно вечером. Жена Валеры, Римма — прекрасная женщина, замечательная соседка и очень хороший врач, — оставалась дома. В силу природной доброжелательности и развитых профессиональных инстинктов Римма всегда с готовностью отзывалась на любую просьбу о помощи. Я набрал ее номер и рассказал всю историю про птиц.

— Римма, они очень красивые, и я не знаю, что с ними делать! Вы не хотели бы взять себе павлинов?

Римма с готовностью и даже с радостью согласилась. При помощи рабочих, которые что-то строили и у нас, и у них, мы соорудили на участке Тумановых большую клетку и поместили в нее злополучных павлинов. Видимо, им там понравилось гораздо больше, чем в моем гараже — вели они себя спокойно и расхаживали по клетке со всей павлиньей важностью.

Вечером, сообразив новый подарок, я отправился на день рождения к Чубайсу. Гостей у него обычно бывает немного. В тот раз присутствовал министр финансов и вице-премьер правительства Алексей Леонидович Кудрин и еще один человек, с которым я знаком не был. Оказалось, что это председатель Центробанка Сергей Михайлович Игнатьев, которого Анатолий Борисович представил мне как "Сережу".

Обстановка была непринужденная и веселая: мы жарили шашлыки, выпивали за именинника, много говорили, смеялись, опять выпивали и закусывали... Когда уже стемнело, и мы в очередной раз что-то выпили, я вдруг вспомнил про павлинов и сказал Чубайсу:

— Анатолий Борисович, а нехорошо как-то получилось... Вам подарок был приготовлен, а вы на него даже не взглянули.

Чубайс немного смутился:

— А пойдемте прямо сейчас на них и посмотрим!

И вся компания двинулась через наш участок к Тумановым. Римма открыла калитку, проводила к клетке, оставила там любоваться павлинами и ушла в дом. Птицы уже дремали и никак на нас реагировали.

— Пусть он распустит хвост! — привычным указующим тоном сказал министр финансов и вице-премьер Кудрин.

Павлин его указание проигнорировал.

На этом история не заканчивается.

Ее продолжение рассказал мне наутро скромный начальник отдела Центробанка Валера Туманов.

Вот почти дословно его монолог:

— Вчера я, как обычно, очень рано уехал на работу. Приезжаю поздно вечером, устал — ну очень сильно! Поднимаюсь к себе, переодеваюсь в шорты. Иду на кухню, сам себе разогреваю еду, накладываю все в тарелку, беру вилку и подхожу к окну...

Тут я решил, что сильно переработал и срочно пора в отпуск, потому что у меня начались видения. На месте, где с утра ничего не было, я вижу клетку, в клетке павлинов, а вокруг клетки — Председателя правления РАО "ЕЭС России" Чубайса, министра финансов Кудрина и своего непосредственного начальника председателя Центробанка Игнатьева!

Я очень испугался, отошел от окна и сел в кресло. Видение не исчезало. Тогда я позвал Римму и спросил, что она видит в окно. Римма потрогала мой лоб рукой, подозрительно на меня посмотрела и сказала, что видит двух павлинов и всех, кого я назвал. А то я всерьез было подумал, что болен!

Автограф

Михаил Андреевич Глузский был большим любителем и великолепным мастером розыгрышей.

Однажды я получил приглашение на презентацию четырехтомника С. Владимова. На подобные мероприятия хожу довольно редко, да и Владимова читал мало... Но в тот раз почему-то пошел.

Презентация проходила в Малом Манеже, и я с удивлением обнару-

жил там большое скопление известных политиков, бизнесменов, писателей, артистов, художников, режиссеров... Говорили речи, выпивали, закусывали, кивали друг другу, обменивались новостями. Организаторы одаривали присутствующих книгами Владимова, и мне тоже достался прекрасно изданный четырехтомник.

Сам автор стоял в отдалении, и к нему не зарастала тропа: все время подходили люди, и он подписывал книги. С Владимовым я не был даже знаком, поэтому подойти и сказать "Здравствуйте, я — Райхельгауз" было неловко, если не сказать глупо... Поэтому я уже собрался домой, но тут возник Михаил Андреевич Глузский и буквально схватил за рукав:

— Как, вы уже уходите? И не поговорили с Владимовым?! Он очень вами интересовался и специально спрашивал меня, придет Райхельгауз или нет?

Я выразил сильное удивление по этому поводу, но никакого подвоха не почувствовал, а Михаил Андреевич абсолютно искренне продолжал:

— Он знает, что я работаю в вашем театре, и очень хотел с вами пообщаться... Знаете что, вокруг него сейчас много народу, давайте я сам к нему подойду и скажу, что вы здесь!

С этими словами Глузский взял у меня первый том дареного четырехтомника и исчез в толпе. Через некоторое время он появился и, протягивая мне книгу, сказал:

— Там сейчас люди из правительства, ему неудобно их оставить... Владимов написал вам посвящение — прочтите...

Я открыл титульный лист и прочел:

"Уважаемому Иосифу Леонидовичу Райхельгаузу, выдающемуся режиссеру от скромного писателя Владимова с огромной просьбой: открыть все творческие пути и продвигать по служебной лестнице моего друга Михаила Глузского. Ваш Владимов".

Какое продвижение по служебной лестнице может быть у народного любимца и народного артиста СССР?!!

Даже тогда я не сообразил, что это очередной розыгрыш. По дороге домой вспомнил, что подобный автограф у меня уже есть. Как-то на гастролях в Киеве мы с Глузским и его сыном Андреем пошли на Бессарабский рынок. Андрей сделал замечательный снимок, а Михаил Андреевич подписал его: "прошу продвигать по служебной лестнице"...

Зато теперь у меня есть фото с Глузским и четырехтомник Владимова с автографом Михаила Андреевича.

Как жаль, что его розыгрышей больше не будет...

Первая репетиция в "Современнике"

Мой первый спектакль в "Современнике" — "Из записок Лопатина" по повести Симонова. Я сделал инсценировку, и в театре была назначена читка. Присутствовала вся труппа. По традиции артисты должны были высказать свое мнение и решить, принять пьесу к постановке или нет. Почти всем всё понравилось — и Галине Борисовне Волчек, и Олегу Павловичу Табакову, и, что мне было особенно важно, Константину Михайловичу Симонову... Против выступал только один человек — Валентин Гафт. Он так страстно и артистично убеждал всех, что пьеса длинна и плоха, что сразу стало понятно — вот кто должен играть главную роль.

Я сказал Галине Борисовне, что хочу назначить Гафта на роль Лопатина. Она тут же начала меня отговаривать:

— Ты сошел с ума, он же сорвет спектакль... Видишь, я сама с ним не работаю...

Я был тогда мальчиком самоуверенным и упрямым, на уговоры не поддался, и, недолго думая, назначил репетицию. Были вызваны Валентин Иосифович Гафт и Марина Неелова, тогда еще не известная в Москве молодая артистка. Ее назначили на главную женскую роль. Репетиция была вечером. Озабоченный "правильной организацией творческого процесса", я пришел в репзал сильно заранее: плотно зашторил окна, чтобы с улицы не врывалась другая жизнь, выставил специальный "атмосферный" свет... Рядом суетились монтировщики, что-то раскладывала реквизитор...

С реквизитором я впоследствии очень подружился, ее звали Елизавета Федоровна Ворона. Вдруг вижу, что она приносит и ставит на подоконник обычную фарфоровую тарелку, причем, зачем-то прячет ее за штору.

— Подождите, — говорю, — тарелка зачем?..

Она как-то замялась и начала неловко оправдываться, что это просто тарелка, так, на всякий случай... Я огляделся — весь остальной реквизит был точно по сцене.

— Пожалуйста, объясните мне, для чего вы все-таки поставили эту тарелку? — еще раз спросил я Лизу.

— Очень прошу, не выдавайте меня!.. Вы такой молодой, у вас первая работа, поэтому я хочу вас предупредить... Валентин Иосифович, вы знаете, у него такой сложный характер, он такой непростой артист... Это он просил поставить тарелку. У нас уже такое было, он, наверно, посреди репетиции ее разобьет!.. Только, пожалуйста, не выдавайте меня!

Мысль лихорадочно застучала у меня в висках:

— Лиза, пожалуйста, поставьте еще несколько тарелок за вторую штору... Я за них заплачу. Или из дома принесу...

Лиза совсем перепугалась, но тарелки принесла — все-таки режиссер просит... Началась репетиция. Сидели Гафт и Неелова, и я многословно и с пафосом, свойственным самоуверенной молодости, разбирал сцену. И вдруг практически на ровном месте, буквально ни с того ни с сего Гафт взорвался и завопил:

— Бл..., это невозможно! Это все херня, где тебя учили?!! В ГИТИСе?!! Чему вас там вообще учат?

Я не успел опомниться, как Валентин Иосифович разволновался не на шутку, и уже рикошетом его нападки и обвинения в полном дилетантизме полетели в Неелову. Марина не выдержала, расплакалась и убежала домой. В тот момент, когда за ней захлопнулась дверь, Гафт, вскипятив себя уже до ста градусов, как бы случайно откинул штору, взял в руки тарелку и с силой бросил ее на пол. Тут я тоже как бы случайно схватил припрятанные Лизой тарелки и бабахнул... Осколки полетели такие, что у Гафта возникла пауза, после которой он вдруг сказал:

— Старик! Гениально! Вот так это можно сыграть! На сцене тарелки бить плохо, поэтому нужно заказать большой барабан, и после каждого моего монолога, в конце каждой сцены я должен вот таким сильным ударом бить в этот барабан! Старик, это гениальное решение!.. Ты где учился? В ГИТИСе? Потрясающе тебя научили!.. Это гениально, старик!..

И дальше мы с ним стали замечательно разговаривать, причем говорил, в основном, "самовоспризводящийся" Валентин Иосифович. Через каждые несколько реплик вставлял: "тебя гениально научили" или "слушай, тебя просто чудовищно научили!". Потом мы вспомнили, что он обидел Неелову. Надо отдать должное Гафту, он пошел со мной в администраторскую, позвонил Марине домой, извинился и попросил прийти на следующую репетицию.

"Честно и откровенно"

Когда мы с Валерием Фокиным работали вместе в "Современнике", Галина Борисовна Волчек часто отъезжала в разные командировки или на отдых, и на этот срок назначала одного из нас исполняющим обязанности главного режиссера.

Однажды она уехала далеко и надолго — ее пригласили в Америку ставить спектакль "Эшелон". На этот раз было вывешено распоряжение, в ко-

тором на время отсутствия главного режиссера театра Волчек Г.Б. ее обязанности возлагались на режиссера-постановщика Райхельгауза И.Л. Обязанности заключались в том, чтобы дежурить на спектаклях или указывать зав. труппой, какого артиста поставить играть в очередь в спектакле. В общем, ничего особенного, но мы с Фокиным шутили, что как только Галина Борисовна уедет, мы немедленно поувольняем половину артистов, наберем новых и поменяем репертуар. Была, однако, одна обязанность, которую нужно было выполнять неукоснительно — примерно раз в неделю в определенный день и час докладывать Галине Борисовне о положении дел в театре. Особенно сложно из-за разницы со временем было с Америкой.

В назначенное время я приходил в комнату администрации, куда часто заходили и артисты, и другие сотрудники театра, и ждал звонка Галины Борисовны. То есть раз в неделю шел рапорт о том, что все прекрасно. Даже если что-то было не так, я не хотел расстраивать Волчек. Ну, выпил кто-нибудь лишнего, или вышла плохая рецензия — никакой катастрофы нет! Хотя ругательные статьи в прессе любого главного режиссера могут сильно огорчить.

В очередной раз я взял трубку и стал докладывать:

— Галина Борисовна, все очень хорошо! Спектакли идут прекрасно, аншлаги... О нас очень хорошо пишут в прессе... Михаил Михайлович Рощин написал новую пьесу и отдает ее только нам... Артисты, которых вы недавно взяли в театр, играют замечательно...

Пока я "отчитывался", вокруг стали собираться артисты. Они внимательно слушали рапорт и снисходительно на меня поглядывали — мол, давай-давай, пой песни главному режиссеру...

Когда я изложил все, что можно, Волчек попрощалась:

— Ну хорошо, Иосиф, я все поняла, пока!

В трубке — тишина, но артисты-то этого не знают! И, чтобы както отыграться за их ироничные взгляды в мою сторону, я продолжал вещать...

— Галина Борисовна, но если честно, не все так прекрасно, как вы думаете! Вышла чудовищная рецензия, где, наконец, вещи называют своими именами. Пишут, что "Современник" — не лучший театр в Москве... И вообще, я тут посмотрел некоторые спектакли, которые вы поставили, — это, по-моему, достаточно старомодная режиссура... Надо бы все поправить! Мы с Фокиным знаем, как! Вот вы ставите в Америке только потому, что вас туда выпустили, а если бы выпустили Фокина и меня, мы бы поставили

ли гораздо лучше... Мне кажется, вам пора взять тайм-аут, книжки почитать, отдохнуть немножко...

Артисты вокруг притихли, их реакцию можно было бы назвать общим шоком...

Я поймал кураж и продолжал подыгрывать:

— Что вы, Галина Борисовна, я нормально разговариваю. Да, честно и откровенно. Нет, меня никуда не приглашают, ни в какой театр... Просто я решил сказать вам все, что накопилось за эти годы, все, что наболело!

Особенно приятно было видеть, как медленно лица собравшихся вокруг артистов принимают выражение уже не удивления, а испуга...

И вдруг на том конце провода я услышал голос Волчек:

— Иосиф, это ты что сейчас говоришь?..

В этот момент уже артисты получили огромное удовольствие, потому что выражение испуга появилось у меня: я побелел, похолодел, и начал неуклюже оправдываться:

— Э-э, Галина Борисовна... это я шучу так... Мы же тут понимаем, что вам там скучно... вот, хотели повеселить...

— Ну хорошо, хорошо Иосиф, до свидания! — сказала Волчек с многообещающей угрозой в голосе.

Надо отдать ей должное — она никогда не вспоминала этот случай...

Москва

Валерий ХАИТ

Утренний рассказ

— Вставай, солнышко, вставай!

Мальчик что-то промычал со сна, повернулся лицом к стене и зажмурил глаза.

— Солнышко, ну что же ты! Мы опаздываем! Мария Михайловна опять будет сердиться, что ты заходишь в класс последним!.. Вставай!..

Мальчик зажмурил глаза еще сильнее.

— Ну, пусть еще поспит немножко, — пожалела мальчика мама и тихонько прикрыла дверь в его комнату.

В школу они явно опаздывали. А если к этому добавить, что после того как "солнышко" соизволило, наконец, встать, времени хватило лишь на то, чтобы, наскоро одевшись, схватив портфель и, что-то жуя на ходу, выскочить на улицу, то можно представить себе и настроение нашего героя.

Да, все в этот день пошло у мальчика кувырком. Ну пусть бы это еще был понедельник, или, скажем, тринадцатое число. Все неудачи тогда можно было бы легко объяснить! А так!.. Какая-то самая обыкновенная среда. И число вполне счастливое — седьмое. И вот надо же — такие неприятности!

Ну, начать с того, что хотя зубы он успел почистить, но умыться не успел, и поэтому, когда его увидели в классе с белыми усиками над верхней губой, шум поднялся такой, будто объявили, что пения не будет, а Мария Михайловна сказала, что настоящего мужчину украшают не усы, а примерное поведение.

А потом его на математике вызвали к доске. И хотя накануне вечером он все отлично знал, здесь же, у доски (такой уж это был день!) вдруг растерялся и, решая пример, вместо ноля в результате получил семнадцать. И как ни бился, как ни старался, меньше двенадцати у него все равно не получалось.

И в довершение ко всему "англичанка" в дневнике написала чернилами (ах, если бы по-английски, а то на чистейшем русском языке!): "Был невнимателен, рассеян. Обратите внимание на ребенка!".

— Сама виновата! — строго говорил расстроенный папа гораздо более расстроенной маме. — "Пусть поспит еще немного! Пусть понежится!" Вырастет барчуком — что мы тогда с ним делать будем? Где он там? Вот я сейчас сам с ним поговорю, с твоим "солнышком"!

Но мальчик и так все слышал через приоткрытую дверь.

Конечно, он любил папу. Но маму — немножко больше, и поэтому никак не мог согласиться с тем, что она в чем-то виновата. Он вошел в комнату к родителям и, уткнувшись лицом в мамины колени, тихонько заплакал.

Папа вдруг как-то странно закашлялся и ушел на кухню курить. А мама, ласково гладя мальчика по голове, приговаривала:

— Ну что же ты, солнышко, не плачь! Ты же знаешь: папа у нас добрый. Просто он очень занят и ему некогда заниматься твоим воспитанием... Знаешь, давай не будем больше его огорчать! Договорились? И ложись-ка ты сегодня на всякий случай пораньше!

И она понесла мальчика в постель.

Он перестал всхлипывать и вдруг почувствовал, что очень хочет спать.

— Только я портфель еще не собрал, — сонно проговорил он, покорно позволяя маме себя раздевать.

— Ничего, я сама все сложу, — тихо, чтобы не услышал папа, прошептала мама и, поцеловав мальчика, вышла...

Мальчик спал. А где-то за горизонтом, согревая своим теплым боком Землю, спало Солнце.

Примерно в полшестого утра Земля заворочалась со сна, потянулась, глубоко вздохнула и проснулась.

— Вставай, Солнышко! — ласково оказала она Солнцу. — Пора!..

Но солнце повернулось к Земле другим своим теплым боком и продолжало тихо посапывать.

— Вставай, ну что же ты, тебя все ждут! — заволновалась Земля и стала будить Солнце еще настойчивей.

Но оно свернулось калачиком и, судя по всему, вставать совсем не собиралось...

Время шло. На Земле уже начали просыпаться люди. "Что за чертовщина, — думали они, глядя на часы, — Солнце уже давным-давно должно было подняться, а за окнами хоть глаз выколи! Может быть, неожиданно началось солнечное затмение?"

Люди стали раскрывать окна, выходить на балконы, многие выскочили на улицу. Все смотрели вверх. Но над головой не было ничего, кроме ясного звездного неба, которое бывает только в самую глубокую ночь. Правда, было непривычно холодно. И поэтому все сразу вернулись в дома и закрыли окна. "Неужели Земля сорвалась со своей орбиты и вылетела из Солнечной системы?" — подумали самые умные. Нет, такого быть не может, — решили они, но на всякий случай, включив настольные лампы, погрузились в вычисления.

Что же касается остальных — то порядок есть порядок, и они, несмотря ни на что, стали умываться, бриться, завтракать и собираться на работу.

Но это люди... они быстро ко всему привыкают. С животными было хуже. В лесах и в степях, в пустынях и во льдах поднялся такой рев, гвалт и клекот, что его вряд ли можно было прекратить какими-либо разговорами о порядке и примерном поведении.

Впрочем, этим никто и не занимался. И бедные млекопитающие, птицы и рыбы ужасно испугались, стали метаться из стороны в сторону и звать на помощь.

Позже всех на Земле проснулись дети и тоже стали всячески хныкать и капризничать.

В общем, из-за того, что Солнце в этот день решило немножко понежиться в постели, на Земле все изменилось и нарушилось. Но главное — становилось все холоднее. И может быть, от этого и немножко от страха мальчик проснулся...

Одеяло валялось на полу. Он вскочил с кровати, подбежал к окну и отдернул штору. Теплый яркий свет хлынул в комнату. В чистом, как будто вымытом, синем небе уже довольно высоко сияло Солнце.

Мальчику стало хорошо и весело. Он вышел из своей комнаты и заглянул к взрослым. Папа уже ушел. У него была такая работа, что он должен был вставать еще раньше, чем Солнце.

Радом с кроватью, где, положив руку под щеку, сладко спала мама, на стуле стоял будильник. Часы показывали без пяти семь. "Через пять минут зазвенит! — понял мальчик и нажал кнопочку. — Пусть мама поспит подольше!" — подумал он и пошел умываться.

Через двадцать минут мальчик был уже почти готов. Оставалось только позавтракать. Но для этого нужно было разогреть чай, а зажигать самому газовую плиту ему еще не разрешали. Тогда он подошел к спящей маме и тронул ее за теплое плечо.

— Проснись, мамочка! — ласково сказал он. — Солнышко уже встало!..

Рита БАЛЬМИНА

Из цикла "Бедный Нью-Йорик"

Узбек

— Правда, он похож на хаджу Насреддина?

— А ты что, видела этого хаджу? — Ник порылся в пепельнице, созданной из баночки от рижских шпротов, которыми завалены все брайтонские продуктовые магазины, так, как некогда в совке они были завалены килькой в томате, достал бычик подлиннее и начал долго чиркать несговорчивыми американскими спичками. На его небритой, усатой, опухшей от пьянства роже зрело недовольство. Наконец удалось — и он с жадностью затянулся раз, другой. Но тут Светка ловко вынула окурок из его трясущейся десницы и сама присосалась.

— Ну вот, всегда так...

— Колька, не брюзжи — ты же добрый бурлак.

— А ты и рада попользоваться моей добротой...

— Заткнись, я за квартиру плачу, а ты не просыхаешь второй месяц. Сходи уже поработай, хватит надираться с Узбеком. Надоело его морду узкопленочную регулярно видеть.

— А когда он жратву из гросера приносит — уплетаешь и помалкиваешь. Ах! Шара подкатила... Знаешь, как он намедни прокололся? Он же как ворует: за одну баночку расплачивается, а остальное в своих глубоких карманах так уносит. А тут у него кошелек провалился на дно, ну, и пришлось за все заплатить. Едва наскреб... Даже оставил что-то, кажется.

Ник небрежно смахнул с импровизированного стола, а точнее, с заваленного объедками стула наглого зеленоватого чертенка, усевшегося на пустую банку "Саппоро" и норовившего плюнуть оттуда в пепельницу, и продолжал:

— Мне кажется, эти индусы давно знают, что он вор, но жалеют его. Он платит частично, а цены ведь всегда рассчитаны так, чтобы покрыть воровство...

— Это ты мне, бухгалтеру, вешаешь про цены... А он так и живет на "бодварке"?

— А куда он денется? Ты ж его не приютишь. Повезло мне с тобой, Светка, в Америке.

— Зато мне АМЕРзко тут очень — и спиваются все. Думала, приеду,

упаду на хвост какому-нибудь миллионщику завалящему... ну, в смысле, солидному, а вместо этого тебя, урода, себе на шею посадила. Я ж тебе в матери гожусь. Не стыдно тебе?

— Ты у меня красавица, — сфальшивил Ник.

— Да, особенно сейчас, с фингалом.

— А нечего было встревать, когда мужики спорят.

— Иди ты...

— Узбек же в меня целился, а ты под руку подвернулась.

— Я тебя защищала, котенок, — Светка оседлала развалившегося на матрасе Ника и стала его целовать в самый низ пивного живота, который у косматого двадцативосьмилетнего великана был, как у солидного сорокалетнего мужика. Светка же в свои сорок шесть выглядела очень молодо, потому что маленькая болонка до старости щенок. Она и была на болонку похожа: короткие рыжие кучеряшки, визгливый голосок, вздернутый носик-пуговка, красные глазки навыкате... Три года нелегальной иммиграции. С Ником по пьяной лавочке переспала, а потом втянулась. Так и пашет теперь за двоих. Вот только что напахать может малогабаритная старая кляча? Если бы Узбек не подкармливал зимой своим воровством, совсем худо было бы. А Николай конкретно спивался. Просто на глазах. На Украине у него была семья. Случайными заработками он обеспечивал жене и дочери нормальное существование в Лубнах, а сам катился ко всем чертям, которые окончательно обнаглели, лазили по Светкиной кровати, дергали спящего Колюню за нос среди ночи. Терпел: в приймах жить не подарок, но на работу ходить все тяжелее и невозможнее.

— Узбек должен был в два прийти. Жрать охота уже. Где его черти носят? — Ник сказал и нервно покосился на руины тумбочки, из ящика которой выглянула наглая косорогая харя и, высунув язык, принялась ловить тараканов и грызть их, как семечки. Ника стало подташнивать от отвращения, но Светка продолжала развратничать, неугомонная. Оставалось терпеть и голод, и чертей с тараканами, и оральное изнасилование, которое, кажется, скоро иссякнет и сойдет на нет само по себе, от полной бесперспективности. Наконец-то раздался характерный узбекский стук в темный бейсмент на Шестом Брайтоне, в котором кроме двуспального матраса, кривоногого стула, заменяющего стол, и обшарпанной покосившейся тумбочки ничего не было. И все это было завалено пустыми бутылками от вина и водки, еще более пустыми банками от пива, объедками, тарой. Нику все время казалось, что черти гадят прямо в комнате. Он то и дело наступал на продукты их жизнедеятельности. Светка оторвалась от

самой почитаемой ею части тела Ника, вытерла губы и пошла открывать. Ввалился Узбек в большой и широкой куртке, как бы с чужого плеча.

— Чего так долго? Мы тут чуть с голодухи не передохли. Нищая страна все-таки, эта Америка вместе с ее Нью-Йорком!

— Так я, того, в подземке заплутал. Мне сказали, что с этой станции неразборчивой надо на трейне "Ф" добираться. Я стою, значит. Долго так стою, жду, значит. А идут какие-то другие. Ну, потом спросил, а мне и говорят, что тут только "Ф" и ходит...

— Так чего не садился? — Светка деловито доставала харчи из-под подкладки узбецкой куртки и компоновала на стуле.

— А я такую "Ф" ждал, русскую, — Узбек поднялся во весь свой невысокий рост и подбоченился, как для исполнения частушек или казачка, и очень похоже изобразил означенную букву, причем щеки раздул тоже Ф-образно. Ник увидел краем глаза, что чертенок в тумбочном ящике тоже заржал вместе со всеми, а потом плюнул в Узбека останками рыжего таракана. Началась пьянка, постепенно шумнея. Узбек в сто первый раз радостно рассказывал про свой трехэтажный дом в Самарканде, из-за которого он и поехал на заработки.

— Очень много денег должен! Очень! Там трудно было заработать.

— А здесь легко? — Ник с опаской посмотрел на тумбочку.

— Если так, как ты, вкалывать, Колюня, везде можно с голоду подохнуть, даже у нас в Иркутске, — съязвила Светка и хлебнула водки прямо из бутылки.

— Э-э-э, ты совсем озверела, — запротестовал Ник, но в это время мелкий нахальный чертяйло подкрался к бутылке, охватил ее лапами и попытался сдвинуть с места. Ник вырвал бутылку у черта, заодно и Светке помешал еще раз из горлышка хлебнуть.

— А мне сегодня сумасшедшая белка дорогу перешла, — вздохнул Узбек, — медлительная, как бы обкуренная. Я даже остановился, чтобы ей дорогу уступить.

— Это была белка Ника! — Светка попыталась обнять своего бурлака, но он обиженно оттолкнул ее сморщенные жилистые ручонки.

— Нет, правда. Ты же сам говорил, что уже чертей видишь...

— Да нет, ну, белка как белка, но мне показалось, что это не к добру.

— Ладно, чего дрейфишь, не кошка же, не черная же... — Светка снова попыталась отхлебнуть из горлышка, но Коля опять успел проследить за порядком.

— А мне как-то весь день тревожно было. В гросере подумал, что сего-

дня точно поймают. Я этой белке чертовой чуть на хвост не наступил. А почему водки и пива так мало взяли?

— Так деньги кончились. Со мной Сарка только в пятницу расплатится. Она вообще-то добрая, не то, что эта змея Рэйшел, у которой я раньше убиралась: вот сука, следила за мной, еще и недоплачивала. А у Сарки лучше, хоть и шестеро дебилов мал мала меньше...

— Ник, а почему ты не ищешь работу? Эдак скоро вместе со мной под мост на "бодварк" перекочуешь. Сел на шею бабе и ножки свесил... У нас на Востоке таких мужиков презирают... Мы ж договорились: я хавку приношу, а вы пойлом обеспечиваете, — Узбек выпил залпом целый стакан, а Ник вдруг увидел на его левом плече белку с рожками и сам не понял как, очень уж быстро все произошло, запустил в нее пустой бутылкой и попал в голову хаджи. Тот схватил Ника за грудки и они немного поборолись в обнимку под визгливый вой Светки, забившейся в угол. Каким образом длинный хлебный нож оказался в трясущейся руке Ника, никто уже никогда не вспомнит, но удар пришелся в живот. Коля отпрыгнул и упал на матрац. Чертята, удобно отдыхавшие на грязном покрывале, бросились врассыпную. Узбек покачнулся, но так и остался стоять на коленях, разглядывая, как по его грязно-желтой рубашке вокруг черной рукоятки ножа расползается кровавое пятно.

Труп мертвой покойницы

Что же ты натворил, Андрис? Наступил на горло моей песне. И ничего не связывает нас с тобой теперь, кроме веревки, на которой задолго до нашего знакомства повесилась твоя жена. Бесполезно заниматься перетягиванием этого каната: ты — очень красивый, высокий, синеглазый блондин — успешный программист с американским стажем, а я — метр с кепкой, худосочная, близорукая нелегалка со взъерошенным пегим ежиком на макушке и филологическим дипломом, которым здесь, в Новом Свете, можно только подтереться — типичная серая мышка...

Сейчас, когда я вспоминаю эту вспышку страсти с моей, разумеется, стороны, мне становится грустно и жалко, что ты отравил меня трупным ядом, когда нагрузил по полной программе своим жизненным ужастиком.

А все потому, Андрис, что автора во мне больше, чем просто женщины. Ведь даже когда ты обсасывал каждый пальчик на моей ноге, а я, ослепнув и оглохнув от кайфа, тонула в океане бартолина и, путаясь в падежах,

шептала тебе свои несусветные признания и клятвы, даже тогда мой третий глаз был зорок и скептично прищурен. Он фиксировал и облекал в нарратив все происходящее. Под колокольный звон костела, адресующий к романтизму. Так не дай тебе Бог попасть когда-нибудь мне под горячее перо.

Я снова и снова прокручиваю а памяти злополучный Зойкин юбилей в "Белке", где она сломала ногу, лихо отплясывая с незнакомым длинноволосым придурком, который уронил ее на излете тодеса, и она грохнулась на паркет своей кустодиевской задницей. Ее в госпиталь увезли, а ты, на которого я, как идиотка, исподтишка пялилась весь вечер, неожиданно стал меня клеить, да так явно... А после того как зареванную Зоищу с бриллиантовой ногой вернули в ресторан, где ошалевшие от сюжетного виража гости продолжали надираться и ждали, чем окончится хирургическое вмешательство, мы оказались в одном такси. Меня немного кольнуло то, что ты черному водиле по-аглицки сказал — чтобы он сначала тебя к мосту с итальянской фамилией отвез, а затем леди скажет, куда ей нужно. А потом так небрежно повернулся ко мне и со своим легким балтийским акцентом предложил:

— Но если хочешь, можешь у меня переночевать. Если хочешь...

Еще как хочу. Уже глубокая ночь, а живу я в мексиканской общаге на Шестом Брайтоне. Сейчас домой ехать — соседей будить. Я ведь всего месяц в Нью-Йорке, вот и живу в этом тараканнике.

Теперь я уже знаю, что красивый мост, который гирляндой висит в окне твоей спальни — Верезано-бридж.

Тогда я еще ни Нью-Йорка, ни тебя не знала.

— А как ты меня вычислил, я ведь на самом дальнем краюшке стола сидела? — спросила я, когда ты, словно наждачкой, шкурил мой вспухший от возбуждения сосок своим красивым с ямочкой подбородком в модной пятидневной щетине.

— А что было вычислять? Ты когда танцевать вышла, я сразу понял... в тебе столько огня. Ты так извивалась, что у всех мужиков челюсти отвалились, — ответил ты. Беда в том, что ни хрена ты не понял тогда...

Утром, когда проснулись, ты вдруг сказал мне, голосом искренним и проникновенным, как у главного героя мексиканского сериала или народного артиста на полувековом юбилее его творческой биографии: "Не возвращайся в свою Флориду... Как я теперь буду жить без тебя?..". В это время ударил колокол в костеле напротив. Вот тут-то у меня крыша поехала окончательно. Меня точно волной горячего меда обдало. Надо ска-

зать, что мой организм давно не получал такой убойной дозы наслаждения, как в эту столь трагически начавшуюся ночь. И это притом, что у меня тогда были критические дни, а у тебя с перепою за Зойкино здоровье — пизанская башня вместо эрекции. Я до сих пор брежу тактильными воспоминаниями нескольких наших совместных пересыпов, которые случались редко и только при условии полного отсутствия трезвости с твоей стороны и настойчивой инициативы с моей. Ты опутывал меня своими щетинистыми щеками точно колючей проволокой, через которую пропущен ток, превращая все мое тело в сплошную эрогенную зону. Твои губы были везде, от чего я зверела и оглушительно стонала. Тебе даже иногда приходилось зажимать мне рот ладонью, чтобы я не разбудила твоего сына, спящего в соседней комнате. В постели ты был классическим альтруистом, нежным и ласковым, как лесбиянка, и обращался со мной трепетнее, чем с самой любимой женщиной, а в жизни был эгоюгой, каких свет не видывал, говорил со мной только о себе и своих проблемах и обидно пренебрегал мною. Я неделями, а то и месяцами ждала твоего звонка. На работе, в редакции русской газетенки, куда Зойка меня по блату пристроила через неделю после моего приезда из Флориды, у меня из рук все валилось: я стирала нужные файлы, чем доводила до ора нелегитимной лексикой нашего главного редактора. Но все равно — это было замечательное время. Я почти полюбила Нью-Йорк, потому что встретила здесь тебя. И дождливый Манхеттен казался мне волшебным из окна твоей серебристой "Максимы".

Теперь это все в прошлом, потому что, когда я посвятила тебе несколько слишком эротических текстов, и ты врубился, что я не только доступная женщина, но еще и личность, литератор, что дурачить и обнадеживать меня подло, ты, чтоб жизнь мне медом не казалась, выкопал из мерзлого рижского грунта прах своей Наташи. Просто позвонил поздно ночью и заплетающимся от хмеля языком: "Я хочу умереть любимым, раз уж не могу любящим умереть!" — попросил привезти тебе яду.

Я вызвала карсервис и приехала в Бэй-Ридж.

За три месяца знакомства я видела тебя только пьяным или с бодуна, но в ту ночь ты себя превзошел. Меня всегда удивляло, что ни уровень твоего интеллекта, ни способность острить и играть словами, ни твоя блестящая память, ни твое фантастическое обаяние не снижаются пропорционально пустоте, образующейся в стеклотаре.

Ты налил мне водки, выпил сам и сказал, что не любишь меня.

— Понимаешь, я не могу ее забыть, не могу. Никто не заменит мне ее

никогда. Ты даже не представляешь, как я был счастлив с ней. Это были десять лет абсолютного счастья. И когда Владис родился... Знаешь, мы всюду с ним ходили, на все тусовки, он в корзинке на столе спит, а мы празднуем с друзьями... Весело было тогда, не будет так больше: везде вместе, неважно куда ходить, хоть за картошкой... И скоро уже столько же лет пройдет, как ее нет. Я тоже тогда чуть не пошел за ней. А нужно было только оставить ее на время в покое, отпустить к этому... она бы все равно вернулась, она всегда возвращалась ко мне. Я потом уже узнавал, какие у меня были соперники, и могу гордиться тем, что она все же меня предпочитала... она не была шлюхой, она просто влюблялась, просто влюблялась. Я даже не ревновал ее... То есть, ревновал, конечно, но высказывался редко, только если крепко надирался... Я ведь много работал: итээровских денег не хватало, так я строил коровники и амбары в селах... отсутствовал... а она оставалась одна... она, знаешь, какая красивая была, глазищи чайного цвета, рыжие волосы, длинные, как у русалки... и пластика Багиры... талия тонюсенькая... кожа пахла малиной и клюквой, я дурел от ее запаха. А грудь... у нее губы и соски одного цвета были — вишневые... Еще тембр голоса у нее был удивительный, завораживающий — она играла на гитаре и пела, в нее все влюблялись, все мужики от нее без ума были. А в ту ночь... Сидим мы на кухне с ее любовником, а он тезка мой, полное ничтожество, кстати. Она нам говорит, дескать, вы чайку попейте мальчики, а я спать пошла. Я только утром, когда этот стал домой собираться, заглянул в спальню, а ее нет. Тут я сразу догадался... она ведь уже однажды пыталась с собой покончить, когда ей было восемнадцать. Я тоже пытался... это совсем не больно... когда она мне первый раз изменила... я, правда, был в алкогольной анестезии, очнулся от удара по голове. Свалился и ударился. Не выдержала меня веревка. Как меня Наташка по щекам тогда отхлестала. Просто наотмашь изо всей силы... Я бы и сегодня, наверное, повесился, если бы ты не приехала... А ее вот веревка выдержала... Захожу в уборную, а там моя жена висит вприсядку. Этот идиот стал кричать, что надо скорую вызывать... Я Наташку из петли вытащил теплую совсем, а она вдруг глаза открыла, и смотрит. Я — "не нужно вызывать, — говорю, — сами откачаем", — и стал ей делать искусственное дыхание, а он скорую вызвал все-таки. Те приехали и говорят весело — зачем звали, она ж мертвая... Владьке тогда только девять исполнилось... она ведь и от него ушла... Знаешь, как трудно было одному с малым... Никто из ее родственников не знает, что суицид, я у друга-медика липовое свидетельство о смерти выписал, а настоящее у меня. Я потом каждый день с бутылкой

водки на ее могилу приходил, сам чуть не подох, как не спился окончательно, удивляюсь. Проект совместный с американцами спас... Я отвлекся... ушел в работу на время... очень трудно было поначалу. А то в Риге, бывало, сижу в кресле и думаю, кто бы меня к этому креслу привязал, чтоб я не рванул на кладбище и не выкопал ее. На баб вообще не мог смотреть, даже думать о других не мог. Только через пять лет она меня отпустила. Но все равно, так, как с ней, ни с кем и никогда не было и не будет. Как сейчас помню, сидит она перед зеркалом, глаза красит, я сзади подошел, а она хитро так подмигнула мне в зеркало... и не пошли мы ни в какой театр. А один раз мы даже в самом центре Риги у Домского собора трахались, она меня где угодно на это дело раскрутить могла... Я не могу жить без любви, понимаешь, но сердце мое молчит... молчит. А любовь для меня — это постоянное шелание саниматься любовью с отной етинственной женщиной... Я федь ей ни разу не исменил!

Эту последнюю фразу ты почти кричал, а я не своим голосом сказала вдруг:

— Как мне хочется ударить тебя по лицу изо всей силы!

— Са што? Са то, што мне так плохо?! — твой акцент сильно усилился.

Нет. За то удовольствие, с которым ты страдаешь сам и рассказываешь мне о своих страданиях. За твой садомазохизм. За твою некрофилию. За то, что ты при мне позволил себе так раскиснуть и быть слабым. За то, что ты не любишь меня, потому что я — не она. За то, что живые не должны завидовать мертвым, черт подери... Но всего этого я не сказала тебе, только обняла и погладила по мокрым всклокоченным волосам. У меня было такое чувство, будто меня сначала изнасиловали, а потом толкнули на аборт.

Какого ты поволок меня после всего вышеизложенного в постель, и какого я пошла в нее? Все равно ничего не вышло... А ночью, когда ты спал глубоким похмельным сном, дверь шкафа в спальне бесшумно отворилась, и из него выпал скелет, с грохотом распадаясь на позвонки, ребра, плюсновые и берцовые слова, буквы, знаки препинания...

Миллионер с душком

О Феликсе Алле все уши прожужжала одна давно выжившая из ума московская циркачка из Квинса. Она характеризовала его как очень богатого, очень наивного и очень одинокого человека. Три года назад от Феликса ушла жена, а дочь была уже замужем. "Он здесь лет тридцать, приехал из Вильнюса, был хирургом. Может, с работой поможет, а может, ты

ему и для большего подойдешь..." — тараторила она Алле по телефону. Акробатка дала Феликсу Алкин номер домашнего телефона, причем, так как та жила в коммуналке и имела общий телефон с соседкой Матильдой, тоже бывшей киевлянкой, — из-за Феликса у подружек неожиданно вышел конфликт. Трубку взяла Мата и своим мелодичным, как музыкальная шкатулка, голоском замурлыкала: "Аллочка на работе, а что передать? А я тоже имею медицинское образование. А я тоже не замужем, представьте себе. Встретиться? С большим удовольствием. Да. Приезжайте к нам в Бруклин". Когда Алла пришла с работы, Матильда, выкатив на кухню шар своего организма, бесхитростно и подробно рассказала Алке о произошедшей подлости. Алла обозвала Мату сукой и сказала, что Феликса видеть не желает, раз ему все равно с кем...

— Ты что, сама не понимаешь, что поступила нестирильно!!! — громко, чтобы слышал Матин сынок, кричала она подруге на их общей крошечной кухне.

— Я просто из шкурных побуждений, — оправдывалась Матильда. — Он сказал, что был владельцем медицинского офиса. Я и подумала, может, он с работой поможет... связи и всякое такое... Я же не знала, что ты с ним знакомишься как с мужчиной...

Но Алла рассердилась не на шутку. Если бы ее с соседкой не связывали одиннадцать лет совместной службы на киевской "скорой помощи", общие воспоминания об общих знакомых и разные курьезные случаи, если бы не было так тяжело на первом году эмиграции, это был бы последний день их дружбы. Но здесь, в Нью-Йорке, у них не было знакомых из прошлой жизни, вообще почти не было знакомых... Мата выиграла грин-карту, а Алку вызвала старшая сестра Валя, которая недавно получила американское гражданство и тяжело болела. Она нуждалась в помощи. Но через неделю после Алкиного приезда сестры поссорились, как бывало в детстве, и умирающая от рака Валя в приступе гнева просто выгнала Аллу на улицу. К этому времени Мата с младшим сыном уже успела поселиться в только что перестроенное общежитие на Шестом Брайтоне, в котором не было мебели, но зато было множество тараканов, благополучно переживших капремонт. У Аллы не оказалось другого выбора, и она сняла крошечную комнатку на том же этаже. Мебели натаскали с гарбича, работы постоянной не было, возраст оставлял желать меньшего. Короче говоря, нормальная эмигрантская ситуация.

Феликс приехал на роскошной новенькой "ауди". Такие машины редко останавливаются здесь. Он оказался лысоватым приземистым очкариком

с брюшком, жидкой бороденкой и большой бородавкой на правой щеке. Мата принимала гостя на общей кухне, в то время как Алла принципиально сидела в своей комнатушке, не желая выходить знакомиться с гостем. Она слышала мелодичный смех толстушки Маты и глухой, довольно нудный баритон из кухни, но так и не вышла. Она знала, что у Матильды практически нет шансов, потому что мало какой джентльмен западет на такую толстуху, к тому же не чувствующую, что одеваться в ее возрасте и при таких габаритах надо как-нибудь по-другому. Ну, хотя бы, не в обтягивающие три живота лосины до колен и совершенно не идущую по цвету и трещащую по всем швам полупрозрачную маечку. Но у Маты была завышенная самооценка. Алла посмотрела на себя в зеркало. На улице она до сих пор тормозила мужское внимание своей легкой фигурой и походкой. Но главное волосы. У нее были струящиеся, длинные, иссиня-черные блестящие волосы и сверкающие цыганские глаза. А еще она была "черной вдовой": пережила двух мужей. Один погиб в Афгане, когда ей было двадцать, а другого она похоронила за год до переезда в Америку. Он крепко пил из-за служебных неурядиц и умер от цирроза печени. Детей так и не завели...

Через два дня Мата все-таки познакомила Аллу с Феликсом, когда поняла, что он не клюнул на ее собственную пышность. Она нахально затащила его прямо в Алкину комнату в самый неподходящий момент: Алла сидела в косметической маске цементного цвета и напоминала Фантомаса. Потом, после смывания маски, подруги были приглашены в ресторан "Татьяна" на "будварке", и Феликс очень воодушевился, увидев Аллу при косметике и в облегающем красном платье. На каблуках она была чуть выше его, но его это совершенно не смутило. Он вел себя, как павлин, и очень старался понравиться. Но не понравился.

Единственная причина, по которой Алла сразу не отшила его — было его внешнее сходство с одним из ее бывших кавалеров — Мишей Хейфецем. В период между ее замужествами они с полиглотом Мишкой поехали вместе в Венгрию, и там, Будапеште, он отдал всю их общую валюту местному Остапу Бендеру в обмен на замшевые куртки, которые оказались искусственной кожей. Гешефт был проигрышным, и остаток отпуска неудачливые туристы во всем себе отказывали. Хейфец знал все языки на свете, даже венгерский. Но лучше бы он не знал никаких, тогда бы не состоялась сделка с аферистом, после которой все общие знакомые стали его Замшицем называть. А через два года у этого несчастного обнаружили шизофрению и заперли в психушку.

Подруги рассказали Феликсу эту историю. Вообще, в ресторане про-

сидели довольно весело и долго. Вспоминали разные случаи из своей прошлой медицинской жизни. Про санитара по фамилии Могила. Как однажды вместе на вызов поехали, а там инфаркт — явная госпитализация. Укол сделали и говорят между собой: "Больного Могила заберет...". А жена инфарктного в истерику. Ей тоже укол делать пришлось.

На прощание Феликс попросил Аллу встретиться с ним в ближайший выходной.

Через три дня был День Независимости. Феликс долго водил Аллу по крыше "Близнецов", но было пасмурно, и Нью-Йорк с парадом военных кораблей в проливе было видно сквозь зыбкий и густой флер. Алла была очень хороша в белом брючном костюме, со своими блестящими черными волосами. Потом бродили по художественным галереям в Сохо, наконец-то проголодались и решили поесть. Феликс выбрал для этого какую-то дешевую забегаловку, а когда добрели до паркинга, он, получив счет, сердито сказал: "Представляешь, паркинг обошелся дороже, чем ланч!". Алла оторопела. Ей даже смешно стало. Перед этим он битый час рассказывал ей про свои дома — что самый дешевый из них стоит полтора миллиона. Еще про дочь рассказывал, которая работает на Уолл-Стрите акулой империализма, ну, то есть, менеджером банка с окладом триста пятьдесят тысяч в год. Потом эта самая дочь позвонила ему на сотовый телефон и позвала на "парти". Он долго говорил с дочерью по-английски, объяснял, что может приехать только с русской знакомой, акула, судя по всему, упиралась, но он ее уболтал.

На "парти" Алле было мучительно скучно среди англоговорящих миллионеров. Зато она увидела бывшую жену Феликса, даму улыбчивую и приятную во всех отношениях, их зубастую загорелую дочь и спортивного покроя зятя. Новый муж бывшей жены тоже был здесь и был похож на Феликса, как родной брат. Алле было дискомфортно в антураже телесериалов "Династия" и "Санта-Барбара". Не понимая почти ничего, она почувствовала, что произвела впечатление экзотической зверушки, да и скрывать скуку среди улыбчивых богатеев было нелегко.

Феликс периодически спрашивал Аллу, как она себя ощущает, и она кратко отвечала: "стерильно". Когда "парти" иссякло, Феликс позвал ее к себе домой, заранее извинившись за беспорядок, который происходит от депрессии, в которой он пребывает последние годы.

Но то, что он назвал невинным словом "беспорядок" оказалось полной катастрофой. В его трехэтажном доме, похоже, несколько лет находился хлев, а свиней только вчера перевели в другое место. Повсюду в несколь-

ко слоев валялись объедки, упаковки от продуктов, грязное белье вперемешку с очистками от овощей, на стенах старинные картины в паутине, на антикварiате — подлинная вековая пыль. Гостью даже стало подташнивать от помоечного запаха миллионерского жилища и обилия мошкары над раскиданными повсюду пищевыми отходами. Она довольно резко высказалась по поводу этого кошмара и сказала, что хочет домой.

Он позвонил на следующий день: пригласил в гости и сказал, что навел порядок собственноручно. Наверное, на уборщице сэкономил, — подумала Алла. Потом она долго на кухне обсуждала с Матой Феликса с его домом, семьей, скаредностью и перспективами. Речь шла о том, чтобы сразу отказаться, не морочить голову этому несчастному, раз душа не лежит. Но Мата, женщина практичная, уговаривала съездить, мотивируя тем, что любая баба на Алкином месте бы от счастья прыгала — такие деньжищи, дом в Гринвиче, в райском месте.

— Не нравится он мне! Совершенно! У него так нестирильно...

— А как же Замшиц? С ним же ты могла. А они так похожи.

— Мишка был забавный, все знал, о чем ни спросишь. А с этим скучно. Скучно.

— Ну, попробуй. Дай себе шанс изменить жизнь. Ты же в Америке — стране чудес. И с работой он может помочь... Хирург...

— С работой! Да он давно забыл, когда последний раз больного видел. Он уже много лет только дома скупает, ремонтирует и продает втридорога.

Все-таки в субботу, когда Феликс снова приехал на своей роскошной машине, Алла поехала к нему в гости. Убрано было не идеально, но находиться в доме, а особенно на террасе в саду с видом на озеро и холмы было даже приятно. Гостеприимный хозяин заказал деливери из ресторана, поставил на стол несколько очень редких и дорогих вин и коньяков — на выбор. Когда стемнело, он зажег свечи. Стало романтично. Они вернулись со свечами в дом, потому что ветерок задувал пламя. Миллионер стал показывать Алле кассеты со своими зарубежными поездками. Италия, Испания, Греция, Кипр, Египет, острова... Дорогие гостиницы, достопримечательности, известные по клубу кинопутешествий... Чужая жизнь.

Потом целоваться полез. Сначала, пока руки целовал, еще ничего было, не так противно. Но когда дыхнул ей прямо в лицо смесью запахов ужина, гнилых зубов, сигарет и еще чего-то неуловимо-противного, ее натурально стошнило.

Превозмогая отвращение, она еще некоторое время терпела его ласки, но когда он, продолжая целовать ее, снял рубашку, и она увидела на его ле-

вом плече островок седеющей густой шерсти величиной с ладонь — стало совсем невмоготу. Она резко оттолкнула его руки, вскочила, и, схватив сумочку, выскочила на улицу. Пока несостоявшийся жених мешкал, надевая рубашку и застегиваясь, она уже довольно далеко отбежала на своих длинных шпильках от его дома, думая, что бежит в сторону железнодорожной станции, повторяя в уме: "Нестерильно, не могу, не могу, никогда не смогу...".

Нью-Йорк

Михаил КОРДОНСКИЙ

Большая молитва

Предисловие автора

Молодежные неформальные сообщества — один из ярких феноменов нашего времени. Я изучал его всю жизнь, в том числе и на Дерибасовской, и по всему бывшему СССР, и нынешним его останкам, и теперь у меня есть что сказать. Классические хиппи и панки, скандально известные скинхеды, малоинтересные постороннему ролевики, численность и активность которых больше, чем в любой политической партии, тихие печальные готы, прикольные флэшмобберы... Только перечень названий займет страницу. Почему они появляются? Чем они являются? Что находят в них наши дети? Каждый из вас, читатели, в любой момент может узнать, что ваш ребенок уже там. Что вы будете с этим делать? Запрещать, радоваться, доносить, перевоспитывать, помогать, не обращать внимания? Конечно, с разными — по-разному. Но есть у них и нечто общее.

Я мог бы написать о многих из них — с фактами, именами и фотографиями. Собственно, я и пишу, и публикую в педагогических и общественно-политических изданиях. Я мог бы написать о них системно и аналитически. Собственно, я и написал: моя в соавторстве с Владимиром Ланцбергом наукообразная брошюра переиздавалась 9 раз с 1986 по 2003 годы, не считая публикаций в интернете и выхода в печати отдельных глав и отрывков.

Какую форму найти для читателя художественного альманаха? Вот такая попытка. Это — публицистика, замаскированная под беллетристику.

Нхгабта всмотрелся в лики телекамер. Сорок восьмой кабельный. А я все же какой никакой, а член ООН. Ладно, сойдет.

— Я обращаюсь к своему народу и к международному сообществу! Позавчера в Старогорске были похищены пятеро граждан Тнтханы. Террористы вымогали за них выкуп. Я публично и по дипломатическим каналам потребовал у правительства России немедленно освободить моих подданных. Вчера жрецы Ретхто сообщили мне, что в момент разговора террористов с моим консульством четверо из пяти похищенных уже были мертвы.

На мое требование немедленно предать справедливой казни преступников Москва ответила невнятно. Обычаи предков обязывают нас защищать своих соплеменников и карать убийц. Поэтому я, Король и Верховный Жрец Тнтханы, в согласии с Советом Жрецов Ретхто решил: сотворить Нбтогх Тодх.

Нхгабта покосился на переводчиков. Он дал им большую поблажку, произнося речь на полуофициальном французском, но английский — это было бы уж слишком: и свои не поймут, и у чужих не следует идти на поводу.

— Почти сто пятьдесят лет Нбтогх Тодх не творился под этим небом. Мы жили в мире по законам мира, воевали по законам войны, а преступников карали сообща с правителями других стран. Но сегодня кровь невинных жертв требует отмщения.

Нхгабта вздел небу руки. Накидка, придававшая ему цивилизованный вид, спрыгнула, являя национальные цвета тела и раскраски. И заревел. Это далось ему проще, чем на ежегодном Празднике — сегодня он был действительно зол. Двое из четверых погибших детей были его племянницами, принцессами Нхгабта. Королю положено любить весь народ, но ближняя кровь все равно дороже. В речь для чужеземцев эти подробности решили не вставлять, но все свои знали, что к чему, когда взревели вместе с королем. Большею частью не столичные баловни, а жители дальних деревень дико орали на площади, обрамленной автобусами. Спускаясь по ступенькам, Нхгабта посмотрел в глаза звукооператору, лихорадочно дергающему поводья пульта, и покачал маской в руке. Сообразительный белобрысый американец зашептал микрофону. Нхгабта облачился и потерял возможность общаться взглядами. Но когда масками покрылась вся площадь, телекамеры уже были настроены на это величественное зрелище.

— Сейчас мы вам добавим экзотики, мать вашу!

Последние слова Нхгабта подумал по-русски, и было тому три причины: две явных и одна тайная. Политическое событие было связано с Россией, их ругательства самые крепкие в мире, и Нхгабта однажды танцевал этот священный запретный танец под чужим небом. Правда, только кусочек танца, хотя и весь он лишь малая часть Нбтогх Тодх, но и это великий грех перед Ретхто. В неподобающе пьяном виде, на вечеринке, в любимом Париже, тогда Нхгабта и подружился с князем без княжества, никогда не видевшим своей Родины. Все компаньоны из белых стали синими, до утра не могли заниматься сексом и до окончания университета откровенно боялись Нхгабта, еще и других пугали. И только Борис не протрезвел, а жал руку, восклицая:

— Боже, как красиво! Ты великий танцор, Нхгабта! А мы тут в своей Европе мним... Русский балет... Это религиозный танец, ведь правда? У нас служба тоже... Красиво, но механистично, таланта нет. Но все-таки

красиво! Пойдем в воскресенье в церковь, тебе понравится. Ты поймешь, а они — нет...

* * *

Вовка Чернышов, эксперт Старогорского филиала фирмы "Бука", дошел до пункта 39-го списка предложений. "История и современная практика религии Ретхто". Опять миссионеры? Оттуда только нам не хватало... Но в списке тоталитарных сект Информационно-консультативного Центра Свмч. Иринея еп. Лионского ничего похожего, с учетом даже возможных искажений транскрипции при переводе с американского, не обнаружилось. Можно было закупать 10 экземпляров без риска для карьеры, но, поговорив по указанному в рекламке номеру, Вовка этого не сделал и как-то забеспокоился. Что-то здесь не сходилось. Врут неровно. И тиражей таких не бывает, и так легко не признаются, что никто еще ничего не купил. Прям-таки я первый, склады, семь городов русских, мать их, нашли бестселлер, экзотика, глянцевая обложка для принятия на себя нищенских воздыханий провинциальной профессуры. Внеслужебное любопытство потащило Вовку, как взгляд рыжей герлы. Он вышел из графика (с кем не бывает?) и набрал в поисковой системе интернета "Rethto". Пока на экране проявлялся баскетбольного вида парень в жуткой маске, из текста прыгнули в глаза слова Russian и Starohorsk. Чего?!! Вовка дочитал и охренел.

...— Я охренел, — так и сказал Вовка Северу. — Ты говорил, что если будет что-то. Вот оно.

— Сколько тебе нужно?

— Еще не считал. Некогда было, я сразу к тебе. Если ты скажешь "нет" — нефиг считать, больше не к кому.

— Я за базар всегда отвечаю. В разумных пределах. А ты чем ответишь?

— Пределы для твоих масштабов разумные. А чем отвечу — я же тебя знаю. Всем. Это мой шанс, понимаешь? Мне эта жизнь в таком виде на фиг не нужна, я ее за шанс отдаю.

— Жизнь твоя бабок не вернет, лишние расходы только. Просто я в тебя верю. Это не значит, что пожалею, этого нельзя, по понятиям, понимаешь? Еще помощь нужна?

— Ну... Когда я свой тираж печатать буду. Чтобы никто, кроме меня.

— Твое первое слово.

Выходя из офиса, Вовка почему-то уткнулся взглядом в быка-охран-

ника. Тот даже смутился и почесал грудную шерсть под крестом, не налипли ли туда крошки от гамбургера. А Вовка вернулся в кабинет.

— Это... Отменяется...

У Севера поползли брови.

— Не, не, не всё. Только наезды на тех, кто кроме меня печатать будет, отменяются. Остальное все так же. Все равно я первый буду, успею свое отхватить. И твое тоже, с достатком.

— А ну сядь.

Вовка обмяк.

— Я не интересовался подробностями. Скупить всю партию, развести по точкам, держать свою цену, запустить производство по рецепту — это я понимаю. Главное — спрос угадать. Но ты метушишься. С чутьем на товар так не бывает. Что-то еще почуял? Я тебе скажу: кого-то еще. Боишься меня подставить? Это очень сложно. Но я должен знать.

— Ну, это... У тебя, наверное, бывало так, что есть кто-то круче тебя. Я не спрашиваю, кто, но всегда же есть. И ты думаешь: бороться с ним, увиливать от него, кроить или... Может, и то и другое настолько опасно, что лучше... Ну, в общем... Служить ему.

Север смотрел на Вовку очень внимательно.

— А левый тираж, это не кроить?

— Это... Здесь аналогия кончается. Это все-таки другие дела, в которых я больше понимаю, и ты же сказал, что в меня веришь. Ему неважно, сколько я наварю, лишь бы до людей дошло.

— Ты точно знаешь?

— Да!

Вовка не знал, почему он знает точно. Но он знал.

Ладно, заметано.

* * *

— Я знаю, что вы хорошо знаете русский, и предлагаю сразу взять быка за рога.

— Берите.

— Ваш король в вашей столице проводил массовый религиозный обряд. В процессе... Во время его он публично предрекал (телеведущий Виктор Лаптев заглянул в бумажку) "страшную кару богов" для похитителей и возможных убийц ваших граждан в Старогорске. Он говорил, что "кара богов" постигнет тех (по бумажке) "кто убил и кто видел, кто знал и кто помогал, кто скрывал и кто не мешал, но должен был помешать".

— Да, это так! — истово подтвердил Тнетх.

— И в течение суток после этого... Э...

— Большой Молитвы. Так можно очень приблизительно назвать Нбтогх Тодх в системе ваших понятий, — любезно пояснил Тнетх.

— Да... Этой, так сказать, молитвы, в Старогорске погибли при таинственных обстоятельствах или умерли странной смертью все члены преступной группировки Джалхоя, а также купленные ими милиционеры, ФСБ-шники, депутаты и чиновники...

— Но этого не может быть!

— ...их списки и обстоятельства смерти опубликованы во многих газетах, вы читали? Почему "не может быть"? Это очевидные факты.

— Я читал.

— ...

Тнетх вытащил из рук Лаптева распечатку со списком.

— Очевидно только то, что эти люди в самом деле умерли или погибли. Но они не могли быть членами преступной группировки.

— Интересно, как вы это...

— Если бы они были преступниками, то должны были бы сидеть в тюрьме. А все они умерли на свободе. И нигде не написано, что кто-то из них беглый. Значит, они не были преступниками. Преступником может назвать человека только суд. Кстати, из этого же вытекает, что ваши газеты безбожно врут. Россия — демократическое правовое государство, так?

Тнетх Ррургнт родился в Москве в 1958 году и был зарегистрирован в райзагсе как Евгений Бесфамильный. Но это его имя мало кто знал, потому что в детском саду его звали Бибизян, в школе и музучилище — Джоп, а широкую известность в узких кругах он получил как ударник группы "Легкая балда" Гоген. По ящику группу никогда не показывали, так она и распалась, после чего Гоген ездил стопом по бывшим поклонникам с гитарой и тамтамчиком, а затем исчез. Чтобы объявиться год назад с чистюсенькими всеми настоящими документами о найденном отце, законном воссоединении семьи и... дипломатическим паспортом.

— Как же вы объясните гибель этих людей?

— За эти сутки в мире и в Старогорске умерли многие. А убийцы наших граждан вполне могли уехать в другой город или другую страну сразу после похищения и умереть уже там. Впрочем, если ваши следственные органы убедительно покажут, кто похитил и убил наших детей, могут выясниться и совпадения. Также и среди оставшихся могут быть те, кто умерли не своей смертью. Но всех убийц постигнет кара богов.

Гоген сказал последнюю фразу как-то очень по-другому. Но серьезный элитный Лаптев Гогеново прошлое знал только по досье, он никогда не бывал на концертах "Легкой балды" в пригородных домах культуры и пропахших травкой питерских флэтах, потому понял свое и спросил почти искренне:

— Вы ведь совсем недавно стали верующим?

Это был неудачный, ох, неудачный вопрос, но прямой эфир... Монтировать было некогда, новость горячая и... какая-то необычная... да когда над этим думать, если каждый день, каждый день, гонка, гонка?.. Лаптев понял, что лажанулся, и начал уже обдумывать ходы-выходы, но Гоген оказался необычайно великодушен, во всяком случае, тогда так показалось. Он выдержал паузу, глядя не на Лаптева (!) а в прожектор над своим креслом и пропел:

— Да, я недавно
осознал себя
сыном Ретхто.
Но вера моя
искрення и
полнодушна.

Больше ничего путного в этот раз добиться от него не удалось.

* * *

Антон вспомнил, что его учили не только стрелять и взводить мины, но и анализировать. Честно говоря, этому больше всего и учили, но нынешним заказчикам знать это было не обязательно. Он сделал беговой крюк до почтовых ящиков, огляделся и выгреб газеты, где потолще. В одном, кажется, попался недельный комплект — кто здесь такой политизированный? С соседями он не знакомился и не собирался: дом был снят наскоро и будет брошен сразу после следующего аванса. Но пока работы не было, и было время потренировать не только мускулы, но и мозги. Через несколько часов возникла цифра с вероятностью ошибки вдвое, но это уже что-то, и Антон позвонил Коке: "Есть кое-чего интересного... Вот именно по этому. Не участвовал, потому и обидно. Нужны архивы телепередач".

Это стало для Коки еще одним "звоночком". Его тоже глодало неопределенное, и он не был чужд аналитике, и как раз шел с другого конца... туннеля... Ассоциации, однако...

Через сутки работы видеомонтажного комплекса и удвоенного интеллекта (Кока поглотил литра три крепчайшего кофе, а Антон стоял под душем и на голове) была просчитана типовая цена за замочку группировки Джалхоя вкупе с сопутствующими ментами, с учетом надбавки за несколько экзотические способы, себестоимость печати книги и совокупность мелких расходов. Доставка — один товарный вагон или пять-десять фур, которые могли служить и складами. И никаких затрат на рекламу и реализацию! Тираж смели перекупщики, сами изрядно наварив, и тут же начали печатать еще втемную, но и "первопечатникам", сдавшим все на корню за черный нал, достался аппетитный куш. Блестящая и чисто реализованная идея! Готовилось все, несомненно, заранее. Только на написание книги ушел год, причем хитрые жрецы-махинаторы сэкономили и на академиках-авторах: те получили в качестве гонораров гранты научных и благотворительных фондов. Древние культуры, отсталые народы, реликтовые религии — все для русского читателя.

Кока уже начал прикидывать, как бы повторить этот финт, но все еще глодало.

— А чтобы всех Джалхоевских обозначить — посчитал?

— Во ты даешь, ты сам кто? Я бы вот отсюда и взял, — и Антон ловко попал редиской в корешок "Бандитского Старогорска".

— И... Ты-то знаешь, что там много чего... В художественном смысле...

— А кто проверит? И на фига? Если такой заказ дают, значит — чтобы боялись.

Тут-то Кока и понял, что его глодало. Во всяком случае, тогда так показалось, пока не начало опять. Весь список безвременно замоченных и точно был взят из его собственной книги.

* * *

— В нашей прошлой беседе вы утверждали, что ваша страна не имеет отношения к таинственным смертям в Старогорске.

— Я утверждал, что преступников постигнет кара богов. Но тогда я еще не знал, кто они. Теперь ваши следственные органы это выяснили.

— Значит, все-таки имеет отношение?

— Да, конечно. Нбтогх Тодх — страшная сила.

— Итак, старогорские бандиты погибли вследствие молитвы?

— А разве следствие установило другое?

— Следствие еще не закончено. И ваш король, ваше государство, ничего, кроме молитвы, не делало? Чего-нибудь... Э... Материального?

— Это хороший вопрос. Я не думал, что вас интересуют такие тонкости.

— По этим, как вы говорите, "тонкостям" в прессе идет дискуссия, считать ли вашего короля международным террористом. Вы читали?

— Увы, обязан по должности. Но мы с вами уже выяснили, что вашим газетам верить нельзя. Наше правительство не имеет претензий по этому поводу. Мы уважаем право вашего народа читать то, что ему нравится. А чтобы осудить нашего короля, вам и международному сообществу придется сначала принять законы, карающие за черную магию.

— Какую?!

— Нбтогх Тодх — это не только молитва. Король совершал магический ритуал. Помните, он сжигал в священном огне символы веры преступников? Очень сильный прием!

— Такие как бы деньги?

— Ну, что вы, это же Нбтогх Тодх! Деньги были настоящие!

— Тогда, судя по объему пачек, он сжег больше, чем преступники просили выкупа? Но элементарный гуманизм требует...

— Несколько меньше, там были не только доллары. Но это и нельзя сравнивать. Символы веры не могут быть связаны с суммой выкупа. Их должно быть достаточно, чтобы нанести урон богам врагов. На некоторое время они становятся слабее, пока действуют наши заклинания. А платить выкуп террористам запрещают законы нашей и многих других стран: это провоцирует новые теракты и потому антигуманно.

Лаптев мотнул головой.

— Значит, вы утверждаете, что вами предпринимались только... э... духовные, так сказать, действия?

— Вполне материальные. Магия — это способ воздействия непосредственно на материальный мир, на физическом уровне. Я понимаю, вы не должны быть специалистом, но можете заглянуть в словарь, спросить у экспертов. Древние египтяне переняли свою магию именно у нашего народа. Наши предки приплыли в Египет на тростниковых лодках еще в...

— Наверное, вы были правы, назвав это тонкостями. Итак, ваша религия включает в себя магию... И вы молились за гибель людей. Нравственно ли это?

— Мораль разная у разных народов. Международное законодательство — одно. Что не запрещено, то разрешено.

— И вы это делали, зная... веря, что люди погибнут? Вы действительно в это верите?

— Вы задаете странные вопросы. Миллиарды людей в мире молятся

разным богам. Зачем бы они это делали, если бы не верили, что их молитвы сбудутся? И знаете ли вы, за что они молятся? Многие — за смерть своих врагов, это вам любой психолог скажет. И какой ответ вы думали получить от служителя культа и государственного служащего страны, где Ретхто — официальная религия?

— Вы — священник?!!

— Я — жрец Ретхто.

— Так... И что же, ваши молитвы всегда сбываются?

— Мои лично? Очень редко. Перед Ретхто я равен любому. И каждый молится втайне, и все мы вразнобой. Но когда множество людей, веруя и искренне, то сбываются. А если одновременно, гласно, соблюдая ритуал, и у богов просят ясного, возможного и справедливого... Это всегда.

— Ваша религия с магией обладают такими уникальными свойствами, что...

— Такими свойствами обладает любая религия, и ваша тоже, если люди будут верить. Если люди будут истово молиться.

— Вы думаете, что наш народ не верит?

— Не знаю. А вы пробовали? Почему у вас не соберутся много людей и не помолятся вслух? Хотя бы столько, сколько у нас. Мы — маленький народ, а вы — великая страна.

На большом экране, на заднем плане Лаптева с Гогеном крутилась видеозапись: сколько хватал объектив, маски топтались, крутились над землей, падали ниц, перевертались небу, взлетали в пыльных нимбах на полтора роста и ревели, хотя звук был выключен.

— В нашей религии нет таких традиций. Тем более, молиться за чью-то смерть.

— Традиции-то есть: молебны, крестные ходы, их забыли. И погоду меняли, и о победах молили, и получалось ведь: войны Россия выигрывала, границы расширяла...

Гоген вспомнил про свою иностранность, но, почти не сбившись, продолжил:

— ...нормы международного права и общечеловеческие ценности говорят нам, что к любой религии надо относиться уважительно, исходя из концепции свободы совести и...

Эфир на этот раз смонтировали, но исходный материал ушел темными путями из студии, чтобы появиться на провинциальных, муниципальных, кабельных, оптовых, CD, DVD, кассетах, видео, аудио, сайтах, расшифровках, распечатках...

* * *

Луи знала, что это будет сильный день. На толкодром она пришла в старом обличье, но под плащом была набедренная повязка. Жизнь Луи пошла было вкось, но вот надеялась выправиться. Гимнастику она, понятно, бросила, хотя Сергей Палыч, Серый, клялся Олимпийской сборной, и даже, дурак, пытался повлиять через маму. Мама, конечно, что-то почуяла, стала поглядывать Луи в глаза, но про спортивную карьеру помалкивала. На парней Луи после того смотреть не могла, отшивала, а пока отошла, на фейсе проявились предательские прыщи, Саурон их побери, и Луи стала назгулом в капюшоне. Получился замкнутый круг. Случайно увидев по ящику пляшущего Нхгабта и вперившегося в прожектор Гогена, Луи поняла, что все переменилось. Меч она продала без сожаления, по дешевке: на книжку хватило. Основные движения и ноты были расписаны и разрисованы, а потом на тусовке индеанистов попалась и видеокассета. "Везение приходит к тому, кто действует", — так говорит папа.

Народы приветственно зашумели (Луи месяц пропадала в кукольном театре Дома детского творчества и в Средиземье не появлялась), из группы черных взлетели салютующие клинки. На площадке, где Конан лениво перепихивался с двумя ведьмаками, Луи установила потертый двухкассетник, не спеша закрепила маску и избавилась от плаща.

В ту ночь в Старогорске было еще одно нашествие смертей, властями не зафиксированное (о прениях в далекой Думе по поводу придания астральным событиям законодательной силы знали лишь фанаты-политболельщики). Родители только и видели, как исчезали из мира сего пять Корвинов, тридцать четыре привратных стражника, три племени эльфов, пять орков, восемь трактирщиков, два Макса, из них один Каммерер, Гоблин и 12 просто гоблинов, четырнадцать Гэндальфов, Нарик, Скрипа, Гуфи, Фокс, Фокси, Брида, Пельмень, Перец, Гроб, Кэт, Металлер...

Рождался новый мир: клинки перековывались, тела перекрашивались, кольчуги, латы и шлемы обесценились, духовые и струнные пали под ударными, татуировка вздорожала.

Издательство "Вервольф" выпустило третий, на этот раз легальный тираж сокращенного "Волшебный мир Ретхто". За авторские права пришлось заплатить, зато на обложке пылал Гоген в ритуальном состоянии и ценители приобретали экземпляры с подлинными автографами.

* * *

Отец Никандр с места взял третью скорость. Повисли сатанинские сборища, гнездо сектантов, богомерзкие, растлевают, совращают, отбивают от семьи, манипуляции сознанием, зомби, Мария Дэви, поганят святые имена, Монастырские поляны, Обитель святого Иоанна, восстановление порушенных святынь, землевладение, смета, кубометры, рубли... Проповедный поток сознания вынес батюшку на риф: из тех, кто обещал возродить обитель, в этом кабинете остались только стены, и те в других обоях.

— Хреновый из меня дипломат, — подумал отец Никандр, — глухая тетеря.

Настроение паствы он чувствовал только молча. Потому помолчал еще и угрюмо закончил:

— Земля это наша. Пресечь надо бы.

— И в самом деле, — спросил Кравцов, — что там происходит на Полянах?

— Все согласовано, — быстро, но солидно ответил Вадик. — Молодежь изучает историю путем воплощения костюмированных спектаклей. На местности. Экологических претензий нет. (Лысый эколог кивнул.) Славянка — крещение Руси, освобождение от татарского ига. Также всемирную, вот... феодальная Европа (крестовые походы и инквизицию Вадик пролистнул). Фольклором увлекаются. Скандинавским. Литература английская классическая. Бородинская битва в перспективе. Военно-исторический клуб от арендной платы освобожден, есть в плане капремонта.

Кравцов перевел взгляд, и Велехов встал, одергивая пиджак.

— Криминальных проявлений нет.

— Откуда информация? — лениво спросил Суржик.

— Лично, — со значением рявкнул Велехов, глядя в Суржика, — держу под контролем, — и, не отводя взгляда: — Наших там почти нет. Старогорских меньше половины. Остальные — со всей России. И Москва есть, и (опять со значением) Питер. Дети из приличных семей.

Суржик наконец смежил зенки.

— Николай Александрович, — обратился Кравцов к отцу, — может, вы других имеете в виду? Это какой церкви секта?

— Секта еретическая, бесцерковная, язычники. Среди них и крещеные есть (отче покосился на Суржика), только бес их обуял через их пастырей сатанинских.

— Николай Саныч, не обижайтесь, я ведь только с целью классификации. Закон любит точность. Ересь — это стойкое нарушение церковного учения, а секта — отколовшаяся часть какой-то церкви. Какой? Христианской? Буддистской? А может, это ваххабиты какие-то?

На самом деле, лучше всех присутствующих это знал Вадик. Но ни терять отчетность, ни, тем более, лишних хлопот не искал. Битлз, Окуджава, Цой, Кришна, Толкиен... Пройдет мода и на Ретхто. Знал Вадик и этого шебуршунчика Гогена, который легкой балды и в прошлом воплощении напускал много, безвредно и приятно.

— Да русские они, — вздохнул отче. — Потому и жаль детишек, пропадут ведь.

Сражение было проиграно: постановили создать комиссию.

Велехову Кравцов мотнул, а отец Никандр остался без знака.

— Нам бы для храма...

— Стройматериалов? — потянулся к клавише Кравцов.

— Автобусов на воскресенье. Десяток. Молебен будем или крестный ход.

— Если ход, — виновато-услужливо вставил Велехов, пока Кравцов наставлял селектор, — маршрут бы. Движение перекроем, обеспечим безопасность мероприятия.

— И-эх. Молебен, — решил батюшка, и, то ли благословив, то ли рукой махнув, покинул их.

— Точно наркоты нет? — устало спросил Кравцов.

— Даже кира почти нет. Есть там отдельные чуть-чуть, они их не любят, "хвостами" называют.

— А вожаки? Взрослые?

— Постарше, но тоже молодые. До тридцати.

— Понятно. Эскейпизм. Психологическое насилие. Сектанты и есть.

— Знаешь, лучше их секта, чем наша ширка...

Велехов стал давить: мало кто, но он-то знал о беде со старшим сыном Кравцова. И пряник припас, но выкладывать начал с подходом:

— У тебя есть там?..

Кравцов мрачно налил.

— Прошлом годе наши гопники туда за девками пошли. Стояли стенка на стенку, те с мечами, а наши — сам знаешь. Но еще как сказать, чья бы взяла.

— У тебя там стукачи?

— Тогда еще не было. Меня из Старогорска разбудили. Один из твоих боссов, между прочим. Доча его там, и мобила при ней.

— Чего-чего?! Там же сети нет! Это... где-то у меня...

— Не ройся, никто без тебя новых вышек не вкапывал. У нее такая мобила, что прям со спутника. Короче, наших я загрузил, с папой поговорил, обстановку разрядил. Сам остался. Там один учитель физкультуры из техникума промавтоматики. Мастер по фехтованию. Из того техникума там много.

— Учителя сейчас тоже всякие... — недоверчиво буркнул Кравцов, но налил.

— Специальности: экономика, компьютеры. При успешном — автоматом в институт. В следующем году девятый класс. Пораньше бы отсюда.

— Породниться хочешь? Или на ту, с мобилой, метишь? Общага есть?

— Ты что, из своего ЛГУ выпал?! Общежития — все под ними. Квартиры снимать надо. А с мобилами там много, даже не крутых. Родители беспокоятся, в другом себе отказывают. А мы что, рыжие?

* * *

К церкви подвалили еще два газона, на одном даже было написано мелом "Люди", а на другом яркой, но драной липучкой "...би с доставкой в любое место!". Загадочный "би" зато распустил импортный хвост с лесенкой, а "Люди" переваливались через борт, благо, в руки парней.

— Есть и у нас молодежь, — решил отец Никандр и дал знак. Паства разровнялась на мытой и посыпанной хвоей площади. Молодых могло быть и больше, запроси отче помощи от ХДП, и тем паче — из монастыря в Подлесках. Но и те, и те сильно грамотные, каждые по-своему, а сегодняшняя служба каноничностью не страдала. Проклинались все те же сатанинские сборища и гнезда сектантов, переложенные на старославянский акцент и ноты, растления, совращения, чад от семей отлучения, бесовские наваждения и Поляны святые, осквернённые.

Обильные коленопреклонения и поклоны земные старшее поколение творило степенно, с легкой примесью радикулита, а отроки и отроковицы как-то уж чересчур ретиво, вычурные очертания их тел и одеяний неуловимо воспоминали готические латинские буквы из собственной отца Никандра семинарской юности.

— Страшная кара бог... божья постигнет тех, кто был и кто видел, кто знал и кто помогал, кто скрывал и кто не мешал, но должен был помешать, — пропел отец Никандр и завершился.

Раскашлялись тракторные дизеля, заскрипела би-лесенка, вздались на

своих и чужих руках люди, отец вяло справил попутное благословение, и необъяснимо до заката Кравцова с Велеховым терзало жесточайшее похмелье, хотя одного вчера только что немец скупо угостил приезжим из фатерлянда шнапсом, а второй и вовсе был с младшими на озере...

* * *

Полдень подкатывался к Монастырским полянам, и тускло блестели они, отражая рыжее солнце полиэтиленовыми плоскостями. Сколько уже этого продукта было сбыто, цены, синхронно со светилом, двигались к зениту, а торговля не унывала. Пасти продажных фургонов изрыгали тонны накидок, навесов, подстилок, плащевок, чехлов, мешков, кульков, колпаков, листов, полотнищ, тентов, капюшонов и бахил. Заботливый Вадик подмигивал ошалевшим от удивления продавцам, но когда те покручивали пальцами над ушами, махал серьезным лицом и указывал в маломерную одинокую тучку у окоема. На разных волнах поочередно вещало: "...без осадков. ...без осадков. ...без осадков".

Гоген, заблаговременно покинувший дипкорпус в связи с женитьбой на аборигенке, занимался именно тем, что более всего не только любил, но и умел: купался в лучах славы. Без десяти до полудня он взошел на дощатый помост и выстучал краткий брэк. Рэперы выбрались из толпы и стали вкруг. Операторы подготовились, маски оделись, забили разнокалиберные барабаны (в дело пошли и пионерские, завалявшиеся у ленивых завхозов в школьных подвалах), плащи пали, Гоген взревел, заорали рэперы, неумело заверещала толпа.

Начался танец.

И пошел дождь.

Кока, одним глазом глядя в телик а другим в монитор, просчитывал прайс-лист на услуги сельхозавиации старогорского клуба дельтапланеристов. Велехов держал под контролем, приглядывая заодно за Севкой с Анькой.

Гоген тамтамил, Луи танцевала под дождем, и жизнь была такой настоящей, какой никогда не будет у того, кто пытается прожить ее без веры, любви и надежды.

Леонид ГЕРВИЦ

Non ti scordar di me...

Высокие окна мастерской выходят в Румянцевский сад. В саду — колонна, но из-за деревьев ее почти не видно. Колонна воздвигнута не человеку (генералу Румянцеву), а его победам. По саду летят длинные синие тени от деревьев и от колонны. Они стремятся сойтись где-то за Невой, на той стороне, где бирюза Эрмитажа венчается горящим золотым куполком дворцовой церкви. Хрущевская "оттепель" уже несколько лет как испарилась, новая ранняя весна еще робко бродит по Васильевскому острову, за окнами Академии художеств.

В мастерской перед окном сидит старик, седой и косматый. В руке его — полуживая скрипка с одной струной, которую он изредка дергает длинным ногтем мизинца красивой старой руки. Скрипка явно устала от жизни. Дребезжаньем старик будит ее и себя, избавляя нас, обсевших его со всех сторон живописцев, от необходимости делать это. Струна старая, ненатянутая, издает несуществующий в нотной грамоте звук, то и дело перемежающийся с шуршанием наших кистей по холстам.

Мой портрет идет легко, свободно — старик, как и я, одессит, и это упрощает дело. Он улыбается в промежутках между дремотой и шутит с неповторимой одесской усмешкой на загорелом лице, главными особенностями которого могли бы быть узкие искрящиеся глаза, если бы большой горбатый нос, да седые кудри пророка не делали свое характерное дело.

— *Non ti scordar di me*, — заводит старик песню, как он поясняет, — *nato Napoli*.

Когда-то давно он был певцом, но голос его звучит еще сильно, и нежные остатки bell canto еще слышны за завесой десятилетий. Когда он говорит об Италии, где он учился петь, его лицо расцветает, он становится похож на Сатина, воспевающего человеческую породу.

— С моей будущей женой Адой мы познакомились во время одесского погрома 1915 года, — рассказывает он, когда мы сидим на холодных ступенях набережной меж двух сфинксов у самой воды. Грязная невская волна неустанно шлепает по граниту, учащаясь после проходящего мимо буксира. — Мы с отцом, — продолжает старик, — работали во дворе нашего дома на Ризовской, когда услышали на улице за нашим высоким забором крики. Шум нарастал, толпа приближалась. Приоткрыв ворота, я остолбенел: прямо на нас катилась озверевшая орава, впереди которой бежала кудрявая черноволосая девушка. Втащить ее во двор и закрыть тяжелый засов было делом нескольких секунд.

— Мы не расстаемся уже 53 года, — сказал старик, глядя на теплые вечерние облака, быстро летящие над Невой. Его узкие глаза блеснули, как два угля.

Я часто провожал старика до выхода из Академии после уроков. Мне нравилась его высокая сутулая, еще крепкая фигура с палкой, его широкое разлетающееся пальто, его громкое неожиданное пение в гулких высоких коридорах нашей каменной цитадели искусства. Романтично звучало даже его имя — Владимир Константинович Людевиг: что-то от французского короля или от Бетховена.

Однажды я был приглашен к ним, и сухощавая, еще крепкая старуха с копной кудрявых черно-седых волос — Ада Илиазаровна — угощала меня одесским борщом и неповторимыми картофельниками со сметаной, подобных которым я не едал со времен моей незабвенной бабушки. Одесса нашла меня и здесь, на далеких северных берегах, куда в поисках высокого и нестареющего искусства судьба занесла старика и меня через десятки лет.

— *Non ti scordar di me*, — напевает старик, наливая бокал красного дешевого каберне.

— Вы знаете, — говорил он потом, когда мы вышли, — Мравинскй плохих не берет, а наш Алеша уже несколько лет у него в оркестре; все, вот, разъезжает по заграницам.

Алексей Людевиг был на слуху с ранней моей ленинградской поры. Доведенный до отчаяния одиночеством, промозглым северным туманом и борьбой с самим собой, я шел в Большой зал Филармонии — единственное прибежище томившегося тела и духа. Здесь, как у Хемингуэя, было чисто и светло. Сюда можно было надеть черную вязаную кофту со свежей рубашкой, белый воротничок которой делал тебя своим в этом белоколонном зале. Тело теряло вес, оно взлетало на хоры и останавливалось у колонны, рядом с трубами органа, замирало на три часа, очищаемое от скверны будней.

— Парить, парить, — кричала душа, наслушавшись симфонии Малера с подтанцовывающим Лорином Маазелем. — Парить, парить, — продолжала она свой призыв на репетиции Четвертой симфонии Чайковского, которой дирижировал Давид Ойстрах.

— *Non ti scordar di me*, — пела душа.

— Не забывай меня, тело.

Помню, помню...

Нью-Йорк

Разговор свечей

— Я осветила ночь Клеопатры, — сказала одна из свеч.
— Я осветила пушкинский лист, — молвила ей другая.
— Я указала страннику путь, — третья шепнула.
Только четвертая промолчала,
гореть продолжая кому-то.

Памяти Бабеля

Революция — скажем ей "да"...
И. Бабель, "Конармия"

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет...
Б. Окуджава, "Сентиментальный марш"

За речкою поле, за полем лесок
И облако всадником наискосок
Галопом летит, да не может догнать
Буденовских орд раскаленную рать,
Что лавой ушла в Посполитую Речь,
Под "Яблочко" панские головы сечь.
За Белую Церковь, за Броды — туда,
Где мальчик шептал революции: "да!",
Одесский очкарик, кудесник пера,
В атаках с братвою хрипевший: "ура!".
Ах, эти дороги, станиц огоньки,
Чужие пороги, родные клинки,
Горючая доля да воля, да свет...
Но все-таки лучше земля, где нас нет.
Взметнувшие алые флаги зари,
Не в гривы высокой травы полегли:
Чекистскою пулей за доблесть и стих

Отметила родина стольких из них!
Ах, родина, родина — храм на крови...
Не надо, трубач, не зови, не дури...

* * *

Пока египетскую клинопись
Ученый в линзу разбирает,
К себе нас день вчерашний кличет
И лед форелью разбивает.

Как вызов, брошенный природе,
Сквозь века гул и птичий гам,
Строкой и волей высшей пробы
Там нас встречает Мандельштам.

Там Пастернак гудит, как фуга,
И в ночь уносят провода
Обрывки рокового круга:
Метель. Цветаева. Беда.

Давно эпохой волчьей смяты
Пророки, гении, творцы,
Но с ними — гуще запах мяты,
Сильней, пронзительней скворцы!..

Верней, надежней обещанья,
Неразведенные мосты,
Щедрее царских завещаний
Бумаги чистые листы.

* * *

Пенелопа, обманывая женихов, по ночам распускает пряжу
И поглядывает в окно, надеясь увидеть Улисса.
Скоро снег на зачерствелую землю ляжет,
Охотники Брейгеля отправятся за кабанами и лисами.

На Невском шарманка играет. В Сорочинцах ярмарка.
У господ Головлевых ходики тикают монотонно.
В чьем-то саду срывается последнее яблоко,
Не дождавшись Ньютона.

Безликие фигуры поднимаются на балкон мавзолея.
Луна над Гранадой плачет по убиенному Лорке.
Ни рублей, ни друзей не имея,
Акакий Акакиевич тащится в свою каморку.

Эпохи перетасованные. Пространства без ориентиров.
Не отличить, где — святой, где — леший,
Спросить какую из звезд над зябнущим миром:
Камо грядеши?

Сестре Татьяне

Земля готовится к зиме
Под небом бедным, нищим,
А мы в остынувшей золе
Огонь вчерашний ищем.

Но прошлое не воскресить,
И время-всадник скачет
Туда, где Ариадны нить
Дорог не обозначит.

Воспоминание о послевоенном кино в московском доме на Тишинке

Послевоенный год,
Какой — не помню.
В подвале дома крутят киноленту.
Трещит проекционный аппарат,
Дрожат на простыне-экране кадры
С окопами, где у солдат угрюмы, серы лица,

Как у святых в разграбленных соборах.
И молятся на них в платках старушки,
Когда, как ангелы, они уходят в сумрак
Собой Россию от огня прикрыть.
В дыму плывут их крылья — плащ-палатки.
Горят деревни, города.
И Будапешт, и Прага их встречают
Цветами и любовью...

Развалины Берлина. Рейхстаг. Дошли.
Закурим. Не забудем.
Смеются и стирают слезы с лиц.

...в подвале дома крутят киноленту,
И яблоку здесь некуда упасть...

Послевоенный год в воспоминаньях.
Зачем и почему — теперь?.. Теперь!
Когда всё стерто,
Загажено, раздавлено, не нужно.
И нет старушек тех,
И тех солдат — с экрана,
И мальчики, смотревшие на них,
Давно другими стали,
Давно в краях иных.

Марки

Пятидесятые. Кузнецкий мост. Торговый час.
Толкучка возле магазина марок.
В кармане несколько рублей —
От школьных завтраков несъеденных.

Парадные. Площадки. Сквозняки.
И — счастье, погрузившись в мир желанный,
Идти домой, неся в кармане
Несметные богатства:

Цветов Цейлона запахи и мачты кораблей
У скал Святой Елены, туман Фольклендов,
Адена жару, рычанье львов Уганды
И свист стрелы индейца из Гвианы...

Сегодня, трогая глазами этот мир,
Испытываю странное волненье —
Не от экзотики, хотя жива она, а видя
Себя в Москве тех невозвратных лет...

* * *

Опять Париж пленяет Мусоргский
И обольщает Чайковский,
А я давно не слышал музыку
Лопат, скребущих снег московский.

Сочельник. Время хмари серой,
Где больше Генделя и Баха,
Лишь фонари у сонной Сены
Подобны шапкам Мономаха.

* * *

"Самаритен"*. Японская неделя.
С лицом как мел, в метро, с афиши
Красавица в нарядном кимоно
С поклоном легким чашку чая
Предлагает.
Ветвь вишни. Фудзияма.
Разит мечом кого-то самурай.
Сосед напротив в книгу погружен:
Мисима.
Какой сегодня, право, странный день!
На набережной, у Шатле,
В цветочном магазине,
Замысловатые иероглифы бансаев,

*Известный парижский универмаг.

Как хайку,
И тяжелы над Сеной облака —
Атлеты сумо.

Набросок

Сам рисует карандаш
Милой родины пейзаж:
На окне бутылка,
За окном — Бутырка.

* * *

Памяти чердак —
Старый хлам.
Что же ты, чудак,
Ищешь там?

Музыку ли, свет,
Облаков бег,
Прежних лет
Побурелый снег?

Неба синь,
Подворотен тень,
Кепку, что носил
Набекрень?

Отлетевший шум,
Смех, грусть
Мест, где ум —
Лишний груз,

Мало лиц,
Больше рож,
Жизнь — блиц,
Блажь, грош?
Первую любовь —-

Сердца взмах,
Мелочи любой
Тайный знак?

Радости ли миг
Ливень косой,
В храме лик
С тихой слезой?

Тот, без следа,
Черный круг —
День, когда
Предал друг?

Тоски настой,
Где в ночи
Застыла звездой
Точка над "і"?

* * *

Человек, побывавший в Самарканде,
Говорил мне мудрые вещи:
Приближающийся Апокалипсис
Обозначится
В бегстве строк
Из священных арабских текстов.
Русский я человек,
Книг таких не имею,
Знака тайного
Не увидеть мне,
И не знаю даже, куда ползет
"Я" в блокноте моем,
Как коровка божья
По листу капустному.

Памяти Михаила Рогинского

Чайник. Примус. Трамвайный вагон.
Старый шкаф. Запылившейся лампы свечение.
Холст. Бумага, а чаще картон (от коробок обычных картон).
Монстр и вещь. Монстр — вещь. Золотое сечение. Отрешение.

Не писал — разрушал, нарушая, круша, потроша,
Ворошил, ворожил, забываясь, любя, усмехаясь печально и едко.
Ах, о чем ворковала с костлявой старухой душа,
Что щеглом вылетала из плохо затворенной клетки!

Мысль, как пьяный, качаясь, куда-то скользит
В немоту, в темноту, где бутылок и звезд чуть мерцают осколки.
Сколько лет, дорогой, за спиной, сколько зим,
Болей сколько...

Всё в порядке теперь. Ни тоски, ни свистков, ни погонь.
По музеям, собраниям частным, земляк мой, дружище,
Растворяешься ты. Спи ж спокойно, пройдя сквозь парижский огонь,
На отечественном кладбище.

Париж

Человек параллельной эпохи

1.

Когда телефон замолчал и умер,
а часы показывали все, что хотели,
и только сверчок верещал, как зуммер,
наискосок от моей постели,

я понял, что наконец-то вышел
из времени, из его объятий сучьих,
как язык — из азбуки,
сок — из вишен,
оставив деревьям гнилые сучья.

А за окнами так же теснились ели,
пахло псиной,
и печка давилась поленьями,
и ворота долго еще скрипели
там, по другую сторону времени.

2.

Человек параллельной эпохи,
убежавший от Судного дня, —
и не то чтоб дела мои плохи,
просто больше их нет у меня.

Разве это серьезное дело —
неожиданной прихоти для
выковыривать душу из тела,
словно косточки из миндаля?

3.

Когда я так не вовремя уснул,
когда мне изменило чувство меры,
когда из дня, из месяца, из эры,
из времени неслышно ускользнул,

меня всю ночь искали на снегу
мои собаки, женщины и дети.
Я понимаю, что за все в ответе.
Но ничего ответить не могу.

* * *

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы — с капелью,
как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как диван и вчерашние куклы.
Слышишь, вою фабричной трубой
из окна опостылевшей кухни?

Только бездна струится из дыр —
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир —
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
прилипая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.

Чужие небеса

Маргарите Крапчан

Ты помнишь старый сквер на берегу лимана?
Сочился из окна задумчивый кларнет.
И пахло сентябрем.
Но из-за океана
ты помнишь этот сквер?
Его сегодня нет.

Ты помнишь этот дом? И за забором, рядом, —
еврейские зрачки продолговатых слив?
И плакала лоза осенним виноградом.
Ты помнишь этот дом?
Его уже снесли.

Ты помнишь тихий Днестр в эпоху листопада
и лодку, что тайком забилась в камыши,
и девочек в трико... и мальчиков...
Не надо.
Не надо вспоминать.
Они уже ушли.

Ушли. И никуда от этого не деться.
И тополиный мир, пропоротый насквозь,
как тот футбольный мяч, что мы гоняли в детстве,
скукожился и сник, насаженный на гвоздь.

И стайки воробьев, трещавших без умолку,
как взрывом, отнесло за близлежащий лес.
Ты думаешь, легко бездомному осколку
рассеянно скользить среди чужих небес?

А надо мной — сугроб. И тучи — как из стали.
И чудо из чудес: коты загнали пса.
А, впрочем, напиши. Я думаю, доставят
по адресу: Восток, чужие небеса.

* * *

Это яблоко. Яблокопад.
Это якобы сумерки.
Якобы
это Ева идет через сад
подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
тишины, выходящей из тени.
Контрабас,
контраболь,
контрапункт
приглушенного грехопаденья.

Это вечера стертый пятак
нагоняет ненужные страхи.
Это яблоки падают так,
будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
ни плода, ни случайной удачи.
Никого не дано искусить
в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
обрекая изгнанью и стуже,
не затем, что я праведно чист,
а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей наготе,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.

Подберите меня, господа, —
нас немного осталось.

* * *

Затхлый запах бездонности —
сквозняком — по душе.
Ощущенье бездомности
не покинет уже.

Но как ветер за ставнями
или пес в конуре,
как случайно оставленный
патефон во дворе,

я играю и вроде бы
я пою и верчусь —
певчий пасынок родины.
За нее, как юродивый,
я еще расплачусь.

Москва

Одесса издалека

"Битва за Англию" в Одессе 50-х

Одесса.
Осень.
Вечер.
Коридор.
Зеркальность черного окна
И тишина.
За дверью дальний разговор.
Мой силуэт в стекле.
Я ожидаю...
и как-то странно ощущаю гул юнкерсов
И Лондон в темноте,
Зениток стук... наверно за окном.
Иль, может быть, во мне?
Непроизвольно небо осмотрел —
Там вместо шляпы каску силуэт надел...
Отточен профиль юнкерса пилота.
Британца простотою строг костюм...
Причудлив, право, ход нежданных дум.

Поднимаясь от Ланжерона к Александровскому парку

Я вспомнил гравюру "Сады Черномора".
И вот они вокруг —
Оттенками, сплошными вензелями и формами свились,
И я плыву в их изумрудном полусолнце.
И высоко мне.
Мелькает море,
Облако мелькает.
В просветы льется зной,
Но растворяется прохладой птичьих песен.

Светлой памяти Николая Алексеевича Полторацкого

"...идите за Мною, и Я сделаю вас
ловцами человеков"
Мф 4:19.

Был день когда-то штормовой.
Валило шхуну мокрым свистом.
Осклабясь, мыс за пеной проступал.
Он завлекал, он был неистов...
Обет исполнен — живы мореходы.
Маяк.
И рядом монастырь
Над морем поднялись
И утвердились.
Их знак един — единая обитель.
Обрел ты в ней свой благостный приют,
Ловец людей,
Их спутник и учитель.

Внучке

Величавые собаки
(Никогда не видел драки),
Грустно-мудрые глаза
(Иногда сверкнет слеза),
Ходит Даша между ними
Площадями городскими,
Мимо Думы и базара,
Прячась от дневного жара.
Обращаясь часто к псам,
Говорит: "Идите к нам".

Мирное время

Южная Россия, летний небосвод.
Маяк Воронцовский — судов поворот.
Ялик крупным планом, тих фордевинд.
Пароход все дальше, все быстрее винт
Вспененным шаром поднята корма.
Пишет художник, а смотрит волна.

Ночные блуждания с Дашей

Дом розовый в ночи.
Фонарь с акацией — расчерчена лепнина.
Громадной ветви скрученная тень,
Прожженная окном в дыхании жасмина.

В Одесском литературном музее

Белый мрамор лестниц и скульптур парад.
В окнах берег дальний, гавань и закат.
На листе старинном под Одессой бой:
Канониры "Тигра", залп над головой.
Англичанам с берега был ответ жесток,
И стоит с фрегата пушка как урок.

Санкт-Петербург

Счастье некоронованных авторов – вдохновение. Антипатия к собственному вдохновению вещь довольно необычная. Иногда хочется его вместе с собой выбросить на помойку или спустить в унитаз. Оно искало меня долгие годы, но я только-только начинаю строиться, чтоб было пристанище для него. К сожалению, без фундамента возводить не просто, но я смелая – кирпичики иногда плотненько льнут один к другому, но не ровно строю. Я перепутала, что современное строительство легче с крыши начинать.

Мое вдохновение – сродни воде кипящей. Быстрей по чашкам разлить и угостить. А перед этим в чашечки уже кофе, сахар разложены. Ну, пейте, пейте. Я старалась. Для вас. Ну, отхлебните! Горячо? Мало кофе? А для вас много? Простите. Я старалась. Я просто забыла спросить вас, как вам нравится. Что, вы кофе вообще не пьете? Ничего, я его вылью в раковину. Канализация вещь хорошая, для вдохновленных. Течет по трубам мое вдохновение.

– Я спокойная, я спокойная, – повторяю, выпятив глаза на листик чистый. И вспоминаю, что собаки воют только на вдохе. И не хватает воздуха. И не понимаю: почему так долго вдыхаю. А может, я вою, как собака. А выдохнуть не хватает сил.

Где ты, мое вдохновение безымянное? Где ты?

И тогда на бумаге рождается предчувствие, словесная часть меня самой, еще ничем не разбавленная, никем не отвергнутая, мечтавшая о заглавной букве в какой-нибудь толстой книге. Я очень хочу спать. Но встаю, мою чашки, раскладываю в них сахар и кофе или заварку без сахара. А мое вдохновение сродни воде кипящей. Отхлебните: я так старалась.

Мечтатель и страх

Под крышей жил один чудак –
мечтатель винтовых пролетов,
он был из редких обормотов.

Там хлопал форточкой сквозняк
и стен облезших злой овал
определял все неудачи...
Мечтатель страх нарисовал,
нарисовал его иначе,
чем страх себя представить мог:
– Моё вам, страх, – сказал,
– почтенье!
А страх от страха изнемог:
– Откуда, милый, самомненье?

Для страха ты не идеал,
мечтатель винтовых пролетов,
поклонник старых анекдотов.
А наш мечтатель часто врал,
что сочинял их сам когда-то,
когда еще была зарплата,
копейку стоила вода,
хоть без сиропа, но копейку,
и, приобняв жену-еврейку,
жалел себя:
— Теперь нужда.
И страху был портрет не мил,
ведь он себя боялся тоже,
но он мечтателя любил,
за то, что с ним они похожи.

* * *

Мы — дилетанты вечных рифм,
бежим от грусти голых строчек,
мы многоточьями сорим,
забыв о царственности точек.
Мы — первопутки старых фраз,
мы — тени вечных откровений.
Знак восклицанья — это фрак,
надетый на обломок тени.

Девичник

Вне времени пейзаж — окно и ветер.
Сидим с подругой:
— Дождь идет?
— Идет.
— Чего стучит?
— Мотивы старых сплетен.
Сегодня даже дождик чернорот.

Ленивый день

Всепоглощающая лень.
Размякли тени на диване,
ленился мой рабочий день.
Резвился свет,
забравшись в грани
стакана.
Ой, как соблазнял
вино попробовать сухое.
Ленивый день вино менял
на настроение лихое
и расплескать вино хотел
по нашим глоткам, как предатель.
Стакан холодный запотел,
ленивый день — изобретатель
понапридумывал слова,
чтоб оправдать и лень, и грани.
Легко кружилась голова,
я растянулась на диване
и натянула свою лень
до самых глаз, как одеяло.

Пришел бездельник длинный день.
Я поняла, что дня мне мало.

* * *

Романтикам
поджатых
губ
открою двери...
они войдут,
а я солгу,
что я им верю.

* * *

В черно-белой круговерти
выживаем мы не все...
Интересно, после смерти
на какой мы полосе?

* * *

Хотите — да, хотите — нет?
Хотите то и это вместе?
Какой должна я дать ответ,
чтоб всё по чину, да по чести?
Хотите — нет, хотите — да?
Обременительна ли странность?
Есть люди — села, города,
районы, области и страны.
Кто вы?
Кто я?
Каков вопрос.
Провинция или столица?
Вы можете на мне жениться,
или расквасить мне же нос...
Хотите?

Былое странное

Михаилу Таничу

Ну вот, спасибочко!
Ничья улыбочка,
Водичка с хлебушком.
Еще налить?
Былое странное,
а юность рваная
тарелкой полною могла бы быть.

Как было голодно,
как было молодо!

И нет копеечки
вина купить.
Былое странное,
а юность рваная
монетой звонкою могла бы быть.

Как было молодо!

За кулисами

Я вспомнила или приснилось?
Скажите, была ли слеза?
Ведь сцена — мой крест,
а не милость
А я за кулисами.
За
границей,
что делит на части весь мир.
И задача проста:
принять ощущение счастья
мне, снятой недавно с креста.

Я вспомнила или...
Конечно —
юпитеры, жженье в глазах
Хоть сцена — мой крест,
я безгрешна
под светом юпитеров.
За
кулисами обыкновенно.
Так что же?
Задача проста:
как хочется снова на сцену
мне, снятой вот только с креста.

Я вспомнила вдруг:
с кем-то вместе
сижу за кулисами дня,

живу за границею песни.
Распните на сцене меня!

* * *

Визг тормозов —
опять вираж.
Дороги зов —
сплошной кураж.
Дороги смысл —
вперед бежать,
чтоб ветер — хлыст.
Педали жать,
себя вдавить
на вираже...
Как классно жить,
когда уже...

* * *

На трамвайной линии
номер двадцать с хвостиком
прямо из окошечка
за горбатым мостиком
вылетали голуби,
а за ними ласточки.
На деревья голые
стали вешать ласково
листики зеленые.
Захотелось праздника!
Пели все влюбленные,
пели люди разные.
На трамвайной линии
за горбатым мостиком
пело небо синее...
Жизнь махала хвостиком.

В гостях у нашего альманаха московский интернет-журнал "Русский переплет", созданный профессором МГУ В.М. Липуновым. Это обширный культурный и общественно-политический портал, где печатаются поэты и прозаики со всех уголков планеты (в том числе и одесситы).

Марианна Орлова – редактор отдела поэзии. Бытует мнение, что поэт не может быть объективным редактором. Марианна Орлова – самобытный поэт и достаточно строгий, но демократичный редактор.

Табу

Я — молодец,
Я девочка-погибель.
Я пью коктейль грядущих передряг.
Но, как безжалостный грабитель
Мужских сердец, я предпочла бы "Слынчев бряг",
Грамм 100. Для пафоса и артистизма.
Мундштук в полметра. Сигарета "Вог",
В губах изогнутых капризная харизма,
Глаза пустые в потолок.
И он — явление Христа народу,
Брюнет, ковбой, красавец, вертопрах,
Крапленую тасующий колоду
В холеных и изнеженных руках.

Мы б стоили друг друга, были б ровней —
Лихие бессердечные чиканос,
И наша связь была бы кровной,
Любовной и пьянящей, как кальвадос.
Мы б шли по жизни, презирая смерти,
Кривлялись и плясали тарантеллу.
И кумовьями были бы нам черти
Над трупами печальных наших жертв. В могилу
Сойти готова. Пусть инцест, распутство,

Но только, Господи! Спаси! Обереги!
От этих кротких глаз, глядящих неотступно,
От этой с нежностью протянутой руки...

* * *

Ты был один. И тень заката
Руками Понтия Пилата
Терзала ветреную мглу
Кричали сумерки.
Я — не могу.

Осенний патовый этюд,
Разыгранный не "против", а "отнюдь",
Продел тугую нить в иглу,
Заштопывая брешь.
Я — не могу.

Кончался пламенный сентябрь.
Огней напротив стыла рябь,
Слепя глаза слезам врагу.
Все было "ЗА"...
Я — не могу.

Окно купало знак Луны
В пруду душевной пелены.
Сплетались тени две в углу.
Ты был со мной.
Я — не могу.

* * *

Цикады, запах моря, хмель в висках.
Ходить бы и ходить под шум прибоя.
И знать, что на далеких маяках
Давно сломались ходики без боя.
Там время вытекает через шлюз
И мчит с волной вприпрыжку мимо доков,
Смотритель пьяный исполняет блюз
На ящиках от заграничных соков...

Горят в порту огни.
И тлеют лунные полоски.
Моряцкой протрезвляющей ругни

Доносятся глухие отголоски.
На звезды наводя печали тень,
Стоят на страже неба кипарисы
Ходить бы и ходить.
И ночь и день,
Как бродят старые актрисы
По старым припортовым городам,
Чтобы собрать крупицы обожанья
И пить дешевенький "Агдам"
Во время танцев на забытой барже.
А после танцев плыть в парной пыли,
Вдыхая запах пота, моря, свалки,
И с шулером, пришедшим из тюрьмы,
Крутить любовь на мокрой гальке...

* * *

Девочка-ворожея —
Тонкостенная вазочка.
Нежная шея.
На спине завязочка.
Волосы пеной
Вокруг лба.
Резаной веной
В губах мольба.

Девочка-ворожея
Всю ночь рассказывала,
На глазах хорошея,
Душу хмельно показывала,
Легкой паутинкой опутала,
Дунула.
Говорила много и путано,
Оберег в карман сунула.

Стояли, смеялись в небо салютовое.
Море ласковое, да глаза лютые.

Утром искали —
Как не была.
Потом сказали:
Бросилась в волны — и уплыла.

Осень-2

Бесстыжей осени пожар
Сожрал с деревьев всю одежду,
Как будто обновленья дар
И шанс последний на надежду,
Здесь розы страсть и пыл огней,
И вздохи уводящей жизни.
Здесь запах скошенных полей
И ностальгия по Отчизне.
Здесь плачи журавлей вдали
И смертный крик ворон на крыше;
Казалось, Землю подожгли,
И мир вокруг печали тише.
Мне голос твой напомнит дождь,
Но сквозь туман тебя я не увижу.
Когда-нибудь ты от меня уйдешь,
И я себя за это ненавижу.

Почему не летают люди?

Почему не летают люди?
Потому что они не Боги.
Потому что грехи земные
Приковали к земле их ноги.
Почему не поднимут руки,
Вместо крыльев расправив душу,
И парят, словно мысли немые,
Пролетая и воду, и сушу?
Почему же любовь униженно
По земле, не узнав прощения,
Проползает, как ночи призраки
И влечет за собой лишь мщение?
Да, вопросы давно известные
И, возможно, им нет решения,

Но всегда они будут уместные,
Выражая души прошение.
Да и я не имею крыльев,
За спиной лишь обуглились перья,
Но хочу их услышать трепет
И хоть ноту душевного пения.

Мне снится река, что бежит в никуда,
Вода по рукам, словно слезы, стекает,
Пустые слова донесут провода,
Но чувства в них нет, и любовь затухает.
Я сплю и мне страшно, что я не проснусь,
Уйду и бесследно из душ исчезну,
Мне страшно, что реже и реже молюсь,
И мыслей поток низвергается в бездну,
Так трудно понять, что бываешь груба,
И то, что любить всех и вся не можешь,
И что от тебя лишь зависит судьба,
И то, что не всем на земле поможешь.

"Я утомилась в вязкой тине дня..."

* * *

Будет день и будет ночь
В доме, в котором нет крыши,
Зато есть подвал — теплый, сухой,
А в нем обитают умные мыши.

Будет осень. За ней — зима:
Ненастье придет к нам в гости...
Случится в доме кутерьма,
Но не будет тоски и злости.

Будет мышка-мама варить
Просо в кофейной чашке,
Будет соседей угощать —
Веселых котят-замарашек...

Будет папа-мышь дремать
В старом кресле-качалке.
Слышишь: ветер в камине поет,
В стылом небе хохочут галки...

Будет день и будет ночь
В доме, в котором нет крыши...
В нашем подвале темно и тепло...
Спят, утомившись, добрые мыши...

* * *

Я утомилась в вязкой тине дня,
Я ненавижу яркие рассветы,
Когда приходит время без тебя,
И я одна — под маскою запрета...

Укроюсь снегом и усну —
Мне без тебя тепло не мило...
И пропущу свою весну,
Но соберу за зиму силы!

Увижу: ивушка опять
Встречает утреннее солнце,
И речка, весело струясь,
Мерцает вновь в моем оконце...

Герой — время

...В зрительном зале еще горит полный свет, еще не все зрители заняли свои места, а на сцену уже вышел незаметный паренек в униформе. Снял оберточную бумагу со стула, извлеченного из груды упакованных декораций, присел на него и начал крутить ручку настройки радиоприемника. После нескольких фраз из выпуска последних новостей вдруг возник голос Бориса Николаевича и знаменитое: "Я ухожу"... Еще один поворот ручки — и Михаил Сергеевич произнес что-то о необходимости ускорения... Поворот — и новость о том, что на конкурсе в Сопоте победила молодая советская певица Алла Пугачева... А затем на сцене появятся герои пьесы, Он и Она, встретившиеся в курортной Ялте 1975-го, и начнут раскручивать клубок времени...

Это — начало спектакля "Лист ожиданий", поставленного в 2004 году на сцене Одесского русского театра Иосифом Райхельгаузом. Автор пьесы — одессит Александр Мардань. Правда, родиться в Одессе ему "не удалось". Леонид Утесов писал: "Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город". Родители Александра Марданя, одесситы, напротив, перед рождением сына уехали из родного города. Окончили "водный" и были направлены во Владивосток. Отработав положенный срок, вернулись сюда уже с сыном.

(Кстати, тот же "водный" окончили Михаил Жванецкий и Виктор Ильченко. Родители Александра Марданя дружили с ними. Вышедшая в 2004-м книга Жванецкого "Одесские дачи" завершается светлой и горькой страницей — страничкой из старой записной книжки автора. Колонка имен, фамилий и телефонных номеров. Александр Мардань нашел здесь: "Тамара Мардань", — и свой бывший домашний номер. Мама.)

Итак, Александр Мардань родился в 1956 году во Владивостоке, затем с родителями переехал в Одессу. Дальше можно перечислить, где и как жил, учился, работал, а можно привести несколько цитат из его пьесы "Лист ожиданий", в ткани которой время от времени, словно биение пульса, "прощупываются" фразы, которые пересекаются с биографией автора.

"ОН. ...Я, кстати, в драмкружке Треплева играл".

Играл в драмкружке. Правда, ставили не чеховскую "Чайку", а "Обыкновенное чудо" Шварца и "Сильное чувство" Ильфа и Петрова. Собственно, именно там, в драмкружке и на уроках литературы в школе № 116, Мардань и "заболел" театром и драматургией. Номер школы назван не случайно. Вряд ли что говорящий иногородним, для одесситов он — Знак. В свое время "сто шестнадцатая" была одним из немногих островков свободы, школой, где воспитывались Личности.

"ОНА. Вы в самом деле моряк? Или только до утра?

ОН. Моряк, моряк, только "камышовый", то есть береговой. Инженер в порту, в одесском".

Александр Мардань окончил тот же, что и его родители, Одесский институт инженеров морского флота. Работал в "Инфлоте".

"ОН. Из порта я уволился, так что нищему пожар не страшен.

ОНА. Но ты же был без пяти минут начальник порта!

ОН. Вот именно – без пяти. Все, сюрпляс закончен.

ОНА. Что закончено?

ОН. Сюрпляс. Видела, как велосипедисты балансируют, чтобы быть ближе к стартовой черте, но не пересечь ее раньше времени? Мне надоело так балансировать".

В начале девяностых Александр Мардань оставил морфлотовскую карьеру и ушел в "свободное плаванье". Сегодня он возглавляет крупную компанию. И – пишет. Несмотря на то, что "бизнес – это тот же ребенок, которого ни на минуту нельзя оставить. А древние греки предупреждали – или дети, или книги" ("Лист ожиданий").

У Александра Марданя – "и дети, и книги". В свое время были сценарии, по которым снимались документальные ленты на "Укртелефильме", лет двадцать назад был написан "День гражданских дел", который, увы, так и не был поставлен ни на экране, ни на сцене. И вот в 2003-м был написан, опубликован, а затем и поставлен "Лист ожиданий". Не стопроцентно автобиографичный, но пронизанный цитатами из биографии автора и – целого поколения.

Действительно, "каждый пишет, как он дышит". Но в пьесах Александра Марданя, кроме авторского, чувствуется дыхание времени. В "Листе ожиданий", конечно же, это ощутимо больше, ведь герои пьесы – Он, Она и Время. Причем многие читатели и зрители видят в третьей вершине этого треугольника, третьем герое – главное действующее лицо.

В отличие от первой пьесы, в "Уравнении с одним неизвестным" (эта пьеса А. Марданя была опубликована в альманахе "Дерибасовская – Ришельевская" № 19) время не заявлено автором как одно из действующих лиц, но... В полной темноте луч фонарика был направлен на солнечные часы. В итоге ситуация, которая не раз и не два уже происходила в мировой истории, сложилась еще раз – в наше время. В безошибочно узнаваемом 2004-м.

...По давно известному неписаному правилу, чтобы состояться (в том числе – в литературе), одесситу надо уехать из родного города. Не покинувшие "провинцию у моря", увы, должны быть готовы к тому, что их произведения за рамки этой прекрасной провинции не выйдут. Вопреки сказанному, первая пьеса одессита Александра Марданя "Лист ожиданий" хоть и была поставлена на одесской сцене Иосифом Райхельгаузом – бывшим одесситом, сугубо "внутренним" продуктом не стала. Одновременно с одесской прошли премьеры спектакля в Липецком драматическом театре, которым руководит В. Пахомов. Недавно пьеса переведена на украинский язык и поставлена А. Дзекуном в Киеве. Какая судьба ждет следующие произведения Александра Марданя – покажет время. Время, которое играет свою роль и в его новой пьесе, которую сегодня мы предлагаем нашим читателям.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Герой — время

...В зрительном зале еще горит полный свет, еще не все зрители заняли свои места, а на сцену уже вышел незаметный паренек в униформе. Снял оберточную бумагу со стула, извлеченного из груды упакованных декораций, присел на него и начал крутить ручку настройки радиоприемника. После нескольких фраз из выпуска последних новостей вдруг возник голос Бориса Николаевича и знаменитое: "Я ухожу"... Еще один поворот ручки — и Михаил Сергеевич произнес что-то о необходимости ускорения... Поворот — и новость о том, что на конкурсе в Сопоте победила молодая советская певица Алла Пугачева... А затем на сцене появятся герои пьесы, Он и Она, встретившиеся в курортной Ялте 1975-го, и начнут раскручивать клубок времени...

Это — начало спектакля "Лист ожиданий", поставленного в 2004 году на сцене Одесского русского театра Иосифом Райхельгаузом. Автор пьесы — одессит Александр Мардань. Правда, родиться в Одессе ему "не удалось". Леонид Утесов писал: "Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город". Родители Александра Марданя, одесситы, напротив, перед рождением сына уехали из родного города. Окончили "водный" и были направлены во Владивосток. Отработав положенный срок, вернулись сюда уже с сыном.

(Кстати, тот же "водный" окончили Михаил Жванецкий и Виктор Ильченко. Родители Александра Марданя дружили с ними. Вышедшая в 2004-м книга Жванецкого "Одесские дачи" завершается светлой и горькой страницей — страничкой из старой записной книжки автора. Колонка имен, фамилий и телефонных номеров. Александр Мардань нашел здесь: "Тамара Мардань", — и свой бывший домашний номер. Мама.)

Итак, Александр Мардань родился в 1956 году во Владивостоке, затем с родителями переехал в Одессу. Дальше можно перечислить, где и как жил, учился, работал, а можно привести несколько цитат из его пьесы "Лист ожиданий", в ткани которой время от времени, словно биение пульса, "прощупываются" фразы, которые пересекаются с биографией автора.

"ОН. ...Я, кстати, в драмкружке Треплева играл".

Играл в драмкружке. Правда, ставили не чеховскую "Чайку", а "Обыкновенное чудо" Шварца и "Сильное чувство" Ильфа и Петрова. Собственно, именно там, в драмкружке и на уроках литературы в школе № 116, Мардань и "заболел" театром и драматургией. Номер школы назван не случайно. Вряд ли что говорящий иногородним, для одесситов он — Знак. В свое время "сто шестнадцатая" была одним из немногих островков свободы, школой, где воспитывались Личности.

"ОНА. Вы в самом деле моряк? Или только до утра?

ОН. Моряк, моряк, только "камышовый", то есть береговой. Инженер в порту, в одесском".

Александр Мардань окончил тот же, что и его родители, Одесский институт инженеров морского флота. Работал в "Инфлоте".

"ОН. Из порта я уволился, так что нищему пожар не страшен.

ОНА. Но ты же был без пяти минут начальник порта!

ОН. Вот именно – без пяти. Все, сюрпляс закончен.

ОНА. Что закончено?

ОН. Сюрпляс. Видела, как велосипедисты балансируют, чтобы быть ближе к стартовой черте, но не пересечь ее раньше времени? Мне надоело так балансировать".

В начале девяностых Александр Мардань оставил морфлотовскую карьеру и ушел в "свободное плаванье". Сегодня он возглавляет крупную компанию. И – пишет. Несмотря на то, что "бизнес – это тот же ребенок, которого ни на минуту нельзя оставить. А древние греки предупреждали – или дети, или книги" ("Лист ожиданий").

У Александра Марданя – "и дети, и книги". В свое время были сценарии, по которым снимались документальные ленты на "Укртелефильме", лет двадцать назад был написан "День гражданских дел", который, увы, так и не был поставлен ни на экране, ни на сцене. И вот в 2003-м был написан, опубликован, а затем и поставлен "Лист ожиданий". Не стопроцентно автобиографичный, но пронизанный цитатами из биографии автора и – целого поколения.

Действительно, "каждый пишет, как он дышит". Но в пьесах Александра Марданя, кроме авторского, чувствуется дыхание времени. В "Листе ожиданий", конечно же, это ощутимо больше, ведь герои пьесы – Он, Она и Время. Причем многие читатели и зрители видят в третьей вершине этого треугольника, третьем герое – главное действующее лицо.

В отличие от первой пьесы, в "Уравнении с одним неизвестным" (эта пьеса А. Марданя была опубликована в альманахе "Дерибасовская – Ришельевская" № 19) время не заявлено автором как одно из действующих лиц, но... В полной темноте луч фонарика был направлен на солнечные часы. В итоге ситуация, которая не раз и не два уже происходила в мировой истории, сложилась еще раз – в наше время. В безошибочно узнаваемом 2004-м.

...По давно известному неписаному правилу, чтобы состояться (в том числе – в литературе), одесситу надо уехать из родного города. Не покинувшие "провинцию у моря", увы, должны быть готовы к тому, что их произведения за рамки этой прекрасной провинции не выйдут. Вопреки сказанному, первая пьеса одессита Александра Марданя "Лист ожиданий" хоть и была поставлена на одесской сцене Иосифом Райхельгаузом – бывшим одесситом, сугубо "внутренним" продуктом не стала. Одновременно с одесской прошли премьеры спектакля в Липецком драматическом театре, которым руководит В. Пахомов. Недавно пьеса переведена на украинский язык и поставлена А. Дзекуном в Киеве. Какая судьба ждет следующие произведения Александра Марданя – покажет время. Время, которое играет свою роль и в его новой пьесе, которую сегодня мы предлагаем нашим читателям.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Александр МАРДАНЬ

Последний герой

Реалити-шоу

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

ВИКТОР
ЛЮДМИЛА
КАТЯ — их дочь
ВИТАЛИЙ — маклер
КОСТЯ — сосед
СТАЛИНА ПЕТРОВНА — соседка
ТАТЬЯНА — старшая сестра Людмилы
СТРОИТЕЛИ

Действие пьесы происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски.

Действие первое

Картина первая

Комната в "хрущевке" — гостиная, она же столовая, она же кабинет. Интерьер, по которому можно проследить всю историю этого жилья. На стенах — фотографии в рамочках. Типичная советская мебель — "стенка" с хрусталем, диван, ковер на стене.

В центре комнаты стоит ведро, в которое с ритмичным звуком падают капли.

В углу — телевизор, развернутый экраном от зрительного зала. Перед экраном застыла девица. Ей лет 20-25. Волосы рыжие. Одета в яркое пончо и джинсы. В ногах у нее стоит дорожная сумка. Девица держит в руках свитер и неотрывно смотрит на экран. Мужской голос вещает: "Лена. Лена. Вика. Олег. Наташа. Вика. Вика. Михаил. Вика". Голос умолкает.

Девица издает победный клич, хватает телефонную трубку, набирает номер.

КАТЯ. Алло! Да, я. Только что закончилось. Сказать? А что мне за это будет? (*Пауза.*) Будешь мыть посуду всю неделю. (*Пауза.*) Два дня??? Сиди и мучайся. (*Пауза.*) Ла-а-адно, я сегодня добрая... Они съели эту сопливую Вику!!! (*Пауза.*) Закон джунглей! (*Пауза.*) Да, я уже почти собралась. Сейчас, только носки теплые найду — и выезжаю. Ага.

Катя кладет трубку, идет к открытому платяному шкафу, перебирает вещи на полках.

Входит Людмила с букетом цветов и сумкой в руках.

ЛЮДМИЛА. Катюша!.. (*Подходит к ней, целует в щеку. Видит ведро.*) Опять этот фонтан слез! Чистый Бахчисарай.

КАТЯ. Я бы сказала — не очень чистый.

ЛЮДМИЛА. Все прогнило за сорок лет... Я к Лёне поднимусь.

КАТЯ. Бесполезно. Я уже поднималась, граница на замке.

ЛЮДМИЛА. Сейчас перельется! (*Отдает Кате цветы и сумку, берет ведро и выходит. Кричит из кухни.*) А где папа?

КАТЯ. Ни малейшего... Я пришла — его не было.

ЛЮДМИЛА (*возвращается в комнату с пустым ведром, ставит его на прежнее место*). Наверное, в магазин пошел, я просила его горошек купить. Будет твое любимое оливье. (*Берет у Кати сумку, уходит на кухню.*)

КАТЯ. Кто именинник?

ЛЮДМИЛА (*из кухни*). Революция. В смысле — примирение. Какая разница, как называть? Просто посидим за столом, по старой памяти.

Катя кладет букет на стол и продолжает вынимать из шкафа теплые вещи и укладывать их в сумку. Из кухни выходит Людмила с тарелками в руках, ставит их на стол.

ЛЮДМИЛА. Ты что, уже собралась? Пожалуйста, дождись папу, посидим немножко...

КАТЯ. Ладно.

ЛЮДМИЛА. Это какой цвет?

КАТЯ (*проводит рукой по волосам*). Красный янтарь.

ЛЮДМИЛА. А в прошлый раз что было?

КАТЯ. Вишня.

ЛЮДМИЛА. Гнилая? Нет, янтарь лучше. Может, и мне попробовать?

КАТЯ. Ты и вишню собиралась пробовать. Все равно не решишься.

ЛЮДМИЛА. Да, не решусь... Боюсь, что как наша химичка, забуду, какой цвет настоящий.

КАТЯ. Эта та, которую Щелочью прозвали?

ЛЮДМИЛА. А как меня за глаза называют?

КАТЯ. Сама знаешь. Короче, месяц не покрасишься — вспомнишь. Или постригись иначе... Мебель в квартире переставь...

ЛЮДМИЛА. От перестановки мест слагаемых... Простор в тридцати метрах не появится.

КАТЯ. Но нельзя так жить! В консервной банке, с раз и навсегда расставленной мебелью... По школьному расписанию. И каждый год объяснять юным идиотам, кто такая Настасья Филипповна и почему Раскольников — лишний человек.

ЛЮДМИЛА. Лишней оказалась старушка... Вместе с Печориным. И никакие они не идиоты...

КАТЯ. А кто? Кем надо быть, чтобы сегодня учителям таскать букеты! Врачи в кабинетах таблички вешают: "Доктор цветы и конфеты не пьет!". Первого сентября напиши на доске: "Учителя — не пчелы, цветами не питаются!".

ЛЮДМИЛА. А когда тебе букет дарят, ты тоже так думаешь?

КАТЯ. Конечно! Дома — только горчица и уксус, денег — едва на маршрутку хватит... Выходишь кланяться, а тебе на сцену — цветы. Лучше бы палку колбасы подарили. Или (*мечтательно*) головку сыра...

ЛЮДМИЛА. Артист, как и художник, должен быть голодным.

КАТЯ. Это коммунисты придумали, чтоб денег не платить.

Входит Виктор, снимает куртку, вязаную шапочку.

ВИКТОР. Девчонки, привет! Ругаетесь? Ну и погодка... Собаку никто не выгонит.

КАТЯ. Как бабушка говорила, — какая власть, такая и погода.

ВИКТОР. Кать, при чем тут власть? (*Видит ведро.*) А у нас что, капает?

КАТЯ. Как всегда, Леня протек.

ЛЮДМИЛА. Вить, ты горошек купил?

ВИКТОР. Ой, прости, Люда, забыл. Ну, будет салат без горошка.

ЛЮДМИЛА. Ладно... Накрываем на стол! Катя, помогай.

Людмила уходит на кухню, Катя вдвоем с отцом передвигает стол, стоявший у стены, в центр комнаты.

КАТЯ (*смотрит вверх*). Здесь же течет.

Виктор снимает телефонную трубку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Леня? Это Виктор. (*Пауза.*) Леня, от твоего стояка у меня хронический столбняк. Ну, приди, посмотри! (*Пауза.*) Да не нужна мне твоя побелка. Раз в две недели. Вонь такая, что на кухне спим. (*Пауза.*) Леня! Не смеши меня! (*Пауза.*) А моральная компенсация? Что? Литр за литр? Только если коньяка. (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так куда стол ставить?

Вдвоем передвигают стол на центр комнаты.

ВИКТОР. Следи, куда капнет. (*Достает из серванта хрустальную вазу.*)

КАТЯ. Вот. (*Показывает точку на столе.*)

ВИКТОР. Отлично. (*Ставит вазу именно на это место.*)

ЛЮДМИЛА (*кричит из кухни*). Витя, цветы в воду поставь.

ВИКТОР. Уже. (*Ставит букет в вазу, в которую капает вода с потолка.*) Надеюсь, водичка чистая?

КАТЯ. Проточная, фильтрованная.

Входит Людмила, ставит на стол миску с оливье.

ЛЮДМИЛА. Что у него там?

ВИКТОР. Как всегда.

ЛЮДМИЛА. Вить, неси холодец.

ВИКТОР. Хрен есть? А то придут гости и скажут, что на столе ни хрена нет.

ЛЮДМИЛА. Я эту шутку полжизни слышу. Кстати, Витя, почему пакет с мусором лежит в коридоре? И воздуха не озонирует.

ВИКТОР. Как лежит? Я же выбросил! (*Выходит в коридор, возвращается с пакетом в руках.*) Блин! Что же я тогда выбросил?

ЛЮДМИЛА. А где мой пакет с тетрадями?

ВИКТОР. Повезло твоим ученикам. Всем пятерки!

ЛЮДМИЛА. Немедленно вниз! Ищи и без них не возвращайся!!!

Виктор выходит. Людмила вытирает стаканы и расставляет их на столе.

КАТЯ. Леня поменял график? Тек раз в квартал. Теперь — ежемесячно. В любой нормальной стране его бы по судам затаскали, и оплачивал бы ремонт всем, до первого этажа, как миленький.

ЛЮДМИЛА. Это потому что там соседи — случайные люди. А мы друг другу не чужие. Столько лет вместе. Тем более — наш дом...

КАТЯ. Знаю-знаю. Дом Павлова, героическая оборона, историческая победа... Дедушка эту историю перед сном рассказывал, вместо сказки. Так что, я в курсе.

ЛЮДМИЛА. Ну в кого ты такая злючка?

КАТЯ. Не злючка. Просто наши семейные легенды пахнут нафталином...

Звонит телефон. Катя берет трубку.

КАТЯ. Алло! Что? (*Пауза.*) Какие грибы?.. Сам греби отсюда, подберезовик! (*Кладет трубку.*) Палата номер шесть...

ЛЮДМИЛА. Кто это?

Снова звонит телефон, трубку берет Людмила.

ЛЮДМИЛА. Да... Мужчина, вы ошиблись. Никто вам не хамит. Какой номер вы набираете? (*Пауза.*) А где?... (*Пауза.*) Наверное, ошибка в объявлении. И больше сюда не звоните. (*Кладет трубку.*)

Входит Виктор с пачкой тетрадей в руках.

ВИКТОР. Не повезло твоим ученикам, не успели еще мусор вывезти... Роюсь я в баке, глянул вверх — баба Сталя к своему окошку прилипла, чуть стекло не выдавила. А тут еще из подъезда выходит... как его... полковник с третьего этажа. Говорит: "Коммунисты вам не нравились? А теперь на помойках роетесь! Интеллигенция...".

ЛЮДМИЛА. Витя! Только что мужчина звонил. Номер наш. Спрашивает, почем грибница шампиньонов.

ВИКТОР. Люд, понимаешь, компания набирала людей — сидеть на телефоне, принимать заявки. Я согласился, дал номер. Аванса не заплатили... Отказался. Что, неправильно?

ЛЮДМИЛА. Молодец! Правильно!

КАТЯ. Предоплата портит человека, но ее отсутствие портит еще больше.

ЛЮДМИЛА. Теперь будешь отвечать на все звонки. Только даром. Пока грибники не отстанут.

ВИКТОР. Ладно. Позвонят недельку — и успокоятся. Ну что, садимся?

Усаживаются за стол. Виктор открывает бутылку водки, наливает всем по рюмке. Звонок в дверь. Людмила идет открывать. Возвращается в комнату вместе со старушкой, которая несет перед собой тарелку.

ВИКТОР. Заходите, Сталина Петровна!

КАТЯ. Здрасьте, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здрасьте! Я вам пирожков принесла.

КАТЯ. Умер кто?

ЛЮДМИЛА. Катя!!!

Катя встает из-за стола, достает из сумки плейер, надевает наушники, садится в кресло и закрывает глаза.

ЛЮДМИЛА. Не обращайте внимания, английский учит, экзамен завтра.

ВИКТОР. Присаживайтесь, тетя Сталя. Отметим красный день календаря? С чем пирожки?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. С грибами.

ВИКТОР. Спасибо! Я потом.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Что ты, Витя... Хорошие грибы, с магазина!

ЛЮДМИЛА. У него с желудком проблемы, а мы с Катюшей съедим, спасибо. Вы присаживайтесь.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка! Мы вчера с дедом пенсию получили. Может, тебе одолжить? Ты не стесняйся...

ЛЮДМИЛА (*смеется*). Спасибо! У нас все в порядке. Просто Витя не то, что нужно, в мусор выбросил.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Понятно... Я пойду, меня дед ждет, мы тоже отметить собираемся. Людочка, ты передачу эту смотришь?.. Забыла название... Герои нашего времени? Артисты на острове живут, голые ходят, червяков едят...

ЛЮДМИЛА. Я с этими уроками телевизор совсем не смотрю.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Жалко. Мы сегодня пропустили. Хотела узнать, кого там выгнали.

КАТЯ (*не снимая наушников и не открывая глаз*). Вику.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Спасибо, Катюша! Пойду, деду скажу, а то волнуется. Он за Наташу болеет. Такую, рыженькую...

Уходит. Людмила, проводив ее, возвращается в комнату, садится за стол.

ЛЮДМИЛА (*Кате*). Сколько можно из-за тебя краснеть?

КАТЯ (*снимая наушники*). Зачем дитя культа приходило?

ЛЮДМИЛА. Прекрати чушь нести... совсем не прекрасную. Знаешь, какую она жизнь прожила? И имя не помогло...

КАТЯ. Правильный мэн был Раскольников... Каждый раз это понимаю, когда захожу в парадную мимо этих пираний на скамеечке.

ЛЮДМИЛА. В нашу ты раз в месяц заходишь. И то — когда темно. (*Поднимает рюмку.*) Ну что, с праздничком?

ВИКТОР. Девчонки, стоп! Не закусываем! (*Уходит на кухню, возвращается с баночкой красной икры.*)

ЛЮДМИЛА. Икра?! Откуда?

ВИКТОР. А — спецпаек. Б — стол заказов. В — купил у спекулянтов. Г — дали взятку.

ЛЮДМИЛА. Помощь зала.

КАТЯ. Нашел в мусорном баке.

ВИКТОР. Ответ правильный! Ну — за революцию! Чтобы верхи могли, а низы хотели.

ЛЮДМИЛА. Это уже контрреволюция.

ВИКТОР. Тогда за эволюцию!

Выпивают.

ЛЮДМИЛА. Катя, положить тебе оливье?

ВИКТОР. Оливье — это не просто французское имя. Это символ развитого социализма! Так же, как винегрет — символ недоразвитого.

ЛЮДМИЛА. Ты не перепутал историю с кулинарией?

ВИКТОР. Нет! Как завещал нам Веничка Ерофеев? Все можно, кроме одного — нельзя ошибаться в рецептах! Вон у Леньки (*показывает на потолок*) Светка стала в оливье вместо горошка кукурузу класть. Кощунство!

ЛЮДМИЛА. Теоретик... Что ж ты горошек забыл купить?

Звонит телефон. Виктор снимает трубку.

ВИКТОР. Алло! Алло, я слушаю! Говорите! (*Некоторое время ждет, потом кладет трубку.*) Молчат.

Пауза.

ВИКТОР (*смотрит на Людмилу*). Подозрительно молчат.

ЛЮДМИЛА. Это как?

ВИКТОР. Дышат. С выражением.

Вдруг Катя визжит.

ЛЮДМИЛА. Ты что?

КАТЯ. За шиворот капнуло. (*Смотрит вверх.*)

ВИКТОР. А мне — в рюмку. Это уже перебор.

Снова звонит телефон.

ВИКТОР. Алло! Леня? Что у тебя там? (*Пауза.*) Это ты звонил? (*Пауза.*) Ладно, сейчас. (*Кладет трубку.*) Я к Леньке поднимусь, помогу, у него вообще все поплыло.

ЛЮДМИЛА. Это он сейчас звонил?

ВИКТОР. А есть еще варианты?

КАТЯ. Помощь зала.

Виктор поднимается из-за стола, выходит.

ЛЮДМИЛА. Кать, возьми шпроты.

КАТЯ. Ма, мне пора.

ЛЮДМИЛА. Посиди еще.

КАТЯ. Завтра на работу рано. У нас переучет. А вечером — репетиция. (*Встает из-за стола, берет собранную сумку.*) Я еще хотела кастрюлю забрать — большую, в красный горох...

ЛЮДМИЛА. Да, конечно. (*Выходит на кухню, возвращается с кастрюлей.*)

КАТЯ (*запихивая кастрюлю в сумку*). Славка пельмени любит. А у нас одна, маленькая, пельмешкам в ней тесно.

ЛЮДМИЛА. Когда ты нас познакомишь?

КАТЯ. Мы еще сами толком не познакомились... Ну все, я побежала. (*Целует Людмилу в щеку, уходит.*)

Людмила прохаживается по комнате, достает из сумочки сигареты, закуривает. Смотрит на потолок. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Алло! Привет. (*Пауза.*) Как дела? (*Пауза.*) Нет, ничего не случилось. Был звонок... Это не ты?.. Понятно... С праздником тебя! (*Смеется.*) А с каким хочешь? Вы что, не празднуете? (*Пауза.*) А мы вот посидели немного. (*Пауза.*) Нет, я же говорю — все в порядке. Что у нас может измениться? Семьи, в которых каждый день варят суп, разрушаются в последнюю очередь. (*Пауза. Слышно, как хлопнула дверь.*) Ну, ладно... Целую. (*Кладет трубку.*)

Входит Виктор.

ВИКТОР. А где Катька?

ЛЮДМИЛА. Ушла в семью.

Виктор садится за стол, наливает себе и Людмиле, поднимает рюмку.

ВИКТОР. Ну? За что?

Людмила пожимает плечами и молча выпивает.

ВИКТОР. Как скажешь. (*Выпивает.*)

Звонок в дверь.

ВИКТОР. Опять Катька что-то забыла!

Людмила уходит открывать. Возвращается с мужчиной средних лет. Он — в элегантной кожаной куртке, в костюме, в руках — папка для бумаг.

ЛЮДМИЛА. Витя, это к тебе.

МУЖЧИНА. Виктор Александрович? Здравствуйте! Меня зовут Виталий Сергеевич, фирма "Атлантида".

Виктор встает из-за стола, они пожимают друг другу руки.

ВИТАЛИЙ (*оглядывая стол*). С праздничком вас! Извините, что отрываю...

ВИКТОР. Ничего, вы присаживайтесь!

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо, я постою.

ЛЮДМИЛА. Нет уж, вы присядьте.

ВИТАЛИЙ. Понимаете, примета такая есть — нельзя садиться, пока сделку не заключили. Так что, я постою, если позволите.

ЛЮДМИЛА. Ни в коем случае! Нельзя, чтобы гость стоял в доме, где невеста на выданье. Так что...

ВИТАЛИЙ. На выданье? (*Достает блокнот, листает его.*)

ВИКТОР. Садитесь-садитесь! Что за разговор на ногах? Давайте, к столу. Может, рюмочку?

ВИТАЛИЙ. Спасибо, не пью.

ВИКТОР. Да? А где вы родились?

ВИТАЛИЙ. В Бухаре.

ВИКТОР. Ну, тогда ладно.

Виталий садится за стол, Людмила ставит перед ним тарелку и уходит на кухню, Виктор наливает себе водку.

ВИКТОР. Водички?

ВИТАЛИЙ. Не откажусь.

ВИКТОР. Грешите! В праздник — работать... Ну, будем! (*Выпивает.*)

ВИТАЛИЙ. А что делать? Единственный шанс застать людей дома. Всех жильцов обойти надо, поговорить. Я к вам с предложением.

ВИКТОР. Что продаете?

ВИТАЛИЙ. Покупаем... Вас.

ВИКТОР. Лично меня? (*Наливает себе еще рюмку.*)

ВИТАЛИЙ. Нет, всех в вашем доме.

ВИКТОР. Тела, души? Оптом? В розницу? (*Накладывает себе и Виталию закуски, едят.*)

ВИТАЛИЙ (*смеется*). Оптом, конечно же.

ВИКТОР. И почем?

Входит Людмила, присаживается к столу.

ВИТАЛИЙ. Приятно иметь дело. Вы сразу... быка за рога. К сожалению, сейчас точную цену я вам назвать не смогу. Конечно, для вашего района "вилка" определена, но окончательная цена зависит — есть ли долги по коммунальным платежам, хотите ли менять номер телефона, нужна ли помощь при переезде...

ЛЮДМИЛА. Простите, я не поняла... Вы о чем?

ВИТАЛИЙ. О вашей квартире. Мне сказали, что вас уже поставили в известность... Наша компания начинает строительство нового комплекса. Ваш и три соседних дома будут сносить. (*Заглядывает в блокнот.*) Квартира приватизирована?

ЛЮДМИЛА. Да, а что?

ВИТАЛИЙ. Есть и другой вариант. Вы можете не брать деньги, а просто определиться со своими требованиями, и наша компания подберет вам другую, такого же метража, в указанном вами районе...

ЛЮДМИЛА. Нет!

ВИТАЛИЙ. Что — "нет"?

ЛЮДМИЛА. Меня никакие варианты не устраивают! Это квартира моих родителей. Я тут выросла.

ВИТАЛИЙ. Ну, мало ли кто где вырос... (*Заглядывает в блокнот.*) Людмила Николаевна! Виктор Александрович! Я понимаю, что вопрос сложный и за одну минуту не решается. А вы, оказывается, еще не были в курсе... Конечно, вам надо подумать. Но есть время, чтобы определиться, какое жилье вы хотите. А мы все найдем. Или вы найдете, а наша фирма оплатит покупку. (*Пауза. Заглядывает в блокнот.*) Здесь прописано...

ВИКТОР. Трое.

ВИТАЛИЙ. Да. (*Делает пометки в блокноте.*) Детей нет.

ЛЮДМИЛА. Как нет? У нас дочь.

ВИТАЛИЙ. Это которая на выданье? Значит, опекунский совет не нужен. Так и запишем. В местах лишения свободы никого?

ЛЮДМИЛА. Типун вам на язык!

ВИТАЛИЙ. Так и запишем. В армии?

ВИКТОР. В запасе.

ВИТАЛИЙ. Должен предупредить: ЖЭК предоставил справки о количестве жильцов, и со вчерашнего дня прописка прекращена.

ВИКТОР. На что вы намекаете?

ВИТАЛИЙ. Почему намекаю? Я говорю прямо. Сейчас все начнут срочно выходить замуж, прописывать к себе родственников... Но при расселении будут учитываться только те, кто прописан на сегодняшний день,

то есть на седьмое ноября. Кстати, с праздничком вас еще раз. (*Поднимается из-за стола.*) Вот моя визитка, телефоны... Жду вашего звонка.

Виктор встает и провожает гостя к выходу. Людмила в растерянности сидит у накрытого стола. Виктор возвращается в комнату, закуривает. Раздается звонок. Виктор идет открывать. Входит мужчина средних лет в шлепанцах, спортивных штанах и пиджаке, надетом на майку.

ЛЮДМИЛА. А, Костя... Заходи.

КОСТЯ. Ну и как вам этот... типа гигант?

ВИКТОР. Атлант? У тебя тоже был?

МУЖЧИНА. Или! Я подождал, пока он слиняет, и к вам — перебазарить.

Костя садится за стол, Виктор разливает водку, Людмила, накладывает на тарелки закуску.

КОСТЯ (*поднимая рюмку*). Ну что, соседи? Вздрогнем?

Все выпивают.

ЛЮДМИЛА. Костя, что же нам делать?

КОСТЯ. Картель.

ЛЮДМИЛА. Что?

КОСТЯ. Картель. Как у нас в таксопарке. А кто меньше берет — тот... Хер.

ЛЮДМИЛА. Костёр, что ты себе позволяешь?!

КОСТЯ. Ну этот... Страйк... Шрек... Брехер! Главное — вместе держаться...

ВИКТОР. За что?

КОСТЯ. За цену. И друг за друга. Иначе — спалимся. Если кто меньше бабок возьмет — тогда они и других нагнут конкретно.

ЛЮДМИЛА. Да не в деньгах дело! Даже представить не могу... Я тут выросла. Папа все сам, до последнего гвоздика...

Вдруг раздаются крики, громко хлопает дверь.

КОСТЯ. Это баба Сталя! Точно! Все, попал маклер. Когда Павлов дом занимал, она кричала, что ее отсюда только вперед ногами вынесут. Если гроб на нашей лестнице не застрянет. Пойду, посмотрю. (*В дверях останавливается, поднимает руку со сжатым кулаком — "рот фронт!".*) Картель!!! Но пасаран! На посошок! (*Возвращается к столу, наливает рюмку, выпивает, чмокает Людмилу в щеку.*) Людка, ни шагу назад! Держись! (*Уходит.*)

Долгая пауза.

ВИКТОР. А вот это шанс!

ЛЮДМИЛА. Какой?

ВИКТОР. Один из тысячи. А может, из миллиона.

ЛЮДМИЛА. Вить, неужели тебе наш дом не жалко?

ВИКТОР. Ты знаешь, у меня к нему смешанные чувства. Хотя, мне эта квартира не чужая. Я здесь тоже... Люда, а сколько мы с тобой? (*Пауза.*) Это в марте четвертак!!! Серебряная свадьба! Помнишь, как под университетом стояли и всем — знакомым и незнакомым — говорили: "А мы сегодня расписались!".

ЛЮДМИЛА (*улыбается сквозь слезы*). Потом сюда приехали. И ты меня на четвертый этаж на руках нес.

ВИКТОР. Я и сейчас могу.

Людмила смеется.

ВИКТОР. Не веришь? (*Подходит к ней.*)

ЛЮДМИЛА. Радио включи.

ВИКТОР. Глупая...

Виктор включает радиоприемник, берет Людмилу на руки и уносит в спальню.
По радио звучит "Варшавянка":
"Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут".
Опустевшая комната, в центре — праздничный разоренный стол. Медленно гаснет свет.

Картина вторая

Та же комната, тот же праздничный стол. Звонит телефон.
Из спальни выходит Людмила — заспанная, в халате. Снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло... Да, Катюша. Спасибо. И мы тебя поздравляем. (*Пауза.*) Нет, папа вышел куда-то. (*Пауза.*) Не знаю, я спала. А вы тоже дома сидели? (*Пауза.*) Где? Ого! Интересно! (*Пауза.*) А-а-а! Ясно. Сегодня зайдешь? А завтра? Приходите, вместе с Кириллом. Праздник — хороший повод для знакомства... Ну, пока.

Людмила кладет трубку, собирает со стола тарелки и уходит на кухню.
Открывается дверь, входит Виктор. Он вносит елку, на которой сиротливо висят нитки "дождика". Из кухни появляется Людмила.

ВИКТОР (*напевает*). "В лесу родилась елочка, в лесу она росла..." (*Подходит к Людмиле и чмокает ее в щеку.*)

ЛЮДМИЛА. Все нормальные люди елку ставят до, а не после. Ты где ее взял?

ВИКТОР. А — Дед Мороз подарил. Б — долг отдали...

ЛЮДМИЛА. В — кто-то уже выбросил. Г — срубил в сквере возле горсовета.

ВИКТОР. Нудная ты, уйду я от тебя.

ЛЮДМИЛА. Это я нудная???

ВИКТОР. Полгода — "Не забудь купить елку... Не забудь купить елку...". Полгода — "Вынеси елку, вынеси елку...". (*Достает из кармана куртки бутылку пива, открывает ее, наливает в стакан и жадно пьет. Садится за стол, берет салатницу, ест прямо из нее.*) Люблю начало года. Пока все прошлогоднее еще свежее. Катька не звонила?

ЛЮДМИЛА. Только что. Поздравляла.

ВИКТОР. Придет?

ЛЮДМИЛА. Нет, устала, хочет отоспаться.

ВИКТОР. Праздновать устала?

ЛЮДМИЛА. Для актеров Новый год — самая работа.

ВИКТОР. И кем она была? Снегурочкой?

ЛЮДМИЛА. Размечтался... Зайчиком.

ВИКТОР. В детском саду?

ЛЮДМИЛА. В ночном клубе. Вечеринка в стиле "Плейбой".

ВИКТОР. Это когда костюм состоит из ушек и хвостика?

ЛЮДМИЛА. Вот придет — у нее и спрашивай. Завтра зайти обещала.

ВИКТОР. Одна? Или с этим... новым...

ЛЮДМИЛА. Кириллом.

ВИКТОР. Чего она их от нас прячет?

ЛЮДМИЛА. А может, нас от них.

Звонит телефон.

ВИКТОР (*снимает трубку*). Да. (*Пауза.*) Молодой человек, возьмите, пожалуйста, ручку. Взяли? А теперь вычеркните этот телефон. (*Кладет трубку.*) Грибники — упорные люди. Надо же — до сих пор... Лоси к пересохшему водоему ходят две недели. У людей на это уходят годы. (*Берет со стола открытую бутылку шампанского, наполняет два бокала, подходит к Людмиле, вручает ей один бокал.*) Признайся, Катя сказала: "Поцелуй папу"?

ЛЮДМИЛА. Нет.

ВИКТОР. Тогда придется пить на брудершафт.

Пьют на брудершафт. Целуются.

ВИКТОР. Ну, Людка, ты вкусна не по годам.

В этот момент слышится какой-то шорох, кряхтенье, и в дверях появляется Костя, который тащит кадку с огромным фикусом. Видит целующихся.

КОСТЯ. Совет да любовь!

ЛЮДМИЛА (*Виктору*). Ты что, дверь не запер?

ВИКТОР. Наверное.

КОСТЯ (*затаскивая фикус в угол*). Не, здесь он не зацветет. (*Передвигает кадку ближе к окну.*) С Новым годом, земляки!

ВИКТОР. И старым фикусом. Ты чего это?

КОСТЯ (*достает из кармана бутылку*).Простите, если что не так... Без обид... Позвал бы к себе, нет вопросов, да поляну накрыть некому.

ЛЮДМИЛА. Куда собрался?

КОСТЯ. Всё. Финита, блин, комедия. Переезжаю... Классную хату нашел и еще червонец на развод.

ВИКТОР. А что ж ты кричал: "Картель! Бордель!"...

КОСТЯ. Вить, против лома нет приема. Вынесли базар на люди — они гривой машут, а ты ж видишь — цену держат. А если счетчик назад крутиться пойдет? А мне опять личную жизнь обустраивать надо. Так что — давай по пятьдесят! (*Разливают.*) Людка, а ты что — не выпьешь с нами? Мы с тобой с пяти лет на одной скакалке прыгаем...

ЛЮДМИЛА. Когда съезжаешь?

КОСТЯ. Завтра. Контора подводу дает. Я тебе, Вить, советую — не блатуй, будь мужиком! Если я на своей однокомнатной десятку поднял, то вы плюс к хате спокойно четвертак получите.

ВИКТОР. "Десятку, четвертак..." Дураки вы! Лохи, как ты говоришь. Они на этом месте миллионы загребут, а вам копейки кинули.

КОСТЯ (*разливая по рюмкам*). Я, Вить, таксист, а не бухгалтер. Миллионы считать не обучен. Это их проблемы. (*Поднимает рюмку.*) Приходит в дом Дед Мороз. Предки своему пацану типа сюрприз организовали. А пацан за шкаф спрятался и ка-а-ак этого мужика с бородой шваброй треснет! Тот: "За что, мальчик?!". А пацан: "За прошлый год!". (*Смеются.*) За него и выпьем! (*Выпивают.*)

ЛЮДМИЛА. А фикус зачем?

КОСТЯ. Это вам на память. Ему лет двадцать, не меньше. Он фартовый. Удачу приносит.

ЛЮДМИЛА. Что же ты его отдаешь?

КОСТЯ. Один раз приносит. Его еще батя купил. Тетка, что продала, сказала — ждите удачи. И в натуре — через день "Запорожца" выиграл.

ЛЮДМИЛА. Так это билет счастливый, а не фикус.

КОСТЯ. Людок! Тачку батя в карты, а не в лотерею выиграл.

ВИКТОР. Жаль, ты его раньше не принес. (*Пауза.*) Я бы елку не тащил. (*Перевешивает дождик с елки на фикус.*) Подожди, у меня для тебя тоже подарок есть! (*Уходит на кухню.*)

КОСТЯ (*поправляет дождик на фикусе*). Его сильно поливать не надо. Так, по рюмашке. И не пересаживай. Он этого не любит, как пассажир.

ЛЮДМИЛА. А кто это любит, Костя?..

Из кухни возвращается Виктор с двумя бутылями огурцов.

ВИКТОР. Вот. К новоселью. Два удовольствия в одном флаконе. Огурчиками закусишь, а утром рассолом поправишься.

КОСТЯ (*Людмиле*). Твоего производства? Царский подарок! Новоселье-то вместе отметим? Я вам сейчас координаты нарисую.

Костя пытается взять сразу две банки. Виктор отдает ему только одну.

ВИКТОР. Давай помогу донести, а то разобьешь.

Вместе выходят.
Людмила остается одна. Смотрит на часы, присаживается к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Привет. Не разбудила? С Новым годом! Желаю... ну, как всем — и во всем... (*Пауза.*) Спасибо... Спасибо... С новым счастьем? А старое — выбросить? (*Поворачивается к фикусу.*) Кстати, у меня действительно появилось новое счастье. (*Пауза.*) Большое. Зеленое. (*Смеется.*) Нет, не доллары.

За спиной Людмилы в дверях появляется мужчина в костюме Деда Мороза.

ДЕД МОРОЗ. С новым счастьем!

Людмила, взвизгнув, бросает трубку и поворачивается.

ЛЮДМИЛА. Вы кто?

ДЕД МОРОЗ (*смеется*). Новый год!

За его спиной появляется Виктор. В руках у него толстая книга. Размахнувшись, он бьет книгой Деда Мороза по голове. Тот приседает. Виктор заламывает ему руку за спину.

ВИКТОР. Люда, звони в милицию. Мужик, тебе не повезло. Здесь уже никто не спит и все трезвые.

ДЕД МОРОЗ (*срывая свободной рукой шапку и бороду*). Э! Э, вы что! Виктор Александрович! Это я, Виталий! Фирма хотела вас поздравить... тьфу, черт!!! (*Отплевывается от бороды.*)

Виктор отпускает его. Людмила кладет трубку.

ЛЮДМИЛА. Ой, извините, Виталий! Но вы нас так напугали... (*Виктору.*) Ты что, опять дверь открытую оставил?

ВИКТОР. Да что ее закрывать, я ж на минуту!.. (*Виталию.*) Не обижайтесь. У нас в прошлом году Дед Мороз четыре квартиры обчистил. Пока народ не протрезвел. С больши-и-им таким мешком, как у тебя.

ЛЮДМИЛА (*усаживает Виталия за стол, наливает ему шампанское*). Выпейте.

ВИТАЛИЙ (*потирает голову*). Чем это вы меня?

ВИКТОР. Книгой — источником знаний.

ВИТАЛИЙ. Хорошо, что шапка на вате...

ВИКТОР. Знаете, я уже начинаю привыкать к вам как к атрибуту праздничного стола. Что-то вроде оливье.

ВИТАЛИЙ. А я, к сожалению, кроме как в праздники не могу вас застать дома.

ВИКТОР. Зачем?

ВИТАЛИЙ. А как же? Вы пропали, нам не звоните, чтобы обсудить условия... Я сколько раз заходил, у вас — никого. Если гора не идет к Магомету...

ВИКТОР. ...значит, Моисей дал больше... Атлант Виталий! Вы пришли поздравить? Мы готовы!

ВИТАЛИЙ. Хорошо. (*Лезет в сумку.*) Это вам, Людмила Николаевна, от нашей компании (*протягивает ей пакет*) шампанское и наш фирменный календарь.

Виктор разворачивает календарь, на котором изображена Пизанская башня.

ВИКТОР. Очень мило! (*Осматривает комнату.*) Люд, куда мы его повесим?

ВИТАЛИЙ. Виктор Александрович! Здесь лучше его не вешать. Или нет — повесьте и сделайте пометку. Первое мая. В этот день дом снесут. Еще отметьте пятое марта — снесут дом номер девять, после чего квартал останется без газа. Еще через месяц отключат воду, телефон и свет.

ВИКТОР. Насчет даты конца света — это вы погорячились. А без

электричества человечество жило достаточно славно — это я вам как историк говорю.

ВИТАЛИЙ. Людмила Николаевна, чего вы время тянете? Ваши соседи за полтора месяца управились — нашли вариант и уже переезжают.

ВИКТОР. Потому что они родину не любят. Малую. А мы любим. Вот вы свой Самарканд любите?

ВИТАЛИЙ. Бухару? Ну, как вам сказать...

ВИКТОР. А традиции соблюдаете. Не пьете.

ВИТАЛИЙ. Если выпью — съедете?

ВИКТОР. Съедем... (*наливает себе и Виталию, выпивают, закусывают огурчиками*) ...но позже.

ВИТАЛИЙ. Это уже нечестно!

ВИКТОР. Виталик! Тут думать надо... Позвоним, обязательно позвоним, причем — в этом году. Еще по одной?

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо... (*Встает, идет к выходу, оборачивается.*) Дверь не захлопывать?

ЛЮДМИЛА. Извините нас... Всего вам хорошего! (*Идет проводить его, возвращается в комнату.*) Вить, надо соглашаться. Давай искать квартиру.

ВИКТОР. Щас! Это же квартира твоих родителей. Родовое гнездо... Которым, как и землей, торговать нельзя. Ты слыхала, чтобы при советской власти квартирами торговали?

ЛЮДМИЛА. Все! Тебе не наливать!

ВИКТОР. Да я абсолютно нормальный.

ЛЮДМИЛА. Нормальный? Все разъедутся, а мы здесь одни останемся?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. Ты с ума сошел? Они скоро начнут все отключать...

ВИКТОР. Давай решать проблемы по мере их поступления. Отключат свет — купим свечи. Вместо газа — примус. Дело к весне — овощи на балконе посадим. Шутка... Посидим на бутербродах.

ЛЮДМИЛА. Долго?

ВИКТОР. Пока они не пойдут на наши условия.

ЛЮДМИЛА. Заложников брать будем?

ВИКТОР (*смеется*). Друг друга.

ЛЮДМИЛА (*срывается на крик*). Ты что, сбрендил? Они нас с милицией выставят в два счета.

ВИКТОР. На улицу? Я уже был у юриста. Не имеют права. У нас квартира приватизирована. Зачем им скандал? Если они тогда струсили, то сегодня точно не посмеют. (*Обнимает Людмилу.*) Люд, не бойся, я все

продумал. Сейчас они, конечно, уперлись в эти тридцать тысяч, уверены, что мы никуда не денемся, согласимся. А потом? Когда все съедут, и мы останемся в доме одни? Понимаешь — одни! Они тут собираются строить комплекс за двадцать миллионов баксов! А с нами дом не снесешь. И не отключат они все — жаловаться будем. Они поймут, что проще заплатить нам столько, сколько мы просим. Для них это не сумма. Когда в Нью-Йорке строили небоскреб, знаешь, сколько дали за хибару, которая мешала? Десять миллионов! Семь нулей!!! А такая же рядом стоила пятьдесят тысяч. Готовь ножницы!

ЛЮДМИЛА. Зачем?

ВИКТОР. Будем стричь купоны!

ЛЮДМИЛА. В прошлый раз ты просил резинки — пачки денег перевязывать... Витя, зачем тебе все это? Ты опять что-то задумал?

ВИКТОР. Да, мадам Онассис. Мы будем судовладельцами. Делаем первый взнос — 200 тысяч долларов. Получаем договор на приобретение судна. Тут же берем под это судно в банке кредит, рассчитываемся с продавцом и начинаем ловить креветку. Прибыль позволит отдать кредит за год. Закладываем судно еще раз и покупаем следующее. Ты креветки любишь?

ЛЮДМИЛА. Не помню.

ВИКТОР. Правильно. Потому что они дорогие. Наш рак, он что? — падаль ест. А креветочка пасется, травку всякую, водоросли... Поэтому вкусная... Я в журнале прочитал, прикинул — все получается.

ЛЮДМИЛА. Вить, какое судно? Где лес, где дача... Где мы, где море? Ты когда в последний раз раков ловил? У тебя лодка была когда-нибудь? С веслами. А 200 тысяч где ты возьмешь?

ВИКТОР. Здесь. Не выходя из квартиры. Не вы-хо-дя!

ЛЮДМИЛА. Вить, а может лучше грибы разводить?

ВИКТОР. Грибы — это вчерашний день. Бежать надо не туда, где шайба, а туда, где она будет.

ЛЮДМИЛА. Не поняла — куда бежать?

ВИКТОР. Туда, где шайба, бежать не надо. Лучше стоять на месте.

ЛЮДМИЛА. Что ты всю жизнь и делаешь...

ВИКТОР. Я?! Я стою на месте?!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло!!! (*Немного разочарованно.*) Да. (*Пауза.*) Спасибо. И тебе тоже — всего самого лучшего. Здоровья. удачи, успехов... Да, конечно. Спасибо. До свидания. (*Кладет трубку.*)

ВИКТОР. Это кто?

ЛЮДМИЛА. Ученик. С Новым годом поздравил.

ВИКТОР. А почему ты с ним на "ты"? Хотя — да, сходится. Пора тебе прекращать бегать по урокам. Если это, конечно, ученики... А не учителя...

ЛЮДМИЛА. В нашей семье бюджетообразующее предприятие — это я! На что бы жили? На доходы от твоих сумасшедших идей? Владелец заводов, газет, пароходов...

ВИКТОР. Если бы в восемьдесят шестом мне разрешили издавать брачную газету!.. У меня бы сегодня Абрамович деньги одалживал. И если бы в девяностом у меня не украли лицензию...

ЛЮДМИЛА. ...А жить? Жить мы где будем?

ВИКТОР. Придумаем что-нибудь. В конце концов, можешь годик перекантоваться у любимой сестрицы, в столице. Или у Катьки, она все равно снимает. И я где-нибудь пристроюсь. А через год купим классную квартиру. С видом на море...

ЛЮДМИЛА. ...и обратно... Витя, ну, ты выпил... Что ты про Катьку-то несешь? Ей там только меня не хватает. Я прошу тебя, один раз спустись на землю.

ВИКТОР. Людочка, бизнес я планирую морской, а по части здравомыслия — я на земле обеими пятками.

ЛЮДМИЛА. Так же, как и раньше?

ВИКТОР. Что ты имеешь в виду?

ЛЮДМИЛА. Тебе напомнить? Как ты целый год возился с идеей цеха по производству пластиковой посуды? Которую из Турции возить в три раза дешевле... Как ты, пособник апартеида, пытался завербоваться в ЮАР на охрану алмазных копей, а здесь сторожить магазины по ночам брезговал... Хотел открыть детские модельные курсы... За один только вид фотографа, которого ты нанял, вас обоих родители чуть не привлекли за растление! А эти грибы!.. А пейнтбольный клуб!.. Ты даже нормальным репетитором, как я, не можешь устроиться!

ВИКТОР. Люда, да кому нужно мое репетиторство, если они эту историю каждый год переписывают по новой! У нас же страна непредсказуемого прошлого... Ну не могу я больше преподавать! А для серьезного дела всегда не хватало начального капитала. Но здесь все абсолютно реально.

ЛЮДМИЛА. Витя, если ты нас оставишь без квартиры...

Звонит телефон. Виктор тянется к трубке, но Людмила перехватывает ее.

ЛЮДМИЛА. Алло! (*Пауза.*) А вам какие? Мухоморы или бледные поганки? (*Швыряет трубку.*)

ВИКТОР. Все, закрыли тему! Праздник все-таки. Завтра на свежую голову подумаем. А сейчас пошли, пройдемся. На улице хорошо...

Виктор подходит к Людмиле, напевая: "Старый клен, старый клен, старый клен стучит в окно, приглашает нас с тобой на прогулку...", обнимает ее, пытается танцевать.

ЛЮДМИЛА (*вырывается*). Не хочу.

ВИКТОР. Пойдем.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! Было хорошее настроение, ты все испортил.

ВИКТОР. Людка, ну что ты? Пойдем, погуляем.

ЛЮДМИЛА. Не хочу я с тобой никуда идти.

ВИКТОР. А с кем хочешь? Или ты опять звонка ждешь?

ЛЮДМИЛА. Отстань. (*Уходит в спальню и запирает за собой дверь.*)

Виктор подходит к двери и несколько раз дергает за ручку.

ВИКТОР. Люд, открой. Не порть праздник!

Тишина.

ВИКТОР. Ну, ладно.

Выходит из комнаты. Возвращается с молотком и гвоздями и заколачивает дверь. Подходит к телефону, набирает номер.

ВИКТОР. Леня? С наступившим тебя. (*Пауза. Смотрит на потолок.*) Нет, ничего не течет. Все сухо. И у тебя тоже? Непорядок. Все, я к тебе.

Ставит под дверь спальни транзистор, включает его.

ВИКТОР (*стучит в дверь*). Не скучай!

Прихватывает со стола недопитую бутылку водки и выходит.
Щелкает замок, ручка двери в спальню дергается.
Людмила пытается открыть дверь, потом стучит.

ЛЮДМИЛА. Витя! Открой! (*Снова стучит, дергает ручку.*) Ты что, с ума сошел?!

Звонит телефон. Людмила часто и сильно колотит в дверь, но после нескольких звонков перестает.
Пустая комната, закрытая дверь в спальню, звонит телефон... По радио звучит песенка в исполнении Людмилы Гурченко:

"Если вы нахмурясь выйдете из дома,
Если вам не в радость солнечный денек,
Пусть вам улыбнется, как своей знакомой,
С вами вовсе не знакомый встречный паренек.
И улыбка без сомненья
Вдруг коснется ваших глаз.
И хорошее настроение
не покинет больше вас!".

Картина третья

Пустая комната, закрытая дверь в спальню. Из кухни появляется Виктор. Он в костюме, белой рубашке и галстуке. Подходит к зеркалу, поправляет галстук.
Затем идет к двери в спальню, стучит.

ВИКТОР. Люда! Ты там не уснула?

ЛЮДМИЛА. Сейчас!

Открывается дверь, появляется Людмила в красивом платье, туфлях на каблуках.

ВИКТОР. Нет слов!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Да! Да, Катюша! Плохо слышно. Ты из автомата? (*Пауза*.) Нет, сейчас уходим, в дверях стоим. Жалко, не увидимся. У Щелочи сегодня... ой, у Веры Степанны юбилей. В ресторане, все по-взрослому. (*Пауза*.) Ты папу поздравила? Ну и что, что запаса? Все равно лейтенант. Наш защитник. Героический мужчина. (*Пауза*.) Катя, придешь — только все не переворачивай. На верхней полке. А вообще — я сама сейчас найду и на столе оставлю. Все, пока. (*Кладет трубку*.)

ВИКТОР. Катя?

ЛЮДМИЛА. Ей нужен Чехов.

ВИКТОР. Чехов нужен всем, а к этому платью пойдет бабушкин кулон. Надень.

ЛЮДМИЛА. Думаешь?

ВИКТОР. Точно.

Людмила выдвигает один из ящичков серванта, роется в нем,
достает небольшую коробочку, открывает.

ЛЮДМИЛА. Витя, а кулона нет.

ВИКТОР. Ты когда его в последний раз надевала?

ЛЮДМИЛА.По-моему... К Вере Степановне, на прошлый день рождения...

ВИКТОР. И потом не доставала?

ЛЮДМИЛА (*несколько неуверенно, вспоминая*). Нет...

ВИКТОР (*с подозрением*). Никуда больше не надевала?

ЛЮДМИЛА. Что ты имеешь в виду?

Виктор молчит.

ЛЮДМИЛА. Опять за старое? Витя, я не французская королева, чтобы любовникам подвески дарить. Ты его никуда не перекладывал?

ВИКТОР. Нет. Чужих здесь не было... Катя у тебя деньги просила?

ЛЮДМИЛА. Она это делает регулярно.

Звонок в дверь, Людмила идет открывать. Возвращается вместе со Сталиной Петровной.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА (*Людмиле*). ...давай пойдем вместе.

ВИКТОР. Куда это?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Витя. Я иду квартиру смотреть. Вроде, подходящая. Второй этаж, окна на юг.

ВИКТОР. А компас у вас с собой? А то ведь дурят. Говорят, что на юг, а на самом деле на северо-запад!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ну, меня-то, может, и надурят, а Барсика не обманут! Кот у меня — экстрасенс. Нехорошую энергию чует. Если в доме плохо — он и не войдет. Вот мы с Барсиком смотрели объект на Тенистой, так он...

ВИКТОР. ...сказал: "Не буду тут жить!".

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Смейся-смейся... Не пошел в квартиру! Встал на пороге — шерсть дыбом! Значит, болел там кто или даже умер. Хозяева, конечно, промолчат, а у Барсика — шестое чувство! Ну что, Люд, пойдешь со мной?

ВИКТОР. Зачем? У Людки чутья — никакого.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Там на одном этаже две квартиры продаются. Снова соседями будем...

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна, я не могу сейчас, мы уходим. У нашего завуча день рождения.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Хорошо, завтра поедем.

ВИКТОР. Сколько они вам за вашу двухкомнатную дают?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Тридцать тыщ.

ВИКТОР. Рублей?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Побойся Бога! Конечно, баксов.

ВИКТОР. Не боитесь на старости лет валютными операциями заниматься?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. А где ты видел, чтобы квартиры за

рубли продавали? Чем надо мной насмешки строить, лучше скажи, за сколько вы сторговались?

ВИКТОР. Двести тысяч.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Рублей?

ЛЮДМИЛА. Баба Сталя! Не слушайте вы его! Мы еще торгуемся.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ладно, Люда, завтра я тебя жду.

ЛЮДМИЛА. Договорились.

ВИКТОР. Тетя Сталя, я с вами спущусь, поздравлю ветерана.

Идут к выходу. В дверях сталкиваются с Катей.

КАТЯ. Здравствуйте, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Катя! Как английский? Сдала?

КАТЯ. Пока не берут.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Учи... Сейчас без языка никуда.

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна! Только чтобы они там не напоздравлялись! Мы же на именины опаздываем.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка, не беспокойся! Горючего осталось — минут на пять. Далеко не улетят.

Виктор и Сталина Петровна уходят.

КАТЯ. Хорошо, что я вас застала!

ЛЮДМИЛА. Конечно, хорошо. Я тебя две недели не видела.

КАТЯ. Мамуль, ты у меня самая красивая! Платье — супер!

ЛЮДМИЛА. Слушай, не могу найти бабушкин кулон. Ты не брала?

КАТЯ. Брала.

ЛЮДМИЛА. Где он?

КАТЯ. В ломбарде. Хозяйка наехала — срочно бабки за квартиру! Мам, успокойся, выкуплю я его. Мне на днях зарплату дадут.

ЛЮДМИЛА. Кто тебе разрешил? Почему мне не сказала?

КАТЯ. А что, ты бы разрешила?

ЛЮДМИЛА. Но это же бабушкина память!

КАТЯ. Ну-у, началось... Кулон — это память. И квартира — это память. Вы поэтому ее продавать отказываетесь?

ЛЮДМИЛА. При чем здесь квартира?

КАТЯ. При том! Продали бы ее — и всё.

ЛЮДМИЛА. Что — все?

КАТЯ. Отдали бы мне мою часть.

ЛЮДМИЛА. Какую это — твою?

КАТЯ. Я, кстати, единственная в этой квартире родилась. Самое что ни на есть коренное население. Имею право на свою часть наследства. И не понимаю, чего вдруг ты решила изображать из себя Раневскую. (*Цитирует с пафосом.*) "...Здесь жили мои отец и мать... я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом..."

ЛЮДМИЛА. Да, я здесь выросла, и я люблю этот дом.

КАТЯ. Неправда! Ну, дед с бабой — допустим, сами строили. А вы с папой?

ЛЮДМИЛА. Не кричи! Давно скандалов не было. (*Включает приемник.*)

КАТЯ. В его Сиплодрычинск ты ехать не захотела, а в квартирной очереди вы какими были по счету? Три тысячи восемьсот подползающими? Вам просто некуда было деваться, вот и пришлось с родителями жить. Друг у друга на голове...

ЛЮДМИЛА. Да! Это Я знаю, что такое четверо взрослых и ребенок в этой квартире. Это Я знаю, что такое — тесно. А ты-то что? Когда ты подросла, мы уже тут были втроем.

КАТЯ. А когда маленькая была? Я все прекрасно помню. Как лежала в кровати и видела, что на кухне горит свет, потому что ты не идешь спать. Потом слышала папины шаги на лестнице, и по звуку угадывала, что пьяный. Потом он долго ковырял ключом, а бабушка деду шептала — она думала, что шепчет! — "Опять Витька поддал!". Ты закрывалась с ним на кухне, ругалась и плакала. И думала, что все спят, и никто ничего не слышит... Про другое я вообще говорить не хочу...

ЛЮДМИЛА. Ты не хочешь — так я тебе скажу. Ты уже девочка взрослая... И про то, как мужа любила с подушкой в зубах. И про то, как в ванную выйти лишний раз боялась, потому что через родительскую комнату надо было идти. Ты думаешь, мы с Таней тут скандалов не наслушались? И всего остального... Зато — не угол, не барак, не подвал и не коммуналка. У многих и этого не было. А другое мы только в кино видели.

КАТЯ. Сказку про крота я знаю. "Здесь наша родина". Только я так жить не хочу.

ЛЮДМИЛА. Как Золушка хочешь — все и сразу? А в жизни получается — ничего... и постепенно.

КАТЯ. На самом деле никто из нас эту квартиру не любит. Непонятно только, почему мы не выехали первыми.

ЛЮДМИЛА. Потому что папа в очередной раз решил стать Ротшильдом.

КАТЯ. Я — за. Главное, чтобы не Биллом Гейтсом.

ЛЮДМИЛА. Почему?

КАТЯ. Он все завещал бедным. А родным детям — всего по десять миллионов. Представляешь? Остальное пусть зарабатывают сами.

ЛЮДМИЛА (*смеется*). А тебе десятки мало?!

КАТЯ. Мне — нет, а вот его детям представляешь, как западло?

ЛЮДМИЛА. Деньги счастья не приносят.

КАТЯ. ...но доставляют массу удовольствия!

Телефонный звонок. Катя снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Катя! Тебе сюда не звонят! (*Отнимает у нее трубку.*) Алло! (*Пауза.*) Ну сколько раз можно вам повторять! Грибница осталась только чернобыльская! Брать будете? (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так что папа задумал?

ЛЮДМИЛА. Решил не выселяться, пока фирма не заплатит ему столько, сколько он хочет. А хочет он много и сразу. Как ты.

КАТЯ. И сколько нам сегодня дают, что мы брать отказываемся?

ЛЮДМИЛА. Сорок тысяч.

КАТЯ. Это ж сколько будет, если на рубли перевести?! Срочно соглашайтесь, пока они не передумали.

ЛЮДМИЛА. Нет, этих денег только на винт и якорь хватит, а нам целый пароход нужен, креветок ловить.

КАТЯ. Зачем? К пиву?

ЛЮДМИЛА. Папа придет — он тебе расскажет.

КАТЯ. И ты согласилась ждать?

ЛЮДМИЛА. Катя, а если это действительно шанс? Сначала нам предложили двадцать пять, через месяц — тридцать, сегодня уже говорят, что согласны заплатить сорок. А вдруг получится еще больше? И у тебя будет своя квартира. И я не буду больше бегать по урокам, а ученики смогут приходить ко мне. Я тоже в этой жизни на что-то имею право. И у папы все изменится. Ему надо хотя бы один раз добиться успеха — и все пойдет по-другому...

КАТЯ. А что у него в клубе?

ЛЮДМИЛА. Всё. Уже закрылись.

КАТЯ. Ну, хоть расплатились? Или как всегда?

ЛЮДМИЛА. Почему — как всегда? Так еще никогда не платили. Два ружья для пейнтбола и ящик с боеприпасами. Шарики с краской.

КАТЯ. Ух ты! Где?

ЛЮДМИЛА. В прихожей, за вешалкой.

Катя выходит, возвращается с ружьем, рассматривает его, целится в вазу на серванте.

ЛЮДМИЛА. Положи немедленно! Он, вроде, на этот арсенал уже покупателя нашел.

В комнату врывается Виктор.

ВИКТОР. Быстро звоните в "скорую"! Деду плохо, сердце прихватило! Люда, у них нитроглицерин закончился. Бери всю аптечку...

Катя бросается к телефону, набирает номер. Людмила ищет аптечку.

ВИКТОР. Катя, когда дозвонишься — спустись, скажи.

Виктор с Людмилой выбегают.

КАТЯ. Алло! "Скорая"? Сердечный приступ. (*Пауза.*) Радостная, девять "а". Да, дом Павлова. Квартира тринадцать. Простите... пятая. Это соседи звонят. Семьдесят восемь лет. Да, ветеран, льготник. Водопьянов Виктор Владимирович. Страховка? Не знаю. Когда будете?.. Не опоздайте!

Кладет трубку и выбегает из комнаты.

Действие второе

Картина четвертая

В комнату входят Людмила с сестрой. Татьяна выглядит гораздо моложе Людмилы, она в брюках и элегантной светлой куртке. Снимают верхнюю одежду.

ТАТЬЯНА. Людка, руки мыть!

ЛЮДМИЛА. Давай по старшинству. Вдвоем все равно не поместимся.

Татьяна выходит в ванную. Людмила подходит к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Катя, привет! (*Пауза.*) Да, спасибо, и тебя с праздником! Бросай все — и к нам! Таня приехала. (*Пауза.*) Тетя твоя! Давай, приезжай. (*Кладет трубку.*)

Входит Татьяна.

ЛЮДМИЛА. Ребенок спрашивает: "Какая Таня?". Вот что значит десять лет не приезжать! Ты не очень голодная? Витю дождемся?

ТАТЬЯНА. Ладно. Чайку согрей.

ЛЮДМИЛА. Сейчас, только руки помою. (*Выходит.*)

Татьяна прохаживается по комнате, подходит к двери в спальню, рассматривает ее. Людмила возвращается, достает из серванта чашки, ставит на стол.

ТАТЬЯНА. Люда, что это за дырки в косяках? Вы что — в квартире белье вешали?

ЛЮДМИЛА. Я Вите сказала, что он гвоздь забить не может. Так это он тренировался...

ТАТЬЯНА. Не хочешь — не говори. Ты чайник поставила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. (*Выходит на кухню.*)

Татьяна берет свою куртку, рассматривает ее. Возвращается Людмила, она несет поднос, на котором стоят сахарница, заварной чайник и термос.

ТАТЬЯНА. Так и есть, рукав запачкала.

ЛЮДМИЛА. Я же тебе говорила — надень что-нибудь из моего, потемнее. Куда ж на кладбище в такой? (*Ставит поднос на стол, берет у Татьяны куртку, пытается оттереть пятно.*) Может, отстирается?

ТАТЬЯНА. Не страшно. Она у меня походная.

ЛЮДМИЛА. Давай сейчас застираю.

ТАТЬЯНА. До вечера не высохнет.

ЛЮДМИЛА. Вот и останешься ночевать. Таня, ну как это — приехать домой и остановиться в гостинице?

ТАТЬЯНА. Нет, Люда, я уже здесь нажилась.

ЛЮДМИЛА. Теперь не так, как раньше. Места много, комната свободная...

ТАТЬЯНА. ...с соседями за стенкой.

ЛЮДМИЛА (*смеется*). Помнишь, как мы их скандалы хотели на магнитофон записать? Отругались они... Царствие им небесное. Там теперь другие. Мирные.

ТАТЬЯНА. Не обижайся, Люда. Я в поезде плохо спала, отдохнуть хочу, а у вас... то есть у нас — ни помыться, ни выспаться нормально.

ЛЮДМИЛА. Давай чай пить.

ТАТЬЯНА (*садится за стол*). Закипел уже?

ЛЮДМИЛА. Еще утром. Я сразу термос залила. У нас вчера газ отключили, а на электроплитке — очень долго.

ТАТЬЯНА. Ты мою сумку куда дела?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. (*Приносит из прихожей объемную сумку.*)

ТАТЬЯНА. Я к чаю привезла... (*Достает коробки с конфетами и печеньем.*)

ЛЮДМИЛА. Таня, зачем ты? У нас же в магазинах все есть. Теперь в Москву за колбасой и сгущенкой ездить не надо.

ТАТЬЯНА. Тут вам от Миши — наши фирменные — "Мишка на севере". И еще — африканская водка. (*Достает из сумки и ставит на стол бутылку.*)

ЛЮДМИЛА. Африканская???

ТАТЬЯНА. Горилка... С перцем.

ЛЮДМИЛА. Таня, у нас что — водки нет?

ТАТЬЯНА. И не думай, только эту пить будем! Я если где выпить собираюсь, то всегда с собой беру. Сейчас столько отравы! (*Достает из сумки очередной пакет.*) А это — тебе. И не говори, что у вас тут все есть! Таких — нету. Это настоящие итальянские. Там и куплены.

Людмила достает из пакета изящные туфли-лодочки на шпильках.

ЛЮДМИЛА. Ой, Таня, спасибо! (*Целует ее в щеку. Меряет туфли, прохаживается по комнате, стуча каблучками.*) В таких — только на презентацию! Или на фуршет...

ТАТЬЯНА. Или на танцы! В Горсад. Помнишь?

Людмила пританцовывает.

ТАТЬЯНА. Как за тобой Сашка из десятого номера ухлестывал! А ты все: "Витя, Витя"...

ЛЮДМИЛА. Что за танцы без музыки? (*Подходит к радиоприемнику, включает негромко музыку, продолжает танцевать.*)

ТАТЬЯНА. Да-а, неплохие у тебя женихи были. Я, кстати, недавно Колю встретила. Помнишь его? На мехмате учился. Важный такой, с охраной... Узнал меня, бросился обнимать... Про тебя спрашивал.

ЛЮДМИЛА. И что ты?

ТАТЬЯНА. Сказала, что все у тебя замечательно.

ЛЮДМИЛА (*выключает музыку*). Тань, Витька пока еще придет... Давай родителей помянем.

ТАТЬЯНА. У меня маслинки есть. (*Достает из сумки баночку.*)

ЛЮДМИЛА. Замечательная гостья. И выпивку с собой возит, и закуску. (*Разливает водку по рюмкам.*) Давай, не чокаясь. (*Выпивают.*)

ТАТЬЯНА. Как ты тут вообще?

ЛЮДМИЛА. Все по-старому. Сею разумное, доброе, вечное. Правда, урожай — сама знаешь.

ТАТЬЯНА. Чем удобряем, то и получаем. Представляю, каково с нынешними детками.

ЛЮДМИЛА. Не представляешь. Восьмикласснику поставили двойку, он выходит из класса, достает мобильный, набирает номер: "Алло! Это секс по телефону? Училки есть?..".

ТАТЬЯНА. Ты что, серьезно???

ЛЮДМИЛА. В каждой шутке есть доля шутки. Нервотрепки много, программу перекраивают каждый год, платят — сама понимаешь. Хорошо хоть Катя наконец пошла работать. Устроилась продавщицей.

ТАТЬЯНА. После университета? В магазин?

ЛЮДМИЛА. Поработала год в школе, сказала: "Только не это!".

ТАТЬЯНА. А самодеятельность?

ЛЮДМИЛА. Не бросает. Днем — "Купите бублики!". Вечером — "Я чайка!".

ТАТЬЯНА. А почему дома не живет?

ЛЮДМИЛА. Наверное, без нас интереснее.

ТАТЬЯНА. У нее кто-то есть?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты хоть помнишь, сколько ей лет?

ТАТЬЯНА. Да... Для меня она — все еще школьница... И кто он? Чем занимается?

ЛЮДМИЛА. Единственное, что я о нем знаю, — как его зовут...

ТАТЬЯНА. Она вас не познакомила?

Людмила молча машет рукой.

ТАТЬЯНА. Ну а Виктор как?

ЛЮДМИЛА. Как всегда — ищет.

ТАТЬЯНА. Работу?

ЛЮДМИЛА. Себя. В этом времени.

ТАТЬЯНА. И время потерял, и себя не нашел... Папа тогда был прав. Он тебе что говорил? Твой Виктор умеет строить только планы. И всю жизнь вместо пальто будет подавать надежды.

ЛЮДМИЛА. Таня, что ты хочешь? Раскрыть мне глаза? Объяснить, за кого я вышла замуж? Сама знаю. Вот он — такой! Знает много — делает мало. Зарабатывает еще меньше, но все — в дом. Он честный...

ТАТЬЯНА (*перебивает*). ...потому что бедный.

ЛЮДМИЛА. Или бедный, потому что честный... Он способный, только не везет ему.

ТАТЬЯНА. А с этим у него сейчас как? (*Щелкает себя по горлу.*)

ЛЮДМИЛА. Сейчас? Как все — по праздникам.

ТАТЬЯНА. Хороший парень — это не профессия. Жалостливая ты, Людка... Жалеешь? Значит, любишь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю...

ТАТЬЯНА. Не поняла. У тебя что — есть кто-нибудь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю.

ТАТЬЯНА. Как это?

ЛЮДМИЛА. Ну, как на это посмотреть...

ТАТЬЯНА. И что он?

ЛЮДМИЛА. Зовет.

ТАТЬЯНА. А ты?

ЛЮДМИЛА. "Поздно! Я обвенчана, — отвечала Маша Дубровскому. — Я жена князя Верейского". Как я Витьку оставлю?

ТАТЬЯНА. Он кто?

ЛЮДМИЛА. Тань, я не хочу об этом.

ТАТЬЯНА. И что ты дальше думаешь?

ЛЮДМИЛА. Я не думаю... И вообще — о чем это мы? У нас с Витей через несколько дней — серебряная свадьба!

ТАТЬЯНА. Да, Людочка, не хотела расстраивать, но до шестнадцатого я задержаться не смогу.

ЛЮДМИЛА. Тань, ну как же?.. Я так надеялась, что ты будешь...

ТАТЬЯНА. Люда, никак не могу! У нас на пятнадцатое билеты, летим с Мишей в Рим на конференцию. Поэтому я к вам только на три дня. Но ты не расстраивайся, отметим ваш юбилей! Послезавтра идем в ресторан. Я вас гуляю. (*Наполняет рюмки.*) Ну что, второй тост — за встречу?

Чокаются и выпивают. Слышно, как хлопнула входная дверь. Заходит Виктор. В руках у него несколько увесистых пакетов и тюльпаны.

ВИКТОР. А-а-а! Какие люди!!! Подожди, не души в объятиях, а то чего-нибудь разобью... (*Людмила принимает у него пакеты. Он отдает ей один букет, целует в щеку.*) С праздником! (*Подходит к Татьяне.*) Вот теперь — с приездом! Здравствуй! (*Вручает ей цветы, обнимает, целует.*) И с праздником!

ТАТЬЯНА. Привет! (*Целует его. Смеются, рассматривают друг друга.*)

ВИКТОР. Ну, покажись, как теперь выглядят сливки общества?

ТАТЬЯНА. Ничего тебе не делается! В холодильнике, что ли, спишь?

ЛЮДМИЛА. Вить, я-то думала, что она раньше приехала, чтобы подольше побыть. А она — всего на три дня.

ВИКТОР. А шестнадцатое?

ТАТЬЯНА. Увы, без меня.

ВИКТОР. Не-е, никуда мы тебя не отпустим! Люд, ты гостью еще не кормила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас поставлю греть... Не начинали, ждали тебя.

ВИКТОР (*декламирует*). "Я не будни, я праздник, которого ждут!" (*Достает из пакетов яркие упаковки, банки.*) Ничего не надо греть. Ужинаем сегодня на морском дне. Тигровые креветки — это что-то! Щупальца осьминогов! Их знаете, как ловят? Опускают на дно веревку, к которой привязывают много глиняных горшков. А через несколько часов вытаскивают — и в каждом горшке по осьминожке. Они, глупые, домики себе ищут.

ТАТЬЯНА. И на дне квартирный вопрос не решен. Кто бы мог подумать!

ЛЮДМИЛА. Ты где был? В "Атлантиде"?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. И что?

ВИКТОР. Все в порядке, ставки растут. Есть за что продолжать борьбу.

ЛЮДМИЛА. А это? (*Показывает на деликатесы.*)

ВИКТОР. В свете названных сумм одолжил у Кости.

ТАТЬЯНА. Люда, в термосе кипяток остался? Креветки надо залить, чтоб оттаяли.

Людмила с Татьяной суетятся у стола. Виктор тем временем включает радиоприемник, под звуки танго подходит к Татьяне и церемонно кланяется.

ВИКТОР. Разрешите вас пригласить?

Они танцуют, Людмила продолжает накрывать на стол.

ВИКТОР. Как у Миши дела? Чего не приехал?

ТАТЬЯНА. А работа?

ВИКТОР. Взял бы отгулы.

ТАТЬЯНА (*смеется*). У кого? У самого себя?

ВИКТОР. Да, налицо конфликт труда и капитала... в одном лице.

ЛЮДМИЛА. У меня все готово, к столу!

Все садятся.

ТАТЬЯНА. Катюшку ждать не будем?

ВИКТОР. Будем есть и ждать. Я голодный. (*Разливает водку по рюмкам.*) Девочки! Дорогие! С праздником вас! Кстати, вы знаете, что наступает после международного женского дня?

ТАТЬЯНА и ЛЮДМИЛА (*хором*). Что?

ВИКТОР. Международная женская ночь.

Все смеются, выпивают. Начинают закусывать креветками, которые еще не успели остыть.

ТАТЬЯНА. Горячие какие! (*Дует. Обжигаясь, чистит креветку и отправляет ее в рот.*) Ох! Люд, соку налей, обожглась.

ВИКТОР (*назидательно подняв палец*). Вот! Нетерпеливость — наша главная беда!

ТАТЬЯНА. Французы говорят: терпение — лекарство бедных.

ЛЮДМИЛА. Помнишь, я, когда беременная ходила, в продажу вдруг ананасы выбросили — замороженные ломтики? Ты их мне приносил, а я никогда не могла дождаться, чтобы они полностью растаяли. Ела ледяные, а потом так язык болел!!!

ТАТЬЯНА. Ребята, так что у вас тут с квартирой? Я по телефону не совсем поняла, думала, какие-то дальние перспективы, а у вас, гляжу, уже и газа нет.

ЛЮДМИЛА. Больше половины соседей уже выехали.

ТАТЬЯНА. И сколько за нашу двушку дают?

ВИКТОР. Ты спроси — сколько теперь дают? Сначала предлагали просто мыло.

ТАТЬЯНА. То есть?

ВИКТОР. Шило на мыло. Двадцать тысяч — ровно столько, чтобы купить такую же коробку. Мы, конечно, отказались — и правильно сделали. Сегодня дают уже шестьдесят! Вот что значит — потерпеть, а не хватать горячее, потому что хочется быстрее...

ТАТЬЯНА. Вить, в тебе, оказывается, скрывался гений бизнеса! Ну, а как вы планируете с нами поделиться?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты о чем?

ТАТЬЯНА. Люда, это квартира наших с тобой родителей. Наше с тобой наследство. Твоя доля и моя доля.

Тяжелая пауза.

ТАТЬЯНА. Я что-то не то говорю?

ЛЮДМИЛА. Таня, ты что? Для вас же это — вообще не деньги. Мишин месячный оклад. Вы и в советские времена благодаря его должности из-за границы не вылезали. А теперь!.. Да для меня это — единственная надежда пожить по-человечески. Не в роскоши, а по-че-ло-ве-чес-ки!

ТАТЬЯНА. При чем здесь Мишина должность? Его оклад? Чего ты

считаешь чужие деньги? Да, ездили. Пакетных супчиков полные чемоданы... Экономили, чтобы привезти что-нибудь...

ЛЮДМИЛА. А сейчас? Таня, у вас же все есть. Хорошо, дадим мы тебе твою долю. Ты же эти деньги за месяц потратишь! На туфельки и косметику!

ТАТЬЯНА. А кому какое дело, как я их потрачу? Это что получается — раз я не нищая, значит, не имею право на наследство?

Виктор берет сигареты и выходит на кухню.

ЛЮДМИЛА. Ты же здесь столько лет не живешь!

ТАТЬЯНА. Ну и что? Значит, если бы я не уехала к Мише на север, а как ты — привела мужа сюда, тогда бы со мной поделились?

ЛЮДМИЛА. Уехала — и всех нас с глаз долой! А знаешь, что такое со стариками жить? Мама последние два года не вставала. Ты понимаешь, что это такое? Ты соображаешь, как мы тут?.. А теперь я должна помнить о том, что тебе полагается по закону?

ТАТЬЯНА. Значит, тебе за то, что ты ухаживала за родной матерью, полагаются деньги? И сколько это стоит? Ладно, я еще с юристом посоветуюсь.

Людмила молча встает и уходит на кухню. В комнату возвращается Виктор.

ВИКТОР. Я, Таня, вот что думаю...

Раздается визг Людмилы. Татьяна вскакивает, Виктор бежит на кухню, возвращается, поддерживая Людмилу, которая схватилась за сердце. Усаживает ее за стол.

ВИКТОР. Женщины! Не бойтесь мышей — бойтесь котов! И вообще — если грызуны еще не покинули судно — значит, курс верный.

ТАТЬЯНА. Господи! Как ты меня напугала!

ВИКТОР. Кстати, о мышах. (*С интонацией кота Леопольда.*) Ребята, давайте жить дружно! Ты, Таня, остынь. Делить-то пока нечего.

ТАТЬЯНА. Как это — нечего? Ты же сказал — шестьдесят тысяч дают.

ВИКТОР. Дают. А мы не берем. Еще можно потянуть кота за хвост, и через месяц они дадут больше.

ТАТЬЯНА. И сколько ты хочешь?

ВИКТОР. Двести.

ТАТЬЯНА. Все не так плохо, как я думала, все гораздо хуже... Ты ненормальный. Они столько не дадут.

ВИКТОР. А куда они денутся, если мы не съедем?

ТАТЬЯНА. Да вышвырнут они вас отсюда!!!

ВИКТОР. Я все узнавал. Квартира приватизирована. Они права не имеют.

ТАТЬЯНА. Чего? Права? Ребята, вы где живете? Какие права? У них штат юристов и десяток отработанных вариантов — как избавиться от таких, как вы.

ЛЮДМИЛА. И как?

ТАТЬЯНА. Сегодня у вас отключен газ? Потом отключат все, что можно отключить. Если не надоест носить на четвертый этаж воду, греть ее на примусе и стирать в тазике при свете керосиновой лампы — тогда пустят в ход последние доводы.

ВИКТОР. Это какие же?

ТАТЬЯНА. Ну, самое простое, как в "Дубровском", — пожар. Случайный, конечно. А могут разлить ртуть. Потом вызовут службу МЧС. Те приедут и в пять минут эвакуируют отшельников. Понял? Тебя не выкинут, а э-ва-ку-и-ру-ют! Чтобы сделать в квартире дезактивацию.

ЛЮДМИЛА. А где они ртуть возьмут?

ТАТЬЯНА. Ты же говоришь, у вас в магазинах все есть. И градусники в аптеках — тоже...

ВИКТОР. Ну, эвакуируют они нас...

ТАТЬЯНА. Отвезут на эвакопункт, за город, на медицинское обследование. Даже если ты возьмешь машину и мигом вернешься назад, за это время в квартире случайно разрушат стенку.

ЛЮДМИЛА. Как это — случайно?

ТАТЬЯНА. Так. Экскаватор траншею рыть начнет и ковшом стену зацепит. Неумышленно, конечно. Такому дому много не надо — сразу получится Пизанская башня.

ВИКТОР. Мы в суд подадим.

ТАТЬЯНА. Правильно. И фирма честно вернет вам деньги. Только уже по экспертной оценке, а не по договоренности. Что намного дешевле.

ЛЮДМИЛА. Ты что — серьезно?

ТАТЬЯНА. Абсолютно. А еще одного из вас можно объявить сумасшедшим и насильно на месяц поместить в диспансер. Тогда второй в одиночку долго здесь не выдержит. Правда, этот вариант — для тех, кому за семьдесят. Но поди их знай...

ВИКТОР. Погоди, погоди... Не нагоняй страху! Ну газ — ладно, а вот отключат воду — пойдем в прокуратуру.

ТАТЬЯНА. Куда? Поверьте, они там побывали еще до того, как объявили вам о расселении. И кроме "разберемся" вы в этом почтенном заведении ничего не услышите.

ВИКТОР. Откуда ты все это знаешь?

ТАТЬЯНА. У Миши есть доля в строительной компании. Там такие истории — каждый месяц. И я их понимаю. Сто квартир выкупили, а из-за сто первой стройку останавливать? И столько людей без работы оставлять? Только потому, что какой-то дедушка хочет умереть в своей квартире?

ЛЮДМИЛА. Тань, так что делать?

ТАТЬЯНА. Витя, дают шестьдесят — бери. Лучшее — враг хорошего. Зачем тебе двести?

ВИКТОР. Потому что двести — больше. И я собираюсь вложить их в бизнес.

ТАТЬЯНА. Ты? В бизнес? (*Хохочет.*) Люда, лучше потратить на туфли и помаду!

Слышно, как хлопнула дверь.

ЛЮДМИЛА (*торопливо*). Таня, давай потом договорим.

Входит Катя.

КАТЯ. Тетя Таня!!! С приездом! (*Обнимаются, целуются.*)

ТАТЬЯНА. Катюша! Господи!.. Встретила бы на улице — не узнала! Что ж ты одна, без мужа?

КАТЯ. Он не муж... Пока...

ТАТЬЯНА. Да? А я думала — раз вместе живете... Ну что, за женский день? Витя, наливай!

КАТЯ. Тетя Таня, как там театральная столица? Столько новых театров открылось...

ТАТЬЯНА. "Театры полны, ложи блещут"... А ставят одно и то же. Чехов, Шекспир, Островский. За классику прячутся. Я это все еще в молодости пересмотрела. А ты в Москву не собираешься? Ты же когда-то хотела поступать.

КАТЯ. "Поздно, — отвечала Маша".

ТАТЬЯНА. И правильно. Всю жизнь говорить чужие слова не своим голосом... Театр — это несерьезно. Опору надо себе в жизни искать. О будущем думать. И не повторять чужие ошибки.

ЛЮДМИЛА. Ну ты, Таня, сегодня уже всех построила...

Все замолкают. После паузы Татьяна встает.

ТАТЬЯНА. Извини, Люда, пойду я. Голова разболелась. Лечь хочу.

КАТЯ. Вы разве не у нас?

ВИКТОР. Давай такси вызовем.

ТАТЬЯНА (*одевается*). Да еще светло, пройдусь немного, возьму ма-

шину. Катя, мы послезавтра все в ресторан идем. Часов в пять приходи, отсюда поедем вместе. У тебя есть что надеть?

КАТЯ. Конечно. Я приду. До свидания, тетя Таня.

Татьяна выходит, Людмила идет ее проводить. Возвращается, садится за стол. Вытирает слезы. Некоторое время сидит молча, потом начинает чистить креветку.

ЛЮДМИЛА. Остыли наконец-то.

ВИКТОР. Не реви.

ЛЮДМИЛА. А кто ревет?

КАТЯ. Вы чего это тут?

ВИКТОР. Делили шкуру неубитого медведя.

КАТЯ. И как?

ВИКТОР. Тетя Таня хотела хвост на воротник.

Катя начинает хохотать, за ней Людмила и Виктор. Постепенно замолкают и молча сидят рядом.

ЛЮДМИЛА. Надо чайник поставить.

КАТЯ. Потом.

ЛЮДМИЛА. Нет, на электроплитке долго греется.

ВИКТОР (*встает*). Сейчас поставлю.

В этот момент в комнате гаснет свет.

ВИКТОР. Катя, какой чай? Сок же есть!

В темноте снова раздается дружный хохот.

Картина пятая

Та же комната, в центре стола — керосиновая лампа и бутыль с помидорами. По комнате в нескольких местах — на журнальном столе, серванте — расставлены свечи. Входит Людмила, в сердцах бросает сумочку на диван, падает в кресло. Из кухни появляется Катя.

КАТЯ. Привет! Я тут пытаюсь картошку пожарить, только примус все время гаснет. Техника — полный отстой! Что делать?

ЛЮДМИЛА. Ты еще спроси — кто виноват...

КАТЯ. Ты чего такая — на метле?

ЛЮДМИЛА. Ученик у меня на другом конце города. Приезжаю, как обычно, а его мама мне говорит: "Сережа заболел. Я вам звонила-звонила,

чтобы предупредить...". Я ж не стану ей объяснять, что у нас телефон отключили. Полдня проездила. А мне сегодня еще сочинения проверять. Опять при свечах буду сидеть. С керосинкой не могу — так воняет.

КАТЯ. Ма! Я тебе тут привезла... (*Выходит на кухню, возвращается и ставит на стол коробку.*) Вещь — супер, специально для подводников. Тут радиоприемник плюс фонарь. На батареях.

ЛЮДМИЛА. Солнышко, спасибо тебе. (*Целует ее.*) Ну что, пошли бороться с примусом?

КАТЯ. Не, мне уже идти пора. Я вообще на минутку заскочила, фонарь отдать и узнать, как вы тут. Ты бы хоть с работы мне звонила.

ЛЮДМИЛА. В учительской телефон вечно занят.

КАТЯ. Без телефона — еще туда-сюда, но без воды... Я картошку почистила, а потом из ковшика руки полчаса отмывала!

ЛЮДМИЛА. Там мне осталось? Сольешь?

КАТЯ. Вы откуда воду носите?

ЛЮДМИЛА (*старается говорить весело*). Кафешка через дорогу. Пока пускают. Жалеют. Говорят: "Вам надо коромысло купить — легче будет". А я им объясняю, что когда коромысло придумали, тогда еще "хрущевок" не было. Не зря у нас лестничные площадки клетками называются. С коромыслом — застрянешь.

КАТЯ. Что папа?

ЛЮДМИЛА. Уговаривает потерпеть. Ходит за водой, таскает консервы, воюет с примусом. Говорит, что еще немного — и обедать будем в ресторане. Каждый вечер.

КАТЯ (*обнимает Людмилу, целует ее*). Все, мамуль, я понеслась.

ЛЮДМИЛА. Ладно. А я пока буду вещи собирать. Начну с зимних. Чем бы ни закончилось — а складываться надо.

КАТЯ. Последнее китайское предупреждение: если что... Мой адрес вы знаете. (*Уходит.*)

Оставшись одна, Людмила раскрывает коробку, достает приемник-фонарь, включает его, настраивает волну. Звучит песня:

"Песню дружбы запевает молодежь,
молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь,
не убьешь, не убьешь!"

Людмила открывает шкаф, достает дорожную сумку и начинает складывать одежду. Входит Виктор. В руках у него несколько рулонов обоев и бутылка водки.

ВИКТОР. Привет! (*Ставит бутылку на стол, около банки с помидорами.*) Ух ты, музыка! Откуда?

ЛЮДМИЛА. Катя подарила.

ВИКТОР. Душно у нас...

ЛЮДМИЛА. Что ты хочешь? Полдня примус горел. Но картошка все равно полусырая.

ВИКТОР. Под водочку и такая сойдет.

ЛЮДМИЛА. Есть повод?

ВИКТОР. Сразу два! С какого начать?

ЛЮДМИЛА (*смотрит на него с надеждой*). Не пугай меня.

ВИКТОР. Люда, все как нельзя лучше! Я только что с фирмой говорил... (*Делает таинственную паузу.*)

ЛЮДМИЛА. Ну?!!

ВИКТОР. Угадай, сколько?

ЛЮДМИЛА. Вить! Не зли меня!

ВИКТОР. Семьдесят!

ЛЮДМИЛА. Вить... Я... Хватит, да? Все, сил больше нет. Примус, ведра, свечки... Вить, ты гений. Честно, я не думала, что у тебя получится их до такой суммы дожать. Здорово! И себе квартиру получше найдем, и Кате останется...

ВИКТОР. Смотри. (*Распаковывает один из рулонов, разворачивает, прикладывает к стене.*) Нравится?

ЛЮДМИЛА. Очень. Только с обоями все-таки надо было подождать, вдруг комнаты будут нестандартного метража. Придется докупать... Или наоборот...

ВИКТОР. Какого — нестандартного? У нас тут все меряно-перемеряно. Эти — в спальню, а сюда, в большую, что-нибудь посветлее поищу.

Пауза.

ВИКТОР. Завтра-послезавтра и начну.

Пауза.

ВИКТОР. Ну что, за стол? Как-никак, праздник сегодня. Мир, труд, май! Вот за труд и выпьем, за начало ремонта.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты что? Какой ремонт? Где?

ВИКТОР. Здесь.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты помнишь, что Таня про психбольницу рассказывала? Мне кажется, что у них есть для этого все основания. Зачем ремонт?

ВИКТОР. Затем. Чтобы они поняли, что это серьезно. Что я останусь здесь до тех пор, пока они не пойдут на мои условия.

ЛЮДМИЛА. Твои условия? Ты забыл, что ты тут не один. И пока не

на капитанском мостике. Я не хочу больше слушать твой бред о кораблях и креветках!!!

ВИКТОР. Я об этом и не говорю. Успокойся, не собираюсь я покупать пароход.

ЛЮДМИЛА. Почему тогда... Зачем все это?

ВИКТОР. Дело не только в деньгах. Меня всю жизнь как пешку двигали, куда хотели. За меня всё решали. Раньше выбора не было, теперь мой бюллетень из одной урны в другую бросают. Мусорную. Они нас не слышат. И слышать не хотят. Но в шахматах есть правило — если пешка доходит до последней линии, до края доски, она превращается в ферзя. Я сейчас — на предпоследней линии.

ЛЮДМИЛА. А я — уже на последней. Витя, я больше не могу.

Людмила берет сумку, в которую только что складывала свитера, все из нее вытряхивает и кладет свой халат, выходит из комнаты в ванную, возвращается с полотенцем, зубной щеткой и шампунем, все укладывает в сумку.

ВИКТОР. Ты что — серьезно?

Людмила не отвечает.

ВИКТОР. И куда же это?

ЛЮДМИЛА. Ты же сам говорил: "Временно перекантуешься". Вот я у Кати и перекантуюсь. Пока не сниму себе комнату.

ВИКТОР. Что ты снимешь? И будешь там своего ученика принимать? Ну и снимай! А я не сдамся!

ЛЮДМИЛА. Витя, нам дают хорошие деньги. Давай согласимся и закончим весь этот кошмар. В конце концов, я женщина, а не десантник.

ВИТЯ. Люда, неделя осталась, не больше! Честное слово!

ЛЮДМИЛА. Жить хочется, а не бороться, понимаешь! Жи-и-ить!

Виктор пытается ее обнять. Людмила отстраняется.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! (*Идет к двери.*) Жду внизу две минуты. Не выходишь — уезжаю к Кате.

Виктор пытается ее задержать, но Людмила отталкивает его и уходит.
Виктор выходит на кухню, тут же возвращается, нервно ходит по комнате, запихивает в шкаф разбросанные вещи.
Раздается стук в дверь. Виктор бежит открывать.
Возвращается разочарованный, вместе с Виталием.

ВИТАЛИЙ. Ты один?

ВИКТОР. Не то слово. А ты Людмилу не встретил?

ВИТАЛИЙ. Нет. (*Подходит к столу, видит водку и помидоры.*) Во! У тебя все готово! Посидим? Убирай свою водку. (*Достает из сумки бутылку коньяка и коробку конфет.*) И помидоры убери. Лучшая закуска под коньяк — чернослив.

ВИКТОР. Ты что, Бухара, пить начал?

ВИТАЛИЙ. Как тебе сказать... С твоей легкой руки.

ВИКТОР (*принюхивается*). Ты что — уже? Так... Ты сегодня только закусываешь. А вот у меня поводов много. А — ушла жена. Б — пролетарский праздник. В — начало ремонта. Г — гость в доме. Дорогой гость. Очень дорогой. А скоро будет еще дороже.

ВИТАЛИЙ. Как — жена ушла?

ВИКТОР. Шучу. К дочке поехала.

ВИТАЛИЙ. Ремонт — тоже шутка?

ВИКТОР. Нет, ремонт всерьез.

ВИТАЛИЙ. Тебе помощники не нужны?

ВИКТОР. Сам управлюсь.

Садятся за стол. Виталий наливает, поднимают рюмки.

ВИКТОР. За солидарность!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Вот ты мне скажи — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Опять — двадцать пять... Я хочу двести тысяч.

ВИТАЛИЙ. Не-е-ет, я не об этом. Вообще — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Я? Жить. Как человек. И чтобы семья жила — как люди.

ВИТАЛИЙ. Чего ж не живете?

ВИКТОР. Не давали! Ты, Виталик, молодой, в другое время жить начал, тебе не понять.

ВИТАЛИЙ. Кто-то тебе мешал жить, а я за это должен расплачиваться?

ВИКТОР. Ты-то при чем? Не из твоего кармана деньги.

ВИТАЛИЙ. Много ты понимаешь, что из чьего кармана идет... А нервы? Я с вашим домом полгода вожусь! Одному район не подходит, второму — вид из окна... Третья сумасшедшая кота в сумке таскает. Я ее спрашиваю: "Вам квартира нравится?". А она: "У Барсика шерсть дыбом, нехорошо это..."

ВИКТОР. Но с Барсиком-то все удачно обошлось.

ВИТАЛИЙ. Конечно! Нашли нормальную квартиру, продавцы уже за бугор уехали. Я перед тем, как бабку туда вести, в нескольких местах ва-

лерьянки капнул. Только дверь открыл — Барсик в эту хату как рванет! Бабка его оттуда потом еле вытащила: "Кисонька, пошли домой!".

ВИКТОР (*наливает*). Вот за что я люблю цыган — они никогда не говорят о работе.

ВИТАЛИЙ. Понял! (*Поднимает рюмку.*) За дружбу народов!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Почему все этот дом называют домом Павлова? Мы ж не в Сталинграде.

ВИКТОР. Жило-было одно СМУ. И строило оно дом. Для себя. То есть для своих работников. Те старались — в три смены, субботники, воскресники... Все — в коммуналках, в общагах, об отдельных квартирах мечтали, как о загробной жизни. Дом сдали — а ордера не выписывают. Слух прошел, что обком для себя забирает. Вы, мол, потерпите, следующий, рядом — точно ваш будет...

ВИТАЛИЙ. Построить дом — не искусство. Искусство — получить в нем квартиру. И что дальше?

ВИКТОР. Тогда начальник по фамилии Павлов собрал всех и сказал: чтоб завтра вселились. Все, как один!!! Чтоб к вечеру занавесочки висели, а на балконах белье сушилось. Если кто испугается без ордера въезжать — то смелых на другой день с милицией выселят. А всех — не посмеют. Скандал на всю страну. Так и сделали. Фактически захватили дом. Полгода ордера не выписывали. Каждую ночь тряслись — ждали штурма. Но обошлось.

ВИТАЛИЙ. Ты тоже тогда поселился?

ВИКТОР. Не, это когда было!.. Мне тесть рассказывал.

ВИТАЛИЙ. А какую начальник себе взял? Четырехкомнатную?

ВИКТОР. Под номером тринадцать. Это ты в его квартире сейчас коньяк черносливом закусываешь.

ВИТАЛИЙ. Так Людмила по документам... А, ну да, это ж девичья фамилия... Значит, это у вас в роду — оборону держать. Вить, я как атрибут праздничного стола предлагаю ее снять и подписать мирный договор в объеме семидесяти пяти тысяч. На что уполномочен высшим руководством.

ВИКТОР. Две-е-сти. Знаешь, как пишется? Двойка и два ноля.

ВИТАЛИЙ. Я не понимаю! Мне чтобы такие деньги заработать, знаешь, сколько пахать надо? А тебе — за что? Я много разных людей на своей работе вижу. Есть трудяги. Пахари. И я их уважаю. Я сам такой. А есть искатели шансов. Попробует в одном месте легких денег, не получится —

идет в следующее. Там нет — снова ищет. А на одном — долго, упорно, по кирпичику...

ВИКТОР. Это я — искатель шансов? Много ты про меня знаешь! Я пятнадцать лет отмотал... от звонка до звонка... Учителем в школе. ...Потом как-то послали на конференцию в Москву... Хотел апельсины купить. Домой позвонил, Люда говорит: Катя заболела, купи лекарство. Купил, вижу — на апельсины не хватает. Решил взять чищеные. Полтора часа простоял — не досталось. Домой вернулся и уволился из школы. Я тогда понял: чтобы иметь деньги — надо работать. Чтобы иметь больше денег — надо больше работать. А чтобы иметь большие деньги — надо что-то другое.

ВИТАЛИЙ. А тебе нужны только большие? Витя, ты понимаешь, что по-твоему не выйдет?

ВИКТОР. На этот раз — выйдет. И никакие ваши окончательные решения не пройдут. У меня, кстати, вчера корреспондентка была. Из левой газеты, но девушка толковая. Все осветит правильно.

ВИТАЛИЙ. Капитана спросили: что будет, если судно столкнется с айсбергом? Он ответил: айсберг поплывет дальше... А ты даже не на корабле. Ты, Витя, на ма-а-аленькой лодочке. С двумя веслами, в парке культуры. А мы поплывем дальше...

ВИКТОР. Виталик! Моряки не плавают. Моряки ходят. А плавает — знаешь что?

ВИТАЛИЙ. Вить, чего ты такой грубый? Давай еще по одной. За мир во всем мире и в каждой квартире.

Виктор наливает, выпивают.

ВИТАЛИЙ. Ну, я пойду. А ты звони.

ВИКТОР. Звонить я могу только в колокол. Судовой.

ВИТАЛИЙ. На! (*Кладет на стол перед Виктором свой мобильный.*) Мне для хорошего клиента ничего не жалко!

ВИКТОР. Стоп! Есть тост! (*Снова наливает.*) За связь с телефоном вашего абонента!

ВИТАЛИЙ (*снова садится за стол*). Поддерживаю!

Выпивают.

ВИКТОР. А я тебе знаешь, что подарю? Набор для дуэли. С тридцати шагов. Через платок. (*Выходит в прихожую возвращается с пейнтбольными ружьями.*)

ВИТАЛИЙ. Ты меня вызываешь?.. И как этим пользоваться?

ВИКТОР. Сейчас научу. Все равно новые обои клеить буду. Смотри. (*Прицеливается.*) Спорить с тренером по борьбе может только тренер по стрельбе... (*Стреляет в стену, на ней расплывается красное пятно.*)

ВИТАЛИЙ. Дай я попробую. (*Долго целится.*) Стендаль советовал дуэлянтам, пока заряжают пистолеты, считать листья на деревьях.

ВИКТОР. А ты откуда знаешь?

ВИТАЛИЙ. Я по нему диссертацию писал. (*Стреляет в другую стену. Эффект тот же.*) Это дело надо отметить.

Наливает. Выпивают. Виктор включает радио. Раздается песня "Врагу не сдается наш гордый "Варяг". Виктор с Виталием, обнявшись, подпевают:

"Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый "Варяг",
Пощады никто не желает"...

Картина шестая

Та же комната, в которой стало гораздо больше вещей. У одной стены стоит платяной шкаф и тумбочки, которых здесь раньше не было. На полу — узлы с вещами. Возле другой стены — стремянка, ведра, рулоны обоев. На столе — транзистор. Из него доносится голос диктора, рассказывающий о параде.

Из спальни выходит Виктор. Он одет в старые замызганные спортивные штаны и футболку, на голове — свернутая из газеты треуголка. Виктор выключает приемник, берет со стола мобильный телефон, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Костя? Привет, это Витя. С праздничком тебя! (*Пауза.*) Да нормально все. Нет, не переехали, еще воюем. До победного. По любому, сегодня-завтра все решится. Я же их задерживаю. (*Пауза.*) Да, кроме меня — никого. (*Пауза.*) Ерунда, все будет нормалек! Про счетчик я помню. (*Пауза.*) Само собой! Обмоем по высшему разряду. (*Пауза.*) Откуда звоню? Атланты мобильник дали. Подлизываются. А у тебя как на новом месте? (*Пауза.*) Да-а, это проблема... Слушай, ты ж говорил, что у тебя еще деньги оставались. На черный день. (*Пауза.*) Уже? Ну ты... Шмайсер... прости, Шумахер! В смысле — быстрый. Конечно, отдам и одолжу одновременно, когда потрясу Атлантиду... Слушай, я тут обои клеить собрался... Так надо, Костя! Они мне еще по десятке за каждый рулон накинут... Давай о деле. Сколько в клейстер муки класть? (*Пауза.*) Всего? И будут держаться? (*Пауза.*) Чего ж у меня не получается? А какой водой — горячей или холодной? Кипятком? Это мне примус опять разжигать... Не-е-е, Костер, ты ничего не понимаешь... Ну ладно, буду дальше звонить. У тебя бабы Стали телефон есть? Диктуй! (*Пауза. Записывает номер.*) Конечно, зайду как-нибудь. Ну, бывай.

Снова набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Сталина Петровна? Это Виктор беспокоит. С праздником вас, с днем Победы! (*Пауза.*) Правильно, тетя Сталя. Наш народ непобедим! Дали им, гадам, как положено! (*Пауза.*) Спасибо, передам... (*Пауза.*) Нет, еще со старой. Еще не переехали. (*Пауза. Продолжает с грузинским акцентом.*) Адын, савсэм адын. Но есть свои преимущества. За стенкой тихо, на голову не капает, так как воду отключили. Вместе со светом и телефоном. (*Пауза.*) По мобильному. Растет благосостояние трудящихся на постсоветском пространстве! Сталина Петровна, я к вам за советом. Последний раз обои клеил — не помню когда. Забыл, как клейстер варить — сколько муки, сколько воды... (*Пауза.*) Соли не надо? Да, запомнил. (*Пауза.*) Это я на всякий случай, к ремонту готовлюсь... Тетя Сталя, как только переберемся — придем в гости, все расскажем. (*Пауза.*) Что? (*Пауза.*) Последний герой? В каком смысле? (*Пауза.*) А-а-а, передача... Нет, у нас же света нет, какой телевизор... Ладно, тетя Сталя, еще раз с праздником, деду привет и поздравления. Он уже сто фронтовых принял? Ну, дай Бог ему здоровья! До свидания.

Виктор уходит на кухню, возвращается с примусом в руках. Разжигает его, потом приносит из кухни ведро воды и ставит его на примус.
Звонит мобильный телефон.

ВИКТОР. Алло! (*Пауза.*) Привет, Виталий! С праздником тебя! (*Пауза.*) Здоровье? Не дождетесь! А в чем дело? (*Пауза.*) Кто сказал? (*Пауза.*) С чем поздравляешь? (*Пауза.*) С каким задатком? (*Долгая пауза.*) Люда с Катей? (*Пауза.*) Почему без моего согласия? (*Пауза.*) Ну и что, что я не ответственный квартиросъемщик! Какая разница, на кого она приватизирована! А прописка? В смысле — регистрация. (*Долгая пауза.*) Значит так. Никакого согласия я не давал. И не собираюсь. И вы это прекрасно знали. И вы не имели права оформлять задаток без меня. (*Пауза.*) Это все незаконно, и вы, мошенники, это прекрасно знаете. Ничего у вас не выйдет! (*Пауза.*) Восемьдесят тысяч? Виталий! Я уже тебе сказал: нет денег — не стройте! (*Пауза.*) Что заказали? Кран с бабой? Это ваши проблемы. Надо было меня спросить. Позвонить вот по этому телефону и спросить. Почему ты не позвонил? Я тебе скажу, почему: ты дал им задаток, чтоб загнать меня в угол. Я все равно отсюда не уйду. (*Пауза.*) Сегодня начнут ломать? Пожалуйста. Только вместе со мной. Готовь теплое белье... Себе и своим буржуям. (*Пауза.*) Посмотрим.

Виктор прохаживается по комнате, закуривает, берет телефон и набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Катя?! (*Пауза.*) Мне только что маклер звонил. Сказал про задаток. Как вы могли? Это же предательство!!! (*Пауза.*) Да при чем здесь ломбард?! Кать, послушай... (*Пауза.*) Катя... (*Долгая пауза.*) Кать, я для тебя никогда ничего не делал? Конечно! Катал на санках — и простудил. (*Пауза.*) Давали тебе то, что и всем остальным. А сейчас здесь сижу — для себя? Я же хотел, чтобы ты... чтоб мама... (*Долгая пауза.*) Тебе однокомнатной хватит? Дурочка! Из одной клетки — в другую. А я хотел тебе трехкомнатную... (*Долгая пауза.*) Что?.. Когда? (*Пауза.*) А замуж? (*Пауза.*) То есть без квартиры он к отцовству не готов? Хороший мальчик! (*Пауза.*) А что же ты раньше ничего не говорила? (*Пауза.*) Ладно... Ну, дай Бог... Все, Кать, не плачь, не надо. Теперь тебе только положительные эмоции нужны... Мальчик или девочка? (*Пауза.*) Рано еще? Понял, не дурак. (*Пауза.*) Ладно, Катюш... Что сделано — то сделано. А квартиру я тебе трехкомнатную подберу. Возле парка. Чтобы гулять было рядом. Ты сегодня ела хоть что-нибудь? Фрукты ешь. И хватит скакать в своем театре. (*Пауза.*) Что я — не знаю? Классика — в корсете, современное — колесом ходить. (*Пауза.*) Ладно... Мама у тебя? А где? (*Пауза.*) Дай мне номер. Ничего, я объясню. Кать, я тебя люблю. Все будет хорошо. И обязательно поешь.

Виктор включает приемник, звучит песня из фильма "Белорусский вокзал":
"Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы плечом к плечу
врастаем в землю тут..."
Раздается стук в дверь. Виктор выключает приемник, тихонько подходит к двери в прихожую, прислушивается. Стучат все настойчивее. Слышны голоса: "Там он? — Да там, там... Звони еще". Снова колотят в дверь, слышен голос: "Откройте, это спасатели! В парадной кто-то разлил ртуть, необходимо всех эвакуировать! — Так, открывать не собираются. Коля, пошли за ломом...".
Виктор берет со стола мобильный телефон, смотрит на бумажку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Люда! Люда, они разлили ртуть!!! (*Пауза. Виктор с минуту молчит и слушает.)* Люда, ты не думай, я все понимаю. Глупо это все. Нет, не глупо... Поздно. Как ты говорила? Главное слово в русской литературе — "поздно"... Знаешь, я в спальне старые обои ободрал. Все оттуда вынес. Там теперь пусто и чисто. ...Три слоя было. В самом низу — желтые. Ты их помнишь? А я забыл. Там еще Катькины художества... Мы ее в угол поставили, а она с тумбочки губную помаду взяла и на обоях написала: "Дураки". Людка, какие мы с тобой дураки... Зачем ты ушла? Мне одному, без тебя, ничего не нужно. Я же это все... Хотел, чтобы тебе было

хорошо. Чтобы ты мной гордилась, а не жалела. Мы же столько лет... Ты все понимала... И сейчас все бы получилось. Если бы вы не взяли деньги. (*Кричит.*) Зачем ты их взяла?! (*Пауза.*) Что-то они притихли. Может, пошли другие квартиры проверять? Это они зря. Тут больше никого нет, кроме меня. Я последний. (*Пауза.*) Я только что с Катей разговаривал. Она мне все рассказала. Дай Бог, чтоб все было хорошо... (*Пауза.*) Я сегодня ночью проснулся... Света нет, воды нет, в первый раз за двадцать пять лет так тихо — ни у кого телевизор не бубнит, музыка не играет, краны не шумят. Грибники не звонят. И ученики твои... По лестнице никто не топает. И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится... (*Пауза.*) Это хорошо, Люда, что я тебя не застал... Наверное, ты сейчас и говорить со мной не стала бы... А так автоответчик прослушаешь. (*Пауза.*) Прости меня, дурака.

Виктор кладет телефон на стол, уходит в спальню и закрывает за собой дверь. Слышен грохот — взламывают входную дверь. В комнату входят трое в рабочих спецовках.

ПЕРВЫЙ. Ну и где он?

Один уходит на кухню, другой направляется к спальне, открывает дверь и заглядывает туда. Первый берет со стола оставленный Виктором мобильный телефон, рассматривает его и, оглянувшись на напарника, кладет телефон в карман.

ВТОРОЙ (*возвращается с кухни*). Никого. И в сортире тоже.

ПЕРВЫЙ (*Третьему, который стоит у двери в спальню*). Ну?

ТРЕТИЙ. Пусто.

ПЕРВЫЙ. Посмотри нормально.

ТРЕТИЙ. Что — посмотри? Комната пустая, голые стены. Он все вещи сюда вынес.

ПЕРВЫЙ. Пройдите еще раз, везде гляньте.

Первый включает радиоприемник. Звучит песня "День Победы":

"...Дни и ночи битву трудную вели,
Этот день мы приближали как могли.
Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы, День Победы, День Победы!"

Второй и Третий осматривают комнату, заглядывают под диван и в шкаф, выходят на кухню, возвращаются.

ТРЕТИЙ. Но он же тут был.

ПЕРВЫЙ. ...или не был. Какая разница? Сейчас — нет. Даем отмашку, пусть ломают.

ТРЕТИЙ. Но мы ж слышали, как он по телефону разговаривал.

ПЕРВЫЙ. А может, нам послышалось?

ВТОРОЙ (*потирает шею*). Че за фигня? (*Смотрит вверх.*) С потолка капает.

ПЕРВЫЙ. Что капает? Тут уже месяц как воду отключили!

Смотрят на потолок, отходят в сторону двери.

ВТОРОЙ. Пошли отсюда.

Все трое торопливо выходят. Из оставленного радиоприемника все громче слышна песня "День Победы". Постепенно ее заглушает грохот — дом дрожит, рушится одна из стен, с потолка падают куски штукатурки... Затем гаснет свет, все смолкает, и в наступившей тишине слышно, как с ритмичным звуком падают капли...

Одесса. Февраль, 2005

Александр МАРДАНЬ

Последний герой

Реалити-шоу

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

ВИКТОР
ЛЮДМИЛА
КАТЯ — их дочь
ВИТАЛИЙ — маклер
КОСТЯ — сосед
СТАЛИНА ПЕТРОВНА — соседка
ТАТЬЯНА — старшая сестра Людмилы
СТРОИТЕЛИ

Действие пьесы происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски.

Действие первое

Картина первая

Комната в "хрущевке" — гостиная, она же столовая, она же кабинет. Интерьер, по которому можно проследить всю историю этого жилья. На стенах — фотографии в рамочках. Типичная советская мебель — "стенка" с хрусталем, диван, ковер на стене.

В центре комнаты стоит ведро, в которое с ритмичным звуком падают капли.

В углу — телевизор, развернутый экраном от зрительного зала. Перед экраном застыла девица. Ей лет 20-25. Волосы рыжие. Одета в яркое пончо и джинсы. В ногах у нее стоит дорожная сумка. Девица держит в руках свитер и неотрывно смотрит на экран. Мужской голос вещает: "Лена. Лена. Вика. Олег. Наташа. Вика. Вика. Михаил. Вика". Голос умолкает.

Девица издает победный клич, хватает телефонную трубку, набирает номер.

КАТЯ. Алло! Да, я. Только что закончилось. Сказать? А что мне за это будет? (*Пауза.*) Будешь мыть посуду всю неделю. (*Пауза.*) Два дня??? Сиди и мучайся. (*Пауза.*) Ла-а-адно, я сегодня добрая... Они съели эту сопливую Вику!!! (*Пауза.*) Закон джунглей! (*Пауза.*) Да, я уже почти собралась. Сейчас, только носки теплые найду — и выезжаю. Ага.

Катя кладет трубку, идет к открытому платяному шкафу, перебирает вещи на полках.

Входит Людмила с букетом цветов и сумкой в руках.

ЛЮДМИЛА. Катюша!.. (*Подходит к ней, целует в щеку. Видит ведро.*) Опять этот фонтан слез! Чистый Бахчисарай.

КАТЯ. Я бы сказала — не очень чистый.

ЛЮДМИЛА. Все прогнило за сорок лет... Я к Лёне поднимусь.

КАТЯ. Бесполезно. Я уже поднималась, граница на замке.

ЛЮДМИЛА. Сейчас перельется! (*Отдает Кате цветы и сумку, берет ведро и выходит. Кричит из кухни.*) А где папа?

КАТЯ. Ни малейшего... Я пришла — его не было.

ЛЮДМИЛА (*возвращается в комнату с пустым ведром, ставит его на прежнее место*). Наверное, в магазин пошел, я просила его горошек купить. Будет твое любимое оливье. (*Берет у Кати сумку, уходит на кухню.*)

КАТЯ. Кто именинник?

ЛЮДМИЛА (*из кухни*). Революция. В смысле — примирение. Какая разница, как называть? Просто посидим за столом, по старой памяти.

Катя кладет букет на стол и продолжает вынимать из шкафа теплые вещи и укладывать их в сумку. Из кухни выходит Людмила с тарелками в руках, ставит их на стол.

ЛЮДМИЛА. Ты что, уже собралась? Пожалуйста, дождись папу, посидим немножко...

КАТЯ. Ладно.

ЛЮДМИЛА. Это какой цвет?

КАТЯ (*проводит рукой по волосам*). Красный янтарь.

ЛЮДМИЛА. А в прошлый раз что было?

КАТЯ. Вишня.

ЛЮДМИЛА. Гнилая? Нет, янтарь лучше. Может, и мне попробовать?

КАТЯ. Ты и вишню собиралась пробовать. Все равно не решишься.

ЛЮДМИЛА. Да, не решусь... Боюсь, что как наша химичка, забуду, какой цвет настоящий.

КАТЯ. Эта та, которую Щелочью прозвали?

ЛЮДМИЛА. А как меня за глаза называют?

КАТЯ. Сама знаешь. Короче, месяц не покрасишься — вспомнишь. Или постригись иначе... Мебель в квартире переставь...

ЛЮДМИЛА. От перестановки мест слагаемых... Простор в тридцати метрах не появится.

КАТЯ. Но нельзя так жить! В консервной банке, с раз и навсегда расставленной мебелью... По школьному расписанию. И каждый год объяснять юным идиотам, кто такая Настасья Филипповна и почему Раскольников — лишний человек.

ЛЮДМИЛА. Лишней оказалась старушка... Вместе с Печориным. И никакие они не идиоты...

КАТЯ. А кто? Кем надо быть, чтобы сегодня учителям таскать букеты! Врачи в кабинетах таблички вешают: "Доктор цветы и конфеты не пьет!". Первого сентября напиши на доске: "Учителя — не пчелы, цветами не питаются!".

ЛЮДМИЛА. А когда тебе букет дарят, ты тоже так думаешь?

КАТЯ. Конечно! Дома — только горчица и уксус, денег — едва на маршрутку хватит... Выходишь кланяться, а тебе на сцену — цветы. Лучше бы палку колбасы подарили. Или (*мечтательно*) головку сыра...

ЛЮДМИЛА. Артист, как и художник, должен быть голодным.

КАТЯ. Это коммунисты придумали, чтоб денег не платить.

Входит Виктор, снимает куртку, вязаную шапочку.

ВИКТОР. Девчонки, привет! Ругаетесь? Ну и погодка... Собаку никто не выгонит.

КАТЯ. Как бабушка говорила, — какая власть, такая и погода.

ВИКТОР. Кать, при чем тут власть? (*Видит ведро.*) А у нас что, капает?

КАТЯ. Как всегда, Леня протек.

ЛЮДМИЛА. Вить, ты горошек купил?

ВИКТОР. Ой, прости, Люда, забыл. Ну, будет салат без горошка.

ЛЮДМИЛА. Ладно... Накрываем на стол! Катя, помогай.

Людмила уходит на кухню, Катя вдвоем с отцом передвигает стол, стоявший у стены, в центр комнаты.

КАТЯ (*смотрит вверх*). Здесь же течет.

Виктор снимает телефонную трубку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Леня? Это Виктор. (*Пауза.*) Леня, от твоего стояка у меня хронический столбняк. Ну, приди, посмотри! (*Пауза.*) Да не нужна мне твоя побелка. Раз в две недели. Вонь такая, что на кухне спим. (*Пауза.*) Леня! Не смеши меня! (*Пауза.*) А моральная компенсация? Что? Литр за литр? Только если коньяка. (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так куда стол ставить?

Вдвоем передвигают стол на центр комнаты.

ВИКТОР. Следи, куда капнет. (*Достает из серванта хрустальную вазу.*)

КАТЯ. Вот. (*Показывает точку на столе.*)

ВИКТОР. Отлично. (*Ставит вазу именно на это место.*)

ЛЮДМИЛА (*кричит из кухни*). Витя, цветы в воду поставь.

ВИКТОР. Уже. (*Ставит букет в вазу, в которую капает вода с потолка.*) Надеюсь, водичка чистая?

КАТЯ. Проточная, фильтрованная.

Входит Людмила, ставит на стол миску с оливье.

ЛЮДМИЛА. Что у него там?

ВИКТОР. Как всегда.

ЛЮДМИЛА. Вить, неси холодец.

ВИКТОР. Хрен есть? А то придут гости и скажут, что на столе ни хрена нет.

ЛЮДМИЛА. Я эту шутку полжизни слышу. Кстати, Витя, почему пакет с мусором лежит в коридоре? И воздуха не озонирует.

ВИКТОР. Как лежит? Я же выбросил! (*Выходит в коридор, возвращается с пакетом в руках.*) Блин! Что же я тогда выбросил?

ЛЮДМИЛА. А где мой пакет с тетрадями?

ВИКТОР. Повезло твоим ученикам. Всем пятерки!

ЛЮДМИЛА. Немедленно вниз! Ищи и без них не возвращайся!!!

Виктор выходит. Людмила вытирает стаканы и расставляет их на столе.

КАТЯ. Леня поменял график? Тек раз в квартал. Теперь — ежемесячно. В любой нормальной стране его бы по судам затаскали, и оплачивал бы ремонт всем, до первого этажа, как миленький.

ЛЮДМИЛА. Это потому что там соседи — случайные люди. А мы друг другу не чужие. Столько лет вместе. Тем более — наш дом...

КАТЯ. Знаю-знаю. Дом Павлова, героическая оборона, историческая победа... Дедушка эту историю перед сном рассказывал, вместо сказки. Так что, я в курсе.

ЛЮДМИЛА. Ну в кого ты такая злючка?

КАТЯ. Не злючка. Просто наши семейные легенды пахнут нафталином...

Звонит телефон. Катя берет трубку.

КАТЯ. Алло! Что? (*Пауза.*) Какие грибы?.. Сам греби отсюда, подберезовик! (*Кладет трубку.*) Палата номер шесть...

ЛЮДМИЛА. Кто это?

Снова звонит телефон, трубку берет Людмила.

ЛЮДМИЛА. Да... Мужчина, вы ошиблись. Никто вам не хамит. Какой номер вы набираете? (*Пауза.*) А где?... (*Пауза.*) Наверное, ошибка в объявлении. И больше сюда не звоните. (*Кладет трубку.*)

Входит Виктор с пачкой тетрадей в руках.

ВИКТОР. Не повезло твоим ученикам, не успели еще мусор вывезти... Роюсь я в баке, глянул вверх — баба Сталя к своему окошку прилипла, чуть стекло не выдавила. А тут еще из подъезда выходит... как его... полковник с третьего этажа. Говорит: "Коммунисты вам не нравились? А теперь на помойках роетесь! Интеллигенция...".

ЛЮДМИЛА. Витя! Только что мужчина звонил. Номер наш. Спрашивает, почем грибница шампиньонов.

ВИКТОР. Люд, понимаешь, компания набирала людей — сидеть на телефоне, принимать заявки. Я согласился, дал номер. Аванса не заплатили... Отказался. Что, неправильно?

ЛЮДМИЛА. Молодец! Правильно!

КАТЯ. Предоплата портит человека, но ее отсутствие портит еще больше.

ЛЮДМИЛА. Теперь будешь отвечать на все звонки. Только даром. Пока грибники не отстанут.

ВИКТОР. Ладно. Позвонят недельку — и успокоятся. Ну что, садимся?

Усаживаются за стол. Виктор открывает бутылку водки, наливает всем по рюмке. Звонок в дверь. Людмила идет открывать. Возвращается в комнату вместе со старушкой, которая несет перед собой тарелку.

ВИКТОР. Заходите, Сталина Петровна!

КАТЯ. Здрасьте, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здрасьте! Я вам пирожков принесла.

КАТЯ. Умер кто?

ЛЮДМИЛА. Катя!!!

Катя встает из-за стола, достает из сумки плейер, надевает наушники, садится в кресло и закрывает глаза.

ЛЮДМИЛА. Не обращайте внимания, английский учит, экзамен завтра.

ВИКТОР. Присаживайтесь, тетя Сталя. Отметим красный день календаря? С чем пирожки?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. С грибами.

ВИКТОР. Спасибо! Я потом.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Что ты, Витя... Хорошие грибы, с магазина!

ЛЮДМИЛА. У него с желудком проблемы, а мы с Катюшей съедим, спасибо. Вы присаживайтесь.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка! Мы вчера с дедом пенсию получили. Может, тебе одолжить? Ты не стесняйся...

ЛЮДМИЛА (*смеется*). Спасибо! У нас все в порядке. Просто Витя не то, что нужно, в мусор выбросил.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Понятно... Я пойду, меня дед ждет, мы тоже отметить собираемся. Людочка, ты передачу эту смотришь?.. Забыла название... Герои нашего времени? Артисты на острове живут, голые ходят, червяков едят...

ЛЮДМИЛА. Я с этими уроками телевизор совсем не смотрю.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Жалко. Мы сегодня пропустили. Хотела узнать, кого там выгнали.

КАТЯ (*не снимая наушников и не открывая глаз*). Вику.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Спасибо, Катюша! Пойду, деду скажу, а то волнуется. Он за Наташу болеет. Такую, рыженькую...

Уходит. Людмила, проводив ее, возвращается в комнату, садится за стол.

ЛЮДМИЛА (*Кате*). Сколько можно из-за тебя краснеть?

КАТЯ (*снимая наушники*). Зачем дитя культа приходило?

ЛЮДМИЛА. Прекрати чушь нести... совсем не прекрасную. Знаешь, какую она жизнь прожила? И имя не помогло...

КАТЯ. Правильный мэн был Раскольников... Каждый раз это понимаю, когда захожу в парадную мимо этих пираний на скамеечке.

ЛЮДМИЛА. В нашу ты раз в месяц заходишь. И то — когда темно. (*Поднимает рюмку.*) Ну что, с праздничком?

ВИКТОР. Девчонки, стоп! Не закусываем! (*Уходит на кухню, возвращается с баночкой красной икры.*)

ЛЮДМИЛА. Икра?! Откуда?

ВИКТОР. А — спецпаек. Б — стол заказов. В — купил у спекулянтов. Г — дали взятку.

ЛЮДМИЛА. Помощь зала.

КАТЯ. Нашел в мусорном баке.

ВИКТОР. Ответ правильный! Ну — за революцию! Чтобы верхи могли, а низы хотели.

ЛЮДМИЛА. Это уже контрреволюция.

ВИКТОР. Тогда за эволюцию!

Выпивают.

ЛЮДМИЛА. Катя, положить тебе оливье?

ВИКТОР. Оливье — это не просто французское имя. Это символ развитого социализма! Так же, как винегрет — символ недоразвитого.

ЛЮДМИЛА. Ты не перепутал историю с кулинарией?

ВИКТОР. Нет! Как завещал нам Веничка Ерофеев? Все можно, кроме одного — нельзя ошибаться в рецептах! Вон у Леньки (*показывает на потолок*) Светка стала в оливье вместо горошка кукурузу класть. Кощунство!

ЛЮДМИЛА. Теоретик... Что ж ты горошек забыл купить?

Звонит телефон. Виктор снимает трубку.

ВИКТОР. Алло! Алло, я слушаю! Говорите! (*Некоторое время ждет, потом кладет трубку.*) Молчат.

Пауза.

ВИКТОР (*смотрит на Людмилу*). Подозрительно молчат.

ЛЮДМИЛА. Это как?

ВИКТОР. Дышат. С выражением.

Вдруг Катя визжит.

ЛЮДМИЛА. Ты что?

КАТЯ. За шиворот капнуло. (*Смотрит вверх.*)

ВИКТОР. А мне — в рюмку. Это уже перебор.

Снова звонит телефон.

ВИКТОР. Алло! Леня? Что у тебя там? (*Пауза.*) Это ты звонил? (*Пауза.*) Ладно, сейчас. (*Кладет трубку.*) Я к Леньке поднимусь, помогу, у него вообще все поплыло.

ЛЮДМИЛА. Это он сейчас звонил?

ВИКТОР. А есть еще варианты?

КАТЯ. Помощь зала.

Виктор поднимается из-за стола, выходит.

ЛЮДМИЛА. Кать, возьми шпроты.

КАТЯ. Ма, мне пора.

ЛЮДМИЛА. Посиди еще.

КАТЯ. Завтра на работу рано. У нас переучет. А вечером — репетиция. (*Встает из-за стола, берет собранную сумку.*) Я еще хотела кастрюлю забрать — большую, в красный горох...

ЛЮДМИЛА. Да, конечно. (*Выходит на кухню, возвращается с кастрюлей.*)

КАТЯ (*запихивая кастрюлю в сумку*). Славка пельмени любит. А у нас одна, маленькая, пельмешкам в ней тесно.

ЛЮДМИЛА. Когда ты нас познакомишь?

КАТЯ. Мы еще сами толком не познакомились... Ну все, я побежала. (*Целует Людмилу в щеку, уходит.*)

Людмила прохаживается по комнате, достает из сумочки сигареты, закуривает. Смотрит на потолок. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Алло! Привет. (*Пауза.*) Как дела? (*Пауза.*) Нет, ничего не случилось. Был звонок... Это не ты?.. Понятно... С праздником тебя! (*Смеется.*) А с каким хочешь? Вы что, не празднуете? (*Пауза.*) А мы вот посидели немного. (*Пауза.*) Нет, я же говорю — все в порядке. Что у нас может измениться? Семьи, в которых каждый день варят суп, разрушаются в последнюю очередь. (*Пауза. Слышно, как хлопнула дверь.*) Ну, ладно... Целую. (*Кладет трубку.*)

Входит Виктор.

ВИКТОР. А где Катька?

ЛЮДМИЛА. Ушла в семью.

Виктор садится за стол, наливает себе и Людмиле, поднимает рюмку.

ВИКТОР. Ну? За что?

Людмила пожимает плечами и молча выпивает.

ВИКТОР. Как скажешь. (*Выпивает.*)

Звонок в дверь.

ВИКТОР. Опять Катька что-то забыла!

Людмила уходит открывать. Возвращается с мужчиной средних лет. Он — в элегантной кожаной куртке, в костюме, в руках — папка для бумаг.

ЛЮДМИЛА. Витя, это к тебе.

МУЖЧИНА. Виктор Александрович? Здравствуйте! Меня зовут Виталий Сергеевич, фирма "Атлантида".

Виктор встает из-за стола, они пожимают друг другу руки.

ВИТАЛИЙ (*оглядывая стол*). С праздничком вас! Извините, что отрываю...

ВИКТОР. Ничего, вы присаживайтесь!

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо, я постою.

ЛЮДМИЛА. Нет уж, вы присядьте.

ВИТАЛИЙ. Понимаете, примета такая есть — нельзя садиться, пока сделку не заключили. Так что, я постою, если позволите.

ЛЮДМИЛА. Ни в коем случае! Нельзя, чтобы гость стоял в доме, где невеста на выданье. Так что...

ВИТАЛИЙ. На выданье? (*Достает блокнот, листает его.*)

ВИКТОР. Садитесь-садитесь! Что за разговор на ногах? Давайте, к столу. Может, рюмочку?

ВИТАЛИЙ. Спасибо, не пью.

ВИКТОР. Да? А где вы родились?

ВИТАЛИЙ. В Бухаре.

ВИКТОР. Ну, тогда ладно.

Виталий садится за стол, Людмила ставит перед ним тарелку и уходит на кухню, Виктор наливает себе водку.

ВИКТОР. Водички?

ВИТАЛИЙ. Не откажусь.

ВИКТОР. Грешите! В праздник — работать... Ну, будем! (*Выпивает.*)

ВИТАЛИЙ. А что делать? Единственный шанс застать людей дома. Всех жильцов обойти надо, поговорить. Я к вам с предложением.

ВИКТОР. Что продаете?

ВИТАЛИЙ. Покупаем... Вас.

ВИКТОР. Лично меня? (*Наливает себе еще рюмку.*)

ВИТАЛИЙ. Нет, всех в вашем доме.

ВИКТОР. Тела, души? Оптом? В розницу? (*Накладывает себе и Виталию закуски, едят.*)

ВИТАЛИЙ (*смеется*). Оптом, конечно же.

ВИКТОР. И почем?

Входит Людмила, присаживается к столу.

ВИТАЛИЙ. Приятно иметь дело. Вы сразу... быка за рога. К сожалению, сейчас точную цену я вам назвать не смогу. Конечно, для вашего района "вилка" определена, но окончательная цена зависит — есть ли долги по коммунальным платежам, хотите ли менять номер телефона, нужна ли помощь при переезде...

ЛЮДМИЛА. Простите, я не поняла... Вы о чем?

ВИТАЛИЙ. О вашей квартире. Мне сказали, что вас уже поставили в известность... Наша компания начинает строительство нового комплекса. Ваш и три соседних дома будут сносить. (*Заглядывает в блокнот.*) Квартира приватизирована?

ЛЮДМИЛА. Да, а что?

ВИТАЛИЙ. Есть и другой вариант. Вы можете не брать деньги, а просто определиться со своими требованиями, и наша компания подберет вам другую, такого же метража, в указанном вами районе...

ЛЮДМИЛА. Нет!

ВИТАЛИЙ. Что — "нет"?

ЛЮДМИЛА. Меня никакие варианты не устраивают! Это квартира моих родителей. Я тут выросла.

ВИТАЛИЙ. Ну, мало ли кто где вырос... (*Заглядывает в блокнот.*) Людмила Николаевна! Виктор Александрович! Я понимаю, что вопрос сложный и за одну минуту не решается. А вы, оказывается, еще не были в курсе... Конечно, вам надо подумать. Но есть время, чтобы определиться, какое жилье вы хотите. А мы все найдем. Или вы найдете, а наша фирма оплатит покупку. (*Пауза. Заглядывает в блокнот.*) Здесь прописано...

ВИКТОР. Трое.

ВИТАЛИЙ. Да. (*Делает пометки в блокноте.*) Детей нет.

ЛЮДМИЛА. Как нет? У нас дочь.

ВИТАЛИЙ. Это которая на выданье? Значит, опекунский совет не нужен. Так и запишем. В местах лишения свободы никого?

ЛЮДМИЛА. Типун вам на язык!

ВИТАЛИЙ. Так и запишем. В армии?

ВИКТОР. В запасе.

ВИТАЛИЙ. Должен предупредить: ЖЭК предоставил справки о количестве жильцов, и со вчерашнего дня прописка прекращена.

ВИКТОР. На что вы намекаете?

ВИТАЛИЙ. Почему намекаю? Я говорю прямо. Сейчас все начнут срочно выходить замуж, прописывать к себе родственников... Но при расселении будут учитываться только те, кто прописан на сегодняшний день,

то есть на седьмое ноября. Кстати, с праздничком вас еще раз. (*Поднимается из-за стола.*) Вот моя визитка, телефоны... Жду вашего звонка.

Виктор встает и провожает гостя к выходу. Людмила в растерянности сидит у накрытого стола. Виктор возвращается в комнату, закуривает. Раздается звонок. Виктор идет открывать. Входит мужчина средних лет в шлепанцах, спортивных штанах и пиджаке, надетом на майку.

ЛЮДМИЛА. А, Костя... Заходи.

КОСТЯ. Ну и как вам этот... типа гигант?

ВИКТОР. Атлант? У тебя тоже был?

МУЖЧИНА. Или! Я подождал, пока он слиняет, и к вам — перебазарить.

Костя садится за стол, Виктор разливает водку, Людмила, накладывает на тарелки закуску.

КОСТЯ (*поднимая рюмку*). Ну что, соседи? Вздрогнем?

Все выпивают.

ЛЮДМИЛА. Костя, что же нам делать?

КОСТЯ. Картель.

ЛЮДМИЛА. Что?

КОСТЯ. Картель. Как у нас в таксопарке. А кто меньше берет — тот... Хер.

ЛЮДМИЛА. Костёр, что ты себе позволяешь?!

КОСТЯ. Ну этот... Страйк... Шрек... Брехер! Главное — вместе держаться...

ВИКТОР. За что?

КОСТЯ. За цену. И друг за друга. Иначе — спалимся. Если кто меньше бабок возьмет — тогда они и других нагнут конкретно.

ЛЮДМИЛА. Да не в деньгах дело! Даже представить не могу... Я тут выросла. Папа все сам, до последнего гвоздика...

Вдруг раздаются крики, громко хлопает дверь.

КОСТЯ. Это баба Сталя! Точно! Все, попал маклер. Когда Павлов дом занимал, она кричала, что ее отсюда только вперед ногами вынесут. Если гроб на нашей лестнице не застрянет. Пойду, посмотрю. (*В дверях останавливается, поднимает руку со сжатым кулаком — "рот фронт!".*) Картель!!! Но пасаран! На посошок! (*Возвращается к столу, наливает рюмку, выпивает, чмокает Людмилу в щеку.*) Людка, ни шагу назад! Держись! (*Уходит.*)

Долгая пауза.

ВИКТОР. А вот это шанс!

ЛЮДМИЛА. Какой?

ВИКТОР. Один из тысячи. А может, из миллиона.

ЛЮДМИЛА. Вить, неужели тебе наш дом не жалко?

ВИКТОР. Ты знаешь, у меня к нему смешанные чувства. Хотя, мне эта квартира не чужая. Я здесь тоже... Люда, а сколько мы с тобой? (*Пауза.*) Это в марте четвертак!!! Серебряная свадьба! Помнишь, как под университетом стояли и всем — знакомым и незнакомым — говорили: "А мы сегодня расписались!".

ЛЮДМИЛА (*улыбается сквозь слезы*). Потом сюда приехали. И ты меня на четвертый этаж на руках нес.

ВИКТОР. Я и сейчас могу.

Людмила смеется.

ВИКТОР. Не веришь? (*Подходит к ней.*)

ЛЮДМИЛА. Радио включи.

ВИКТОР. Глупая...

Виктор включает радиоприемник, берет Людмилу на руки и уносит в спальню.
По радио звучит "Варшавянка":
"Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут".
Опустевшая комната, в центре — праздничный разоренный стол. Медленно гаснет свет.

Картина вторая

Та же комната, тот же праздничный стол. Звонит телефон.
Из спальни выходит Людмила — заспанная, в халате. Снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло... Да, Катюша. Спасибо. И мы тебя поздравляем. (*Пауза.*) Нет, папа вышел куда-то. (*Пауза.*) Не знаю, я спала. А вы тоже дома сидели? (*Пауза.*) Где? Ого! Интересно! (*Пауза.*) А-а-а! Ясно. Сегодня зайдешь? А завтра? Приходите, вместе с Кириллом. Праздник — хороший повод для знакомства... Ну, пока.

Людмила кладет трубку, собирает со стола тарелки и уходит на кухню.
Открывается дверь, входит Виктор. Он вносит елку, на которой сиротливо висят нитки "дождика". Из кухни появляется Людмила.

ВИКТОР (*напевает*). "В лесу родилась елочка, в лесу она росла..." (*Подходит к Людмиле и чмокает ее в щеку.*)

ЛЮДМИЛА. Все нормальные люди елку ставят до, а не после. Ты где ее взял?

ВИКТОР. А — Дед Мороз подарил. Б — долг отдали...

ЛЮДМИЛА. В — кто-то уже выбросил. Г — срубил в сквере возле горсовета.

ВИКТОР. Нудная ты, уйду я от тебя.

ЛЮДМИЛА. Это я нудная???

ВИКТОР. Полгода — "Не забудь купить елку... Не забудь купить елку...". Полгода — "Вынеси елку, вынеси елку...". (*Достает из кармана куртки бутылку пива, открывает ее, наливает в стакан и жадно пьет. Садится за стол, берет салатницу, ест прямо из нее.*) Люблю начало года. Пока все прошлогоднее еще свежее. Катька не звонила?

ЛЮДМИЛА. Только что. Поздравляла.

ВИКТОР. Придет?

ЛЮДМИЛА. Нет, устала, хочет отоспаться.

ВИКТОР. Праздновать устала?

ЛЮДМИЛА. Для актеров Новый год — самая работа.

ВИКТОР. И кем она была? Снегурочкой?

ЛЮДМИЛА. Размечтался... Зайчиком.

ВИКТОР. В детском саду?

ЛЮДМИЛА. В ночном клубе. Вечеринка в стиле "Плейбой".

ВИКТОР. Это когда костюм состоит из ушек и хвостика?

ЛЮДМИЛА. Вот придет — у нее и спрашивай. Завтра зайти обещала.

ВИКТОР. Одна? Или с этим... новым...

ЛЮДМИЛА. Кириллом.

ВИКТОР. Чего она их от нас прячет?

ЛЮДМИЛА. А может, нас от них.

Звонит телефон.

ВИКТОР (*снимает трубку*). Да. (*Пауза.*) Молодой человек, возьмите, пожалуйста, ручку. Взяли? А теперь вычеркните этот телефон. (*Кладет трубку.*) Грибники — упорные люди. Надо же — до сих пор... Лоси к пересохшему водоему ходят две недели. У людей на это уходят годы. (*Берет со стола открытую бутылку шампанского, наполняет два бокала, подходит к Людмиле, вручает ей один бокал.*) Признайся, Катя сказала: "Поцелуй папу"?

ЛЮДМИЛА. Нет.

ВИКТОР. Тогда придется пить на брудершафт.

Пьют на брудершафт. Целуются.

ВИКТОР. Ну, Людка, ты вкусна не по годам.

В этот момент слышится какой-то шорох, кряхтенье, и в дверях появляется Костя, который тащит кадку с огромным фикусом. Видит целующихся.

КОСТЯ. Совет да любовь!

ЛЮДМИЛА (*Виктору*). Ты что, дверь не запер?

ВИКТОР. Наверное.

КОСТЯ (*затаскивая фикус в угол*). Не, здесь он не зацветет. (*Передвигает кадку ближе к окну.*) С Новым годом, земляки!

ВИКТОР. И старым фикусом. Ты чего это?

КОСТЯ (*достает из кармана бутылку*).Простите, если что не так... Без обид... Позвал бы к себе, нет вопросов, да поляну накрыть некому.

ЛЮДМИЛА. Куда собрался?

КОСТЯ. Всё. Финита, блин, комедия. Переезжаю... Классную хату нашел и еще червонец на развод.

ВИКТОР. А что ж ты кричал: "Картель! Бордель!"...

КОСТЯ. Вить, против лома нет приема. Вынесли базар на люди — они гривой машут, а ты ж видишь — цену держат. А если счетчик назад крутиться пойдет? А мне опять личную жизнь обустраивать надо. Так что — давай по пятьдесят! (*Разливают.*) Людка, а ты что — не выпьешь с нами? Мы с тобой с пяти лет на одной скакалке прыгаем...

ЛЮДМИЛА. Когда съезжаешь?

КОСТЯ. Завтра. Контора подводу дает. Я тебе, Вить, советую — не блатуй, будь мужиком! Если я на своей однокомнатной десятку поднял, то вы плюс к хате спокойно четвертак получите.

ВИКТОР. "Десятку, четвертак..." Дураки вы! Лохи, как ты говоришь. Они на этом месте миллионы загребут, а вам копейки кинули.

КОСТЯ (*разливая по рюмкам*). Я, Вить, таксист, а не бухгалтер. Миллионы считать не обучен. Это их проблемы. (*Поднимает рюмку.*) Приходит в дом Дед Мороз. Предки своему пацану типа сюрприз организовали. А пацан за шкаф спрятался и ка-а-ак этого мужика с бородой шваброй треснет! Тот: "За что, мальчик?!". А пацан: "За прошлый год!". (*Смеются.*) За него и выпьем! (*Выпивают.*)

ЛЮДМИЛА. А фикус зачем?

КОСТЯ. Это вам на память. Ему лет двадцать, не меньше. Он фартовый. Удачу приносит.

ЛЮДМИЛА. Что же ты его отдаешь?

КОСТЯ. Один раз приносит. Его еще батя купил. Тетка, что продала, сказала — ждите удачи. И в натуре — через день "Запорожца" выиграл.

ЛЮДМИЛА. Так это билет счастливый, а не фикус.

КОСТЯ. Людок! Тачку батя в карты, а не в лотерею выиграл.

ВИКТОР. Жаль, ты его раньше не принес. (*Пауза.*) Я бы елку не тащил. (*Перевешивает дождик с елки на фикус.*) Подожди, у меня для тебя тоже подарок есть! (*Уходит на кухню.*)

КОСТЯ (*поправляет дождик на фикусе*). Его сильно поливать не надо. Так, по рюмашке. И не пересаживай. Он этого не любит, как пассажир.

ЛЮДМИЛА. А кто это любит, Костя?..

Из кухни возвращается Виктор с двумя бутылями огурцов.

ВИКТОР. Вот. К новоселью. Два удовольствия в одном флаконе. Огурчиками закусишь, а утром рассолом поправишься.

КОСТЯ (*Людмиле*). Твоего производства? Царский подарок! Новоселье-то вместе отметим? Я вам сейчас координаты нарисую.

Костя пытается взять сразу две банки. Виктор отдает ему только одну.

ВИКТОР. Давай помогу донести, а то разобьешь.

Вместе выходят.
Людмила остается одна. Смотрит на часы, присаживается к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Привет. Не разбудила? С Новым годом! Желаю... ну, как всем — и во всем... (*Пауза.*) Спасибо... Спасибо... С новым счастьем? А старое — выбросить? (*Поворачивается к фикусу.*) Кстати, у меня действительно появилось новое счастье. (*Пауза.*) Большое. Зеленое. (*Смеется.*) Нет, не доллары.

За спиной Людмилы в дверях появляется мужчина в костюме Деда Мороза.

ДЕД МОРОЗ. С новым счастьем!

Людмила, взвизгнув, бросает трубку и поворачивается.

ЛЮДМИЛА. Вы кто?

ДЕД МОРОЗ (*смеется*). Новый год!

За его спиной появляется Виктор. В руках у него толстая книга. Размахнувшись, он бьет книгой Деда Мороза по голове. Тот приседает. Виктор заламывает ему руку за спину.

ВИКТОР. Люда, звони в милицию. Мужик, тебе не повезло. Здесь уже никто не спит и все трезвые.

ДЕД МОРОЗ (*срывая свободной рукой шапку и бороду*). Э! Э, вы что! Виктор Александрович! Это я, Виталий! Фирма хотела вас поздравить... тьфу, черт!!! (*Отплевывается от бороды.*)

Виктор отпускает его. Людмила кладет трубку.

ЛЮДМИЛА. Ой, извините, Виталий! Но вы нас так напугали... (*Виктору.*) Ты что, опять дверь открытую оставил?

ВИКТОР. Да что ее закрывать, я ж на минуту!.. (*Виталию.*) Не обижайтесь. У нас в прошлом году Дед Мороз четыре квартиры обчистил. Пока народ не протрезвел. С больши-и-им таким мешком, как у тебя.

ЛЮДМИЛА (*усаживает Виталия за стол, наливает ему шампанское*). Выпейте.

ВИТАЛИЙ (*потирает голову*). Чем это вы меня?

ВИКТОР. Книгой — источником знаний.

ВИТАЛИЙ. Хорошо, что шапка на вате...

ВИКТОР. Знаете, я уже начинаю привыкать к вам как к атрибуту праздничного стола. Что-то вроде оливье.

ВИТАЛИЙ. А я, к сожалению, кроме как в праздники не могу вас застать дома.

ВИКТОР. Зачем?

ВИТАЛИЙ. А как же? Вы пропали, нам не звоните, чтобы обсудить условия... Я сколько раз заходил, у вас — никого. Если гора не идет к Магомету...

ВИКТОР. ...значит, Моисей дал больше... Атлант Виталий! Вы пришли поздравить? Мы готовы!

ВИТАЛИЙ. Хорошо. (*Лезет в сумку.*) Это вам, Людмила Николаевна, от нашей компании (*протягивает ей пакет*) шампанское и наш фирменный календарь.

Виктор разворачивает календарь, на котором изображена Пизанская башня.

ВИКТОР. Очень мило! (*Осматривает комнату.*) Люд, куда мы его повесим?

ВИТАЛИЙ. Виктор Александрович! Здесь лучше его не вешать. Или нет — повесьте и сделайте пометку. Первое мая. В этот день дом снесут. Еще отметьте пятое марта — снесут дом номер девять, после чего квартал останется без газа. Еще через месяц отключат воду, телефон и свет.

ВИКТОР. Насчет даты конца света — это вы погорячились. А без

электричества человечество жило достаточно славно — это я вам как историк говорю.

ВИТАЛИЙ. Людмила Николаевна, чего вы время тянете? Ваши соседи за полтора месяца управились — нашли вариант и уже переезжают.

ВИКТОР. Потому что они родину не любят. Малую. А мы любим. Вот вы свой Самарканд любите?

ВИТАЛИЙ. Бухару? Ну, как вам сказать...

ВИКТОР. А традиции соблюдаете. Не пьете.

ВИТАЛИЙ. Если выпью — съедете?

ВИКТОР. Съедем... (*наливает себе и Виталию, выпивают, закусывают огурчиками*) ...но позже.

ВИТАЛИЙ. Это уже нечестно!

ВИКТОР. Виталик! Тут думать надо... Позвоним, обязательно позвоним, причем — в этом году. Еще по одной?

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо... (*Встает, идет к выходу, оборачивается.*) Дверь не захлопывать?

ЛЮДМИЛА. Извините нас... Всего вам хорошего! (*Идет проводить его, возвращается в комнату.*) Вить, надо соглашаться. Давай искать квартиру.

ВИКТОР. Щас! Это же квартира твоих родителей. Родовое гнездо... Которым, как и землей, торговать нельзя. Ты слыхала, чтобы при советской власти квартирами торговали?

ЛЮДМИЛА. Все! Тебе не наливать!

ВИКТОР. Да я абсолютно нормальный.

ЛЮДМИЛА. Нормальный? Все разъедутся, а мы здесь одни останемся?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. Ты с ума сошел? Они скоро начнут все отключать...

ВИКТОР. Давай решать проблемы по мере их поступления. Отключат свет — купим свечи. Вместо газа — примус. Дело к весне — овощи на балконе посадим. Шутка... Посидим на бутербродах.

ЛЮДМИЛА. Долго?

ВИКТОР. Пока они не пойдут на наши условия.

ЛЮДМИЛА. Заложников брать будем?

ВИКТОР (*смеется*). Друг друга.

ЛЮДМИЛА (*срывается на крик*). Ты что, сбрендил? Они нас с милицией выставят в два счета.

ВИКТОР. На улицу? Я уже был у юриста. Не имеют права. У нас квартира приватизирована. Зачем им скандал? Если они тогда струсили, то сегодня точно не посмеют. (*Обнимает Людмилу.*) Люд, не бойся, я все

продумал. Сейчас они, конечно, уперлись в эти тридцать тысяч, уверены, что мы никуда не денемся, согласимся. А потом? Когда все съедут, и мы останемся в доме одни? Понимаешь — одни! Они тут собираются строить комплекс за двадцать миллионов баксов! А с нами дом не снесешь. И не отключат они все — жаловаться будем. Они поймут, что проще заплатить нам столько, сколько мы просим. Для них это не сумма. Когда в Нью-Йорке строили небоскреб, знаешь, сколько дали за хибару, которая мешала? Десять миллионов! Семь нулей!!! А такая же рядом стоила пятьдесят тысяч. Готовь ножницы!

ЛЮДМИЛА. Зачем?

ВИКТОР. Будем стричь купоны!

ЛЮДМИЛА. В прошлый раз ты просил резинки — пачки денег перевязывать... Витя, зачем тебе все это? Ты опять что-то задумал?

ВИКТОР. Да, мадам Онассис. Мы будем судовладельцами. Делаем первый взнос — 200 тысяч долларов. Получаем договор на приобретение судна. Тут же берем под это судно в банке кредит, рассчитываемся с продавцом и начинаем ловить креветку. Прибыль позволит отдать кредит за год. Закладываем судно еще раз и покупаем следующее. Ты креветки любишь?

ЛЮДМИЛА. Не помню.

ВИКТОР. Правильно. Потому что они дорогие. Наш рак, он что? — падаль ест. А креветочка пасется, травку всякую, водоросли... Поэтому вкусная... Я в журнале прочитал, прикинул — все получается.

ЛЮДМИЛА. Вить, какое судно? Где лес, где дача... Где мы, где море? Ты когда в последний раз раков ловил? У тебя лодка была когда-нибудь? С веслами. А 200 тысяч где ты возьмешь?

ВИКТОР. Здесь. Не выходя из квартиры. Не вы-хо-дя!

ЛЮДМИЛА. Вить, а может лучше грибы разводить?

ВИКТОР. Грибы — это вчерашний день. Бежать надо не туда, где шайба, а туда, где она будет.

ЛЮДМИЛА. Не поняла — куда бежать?

ВИКТОР. Туда, где шайба, бежать не надо. Лучше стоять на месте.

ЛЮДМИЛА. Что ты всю жизнь и делаешь...

ВИКТОР. Я?! Я стою на месте?!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло!!! (*Немного разочарованно.*) Да. (*Пауза.*) Спасибо. И тебе тоже — всего самого лучшего. Здоровья. удачи, успехов... Да, конечно. Спасибо. До свидания. (*Кладет трубку.*)

ВИКТОР. Это кто?

ЛЮДМИЛА. Ученик. С Новым годом поздравил.

ВИКТОР. А почему ты с ним на "ты"? Хотя — да, сходится. Пора тебе прекращать бегать по урокам. Если это, конечно, ученики... А не учителя...

ЛЮДМИЛА. В нашей семье бюджетообразующее предприятие — это я! На что бы жили? На доходы от твоих сумасшедших идей? Владелец заводов, газет, пароходов...

ВИКТОР. Если бы в восемьдесят шестом мне разрешили издавать брачную газету!.. У меня бы сегодня Абрамович деньги одалживал. И если бы в девяностом у меня не украли лицензию...

ЛЮДМИЛА. ...А жить? Жить мы где будем?

ВИКТОР. Придумаем что-нибудь. В конце концов, можешь годик перекантоваться у любимой сестрицы, в столице. Или у Катьки, она все равно снимает. И я где-нибудь пристроюсь. А через год купим классную квартиру. С видом на море...

ЛЮДМИЛА. ...и обратно... Витя, ну, ты выпил... Что ты про Катьку-то несешь? Ей там только меня не хватает. Я прошу тебя, один раз спустись на землю.

ВИКТОР. Людочка, бизнес я планирую морской, а по части здравомыслия — я на земле обеими пятками.

ЛЮДМИЛА. Так же, как и раньше?

ВИКТОР. Что ты имеешь в виду?

ЛЮДМИЛА. Тебе напомнить? Как ты целый год возился с идеей цеха по производству пластиковой посуды? Которую из Турции возить в три раза дешевле... Как ты, пособник апартеида, пытался завербоваться в ЮАР на охрану алмазных копей, а здесь сторожить магазины по ночам брезговал... Хотел открыть детские модельные курсы... За один только вид фотографа, которого ты нанял, вас обоих родители чуть не привлекли за растление! А эти грибы!.. А пейнтбольный клуб!.. Ты даже нормальным репетитором, как я, не можешь устроиться!

ВИКТОР. Люда, да кому нужно мое репетиторство, если они эту историю каждый год переписывают по новой! У нас же страна непредсказуемого прошлого... Ну не могу я больше преподавать! А для серьезного дела всегда не хватало начального капитала. Но здесь все абсолютно реально.

ЛЮДМИЛА. Витя, если ты нас оставишь без квартиры...

Звонит телефон. Виктор тянется к трубке, но Людмила перехватывает ее.

ЛЮДМИЛА. Алло! (*Пауза.*) А вам какие? Мухоморы или бледные поганки? (*Швыряет трубку.*)

ВИКТОР. Все, закрыли тему! Праздник все-таки. Завтра на свежую голову подумаем. А сейчас пошли, пройдемся. На улице хорошо...

Виктор подходит к Людмиле, напевая: "Старый клен, старый клен, старый клен стучит в окно, приглашает нас с тобой на прогулку...", обнимает ее, пытается танцевать.

ЛЮДМИЛА (*вырывается*). Не хочу.

ВИКТОР. Пойдем.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! Было хорошее настроение, ты все испортил.

ВИКТОР. Людка, ну что ты? Пойдем, погуляем.

ЛЮДМИЛА. Не хочу я с тобой никуда идти.

ВИКТОР. А с кем хочешь? Или ты опять звонка ждешь?

ЛЮДМИЛА. Отстань. (*Уходит в спальню и запирает за собой дверь.*)

Виктор подходит к двери и несколько раз дергает за ручку.

ВИКТОР. Люд, открой. Не порть праздник!

Тишина.

ВИКТОР. Ну, ладно.

Выходит из комнаты. Возвращается с молотком и гвоздями и заколачивает дверь. Подходит к телефону, набирает номер.

ВИКТОР. Леня? С наступившим тебя. (*Пауза. Смотрит на потолок.*) Нет, ничего не течет. Все сухо. И у тебя тоже? Непорядок. Все, я к тебе.

Ставит под дверь спальни транзистор, включает его.

ВИКТОР (*стучит в дверь*). Не скучай!

Прихватывает со стола недопитую бутылку водки и выходит.
Щелкает замок, ручка двери в спальню дергается.
Людмила пытается открыть дверь, потом стучит.

ЛЮДМИЛА. Витя! Открой! (*Снова стучит, дергает ручку.*) Ты что, с ума сошел?!

Звонит телефон. Людмила часто и сильно колотит в дверь,
но после нескольких звонков перестает.
Пустая комната, закрытая дверь в спальню, звонит телефон... По радио звучит песенка в исполнении Людмилы Гурченко:

"Если вы нахмурясь выйдете из дома,
Если вам не в радость солнечный денек,
Пусть вам улыбнется, как своей знакомой,
С вами вовсе не знакомый встречный паренек.
И улыбка без сомненья
Вдруг коснется ваших глаз.
И хорошее настроение
не покинет больше вас!".

Картина третья

Пустая комната, закрытая дверь в спальню. Из кухни появляется Виктор. Он в костюме, белой рубашке и галстуке. Подходит к зеркалу, поправляет галстук.
Затем идет к двери в спальню, стучит.

ВИКТОР. Люда! Ты там не уснула?

ЛЮДМИЛА. Сейчас!

Открывается дверь, появляется Людмила в красивом платье, туфлях на каблуках.

ВИКТОР. Нет слов!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Да! Да, Катюша! Плохо слышно. Ты из автомата? (*Пауза*.) Нет, сейчас уходим, в дверях стоим. Жалко, не увидимся. У Щелочи сегодня... ой, у Веры Степанны юбилей. В ресторане, все по-взрослому. (*Пауза*.) Ты папу поздравила? Ну и что, что запаса? Все равно лейтенант. Наш защитник. Героический мужчина. (*Пауза*.) Катя, придешь — только все не переворачивай. На верхней полке. А вообще — я сама сейчас найду и на столе оставлю. Все, пока. (*Кладет трубку*.)

ВИКТОР. Катя?

ЛЮДМИЛА. Ей нужен Чехов.

ВИКТОР. Чехов нужен всем, а к этому платью пойдет бабушкин кулон. Надень.

ЛЮДМИЛА. Думаешь?

ВИКТОР. Точно.

Людмила выдвигает один из ящичков серванта, роется в нем,
достает небольшую коробочку, открывает.

ЛЮДМИЛА. Витя, а кулона нет.

ВИКТОР. Ты когда его в последний раз надевала?

ЛЮДМИЛА.По-моему... К Вере Степановне, на прошлый день рождения...

ВИКТОР. И потом не доставала?

ЛЮДМИЛА (*несколько неуверенно, вспоминая*). Нет...

ВИКТОР (*с подозрением*). Никуда больше не надевала?

ЛЮДМИЛА. Что ты имеешь в виду?

Виктор молчит.

ЛЮДМИЛА. Опять за старое? Витя, я не французская королева, чтобы любовникам подвески дарить. Ты его никуда не перекладывал?

ВИКТОР. Нет. Чужих здесь не было... Катя у тебя деньги просила?

ЛЮДМИЛА. Она это делает регулярно.

Звонок в дверь, Людмила идет открывать. Возвращается вместе со Сталиной Петровной.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА (*Людмиле*). ...давай пойдем вместе.

ВИКТОР. Куда это?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Витя. Я иду квартиру смотреть. Вроде, подходящая. Второй этаж, окна на юг.

ВИКТОР. А компас у вас с собой? А то ведь дурят. Говорят, что на юг, а на самом деле на северо-запад!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ну, меня-то, может, и надурят, а Барсика не обманут! Кот у меня — экстрасенс. Нехорошую энергию чует. Если в доме плохо — он и не войдет. Вот мы с Барсиком смотрели объект на Тенистой, так он...

ВИКТОР. ...сказал: "Не буду тут жить!".

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Смейся-смейся... Не пошел в квартиру! Встал на пороге — шерсть дыбом! Значит, болел там кто или даже умер. Хозяева, конечно, промолчат, а у Барсика — шестое чувство! Ну что, Люд, пойдешь со мной?

ВИКТОР. Зачем? У Людки чутья — никакого.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Там на одном этаже две квартиры продаются. Снова соседями будем...

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна, я не могу сейчас, мы уходим. У нашего завуча день рождения.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Хорошо, завтра поедем.

ВИКТОР. Сколько они вам за вашу двухкомнатную дают?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Тридцать тыщ.

ВИКТОР. Рублей?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Побойся Бога! Конечно, баксов.

ВИКТОР. Не боитесь на старости лет валютными операциями заниматься?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. А где ты видел, чтобы квартиры за

рубли продавали? Чем надо мной насмешки строить, лучше скажи, за сколько вы сторговались?

ВИКТОР. Двести тысяч.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Рублей?

ЛЮДМИЛА. Баба Сталя! Не слушайте вы его! Мы еще торгуемся.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ладно, Люда, завтра я тебя жду.

ЛЮДМИЛА. Договорились.

ВИКТОР. Тетя Сталя, я с вами спущусь, поздравлю ветерана.

Идут к выходу. В дверях сталкиваются с Катей.

КАТЯ. Здравствуйте, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Катя! Как английский? Сдала?

КАТЯ. Пока не берут.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Учи... Сейчас без языка никуда.

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна! Только чтобы они там не напоздравлялись! Мы же на именины опаздываем.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка, не беспокойся! Горючего осталось — минут на пять. Далеко не улетят.

Виктор и Сталина Петровна уходят.

КАТЯ. Хорошо, что я вас застала!

ЛЮДМИЛА. Конечно, хорошо. Я тебя две недели не видела.

КАТЯ. Мамуль, ты у меня самая красивая! Платье — супер!

ЛЮДМИЛА. Слушай, не могу найти бабушкин кулон. Ты не брала?

КАТЯ. Брала.

ЛЮДМИЛА. Где он?

КАТЯ. В ломбарде. Хозяйка наехала — срочно бабки за квартиру! Мам, успокойся, выкуплю я его. Мне на днях зарплату дадут.

ЛЮДМИЛА. Кто тебе разрешил? Почему мне не сказала?

КАТЯ. А что, ты бы разрешила?

ЛЮДМИЛА. Но это же бабушкина память!

КАТЯ. Ну-у, началось... Кулон — это память. И квартира — это память. Вы поэтому ее продавать отказываетесь?

ЛЮДМИЛА. При чем здесь квартира?

КАТЯ. При том! Продали бы ее — и всё.

ЛЮДМИЛА. Что — все?

КАТЯ. Отдали бы мне мою часть.

ЛЮДМИЛА. Какую это — твою?

КАТЯ. Я, кстати, единственная в этой квартире родилась. Самое что ни на есть коренное население. Имею право на свою часть наследства. И не понимаю, чего вдруг ты решила изображать из себя Раневскую. (*Цитирует с пафосом.*) "...Здесь жили мои отец и мать... я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом..."

ЛЮДМИЛА. Да, я здесь выросла, и я люблю этот дом.

КАТЯ. Неправда! Ну, дед с бабой — допустим, сами строили. А вы с папой?

ЛЮДМИЛА. Не кричи! Давно скандалов не было. (*Включает приемник.*)

КАТЯ. В его Сиплодрычинск ты ехать не захотела, а в квартирной очереди вы какими были по счету? Три тысячи восемьсот подползающими? Вам просто некуда было деваться, вот и пришлось с родителями жить. Друг у друга на голове...

ЛЮДМИЛА. Да! Это Я знаю, что такое четверо взрослых и ребенок в этой квартире. Это Я знаю, что такое — тесно. А ты-то что? Когда ты подросла, мы уже тут были втроем.

КАТЯ. А когда маленькая была? Я все прекрасно помню. Как лежала в кровати и видела, что на кухне горит свет, потому что ты не идешь спать. Потом слышала папины шаги на лестнице, и по звуку угадывала, что пьяный. Потом он долго ковырял ключом, а бабушка деду шептала — она думала, что шепчет! — "Опять Витька поддал!". Ты закрывалась с ним на кухне, ругалась и плакала. И думала, что все спят, и никто ничего не слышит... Про другое я вообще говорить не хочу...

ЛЮДМИЛА. Ты не хочешь — так я тебе скажу. Ты уже девочка взрослая... И про то, как мужа любила с подушкой в зубах. И про то, как в ванную выйти лишний раз боялась, потому что через родительскую комнату надо было идти. Ты думаешь, мы с Таней тут скандалов не наслушались? И всего остального... Зато — не угол, не барак, не подвал и не коммуналка. У многих и этого не было. А другое мы только в кино видели.

КАТЯ. Сказку про крота я знаю. "Здесь наша родина". Только я так жить не хочу.

ЛЮДМИЛА. Как Золушка хочешь — все и сразу? А в жизни получается — ничего... и постепенно.

КАТЯ. На самом деле никто из нас эту квартиру не любит. Непонятно только, почему мы не выехали первыми.

ЛЮДМИЛА. Потому что папа в очередной раз решил стать Ротшильдом.

КАТЯ. Я — за. Главное, чтобы не Биллом Гейтсом.

ЛЮДМИЛА. Почему?

КАТЯ. Он все завещал бедным. А родным детям — всего по десять миллионов. Представляешь? Остальное пусть зарабатывают сами.

ЛЮДМИЛА (*смеется*). А тебе десятки мало?!

КАТЯ. Мне — нет, а вот его детям представляешь, как западло?

ЛЮДМИЛА. Деньги счастья не приносят.

КАТЯ. ...но доставляют массу удовольствия!

Телефонный звонок. Катя снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Катя! Тебе сюда не звонят! (*Отнимает у нее трубку.*) Алло! (*Пауза.*) Ну сколько раз можно вам повторять! Грибница осталась только чернобыльская! Брать будете? (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так что папа задумал?

ЛЮДМИЛА. Решил не выселяться, пока фирма не заплатит ему столько, сколько он хочет. А хочет он много и сразу. Как ты.

КАТЯ. И сколько нам сегодня дают, что мы брать отказываемся?

ЛЮДМИЛА. Сорок тысяч.

КАТЯ. Это ж сколько будет, если на рубли перевести?! Срочно соглашайтесь, пока они не передумали.

ЛЮДМИЛА. Нет, этих денег только на винт и якорь хватит, а нам целый пароход нужен, креветок ловить.

КАТЯ. Зачем? К пиву?

ЛЮДМИЛА. Папа придет — он тебе расскажет.

КАТЯ. И ты согласилась ждать?

ЛЮДМИЛА. Катя, а если это действительно шанс? Сначала нам предложили двадцать пять, через месяц — тридцать, сегодня уже говорят, что согласны заплатить сорок. А вдруг получится еще больше? И у тебя будет своя квартира. И я не буду больше бегать по урокам, а ученики смогут приходить ко мне. Я тоже в этой жизни на что-то имею право. И у папы все изменится. Ему надо хотя бы один раз добиться успеха — и все пойдет по-другому...

КАТЯ. А что у него в клубе?

ЛЮДМИЛА. Всё. Уже закрылись.

КАТЯ. Ну, хоть расплатились? Или как всегда?

ЛЮДМИЛА. Почему — как всегда? Так еще никогда не платили. Два ружья для пейнтбола и ящик с боеприпасами. Шарики с краской.

КАТЯ. Ух ты! Где?

ЛЮДМИЛА. В прихожей, за вешалкой.

Катя выходит, возвращается с ружьем, рассматривает его, целится в вазу на серванте.

ЛЮДМИЛА. Положи немедленно! Он, вроде, на этот арсенал уже покупателя нашел.

В комнату врывается Виктор.

ВИКТОР. Быстро звоните в "скорую"! Деду плохо, сердце прихватило! Люда, у них нитроглицерин закончился. Бери всю аптечку...

Катя бросается к телефону, набирает номер. Людмила ищет аптечку.

ВИКТОР. Катя, когда дозвонишься — спустись, скажи.

Виктор с Людмилой выбегают.

КАТЯ. Алло! "Скорая"? Сердечный приступ. (*Пауза.*) Радостная, девять "а". Да, дом Павлова. Квартира тринадцать. Простите... пятая. Это соседи звонят. Семьдесят восемь лет. Да, ветеран, льготник. Водопьянов Виктор Владимирович. Страховка? Не знаю. Когда будете?.. Не опоздайте!

Кладет трубку и выбегает из комнаты.

Действие второе

Картина четвертая

В комнату входят Людмила с сестрой. Татьяна выглядит гораздо моложе Людмилы, она в брюках и элегантной светлой куртке. Снимают верхнюю одежду.

ТАТЬЯНА. Людка, руки мыть!

ЛЮДМИЛА. Давай по старшинству. Вдвоем все равно не поместимся.

Татьяна выходит в ванную. Людмила подходит к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Катя, привет! (*Пауза.*) Да, спасибо, и тебя с праздником! Бросай все — и к нам! Таня приехала. (*Пауза.*) Тетя твоя! Давай, приезжай. (*Кладет трубку.*)

Входит Татьяна.

ЛЮДМИЛА. Ребенок спрашивает: "Какая Таня?". Вот что значит десять лет не приезжать! Ты не очень голодная? Витю дождемся?

ТАТЬЯНА. Ладно. Чайку согрей.

ЛЮДМИЛА. Сейчас, только руки помою. (*Выходит.*)

Татьяна прохаживается по комнате, подходит к двери в спальню, рассматривает ее. Людмила возвращается, достает из серванта чашки, ставит на стол.

ТАТЬЯНА. Люда, что это за дырки в косяках? Вы что — в квартире белье вешали?

ЛЮДМИЛА. Я Вите сказала, что он гвоздь забить не может. Так это он тренировался...

ТАТЬЯНА. Не хочешь — не говори. Ты чайник поставила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. (*Выходит на кухню.*)

Татьяна берет свою куртку, рассматривает ее. Возвращается Людмила, она несет поднос, на котором стоят сахарница, заварной чайник и термос.

ТАТЬЯНА. Так и есть, рукав запачкала.

ЛЮДМИЛА. Я же тебе говорила — надень что-нибудь из моего, потемнее. Куда ж на кладбище в такой? (*Ставит поднос на стол, берет у Татьяны куртку, пытается оттереть пятно.*) Может, отстирается?

ТАТЬЯНА. Не страшно. Она у меня походная.

ЛЮДМИЛА. Давай сейчас застираю.

ТАТЬЯНА. До вечера не высохнет.

ЛЮДМИЛА. Вот и останешься ночевать. Таня, ну как это — приехать домой и остановиться в гостинице?

ТАТЬЯНА. Нет, Люда, я уже здесь нажилась.

ЛЮДМИЛА. Теперь не так, как раньше. Места много, комната свободная...

ТАТЬЯНА. ...с соседями за стенкой.

ЛЮДМИЛА (*смеется*). Помнишь, как мы их скандалы хотели на магнитофон записать? Отругались они... Царствие им небесное. Там теперь другие. Мирные.

ТАТЬЯНА. Не обижайся, Люда. Я в поезде плохо спала, отдохнуть хочу, а у вас... то есть у нас — ни помыться, ни выспаться нормально.

ЛЮДМИЛА. Давай чай пить.

ТАТЬЯНА (*садится за стол*). Закипел уже?

ЛЮДМИЛА. Еще утром. Я сразу термос залила. У нас вчера газ отключили, а на электроплитке — очень долго.

ТАТЬЯНА. Ты мою сумку куда дела?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. (*Приносит из прихожей объемную сумку.*)

ТАТЬЯНА. Я к чаю привезла... (*Достает коробки с конфетами и печеньем.*)

ЛЮДМИЛА. Таня, зачем ты? У нас же в магазинах все есть. Теперь в Москву за колбасой и сгущенкой ездить не надо.

ТАТЬЯНА. Тут вам от Миши — наши фирменные — "Мишка на севере". И еще — африканская водка. (*Достает из сумки и ставит на стол бутылку.*)

ЛЮДМИЛА. Африканская???

ТАТЬЯНА. Горилка... С перцем.

ЛЮДМИЛА. Таня, у нас что — водки нет?

ТАТЬЯНА. И не думай, только эту пить будем! Я если где выпить собираюсь, то всегда с собой беру. Сейчас столько отравы! (*Достает из сумки очередной пакет.*) А это — тебе. И не говори, что у вас тут все есть! Таких — нету. Это настоящие итальянские. Там и куплены.

Людмила достает из пакета изящные туфли-лодочки на шпильках.

ЛЮДМИЛА. Ой, Таня, спасибо! (*Целует ее в щеку. Меряет туфли, прохаживается по комнате, стуча каблучками.*) В таких — только на презентацию! Или на фуршет...

ТАТЬЯНА. Или на танцы! В Горсад. Помнишь?

Людмила пританцовывает.

ТАТЬЯНА. Как за тобой Сашка из десятого номера ухлестывал! А ты все: "Витя, Витя"...

ЛЮДМИЛА. Что за танцы без музыки? (*Подходит к радиоприемнику, включает негромко музыку, продолжает танцевать.*)

ТАТЬЯНА. Да-а, неплохие у тебя женихи были. Я, кстати, недавно Колю встретила. Помнишь его? На мехмате учился. Важный такой, с охраной... Узнал меня, бросился обнимать... Про тебя спрашивал.

ЛЮДМИЛА. И что ты?

ТАТЬЯНА. Сказала, что все у тебя замечательно.

ЛЮДМИЛА (*выключает музыку*). Тань, Витька пока еще придет... Давай родителей помянем.

ТАТЬЯНА. У меня маслинки есть. (*Достает из сумки баночку.*)

ЛЮДМИЛА. Замечательная гостья. И выпивку с собой возит, и закуску. (*Разливает водку по рюмкам.*) Давай, не чокаясь. (*Выпивают.*)

ТАТЬЯНА. Как ты тут вообще?

ЛЮДМИЛА. Все по-старому. Сею разумное, доброе, вечное. Правда, урожай — сама знаешь.

ТАТЬЯНА. Чем удобряем, то и получаем. Представляю, каково с нынешними детками.

ЛЮДМИЛА. Не представляешь. Восьмикласснику поставили двойку, он выходит из класса, достает мобильный, набирает номер: "Алло! Это секс по телефону? Училки есть?..".

ТАТЬЯНА. Ты что, серьезно???

ЛЮДМИЛА. В каждой шутке есть доля шутки. Нервотрепки много, программу перекраивают каждый год, платят — сама понимаешь. Хорошо хоть Катя наконец пошла работать. Устроилась продавщицей.

ТАТЬЯНА. После университета? В магазин?

ЛЮДМИЛА. Поработала год в школе, сказала: "Только не это!".

ТАТЬЯНА. А самодеятельность?

ЛЮДМИЛА. Не бросает. Днем — "Купите бублики!". Вечером — "Я чайка!".

ТАТЬЯНА. А почему дома не живет?

ЛЮДМИЛА. Наверное, без нас интереснее.

ТАТЬЯНА. У нее кто-то есть?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты хоть помнишь, сколько ей лет?

ТАТЬЯНА. Да... Для меня она — все еще школьница... И кто он? Чем занимается?

ЛЮДМИЛА. Единственное, что я о нем знаю, — как его зовут...

ТАТЬЯНА. Она вас не познакомила?

Людмила молча машет рукой.

ТАТЬЯНА. Ну а Виктор как?

ЛЮДМИЛА. Как всегда — ищет.

ТАТЬЯНА. Работу?

ЛЮДМИЛА. Себя. В этом времени.

ТАТЬЯНА. И время потерял, и себя не нашел... Папа тогда был прав. Он тебе что говорил? Твой Виктор умеет строить только планы. И всю жизнь вместо пальто будет подавать надежды.

ЛЮДМИЛА. Таня, что ты хочешь? Раскрыть мне глаза? Объяснить, за кого я вышла замуж? Сама знаю. Вот он — такой! Знает много — делает мало. Зарабатывает еще меньше, но все — в дом. Он честный...

ТАТЬЯНА (*перебивает*). ...потому что бедный.

ЛЮДМИЛА. Или бедный, потому что честный... Он способный, только не везет ему.

ТАТЬЯНА. А с этим у него сейчас как? (*Щелкает себя по горлу.*)

ЛЮДМИЛА. Сейчас? Как все — по праздникам.

ТАТЬЯНА. Хороший парень — это не профессия. Жалостливая ты, Людка... Жалеешь? Значит, любишь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю...

ТАТЬЯНА. Не поняла. У тебя что — есть кто-нибудь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю.

ТАТЬЯНА. Как это?

ЛЮДМИЛА. Ну, как на это посмотреть...

ТАТЬЯНА. И что он?

ЛЮДМИЛА. Зовет.

ТАТЬЯНА. А ты?

ЛЮДМИЛА. "Поздно! Я обвенчана, — отвечала Маша Дубровскому. — Я жена князя Верейского". Как я Витьку оставлю?

ТАТЬЯНА. Он кто?

ЛЮДМИЛА. Тань, я не хочу об этом.

ТАТЬЯНА. И что ты дальше думаешь?

ЛЮДМИЛА. Я не думаю... И вообще — о чем это мы? У нас с Витей через несколько дней — серебряная свадьба!

ТАТЬЯНА. Да, Людочка, не хотела расстраивать, но до шестнадцатого я задержаться не смогу.

ЛЮДМИЛА. Тань, ну как же?.. Я так надеялась, что ты будешь...

ТАТЬЯНА. Люда, никак не могу! У нас на пятнадцатое билеты, летим с Мишей в Рим на конференцию. Поэтому я к вам только на три дня. Но ты не расстраивайся, отметим ваш юбилей! Послезавтра идем в ресторан. Я вас гуляю. (*Наполняет рюмки.*) Ну что, второй тост — за встречу?

Чокаются и выпивают. Слышно, как хлопнула входная дверь. Заходит Виктор. В руках у него несколько увесистых пакетов и тюльпаны.

ВИКТОР. А-а-а! Какие люди!!! Подожди, не души в объятиях, а то чего-нибудь разобью... (*Людмила принимает у него пакеты. Он отдает ей один букет, целует в щеку.*) С праздником! (*Подходит к Татьяне.*) Вот теперь — с приездом! Здравствуй! (*Вручает ей цветы, обнимает, целует.*) И с праздником!

ТАТЬЯНА. Привет! (*Целует его. Смеются, рассматривают друг друга.*)

ВИКТОР. Ну, покажись, как теперь выглядят сливки общества?

ТАТЬЯНА. Ничего тебе не делается! В холодильнике, что ли, спишь?

ЛЮДМИЛА. Вить, я-то думала, что она раньше приехала, чтобы подольше побыть. А она — всего на три дня.

ВИКТОР. А шестнадцатое?

ТАТЬЯНА. Увы, без меня.

ВИКТОР. Не-е, никуда мы тебя не отпустим! Люд, ты гостью еще не кормила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас поставлю греть... Не начинали, ждали тебя.

ВИКТОР (*декламирует*). "Я не будни, я праздник, которого ждут!" (*Достает из пакетов яркие упаковки, банки.*) Ничего не надо греть. Ужинаем сегодня на морском дне. Тигровые креветки — это что-то! Щупальца осьминогов! Их знаете, как ловят? Опускают на дно веревку, к которой привязывают много глиняных горшков. А через несколько часов вытаскивают — и в каждом горшке по осьминожке. Они, глупые, домики себе ищут.

ТАТЬЯНА. И на дне квартирный вопрос не решен. Кто бы мог подумать!

ЛЮДМИЛА. Ты где был? В "Атлантиде"?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. И что?

ВИКТОР. Все в порядке, ставки растут. Есть за что продолжать борьбу.

ЛЮДМИЛА. А это? (*Показывает на деликатесы.*)

ВИКТОР. В свете названных сумм одолжил у Кости.

ТАТЬЯНА. Люда, в термосе кипяток остался? Креветки надо залить, чтоб оттаяли.

Людмила с Татьяной суетятся у стола. Виктор тем временем включает радиоприемник, под звуки танго подходит к Татьяне и церемонно кланяется.

ВИКТОР. Разрешите вас пригласить?

Они танцуют, Людмила продолжает накрывать на стол.

ВИКТОР. Как у Миши дела? Чего не приехал?

ТАТЬЯНА. А работа?

ВИКТОР. Взял бы отгулы.

ТАТЬЯНА (*смеется*). У кого? У самого себя?

ВИКТОР. Да, налицо конфликт труда и капитала... в одном лице.

ЛЮДМИЛА. У меня все готово, к столу!

Все садятся.

ТАТЬЯНА. Катюшку ждать не будем?

ВИКТОР. Будем есть и ждать. Я голодный. (*Разливает водку по рюмкам.*) Девочки! Дорогие! С праздником вас! Кстати, вы знаете, что наступает после международного женского дня?

ТАТЬЯНА и ЛЮДМИЛА (*хором*). Что?

ВИКТОР. Международная женская ночь.

Все смеются, выпивают. Начинают закусывать креветками, которые еще не успели остыть.

ТАТЬЯНА. Горячие какие! (*Дует. Обжигаясь, чистит креветку и отправляет ее в рот.*) Ох! Люд, соку налей, обожглась.

ВИКТОР (*назидательно подняв палец*). Вот! Нетерпеливость — наша главная беда!

ТАТЬЯНА. Французы говорят: терпение — лекарство бедных.

ЛЮДМИЛА. Помнишь, я, когда беременная ходила, в продажу вдруг ананасы выбросили — замороженные ломтики? Ты их мне приносил, а я никогда не могла дождаться, чтобы они полностью растаяли. Ела ледяные, а потом так язык болел!!!

ТАТЬЯНА. Ребята, так что у вас тут с квартирой? Я по телефону не совсем поняла, думала, какие-то дальние перспективы, а у вас, гляжу, уже и газа нет.

ЛЮДМИЛА. Больше половины соседей уже выехали.

ТАТЬЯНА. И сколько за нашу двушку дают?

ВИКТОР. Ты спроси — сколько теперь дают? Сначала предлагали просто мыло.

ТАТЬЯНА. То есть?

ВИКТОР. Шило на мыло. Двадцать тысяч — ровно столько, чтобы купить такую же коробку. Мы, конечно, отказались — и правильно сделали. Сегодня дают уже шестьдесят! Вот что значит — потерпеть, а не хватать горячее, потому что хочется быстрее...

ТАТЬЯНА. Вить, в тебе, оказывается, скрывался гений бизнеса! Ну, а как вы планируете с нами поделиться?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты о чем?

ТАТЬЯНА. Люда, это квартира наших с тобой родителей. Наше с тобой наследство. Твоя доля и моя доля.

Тяжелая пауза.

ТАТЬЯНА. Я что-то не то говорю?

ЛЮДМИЛА. Таня, ты что? Для вас же это — вообще не деньги. Мишин месячный оклад. Вы и в советские времена благодаря его должности из-за границы не вылезали. А теперь!.. Да для меня это — единственная надежда пожить по-человечески. Не в роскоши, а по-че-ло-ве-чес-ки!

ТАТЬЯНА. При чем здесь Мишина должность? Его оклад? Чего ты

считаешь чужие деньги? Да, ездили. Пакетных супчиков полные чемоданы... Экономили, чтобы привезти что-нибудь...

ЛЮДМИЛА. А сейчас? Таня, у вас же все есть. Хорошо, дадим мы тебе твою долю. Ты же эти деньги за месяц потратишь! На туфельки и косметику!

ТАТЬЯНА. А кому какое дело, как я их потрачу? Это что получается — раз я не нищая, значит, не имею право на наследство?

Виктор берет сигареты и выходит на кухню.

ЛЮДМИЛА. Ты же здесь столько лет не живешь!

ТАТЬЯНА. Ну и что? Значит, если бы я не уехала к Мише на север, а как ты — привела мужа сюда, тогда бы со мной поделились?

ЛЮДМИЛА. Уехала — и всех нас с глаз долой! А знаешь, что такое со стариками жить? Мама последние два года не вставала. Ты понимаешь, что это такое? Ты соображаешь, как мы тут?.. А теперь я должна помнить о том, что тебе полагается по закону?

ТАТЬЯНА. Значит, тебе за то, что ты ухаживала за родной матерью, полагаются деньги? И сколько это стоит? Ладно, я еще с юристом посоветуюсь.

Людмила молча встает и уходит на кухню. В комнату возвращается Виктор.

ВИКТОР. Я, Таня, вот что думаю...

Раздается визг Людмилы. Татьяна вскакивает, Виктор бежит на кухню, возвращается, поддерживая Людмилу, которая схватилась за сердце. Усаживает ее за стол.

ВИКТОР. Женщины! Не бойтесь мышей — бойтесь котов! И вообще — если грызуны еще не покинули судно — значит, курс верный.

ТАТЬЯНА. Господи! Как ты меня напугала!

ВИКТОР. Кстати, о мышах. (*С интонацией кота Леопольда.*) Ребята, давайте жить дружно! Ты, Таня, остынь. Делить-то пока нечего.

ТАТЬЯНА. Как это — нечего? Ты же сказал — шестьдесят тысяч дают.

ВИКТОР. Дают. А мы не берем. Еще можно потянуть кота за хвост, и через месяц они дадут больше.

ТАТЬЯНА. И сколько ты хочешь?

ВИКТОР. Двести.

ТАТЬЯНА. Все не так плохо, как я думала, все гораздо хуже... Ты ненормальный. Они столько не дадут.

ВИКТОР. А куда они денутся, если мы не съедем?

ТАТЬЯНА. Да вышвырнут они вас отсюда!!!

ВИКТОР. Я все узнавал. Квартира приватизирована. Они права не имеют.

ТАТЬЯНА. Чего? Права? Ребята, вы где живете? Какие права? У них штат юристов и десяток отработанных вариантов — как избавиться от таких, как вы.

ЛЮДМИЛА. И как?

ТАТЬЯНА. Сегодня у вас отключен газ? Потом отключат все, что можно отключить. Если не надоест носить на четвертый этаж воду, греть ее на примусе и стирать в тазике при свете керосиновой лампы — тогда пустят в ход последние доводы.

ВИКТОР. Это какие же?

ТАТЬЯНА. Ну, самое простое, как в "Дубровском", — пожар. Случайный, конечно. А могут разлить ртуть. Потом вызовут службу МЧС. Те приедут и в пять минут эвакуируют отшельников. Понял? Тебя не выкинут, а э-ва-ку-и-ру-ют! Чтобы сделать в квартире дезактивацию.

ЛЮДМИЛА. А где они ртуть возьмут?

ТАТЬЯНА. Ты же говоришь, у вас в магазинах все есть. И градусники в аптеках — тоже...

ВИКТОР. Ну, эвакуируют они нас...

ТАТЬЯНА. Отвезут на эвакопункт, за город, на медицинское обследование. Даже если ты возьмешь машину и мигом вернешься назад, за это время в квартире случайно разрушат стенку.

ЛЮДМИЛА. Как это — случайно?

ТАТЬЯНА. Так. Экскаватор траншею рыть начнет и ковшом стену зацепит. Неумышленно, конечно. Такому дому много не надо — сразу получится Пизанская башня.

ВИКТОР. Мы в суд подадим.

ТАТЬЯНА. Правильно. И фирма честно вернет вам деньги. Только уже по экспертной оценке, а не по договоренности. Что намного дешевле.

ЛЮДМИЛА. Ты что — серьезно?

ТАТЬЯНА. Абсолютно. А еще одного из вас можно объявить сумасшедшим и насильно на месяц поместить в диспансер. Тогда второй в одиночку долго здесь не выдержит. Правда, этот вариант — для тех, кому за семьдесят. Но поди их знай...

ВИКТОР. Погоди, погоди... Не нагоняй страху! Ну газ — ладно, а вот отключат воду — пойдем в прокуратуру.

ТАТЬЯНА. Куда? Поверьте, они там побывали еще до того, как объявили вам о расселении. И кроме "разберемся" вы в этом почтенном заведении ничего не услышите.

ВИКТОР. Откуда ты все это знаешь?

ТАТЬЯНА. У Миши есть доля в строительной компании. Там такие истории — каждый месяц. И я их понимаю. Сто квартир выкупили, а из-за сто первой стройку останавливать? И столько людей без работы оставлять? Только потому, что какой-то дедушка хочет умереть в своей квартире?

ЛЮДМИЛА. Тань, так что делать?

ТАТЬЯНА. Витя, дают шестьдесят — бери. Лучшее — враг хорошего. Зачем тебе двести?

ВИКТОР. Потому что двести — больше. И я собираюсь вложить их в бизнес.

ТАТЬЯНА. Ты? В бизнес? (*Хохочет.*) Люда, лучше потратить на туфли и помаду!

Слышно, как хлопнула дверь.

ЛЮДМИЛА (*торопливо*). Таня, давай потом договорим.

Входит Катя.

КАТЯ. Тетя Таня!!! С приездом! (*Обнимаются, целуются.*)

ТАТЬЯНА. Катюша! Господи!.. Встретила бы на улице — не узнала! Что ж ты одна, без мужа?

КАТЯ. Он не муж... Пока...

ТАТЬЯНА. Да? А я думала — раз вместе живете... Ну что, за женский день? Витя, наливай!

КАТЯ. Тетя Таня, как там театральная столица? Столько новых театров открылось...

ТАТЬЯНА. "Театры полны, ложи блещут"... А ставят одно и то же. Чехов, Шекспир, Островский. За классику прячутся. Я это все еще в молодости пересмотрела. А ты в Москву не собираешься? Ты же когда-то хотела поступать.

КАТЯ. "Поздно, — отвечала Маша".

ТАТЬЯНА. И правильно. Всю жизнь говорить чужие слова не своим голосом... Театр — это несерьезно. Опору надо себе в жизни искать. О будущем думать. И не повторять чужие ошибки.

ЛЮДМИЛА. Ну ты, Таня, сегодня уже всех построила...

Все замолкают. После паузы Татьяна встает.

ТАТЬЯНА. Извини, Люда, пойду я. Голова разболелась. Лечь хочу.

КАТЯ. Вы разве не у нас?

ВИКТОР. Давай такси вызовем.

ТАТЬЯНА (*одевается*). Да еще светло, пройдусь немного, возьму ма-

шину. Катя, мы послезавтра все в ресторан идем. Часов в пять приходи, отсюда поедем вместе. У тебя есть что надеть?

КАТЯ. Конечно. Я приду. До свидания, тетя Таня.

Татьяна выходит, Людмила идет ее проводить. Возвращается, садится за стол. Вытирает слезы. Некоторое время сидит молча, потом начинает чистить креветку.

ЛЮДМИЛА. Остыли наконец-то.

ВИКТОР. Не реви.

ЛЮДМИЛА. А кто ревет?

КАТЯ. Вы чего это тут?

ВИКТОР. Делили шкуру неубитого медведя.

КАТЯ. И как?

ВИКТОР. Тетя Таня хотела хвост на воротник.

Катя начинает хохотать, за ней Людмила и Виктор. Постепенно замолкают и молча сидят рядом.

ЛЮДМИЛА. Надо чайник поставить.

КАТЯ. Потом.

ЛЮДМИЛА. Нет, на электроплитке долго греется.

ВИКТОР (*встает*). Сейчас поставлю.

В этот момент в комнате гаснет свет.

ВИКТОР. Катя, какой чай? Сок же есть!

В темноте снова раздается дружный хохот.

Картина пятая

Та же комната, в центре стола — керосиновая лампа и бутыль с помидорами. По комнате в нескольких местах — на журнальном столе, серванте — расставлены свечи. Входит Людмила, в сердцах бросает сумочку на диван, падает в кресло. Из кухни появляется Катя.

КАТЯ. Привет! Я тут пытаюсь картошку пожарить, только примус все время гаснет. Техника — полный отстой! Что делать?

ЛЮДМИЛА. Ты еще спроси — кто виноват...

КАТЯ. Ты чего такая — на метле?

ЛЮДМИЛА. Ученик у меня на другом конце города. Приезжаю, как обычно, а его мама мне говорит: "Сережа заболел. Я вам звонила-звонила,

чтобы предупредить...". Я ж не стану ей объяснять, что у нас телефон отключили. Полдня проездила. А мне сегодня еще сочинения проверять. Опять при свечах буду сидеть. С керосинкой не могу — так воняет.

КАТЯ. Ма! Я тебе тут привезла... (*Выходит на кухню, возвращается и ставит на стол коробку.*) Вещь — супер, специально для подводников. Тут радиоприемник плюс фонарь. На батареях.

ЛЮДМИЛА. Солнышко, спасибо тебе. (*Целует ее.*) Ну что, пошли бороться с примусом?

КАТЯ. Не, мне уже идти пора. Я вообще на минутку заскочила, фонарь отдать и узнать, как вы тут. Ты бы хоть с работы мне звонила.

ЛЮДМИЛА. В учительской телефон вечно занят.

КАТЯ. Без телефона — еще туда-сюда, но без воды... Я картошку почистила, а потом из ковшика руки полчаса отмывала!

ЛЮДМИЛА. Там мне осталось? Сольешь?

КАТЯ. Вы откуда воду носите?

ЛЮДМИЛА (*старается говорить весело*). Кафешка через дорогу. Пока пускают. Жалеют. Говорят: "Вам надо коромысло купить — легче будет". А я им объясняю, что когда коромысло придумали, тогда еще "хрущевок" не было. Не зря у нас лестничные площадки клетками называются. С коромыслом — застрянешь.

КАТЯ. Что папа?

ЛЮДМИЛА. Уговаривает потерпеть. Ходит за водой, таскает консервы, воюет с примусом. Говорит, что еще немного — и обедать будем в ресторане. Каждый вечер.

КАТЯ (*обнимает Людмилу, целует ее*). Все, мамуль, я понеслась.

ЛЮДМИЛА. Ладно. А я пока буду вещи собирать. Начну с зимних. Чем бы ни закончилось — а складываться надо.

КАТЯ. Последнее китайское предупреждение: если что... Мой адрес вы знаете. (*Уходит.*)

Оставшись одна, Людмила раскрывает коробку, достает приемник-фонарь, включает его, настраивает волну. Звучит песня:

"Песню дружбы запевает молодежь,
молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь,
не убьешь, не убьешь!"

Людмила открывает шкаф, достает дорожную сумку и начинает складывать одежду. Входит Виктор. В руках у него несколько рулонов обоев и бутылка водки.

ВИКТОР. Привет! (*Ставит бутылку на стол, около банки с помидорами.*) Ух ты, музыка! Откуда?

ЛЮДМИЛА. Катя подарила.

ВИКТОР. Душно у нас...

ЛЮДМИЛА. Что ты хочешь? Полдня примус горел. Но картошка все равно полусырая.

ВИКТОР. Под водочку и такая сойдет.

ЛЮДМИЛА. Есть повод?

ВИКТОР. Сразу два! С какого начать?

ЛЮДМИЛА (*смотрит на него с надеждой*). Не пугай меня.

ВИКТОР. Люда, все как нельзя лучше! Я только что с фирмой говорил... (*Делает таинственную паузу.*)

ЛЮДМИЛА. Ну?!!

ВИКТОР. Угадай, сколько?

ЛЮДМИЛА. Вить! Не зли меня!

ВИКТОР. Семьдесят!

ЛЮДМИЛА. Вить... Я... Хватит, да? Все, сил больше нет. Примус, ведра, свечки... Вить, ты гений. Честно, я не думала, что у тебя получится их до такой суммы дожать. Здорово! И себе квартиру получше найдем, и Кате останется...

ВИКТОР. Смотри. (*Распаковывает один из рулонов, разворачивает, прикладывает к стене.*) Нравится?

ЛЮДМИЛА. Очень. Только с обоями все-таки надо было подождать, вдруг комнаты будут нестандартного метража. Придется докупать... Или наоборот...

ВИКТОР. Какого — нестандартного? У нас тут все меряно-перемеряно. Эти — в спальню, а сюда, в большую, что-нибудь посветлее поищу.

Пауза.

ВИКТОР. Завтра-послезавтра и начну.

Пауза.

ВИКТОР. Ну что, за стол? Как-никак, праздник сегодня. Мир, труд, май! Вот за труд и выпьем, за начало ремонта.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты что? Какой ремонт? Где?

ВИКТОР. Здесь.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты помнишь, что Таня про психбольницу рассказывала? Мне кажется, что у них есть для этого все основания. Зачем ремонт?

ВИКТОР. Затем. Чтобы они поняли, что это серьезно. Что я останусь здесь до тех пор, пока они не пойдут на мои условия.

ЛЮДМИЛА. Твои условия? Ты забыл, что ты тут не один. И пока не

на капитанском мостике. Я не хочу больше слушать твой бред о кораблях и креветках!!!

ВИКТОР. Я об этом и не говорю. Успокойся, не собираюсь я покупать пароход.

ЛЮДМИЛА. Почему тогда... Зачем все это?

ВИКТОР. Дело не только в деньгах. Меня всю жизнь как пешку двигали, куда хотели. За меня всё решали. Раньше выбора не было, теперь мой бюллетень из одной урны в другую бросают. Мусорную. Они нас не слышат. И слышать не хотят. Но в шахматах есть правило — если пешка доходит до последней линии, до края доски, она превращается в ферзя. Я сейчас — на предпоследней линии.

ЛЮДМИЛА. А я — уже на последней. Витя, я больше не могу.

Людмила берет сумку, в которую только что складывала свитера, все из нее вытряхивает и кладет свой халат, выходит из комнаты в ванную, возвращается с полотенцем, зубной щеткой и шампунем, все укладывает в сумку.

ВИКТОР. Ты что — серьезно?

Людмила не отвечает.

ВИКТОР. И куда же это?

ЛЮДМИЛА. Ты же сам говорил: "Временно перекантуешься". Вот я у Кати и перекантуюсь. Пока не сниму себе комнату.

ВИКТОР. Что ты снимешь? И будешь там своего ученика принимать? Ну и снимай! А я не сдамся!

ЛЮДМИЛА. Витя, нам дают хорошие деньги. Давай согласимся и закончим весь этот кошмар. В конце концов, я женщина, а не десантник.

ВИТЯ. Люда, неделя осталась, не больше! Честное слово!

ЛЮДМИЛА. Жить хочется, а не бороться, понимаешь! Жи-и-ить!

Виктор пытается ее обнять. Людмила отстраняется.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! (*Идет к двери.*) Жду внизу две минуты. Не выходишь — уезжаю к Кате.

Виктор пытается ее задержать, но Людмила отталкивает его и уходит.
Виктор выходит на кухню, тут же возвращается, нервно ходит по комнате, запихивает в шкаф разбросанные вещи.
Раздается стук в дверь. Виктор бежит открывать.
Возвращается разочарованный, вместе с Виталием.

ВИТАЛИЙ. Ты один?

ВИКТОР. Не то слово. А ты Людмилу не встретил?

ВИТАЛИЙ. Нет. (*Подходит к столу, видит водку и помидоры.*) Во! У тебя все готово! Посидим? Убирай свою водку. (*Достает из сумки бутылку коньяка и коробку конфет.*) И помидоры убери. Лучшая закуска под коньяк — чернослив.

ВИКТОР. Ты что, Бухара, пить начал?

ВИТАЛИЙ. Как тебе сказать... С твоей легкой руки.

ВИКТОР (*принюхивается*). Ты что — уже? Так... Ты сегодня только закусываешь. А вот у меня поводов много. А — ушла жена. Б — пролетарский праздник. В — начало ремонта. Г — гость в доме. Дорогой гость. Очень дорогой. А скоро будет еще дороже.

ВИТАЛИЙ. Как — жена ушла?

ВИКТОР. Шучу. К дочке поехала.

ВИТАЛИЙ. Ремонт — тоже шутка?

ВИКТОР. Нет, ремонт всерьез.

ВИТАЛИЙ. Тебе помощники не нужны?

ВИКТОР. Сам управлюсь.

Садятся за стол. Виталий наливает, поднимают рюмки.

ВИКТОР. За солидарность!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Вот ты мне скажи — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Опять — двадцать пять... Я хочу двести тысяч.

ВИТАЛИЙ. Не-е-ет, я не об этом. Вообще — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Я? Жить. Как человек. И чтобы семья жила — как люди.

ВИТАЛИЙ. Чего ж не живете?

ВИКТОР. Не давали! Ты, Виталик, молодой, в другое время жить начал, тебе не понять.

ВИТАЛИЙ. Кто-то тебе мешал жить, а я за это должен расплачиваться?

ВИКТОР. Ты-то при чем? Не из твоего кармана деньги.

ВИТАЛИЙ. Много ты понимаешь, что из чьего кармана идет... А нервы? Я с вашим домом полгода вожусь! Одному район не подходит, второму — вид из окна... Третья сумасшедшая кота в сумке таскает. Я ее спрашиваю: "Вам квартира нравится?". А она: "У Барсика шерсть дыбом, нехорошо это..."

ВИКТОР. Но с Барсиком-то все удачно обошлось.

ВИТАЛИЙ. Конечно! Нашли нормальную квартиру, продавцы уже за бугор уехали. Я перед тем, как бабку туда вести, в нескольких местах ва-

лерьянки капнул. Только дверь открыл — Барсик в эту хату как рванет! Бабка его оттуда потом еле вытащила: "Кисонька, пошли домой!".

ВИКТОР (*наливает*). Вот за что я люблю цыган — они никогда не говорят о работе.

ВИТАЛИЙ. Понял! (*Поднимает рюмку.*) За дружбу народов!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Почему все этот дом называют домом Павлова? Мы ж не в Сталинграде.

ВИКТОР. Жило-было одно СМУ. И строило оно дом. Для себя. То есть для своих работников. Те старались — в три смены, субботники, воскресники... Все — в коммуналках, в общагах, об отдельных квартирах мечтали, как о загробной жизни. Дом сдали — а ордера не выписывают. Слух прошел, что обком для себя забирает. Вы, мол, потерпите, следующий, рядом — точно ваш будет...

ВИТАЛИЙ. Построить дом — не искусство. Искусство — получить в нем квартиру. И что дальше?

ВИКТОР. Тогда начальник по фамилии Павлов собрал всех и сказал: чтоб завтра вселились. Все, как один!!! Чтоб к вечеру занавесочки висели, а на балконах белье сушилось. Если кто испугается без ордера въезжать — то смелых на другой день с милицией выселят. А всех — не посмеют. Скандал на всю страну. Так и сделали. Фактически захватили дом. Полгода ордера не выписывали. Каждую ночь тряслись — ждали штурма. Но обошлось.

ВИТАЛИЙ. Ты тоже тогда поселился?

ВИКТОР. Не, это когда было!.. Мне тесть рассказывал.

ВИТАЛИЙ. А какую начальник себе взял? Четырехкомнатную?

ВИКТОР. Под номером тринадцать. Это ты в его квартире сейчас коньяк черносливом закусываешь.

ВИТАЛИЙ. Так Людмила по документам... А, ну да, это ж девичья фамилия... Значит, это у вас в роду — оборону держать. Вить, я как атрибут праздничного стола предлагаю ее снять и подписать мирный договор в объеме семидесяти пяти тысяч. На что уполномочен высшим руководством.

ВИКТОР. Две-е-сти. Знаешь, как пишется? Двойка и два ноля.

ВИТАЛИЙ. Я не понимаю! Мне чтобы такие деньги заработать, знаешь, сколько пахать надо? А тебе — за что? Я много разных людей на своей работе вижу. Есть трудяги. Пахари. И я их уважаю. Я сам такой. А есть искатели шансов. Попробует в одном месте легких денег, не получится —

идет в следующее. Там нет — снова ищет. А на одном — долго, упорно, по кирпичику...

ВИКТОР. Это я — искатель шансов? Много ты про меня знаешь! Я пятнадцать лет отмотал... от звонка до звонка... Учителем в школе. ...Потом как-то послали на конференцию в Москву... Хотел апельсины купить. Домой позвонил, Люда говорит: Катя заболела, купи лекарство. Купил, вижу — на апельсины не хватает. Решил взять чищеные. Полтора часа простоял — не досталось. Домой вернулся и уволился из школы. Я тогда понял: чтобы иметь деньги — надо работать. Чтобы иметь больше денег — надо больше работать. А чтобы иметь большие деньги — надо что-то другое.

ВИТАЛИЙ. А тебе нужны только большие? Витя, ты понимаешь, что по-твоему не выйдет?

ВИКТОР. На этот раз — выйдет. И никакие ваши окончательные решения не пройдут. У меня, кстати, вчера корреспондентка была. Из левой газеты, но девушка толковая. Все осветит правильно.

ВИТАЛИЙ. Капитана спросили: что будет, если судно столкнется с айсбергом? Он ответил: айсберг поплывет дальше... А ты даже не на корабле. Ты, Витя, на ма-а-аленькой лодочке. С двумя веслами, в парке культуры. А мы поплывем дальше...

ВИКТОР. Виталик! Моряки не плавают. Моряки ходят. А плавает — знаешь что?

ВИТАЛИЙ. Вить, чего ты такой грубый? Давай еще по одной. За мир во всем мире и в каждой квартире.

Виктор наливает, выпивают.

ВИТАЛИЙ. Ну, я пойду. А ты звони.

ВИКТОР. Звонить я могу только в колокол. Судовой.

ВИТАЛИЙ. На! (*Кладет на стол перед Виктором свой мобильный.*) Мне для хорошего клиента ничего не жалко!

ВИКТОР. Стоп! Есть тост! (*Снова наливает.*) За связь с телефоном вашего абонента!

ВИТАЛИЙ (*снова садится за стол*). Поддерживаю!

Выпивают.

ВИКТОР. А я тебе знаешь, что подарю? Набор для дуэли. С тридцати шагов. Через платок. (*Выходит в прихожую возвращается с пейнтбольными ружьями.*)

ВИТАЛИЙ. Ты меня вызываешь?.. И как этим пользоваться?

ВИКТОР. Сейчас научу. Все равно новые обои клеить буду. Смотри. (*Прицеливается.*) Спорить с тренером по борьбе может только тренер по стрельбе... (*Стреляет в стену, на ней расплывается красное пятно.*)

ВИТАЛИЙ. Дай я попробую. (*Долго целится.*) Стендаль советовал дуэлянтам, пока заряжают пистолеты, считать листья на деревьях.

ВИКТОР. А ты откуда знаешь?

ВИТАЛИЙ. Я по нему диссертацию писал. (*Стреляет в другую стену. Эффект тот же.*) Это дело надо отметить.

Наливает. Выпивают. Виктор включает радио. Раздается песня "Врагу не сдается наш гордый "Варяг". Виктор с Виталием, обнявшись, подпевают:

"Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый "Варяг",
Пощады никто не желает"...

Картина шестая

Та же комната, в которой стало гораздо больше вещей. У одной стены стоит платяной шкаф и тумбочки, которых здесь раньше не было. На полу — узлы с вещами. Возле другой стены — стремянка, ведра, рулоны обоев. На столе — транзистор. Из него доносится голос диктора, рассказывающий о параде.

Из спальни выходит Виктор. Он одет в старые замызганные спортивные штаны и футболку, на голове — свернутая из газеты треуголка. Виктор выключает приемник, берет со стола мобильный телефон, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Костя? Привет, это Витя. С праздничком тебя! (*Пауза.*) Да нормально все. Нет, не переехали, еще воюем. До победного. По любому, сегодня-завтра все решится. Я же их задерживаю. (*Пауза.*) Да, кроме меня — никого. (*Пауза.*) Ерунда, все будет нормалек! Про счетчик я помню. (*Пауза.*) Само собой! Обмоем по высшему разряду. (*Пауза.*) Откуда звоню? Атланты мобильник дали. Подлизываются. А у тебя как на новом месте? (*Пауза.*) Да-а, это проблема... Слушай, ты ж говорил, что у тебя еще деньги оставались. На черный день. (*Пауза.*) Уже? Ну ты... Шмайсер... прости, Шумахер! В смысле — быстрый. Конечно, отдам и одолжу одновременно, когда потрясу Атлантиду... Слушай, я тут обои клеить собрался... Так надо, Костя! Они мне еще по десятке за каждый рулон накинут... Давай о деле. Сколько в клейстер муки класть? (*Пауза.*) Всего? И будут держаться? (*Пауза.*) Чего ж у меня не получается? А какой водой — горячей или холодной? Кипятком? Это мне примус опять разжигать... Не-е-е, Костер, ты ничего не понимаешь... Ну ладно, буду дальше звонить. У тебя бабы Стали телефон есть? Диктуй! (*Пауза. Записывает номер.*) Конечно, зайду как-нибудь. Ну, бывай.

Снова набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Сталина Петровна? Это Виктор беспокоит. С праздником вас, с днем Победы! (*Пауза.*) Правильно, тетя Сталя. Наш народ непобедим! Дали им, гадам, как положено! (*Пауза.*) Спасибо, передам... (*Пауза.*) Нет, еще со старой. Еще не переехали. (*Пауза. Продолжает с грузинским акцентом.*) Адын, савсэм адын. Но есть свои преимущества. За стенкой тихо, на голову не капает, так как воду отключили. Вместе со светом и телефоном. (*Пауза.*) По мобильному. Растет благосостояние трудящихся на постсоветском пространстве! Сталина Петровна, я к вам за советом. Последний раз обои клеил — не помню когда. Забыл, как клейстер варить — сколько муки, сколько воды... (*Пауза.*) Соли не надо? Да, запомнил. (*Пауза.*) Это я на всякий случай, к ремонту готовлюсь... Тетя Сталя, как только переберемся — придем в гости, все расскажем. (*Пауза.*) Что? (*Пауза.*) Последний герой? В каком смысле? (*Пауза.*) А-а-а, передача... Нет, у нас же света нет, какой телевизор... Ладно, тетя Сталя, еще раз с праздником, деду привет и поздравления. Он уже сто фронтовых принял? Ну, дай Бог ему здоровья! До свидания.

Виктор уходит на кухню, возвращается с примусом в руках. Разжигает его, потом приносит из кухни ведро воды и ставит его на примус.
Звонит мобильный телефон.

ВИКТОР. Алло! (*Пауза.*) Привет, Виталий! С праздником тебя! (*Пауза.*) Здоровье? Не дождетесь! А в чем дело? (*Пауза.*) Кто сказал? (*Пауза.*) С чем поздравляешь? (*Пауза.*) С каким задатком? (*Долгая пауза.*) Люда с Катей? (*Пауза.*) Почему без моего согласия? (*Пауза.*) Ну и что, что я не ответственный квартиросъемщик! Какая разница, на кого она приватизирована! А прописка? В смысле — регистрация. (*Долгая пауза.*) Значит так. Никакого согласия я не давал. И не собираюсь. И вы это прекрасно знали. И вы не имели права оформлять задаток без меня. (*Пауза.*) Это все незаконно, и вы, мошенники, это прекрасно знаете. Ничего у вас не выйдет! (*Пауза.*) Восемьдесят тысяч? Виталий! Я уже тебе сказал: нет денег — не стройте! (*Пауза.*) Что заказали? Кран с бабой? Это ваши проблемы. Надо было меня спросить. Позвонить вот по этому телефону и спросить. Почему ты не позвонил? Я тебе скажу, почему: ты дал им задаток, чтоб загнать меня в угол. Я все равно отсюда не уйду. (*Пауза.*) Сегодня начнут ломать? Пожалуйста. Только вместе со мной. Готовь теплое белье... Себе и своим буржуям. (*Пауза.*) Посмотрим.

Виктор прохаживается по комнате, закуривает, берет телефон и набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Катя?! (*Пауза.*) Мне только что маклер звонил. Сказал про задаток. Как вы могли? Это же предательство!!! (*Пауза.*) Да при чем здесь ломбард?! Кать, послушай... (*Пауза.*) Катя... (*Долгая пауза.*) Кать, я для тебя никогда ничего не делал? Конечно! Катал на санках — и простудил. (*Пауза.*) Давали тебе то, что и всем остальным. А сейчас здесь сижу — для себя? Я же хотел, чтобы ты... чтоб мама... (*Долгая пауза.*) Тебе однокомнатной хватит? Дурочка! Из одной клетки — в другую. А я хотел тебе трехкомнатную... (*Долгая пауза.*) Что?.. Когда? (*Пауза.*) А замуж? (*Пауза.*) То есть без квартиры он к отцовству не готов? Хороший мальчик! (*Пауза.*) А что же ты раньше ничего не говорила? (*Пауза.*) Ладно... Ну, дай Бог... Все, Кать, не плачь, не надо. Теперь тебе только положительные эмоции нужны... Мальчик или девочка? (*Пауза.*) Рано еще? Понял, не дурак. (*Пауза.*) Ладно, Катюш... Что сделано — то сделано. А квартиру я тебе трехкомнатную подберу. Возле парка. Чтобы гулять было рядом. Ты сегодня ела хоть что-нибудь? Фрукты ешь. И хватит скакать в своем театре. (*Пауза.*) Что я — не знаю? Классика — в корсете, современное — колесом ходить. (*Пауза.*) Ладно... Мама у тебя? А где? (*Пауза.*) Дай мне номер. Ничего, я объясню. Кать, я тебя люблю. Все будет хорошо. И обязательно поешь.

Виктор включает приемник, звучит песня из фильма "Белорусский вокзал":
"Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы плечом к плечу
врастаем в землю тут..."
Раздается стук в дверь. Виктор выключает приемник, тихонько подходит к двери в прихожую, прислушивается. Стучат все настойчивее. Слышны голоса: "Там он? — Да там, там... Звони еще". Снова колотят в дверь, слышен голос: "Откройте, это спасатели! В парадной кто-то разлил ртуть, необходимо всех эвакуировать! — Так, открывать не собираются. Коля, пошли за ломом...".
Виктор берет со стола мобильный телефон, смотрит на бумажку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Люда! Люда, они разлили ртуть!!! (*Пауза. Виктор с минуту молчит и слушает.)* Люда, ты не думай, я все понимаю. Глупо это все. Нет, не глупо... Поздно. Как ты говорила? Главное слово в русской литературе — "поздно"... Знаешь, я в спальне старые обои ободрал. Все оттуда вынес. Там теперь пусто и чисто. ...Три слоя было. В самом низу — желтые. Ты их помнишь? А я забыл. Там еще Катькины художества... Мы ее в угол поставили, а она с тумбочки губную помаду взяла и на обоях написала: "Дураки". Людка, какие мы с тобой дураки... Зачем ты ушла? Мне одному, без тебя, ничего не нужно. Я же это все... Хотел, чтобы тебе было

хорошо. Чтобы ты мной гордилась, а не жалела. Мы же столько лет... Ты все понимала... И сейчас все бы получилось. Если бы вы не взяли деньги. (*Кричит.*) Зачем ты их взяла?! (*Пауза.*) Что-то они притихли. Может, пошли другие квартиры проверять? Это они зря. Тут больше никого нет, кроме меня. Я последний. (*Пауза.*) Я только что с Катей разговаривал. Она мне все рассказала. Дай Бог, чтоб все было хорошо... (*Пауза.*) Я сегодня ночью проснулся... Света нет, воды нет, в первый раз за двадцать пять лет так тихо — ни у кого телевизор не бубнит, музыка не играет, краны не шумят. Грибники не звонят. И ученики твои... По лестнице никто не топает. И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится... (*Пауза.*) Это хорошо, Люда, что я тебя не застал... Наверное, ты сейчас и говорить со мной не стала бы... А так автоответчик прослушаешь. (*Пауза.*) Прости меня, дурака.

Виктор кладет телефон на стол, уходит в спальню и закрывает за собой дверь. Слышен грохот — взламывают входную дверь. В комнату входят трое в рабочих спецовках.

ПЕРВЫЙ. Ну и где он?

Один уходит на кухню, другой направляется к спальне, открывает дверь и заглядывает туда. Первый берет со стола оставленный Виктором мобильный телефон, рассматривает его и, оглянувшись на напарника, кладет телефон в карман.

ВТОРОЙ (*возвращается с кухни*). Никого. И в сортире тоже.

ПЕРВЫЙ (*Третьему, который стоит у двери в спальню*). Ну?

ТРЕТИЙ. Пусто.

ПЕРВЫЙ. Посмотри нормально.

ТРЕТИЙ. Что — посмотри? Комната пустая, голые стены. Он все вещи сюда вынес.

ПЕРВЫЙ. Пройдите еще раз, везде гляньте.

Первый включает радиоприемник. Звучит песня "День Победы":

"...Дни и ночи битву трудную вели,
Этот день мы приближали как могли.
Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы, День Победы, День Победы!"

Второй и Третий осматривают комнату, заглядывают под диван и в шкаф, выходят на кухню, возвращаются.

ТРЕТИЙ. Но он же тут был.

ПЕРВЫЙ. ...или не был. Какая разница? Сейчас — нет. Даем отмашку, пусть ломают.

ТРЕТИЙ. Но мы ж слышали, как он по телефону разговаривал.

ПЕРВЫЙ. А может, нам послышалось?

ВТОРОЙ (*потирает шею*). Че за фигня? (*Смотрит вверх.*) С потолка капает.

ПЕРВЫЙ. Что капает? Тут уже месяц как воду отключили!

Смотрят на потолок, отходят в сторону двери.

ВТОРОЙ. Пошли отсюда.

Все трое торопливо выходят. Из оставленного радиоприемника все громче слышна песня "День Победы". Постепенно ее заглушает грохот — дом дрожит, рушится одна из стен, с потолка падают куски штукатурки... Затем гаснет свет, все смолкает, и в наступившей тишине слышно, как с ритмичным звуком падают капли...

Одесса. Февраль, 2005

Елена ГОЛЕНИЩЕВА

Поэт сердечной и гражданской тревоги

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...

Да, дорогой читатель, это стихи Якова Петровича Полонского, музыку к которым писали Чайковский, Рубинштейн, Кюи, Танеев, Даргомыжский, А. и С. Рахманиновы. Пятнадцать стихотворений Полонского стали романсами. Их поют и по сей день. Знаменитая "Песня цыганки", "Затворница" уже давно воспринимаются как народные. Забыты и автор, и композитор, а песни живут.

Яков Петрович Полонский родился 6 декабря 1819 г. в Рязани, в семье мелкого чиновника. Мать поэта была из старинного дворянского рода Кафтыревых. Девятнадцатилетним юношей Полонский поступает на юридический факультет Московского университета. Жил впроголодь, ходил в потрепанной студенческой тужурке даже в лютые морозы. Но юный студент отличался любознательностью и пытливостью. С интересом слушал лекции профессоров, увлеченно читал Герцена. Именно тогда он приобрел преданных и доброжелательных друзей — Аполлона Григорьева и Афанасия Фета. К концу учебы у Полонского уже накопилось порядком стихотворений. И тут бедного оголодавшего студента нашла удача.

Товарищ Полонского по университету, сын прославленного актера Михаила Щепкина, предложил издать стихи поэта по подписке. Молодой Щепкин, блистательно окончивший курс по математическому факультету, оказался достойным сыном своего отца. Вспомним, как М. Щепкин помогал великому Кобзарю — Т. Шевченко.

Были собраны деньги, что дало возможность выйти в свет первому сборнику стихов Полонского под названием "Гаммы" (1844 г.).

Н.В. Гоголь записывает себе в тетрадь полюбившееся стихотворение из сборника "Гаммы":

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей.

Это стихотворение счел необходимым полностью процитировать в своей рецензии взыскательный Некрасов. Но "Гаммы" не поправили финансового положения Полонского. Сборник расходился плохо. А тут еще мучительная любовь поэта к Софье Коризне. Поэт принимает решение бежать из Москвы. И этот побег совершается в Одессу! В ноябре 1844 г. Полонский садится в поезд вместе с А. Уманцом, служившим на одесской таможне, и отбывает из Москвы.

Вперед! От хронического безденежья, от любви — в город, воспетый Пушкиным! Поначалу Полонский был разочарован. Поселился в скверной гостинице, море было серым от пасмурного неба. Но тепло человеческих сердец отогрело поэта. Полонского радушно принял москвич по рождению и добрейший человек Иван Федорович Золотарев, служивший в канцелярии генерал-губернатора. В одесском Ришельевском лицее преподавал Александр Бакунин, с которым Полонский был знаком еще по Москве. И вот уже пишет Полонский Николаю Орлову: "Я живу здесь вместе с Бакуниным и нашел в нем дорогого и умного товарища, главное, не мешаем друг другу".

Познакомился Яков Петрович и с младшим братом великого поэта Львом Сергеевичем Пушкиным. Ему было уже под сорок лет, служил в одесской портовой таможне и снимал квартиру на Дерибасовской улице. Полонский обычно встречал его на Приморском бульваре, любимом месте прогулок всей Одессы. Лев Сергеевич часто приглашал его к себе в дом, где жил с молодой женой и маленькой дочкой.

Установились дружеские отношения с поэтом Н.Ф. Щербиной, с австрийским консулом Людвигом Гутмансталем. По-детски наивный, простодушный Полонский не был "деловым" человеком. Он пробавлялся уроками. Много позже он напишет беллетризованные воспоминания о своей жизни в Одессе — "Дешевый город" (1879). Тогда же он напишет в письме к А.П. Чехову: "Одесса — практический, коммерческий город, но в то же время страшнейший любитель стихов".

Хлопотами друзей в Одессе вышел сборник стихов Полонского "Стихотворения 1845 года". И хотя жить в Одессе было много дешевле, чем в Москве, на литературные заработки уповать было нельзя. Тем более что сборник стихов был собран наспех. Белинский подверг его суровой критике. Впоследствии Полонский с благодарностью вспоминал об этом отзыве Белинского: "...его отзыв отрезвил меня". Из 22-х стихотворений сборника 1845 года в издание 1896 г. сам автор не включил 13 стихотворений.

Но тогда, в 1845 году Полонский подарил свою новую книжку стихов

Л.С. Пушкину с просьбой послать другой экземпляр ее в Петербург редактору журнала "Современник" Плетневу. И что удивительно: брат гениального поэта, читавший наизусть почти всего А. Пушкина, нашел добрые слова в адрес начинающего автора. Он выполнил просьбу Полонского и в письме к Плетневу заметил: "В Полонском... я вижу талант. Обрати внимание на этого человека. Прав я или нет?". И Плетнев поместил в "Современнике" отзыв на сборник, изданный в Одессе. Отзыв сдержанный, но, в общем, одобрительный.

И тут новый поворот судьбы. Одесский генерал-губернатор М.С. Воронцов назначается наместником на Кавказ. "Вся Одесса в волнении, — пишет Полонский Н. Орлову, — все здешнее народонаселение движется за ним, как за колонновожатым". Уезжает в Тифлис И.Ф. Золотарев и уже год спустя сообщает Полонскому радостную весть: ему выхлопотали место помощника редактора газеты "Закавказский вестник". 6 июня 1846 г. Полонский отплывает на корабле "Дарго" из Одессы. В прощальном письме к одной даме поэт признается:

Я откровенно вам пишу,
Что расстаюсь не без печали
И не без радости спешу.

В первый же день пути Полонский пишет письма в Одессу. Писать трудно: "столик такой маленький, стулик такой низенький, перо такое гусиное..." — шутит поэт. В Одессе остались супруги Гутмансталь, А. Бакунин, Лев Пушкин. Льву Сергеевичу Полонский написал большое стихотворное письмо, озаглавленное "Прогулка по Тифлису".

Пять кавказских лет были полны ярких впечатлений, новых увлечений. Красавица-армянка Софья Гулгаз вскружила поэту голову. Утром, когда Софья еще спала обнаженная, Полонский рисовал ее на листах своего альбома. Однако вообразить ее своей женой он не мог. Произошло расставание.

В начале лета 1850 г. Полонский приезжает в Крым. В Ялте отдыхал Л.С. Пушкин, уже тогда неизлечимо больной. Там друзья встретились. Вскоре Лев Сергеевич уплыл на пароходе в Одессу.

Этим же летом в Ялте завязался мимолетный роман Полонского с мадам де Волан. И тут происходит нечто удивительное. Провожая даму на пароход, Полонский настолько увлекся горячим прощанием, вернее, они оба так увлеклись, что не слышали гудков и не заметили, как пароход вышел в открытое море. В Одессу Полонский прибыл без билета и без денег! Так состоялся второй визит поэта в "дешевый город", куда можно было

приехать что называется "без ничего". Полонский направился первым делом к Льву Сергеевичу. Тот угасал, но шутил. Говорил, обращаясь к своей молодой жене: "Пожалуйста, обо мне не молись: напомнишь обо мне Богу — чего доброго, пристукнет". Подарил Полонскому на прощание портфель Александра Сергеевича Пушкина.

При своей бедности Полонский был горд, независим и щедр. Он мог отдать месячное жалованье нуждавшемуся. А тут сам попал в неловкое положение. Полонский занял у друзей денег на дорогу и поспешил в обратный путь. На пароходе "Тамань" после сильного шторма им было написано лучшее стихотворение "Качка в бурю" (1850). Спустя десятилетия Александр Блок записывает в свой дневник понравившиеся ему строки из этого стихотворения:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

На склоне лет Полонский признавался, что "сейчас бы уже не посмел написать "роскошный", а написал бы "вечерний". И было бы хуже".

Лиха беда начало. Еще одна авантюрная поездка в Одессу состоялась в июле 1853 г. Московский друг И. Уманец попросил Полонского поехать в Одессу (из Петербурга!) и встретить там его кузину Александру. Уманец должен был с нею тайно обвенчаться в Елисаветграде, т. к. родители возражали против этого брака. В условленный день Полонский был на одесской пристани. Пароход прибыл, но кузины там не оказалось. Тогда Полонский сам отправляется на поиски кузины, находит ее у теток в Балаклаве и без билета и без документов тайком (опыт уже имеется!) привозит ее в Одессу, а далее — в Елисаветград, к жениху. Очевидно, по трусости Уманец не решался на такой трюк, а простодушный Полонский, верный мушкетер, бросал все и вся, чтобы выполнить поручение друга.

И будет еще одна, последняя встреча с Одессой. В 1858 г. Полонский женится в Париже на очаровательной Елене Устюжской, наполовину француженке. Отец ее был псаломщиком русской церкви в Париже. Восемнадцатилетняя прелестная девушка полюбила тридцатишестилетнего поэта, "мечтательного, как Байрон, и рассеянного, как Лафонтен", по свидетельству Александра Дюма. Елена была талантливой музыкантшей, заботливой и преданной женой. Полонский был счастлив как никогда.

Граф Кушелев-Безбородко пригласил Полонского на должность редактора в журнал "Русское слово", который он учредил. 25-летний граф

мало что смыслил в издательском деле, но капиталом обладал огромным. Средства выделял не скупясь. Семейство Кушелевых-Безбородко "выдернули" А. Дюма из Парижа и привезли с собой в Россию. Жизнь в их доме была поставлена на широкую ногу. Молодой чете Полонских было даже предложено там жить. Но те остались у своих друзей, в доме петербургского архитектора А. Штакеншнейдера. Его дочь Елена (Лёля), умница и незаурядная особа, была, по сути, первым биографом Полонского, поскольку Полонский дружил с этим семейством всю жизнь.

Благодаря Елене Штакеншнейдер мы знаем подробности пребывания Полонского в качестве домашнего учителя в семье А. Смирновой-Россет, о которой в свое время писал А. Пушкин:

Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В свои 46 лет А. Россет была супругой петербургского губернатора, матерью четырех детей. Отличалась демократизмом. Презирала придворную жизнь, одевалась очень просто и помогала бедным. Полонскому жилось в этом семействе неуютно. Но именно благодаря их спонсорству он смог всерьез заняться живописью. Учился в Женеве у Дидэ в течение трех месяцев. Из Женевы Полонский едет в Рим, оттуда — в Париж, где женится на любимой и возвращается в Петербург.

Брак оказался счастливым, но недолгим. Парижский цветок не прижился на петербургской почве. Сначала умирает сын-младенец, а затем и сама Елена в возрасте 20 лет. Горе Полонского было неописуемо. После шестилетнего вдовства поэт вновь женится, на красавице Рюльман. А тогда, в 1860 г., Полонский был на грани отчаяния. Чтобы поддержать его хотя бы материально, А. Тютчев предлагает ему должность младшего цензора в Комитете иностранной цензуры, председателем коего он был сам. Полонский в растерянности, не знает, как поступить. Он решил посоветоваться с Некрасовым. Тот "засмеялся. Назвал меня Дон Кихотом, чуть не дураком. Вам дают место в 2500 руб. жалованья (в год), а вы, бедный человек, будете отказываться — да это просто глупо. Никто вам за это спасибо не скажет — за ваше самоотверженье вас же осмеют", — вспоминал впоследствии Полонский.

Полонский не был революционером. Всякое насилие ему было внутренне чуждо. По своим взглядам он был либеральным демократом. Кроткий Полонский писал:

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему так искренен привет
Больных детей больного века!

Стихотворение заставляло вспомнить некрасовское "Блажен незлобивый поэт...". Полонский считал, что "...в XIX веке европейское общество сочувствует не незлобивым, а озлобленным".

Нас пленяют в Полонском обаяние непосредственности, музыкальность его стихов. Да разве только нас! Ф.М. Достоевский восхищался "Колокольчиком". Ввел его в ткань повествования романа "Униженные и оскорбленные". Кстати, это было любимое стихотворение самого автора. А столетие спустя вдруг далеко не сентиментальный И.А. Бунин весенней парижской ночью вспоминает "Затворницу" Полонского, и рождается прелестный рассказ "В одной знакомой улице", парафраза знаменитого стихотворения, ставшего острожной песнью, а затем романсом, который пели в студенческой среде в 1840-1860-е годы.

Мы пропускаем 30 лет жизни Якова Петровича, насыщенные интересными событиями, поездками, встречами. Осталась последняя встреча с Одессой, летом 1883 г. Четвертая. Сюда, в город своей юности, приезжает он уже пожилым больным человеком. По совету врачей он принимает знаменитые лиманские грязи. Город вырос, похорошел. Это уже не "дешевый город", а напротив. За каждую ванну с подогретой водой из лимана приходилось платить рубль. Прежних знакомых уже не было. Нашел только бывшего редактора "Одесского вестника". И здесь же настигла его горестная весть: умер во Франции И.С. Тургенев, друг всей его жизни. Жанна Рюльман, супруга Полонского, мать его троих детей, успешно занималась скульптурой. Выполненный ею скульптурный бюст Тургенева, установленный на Волковом кладбище в Петербурге, считается лучшим.

В 1885 г. выходит Полное собрание сочинений Полонского в 10 томах. Здесь всё: стихи, поэмы, рассказы, повести, романы. К концу жизни Полонский уже "Ваше превосходительство", он назначен на высокий пост. И все же... Он прост, доступен, по пятницам в его дом мог прийти каждый — "он создавал вокруг себя как бы очищающую атмосферу".

Лучше И.С. Тургенева не скажешь о Полонском: "Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости".

Сам Полонский считал себя поэтом "сердечной и гражданской тревоги". И как же современно звучит сегодня его публицистическое стихотворение "Юбилей Шиллера":

Не кричит ли миру о союзе кровном
Каждого ребенка первый крик,
Не для всех ли наций в роднике духовном
Черпает силу гения язык...

Post scriptum

Нью-Йорк. 1995 год. Нобелевский лауреат Иосиф Бродский поет русские песни в ресторане "Русский самовар". Звучит в том числе и "Мой костер в тумане светит". Мог ли предполагать такое долголетие своего романса и мечтать о таком исполнителе Я.П. Полонский? И как не вспомнить тютчевское:

"Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...".

Владимир МИНЕНКО

Среди серых камней

По мотивам сценария Киры Муратовой "Дети подземелья"

Сорока-ворона кашку варила...

Городок Сорока, или Сороки, где ей случилось на птичьих правах родиться, менявший время от времени одну государственную принадлежность на другую, не трогаясь при этом с места и перемещаясь разве что в отражавшем береговые строения течении Днестра, лениво приторговывая хлебом, бессарабским вином и ломким листовым табаком, лежал на меже романского мира, в сорока верстах от железнодорожной станции Флорешты. Именно в сорока, как бы подверстывая к своему названию еще одну, помимо орнитологической, ложную этимологию. На самом деле воспроизводить ее следовало, как теперь полагают, от старого молдаванского именования воинской службы — сорокул, — за которым виделись какие-то срока или сроки войсковой повинности, часы караульной стражи, — что и подтверждала, как бы материализуя эту топонимическую версию, замковая крепость, поставленная еще в середине XVI века, при господаре Петру Рареше.

Крепость была невелика, ее циркульный внутренний диаметр не превышал пятидесяти регулярных или уставных шагов, но правильно расположенные круглые башни, круто, в три четверти, выступающие за периметр стенового обвода, придавали сооружению сходство с неким простым и правильным механизмом — наподобие огромного каменного подшипника, назначение которого могло быть понято лишь исходя из каких-то внечеловеческих соображений, — свидетельствуя о временах и замыслах совсем иного порядка.

Фрески, украшавшие внутренние помещения замка, не сохранились. Написанные, должно быть, в ренессансно-варварском духе, в зеленоватых и земляных тонах с применением быстро гаснущей венецианской лазури, они могли подыматься внутри башен, вровень с рассыпанной веером лестницей, словно поворачиваясь на оси, последовательно передвигая изображения великих и малых бояр, следовавших за ними воинов, всадников и пеших, охотников, беззвучно дующих в выгнутые валторны, лошадей на тонких ногах, боязливо одолевающих ступень за ступенью, — своего рода поступательный фресковый кине-

матограф, архаичная анимация, скрученная в башенный ролик с перфорацией крепостных зубцов по верхнему краю.

Позже Параджанов, которому это ничего не стоило, вращая как ярмарочную карусель, выкручивал ее генеалогию из этого разрисованного и стершегося молдавано-валашского барабана, — ему достаточно бывало цветной пылинки, сухого кунжутного зернышка, чтоб прорастить в своем несдержанном воображении разлапистое древо происхождений и связей, опутать его ветви бантами и лентами и насадить на сведеную в пучок верхушку картонную корону.

Но на ту пору раннего детства родители ее пребывали в суровой ипостаси деятельных агентов Коминтерна, заваривая кашу мировой революции, и под греческим именем Кира — именем власти и господства, пахнущим персидской сиренью, — разумели синтезированную аббревиатуру от Карла и Розы — Либкнехта и Люксембург — товарищей по совместной борьбе. Их жизнь была беспокойной, переменчивой, неустойчиво вываливалась из общего круга, — так что она могла и не запомнить чудного румынского городка Сороки, ни самой крепости с выветренными, похожими на языки серого подсолнуха марлонами, — все это осталось ушедшим глубоко в материк, осевшим и затянувшимся почвой, как брошенный мельничный жернов или каменная монета с квадратным вырезом посредине, существуя далее на невидимом, археологическом уровне, пока не появились бы причины воспользоваться их наличием — извлечь наружу или выдумать заново.

"В бурные осенние ночи он явственно слышал, как из-под земли несутся крики. Это турки, на чьих костях стоит замок, возятся под землей и громко укоряют старого графа в жестокости. Тогда в залах замка бряцает оружие, и есаулы громкими криками сзывают казаков. Рев и завывание бури, топот копыт, слова команды. Старый граф, прославленный на вечные века своими подвигами, выезжает на средину и кричит: "Молчите, нехристи недобитые!..". Когда юго-западный ветер вырывался из-за камней, тополя гулко качались, и из-за них поблескивали окна, и замок, казалось, кидал угрюмые взгляды".

Плоский альбомчик режиссерского сценария с шероховатой обложкой и страницами, похожими на разграфленную ведомость, — промежуточное состояние между произведением Короленко и будущей киноверсией повести. К зауженной колонке художественного текста были приставлены строительные леса рабочих пометок, как то: характер освеще-

ния, тип пленки, метраж эпизода, были перечислены занятые в кадре актеры — дети и взрослые, статисты из местного населения, помечено применение всяческих приспособлений, например, "ветродуя" — зарешеченного глиссерного пропеллера, чтоб выворачивать серебрящейся изнанкой листву нерасторопных тополей, когда подует юго-западный ветер, или достройка декорации — призванная вернуть крытому мятым железом складу сельхозинвентаря, который предстояло использовать в качестве натуры, былое достоинство графских развалин.

Но должно было присутствовать еще что-то, помимо погонных метров, линейки и отвеса, досок и ножовок, малярных кистей, что-то помимо операторской изощренности, актерской натуральности и детской неловкости, что-то не вписанное в технический паспорт и бухгалтерскую ведомость, — какая-то внутренняя связь с предметом предстоящей реконструкции, некое тайное с ним подобие.

К тому подводили казавшиеся внешними приметы.

Детство писателя Короленко, возвышаясь над прожитой им в литературе жизнью вечнозеленым холмом, предлагало свои, наделенные неотторжимыми правами владения замки — и прежде других тот, что в виде едва осязаемой плоской башни рисовался на родовой гербовой печати. На ней, переходившей из рук в руки, ощупываемой и поворачиваемой вполоборота к свету, чтоб зацепиться глазом за порожек выпуклости, была вырезана ладья — лодка с двумя собачьими головами, на носу и корме, с зубчатой башенкой посредине и надписью по-польски — "Korabl i Lodzia" — ковчег и ладья. Что означал этот сдвоенный шахматный символ, способный к размену библейских понятий, никто не помнил, но по семейному преданию род велся с миргородского козачьего полковника, получившего гербовое дворянство от польских королей (соблазняя предположением о "королевском" происхождении и самой фамилии — Короленко). Ворохами отцовых, с отрепанными краями судейских бумаг шелестели в его памяти заштатные волынские городки, осыпаясь ломким сургучом старопольских магнатских поместий — словно ожидающих часа, когда чей-то удивленный взгляд вновь исполнит их существование смыслом, наделит новой ролью, переворошив крошащиеся, липнущие к пальцам руины и оставляя на линованных писательских листах отчетливый дактилоскопический отпечаток.

Но прежде отразившегося в темном пруду старого графского замка, поставленного на турецких костях и окруженного стражей пирамидальных тополей, сетовавших о славном прошлом, когда луна заглядывала

в пустые окна и приводила в движение неясные тени, еще прежде — на самом донышке его воспоминаний проблескивала река, виделось вытянувшееся муравьиной дорожкой путешествие в Кишинев, к деду: скулили скуластые скулянские псы под возами, коляска, установленная на низко осевшем плоту, отдалялась от берега, и было странно, как она движется по воде, на неподвижных колесах, что скрип осей ее перехвачен скрипом уключин. Был ли то Прут или Днестр, виднелись ли на другом берегу башни с марлонами, удерживая обломанными пальцами облака и медленно поворачиваясь по мере приближения коляски к пристани? Далекий отзывающийся голос, принимаемый за эхо. Соединение замков, которое должно было защелкнуться в один замок путем случайной перестановки ударений...

"Дети подземелья" — протоандерграунд русской литературы.

Писатель населил камни своего детства литературными героями, совсем не похожими на шумных и надменных титанов минувших времен, оставивших после своего ухода зияющие пустоты, подобные выветренным пещерам, заместив их персонажами, казалось, ничтожными, плененными обстоятельствами и вынужденно заполнившими подземелья, людьми "второстепенными", отверженными, маргинальными, — как мелкий кегль ссылки на Диккенса, отнесенной в подвал страницы; он сформулировал к ним сочувствие, приютив "малых сих", les Miserables, в среде своих сокровенных воспоминаний, как в надежном убежище, скрепленном печатью с ладьей и зубчатой башней посредине, находя среди этих камней те теплые оттенки серого, какие бывают присущи жемчужине, когда ее отогревают в ладонях.

Быть может так, переставляя акценты и возмещая неравенство, образно иронизируя над дутым и показным величием, предлагает Гюго обиталищем маленькому парижскому оборвышу Гаврошу чрево пустого деревянного слона, поставленного на городской площади в честь африканского похода; или, к примеру, Гомер, возвращая метафору в лоно начального мифа, заключает в утробу дареного данайского коня коварного Одиссея, чтоб погубить безрассудную Трою.

Вот и она, Кира, предоставила взаймы, внаем, в безвозмездное пользование вросшее в подсознание каменное сооружение своего детства, которое нужно было только немного преобразовать, приспособить для эксплуатации в новых видах, не нарушая при этом архаичного инженерного замысла и как бы накладывая поверх древних теней пласт сырой штукатур-

ки, готовой нести на себе новое изображение, перенимающее от прежнего способность к иллюзорному круговому вращению.

Удивительно, что и режиссерский сценарий — в серой и шершавой на ощупь обложке, прошитый для верности кандальной железной скобой, — он тоже смог поместить все, что ей хотелось туда вложить, словно рассовав по карманам.

"Торговый ряд. Натура с достройкой.

Здесь лавки, лавчонки, столы под зонтами... Навесы, телеги, лошади, цыгане. Сверкающий искрами станок точильщика. Вот два замечательных восточных ковра вывешены на продажу — узоры их так прекрасны на солнце. Все это мелькает, укрупняясь, обобщаясь, перегораживая..."

Узоры ковра укрупнялись и делались похожи на парковую изгородь. За ней шевелилась плотная тополиная листва, потирая сплющенные ладоши, выкраивался шпалерными лоскутами зубчатый кустарник, а обрывки облаков, застревая в сухих высоких ветвях, словно наверченные на веретена, путались с волокнами лохматой волохской шерсти, чтоб после, окрашенными хной и кармином, создать тот самый ковровый узор, в тени которого крылись явившиеся верблюды с заломленными как шапки горбами, фургоны крымских татар, нагруженные зелено светящимся сквозь щели ящиков виноградом, чумацкие возы с искрящейся сивашской солью. Телеги, лошади, цыгане, ломкий бессарабский табак, плетеные баклаги с темным вином. В глубине восточного узора можно было при желании обнаружить увитые плющом плоские обломки польских арок, ордерные волюты с овальными латинскими вензелями, тонкотканые окантовки акантов. Серые изваяния окунали в зеркальную поверхность пруда перевернутые отражения, белые лебеди, выгнув удивленные шеи, скользили по черно-зеленой воде, продергивая за собой тонкую мерцающую нитку. Все это дополняло орнаментальный сюжет, на самом деле заключавшийся в соотношении цветов и переплетении линий, наделяя его воображаемым содержанием.

Мерно шумел движок лихтвагена, подавая свет на площадку.

Маленькая, похожая на куклу девочка, с глазами как две улитки, выкатившие влажное брюшко из-под ворсистого века, погруженная в зазеленелое подземелье, закутанная в широкие лохмотья — мафорий с чужого плеча, спадающий донизу византийскими складками, — перед ее босыми ступнями с поджатыми фасольками пальчиками лежало пятно света, упавшее куском сквозь пролом в потолке — словно пласт старой отслоив-

шейся штукатурки, ослепительно белой с изнанки. Принесенная в жертву неведомому минотавру, блуждала она путаными узорами лабиринта, переступая по дну замшелого колодца, замешкавшись у этой, образованной обрушившимся лучом, словно из слоновой кости, сияющей башни — в конусной вышине которой, как в окуляре, промаргивя соринку, слезилась дневная звезда.

Мальчик, в чулках и ботиночках, он же — старик с курчавой цыганской бородой из учебника литературы, написавший трогательную повесть, быть может, не столько художник слова, сколько узник собственной беспокойной совести, — сын судьи, принявший образ заступника и страдальца, позади которого, оплывая с угла амальгамой, стаивал вставленный в угрюмую раму трюмо кусок потемневшего льда из Диккенсова "Холодного дома", — он спускается за ней в подземелье и приносит куклу, пытаясь предложить подмену и совершить подлог.

"*Уложив куклу рядом с собой, девочка засыпает, не разжимая объятий. Теперь их лица, прижатые друг к другу, являют контраст красок при некотором сходстве черт. Щеки у девочки бледны, а у куклы сверкают румянцем. В этом сопоставлении неодушевленного, пышущего здоровьем и яркими красками кукольного личика с лицом угасающей девочки есть что-то завораживающее, что можно назвать роковым*".

Или, может, это она, Кира, видела свое отражение в воображаемом колодце, в жемчужной лужице смутных воспоминаний, — куклой с выпуклым гуттаперчевым личиком, как на детской фотографии, сделанной накануне отъезда из Сорок, — где на живо и зелено написанном заднике помещался вымышленный замок с похожими на толстые заточенные карандаши башнями, окруженный торжественными кипарисами и наезженными алоэ. Сорок верст в тряском тарантасе до станции Флорешты; но куда бы ни отправлялся поезд, преодолевая равнины и горы, вольно посвистывая на степных уклонах или втягиваясь под каторжные своды тоннелей через каменное игольное ушко, — всюду его пассажиров ожидает подполье...

Вот и Параджанов, бородатый ребенок, старый карусельщик, не менее ее обожавший кукол (таскавшей их, найденные в мусоре, к ужасу горничных, неухоженных, в гостиничные номера), составлявший прежде их одежки из кусочков парчи и черных кружев, вправляя в оклады из безудержной бижутерии, и позже, в принудительной схиме, возмещая отсутствие этнографического ландшафта лагерным фантом "Беломора",

прилаживал к бумажному личику обрывок мочала и делал надпись обмылком карандаша: "Кира Муратова — лучший режиссер СССР".

Но до этого было еще далеко.

Прибытие поезда имени братьев Люмьер (назовем его так), сообщением Флорешты – Бухарест – Москва, ожидалось на станции метро "Площадь революции". Круглящимся лучом, шаровой молнией, пробившись критскими лабиринтами, минуя тайные ночные семафоры, он выкатился из тоннельного ствола — фантастичного жюльверновского жерла, проверченного в окаменелой почве. Застывшие в нишах бронзовые рабочие с негнущимися знаменами, солдаты в длинных литых шинелях, матросы, опоясанные прикипевшими пулеметными лентами, — исполняли "Интернационал". В полированных плитах лабрадорита проступали Гаврош, собирающий гильзы на перроне, баррикады Парижской коммуны, оголившая смуглую грудь Свобода во фригийском колпаке. Гулко пронеслось по рельсам чугунное ядро — вывороченное из циклопического подшипника — и покатилось Садовым кольцом.

Это дети подземелий прорыли метро, как гномы орудуя стахановскими отбойными молотками, шлифуя гранитные камни до зеркального блеска, это они, поднявшиеся с самого дна, строили стремящиеся ввысь стратостаты, перегораживали реки невиданными плотинами, рыли как муравьи марсианские каналы, но прежде — рассорились с Короленко, сочтя его милосердие унизительным, мало заботясь о том, что гибель их счислялась на миллионы и называли их винтиками — в той титанической, с жерновами машине, напоминающей мельницу.

Над вращающейся, идущей кругом Москвой вздымались облитые утренней ртутью "Рабочий и колхозница", возносящие серп и молот, — выкованный из нержавеющей листовой стали парный колосс, полый внутри, — ничуть не похожий на служившего прибежищем Гаврошу, по-домашнему шуршавшего мышами и поскрипывавшего как старый корабль деревянного слона; сиамский монстр индустриализации, чье выкатанное сварное нутро, образованное цилиндрическими стволами, воронеными раструбами и сегментированными коленами могло служить лишь образом какого-то нечеловеческого духового инструмента, специально созданного для исполнения маршей...

Запотевшие рубиновые звезды мерцали над причудливыми Кремлевскими башнями, нагроможденными на Боровицком холме, и невидимая рука великого и ужасного Гудвина — спрятанная в ежовую рукавицу или по-кошачьему мягко потягивающая вязанные петельки — двигала по-

слушными фигурками из-за зубчатой каменной стены, оставляя на рукаве след красной кирпичной пыли. Сын гуталинщика, возводя гигантские статуи, сам по природе был мал и неказист, а гримеры тщательно выглаживали его портретное лицо, очищая от оспы.

За сонными останкинскими палисадами, в сером здании с невыразительным плоским фасадом помещался волшебный институт кинематографии — где в продернутых сквозняками остекленных коридорах слышался грассирующий говор Герасимова, зябко оглаживавшего костистый затылок — словно пробуя: все ли голова на месте...

Когда подул юго-западный ветер, громыхая железным театральным занавесом, возомнившие о себе куклы, погребя рябое божество в галикарнасской гробнице, еще долгие полвека старательно длили антрепризу, упражняясь в режиссуре, составляя проскрипционные списки и вымарывая имена из титров. Запахнувшись в долгополые габардиновые плащи, прикрывая лица похожими на сморщенный цветок золочеными масками, они повторяли вслед за Вергилием: *Si parva licet componere magnis — "Когда ничтожным бывает позволено великое"*...

В той кромешной мартовской каше, перемежавшей свинцовые заряды пурги с трескотней фейерверков, заглушавшей расстрелы, ремаркой удалившегося драматурга были отмечены рукастые деревянные интриганы с оловянными глазами, несгибаемые огородные пугала, набитые торчащей соломой, слагающие мадригалы трубадуры, ловкие жонглеры в шахматных трико, суконные манекены из магазина готового платья. Кубки с отравленным вином переходили из рук в руки.

Щеки у живых были бледны, а у кукол сияли румянцем. В сопоставлении неодушевленных, размалеванных красками личин с помертвевшими лицами живших было что-то завораживающее, что можно было назвать роковым...

Однажды в каменном ущелье пересохшего Колодезного переулка, в фойе кинотеатра, она увидела уже поблекшее от натоптанной пыли масштабное, писанное красками полотно, изображавшее легендарного комбрига Котовского, чье имя носила кинопрокатная точка — бывший театр Шварца.

Под портретом родившегося в Ганчештах героя гражданской войны, застывшего с "цейсом" у прочерченной по Днестру румынской границы, помещалась полукруглая площадка, где перед вечерними сеансами играл состав в два-три инструмента или пела невзыскательная певичка; ком-

бриг — в безбрежных кавалерийских бриджах и едва захватывавшей макушку фуражечке, придававшей ему несколько шутовской вид, казалось, и сам готов был выйти на подмостки, не чуждый лицедейства, — если б не лежала перед ним невидимая грань: предел живописного правдоподобия или расплывчатая линия кордона, за которым лежал отторгнутый бессарабский берег, куда ему уже не суждено было ступить...

Вот и она нигде и никогда не была по-домашнему своей, невзирая на годы, проведенные в Москве, несмотря на десятилетия, прожитые в Одессе, оставаясь чужой даже в своей поздней славе и присутствуя как бы неполною мерой — как сорока на белом снегу, когда часть ее черного, с синеватым оттенком окалины тела кажется выеденным щемящею щелочью света. Временами безысходность прочитывалась в ее темневших чертах. Скуластое лицо было небрежно обведено кукольной стрижкой, будто оправленное в солдатский парик, и взор ее, не обремененный реальностью, был устремлен на далекий и уже на самом деле не существующий берег, к башне из слоновой кости. Фильмы ее клали на полку, она годами оставалась в простоях или делала индийские дубляжи, затеривалась в толкотне ассистентов, снималась в проходных эпизодах, — так старые итальянские мастера помещали своих двойников где-нибудь в неприметном уголке картины, уже затененном надвигающейся рамой, среди торговок, продающих битую птицу, или неряшливых прях, вырабатывающих тяжелые, пронизанные золотыми нитями гобелены, — представляясь персонажем из толпы, артистом миманса, но никак не тем, от кого будет зависеть конечное расположение фигур, когда замрет в некий роковой миг впадающий в красно-коричневые или зеленовато-землистые тона неотвратимый сюжет.

После того как закрыли "Княжну Мэри", она вновь взялась за написанный шесть лет назад для киностудии Горького сценарий "Дети подземелья"...

Татьяна БАСАНЕЦ

Коллекция

Еще год назад автор этого материала даже не предполагала возможности его публикации на страницах альманаха. Он мыслился всего-навсего как часть личного архива о частных коллекциях, в которых хранятся произведения одесских мастеров. И лишь неожиданная встреча с Григорием Бурле, приехавшим на родину из далекого Израиля летом прошлого года, стала поводом рассказать читателям о его собрании живописи и графики. Это желание, не скрою, подогревал как всегда увлекательный факт общения с бывшим одесситом, судьба которого — непростое пересечение прошлого и настоящего, запечатленная содержанием его прекрасной коллекции. В ней собраны работы уже известных в художественном мире авторов и тех, кого слава не баловала своим расположением. Встреча зафиксирована как интервью, с единственной целью передать живую речь и рассуждения Григория, хотя преамбулой к ней, конечно же, станет удивительное путешествие его коллекции с берегов Черного моря в далекую страну, где ей суждена дальнейшая жизнь.

Уезжал в Израиль Г. Бурле, как и многие его соотечественники в те годы, по идейным убеждениям. Его багажом была прежняя жизнь в виде собственных работ, подарков друзей-художников, приятелей и просто знакомых. Это богатство, а Бурле до сих пор считает его таковым, не сулило финансового успеха, славы, надежды на благополучное устройство семьи на новом месте. Холсты, рисунки, графика — стали связующей нитью с прошлым, памятью о годах студенчества в стенах Одесского художественного училища, об учителях, собратьях по творчеству, ибо они — часть его прежней и нынешней жизни. Так начиналась коллекция. И естественно, мой первый вопрос о том, **умышленно ли ее создание?**

— В первую очередь нужно отметить, что коллекция образовывалась как бы сама собой, незаметно. Как медленно проникающая радиация. Независимо от себя втягиваешься в мир прекрасного и уже никуда и никогда не можешь выйти из него. Я вспоминаю армию, а это было 35 лет назад. Мой сослуживец, повар полка Вовочка Новиков, из Иваново, выносил из библиотеки, тайком, на себе, как знамя полка, цветные вкладки из книги о Возрождении. Глаза его блестели страстью, и он говорил: "Я сейчас нехорошо поступил, вырвал из альбома листы. Но это же Доменико Гирландайло, Фра Филиппо Липпи, Беато Анжелико. Я не мог устоять!". Откуда у него было такое преклонение перед прекрасным? У повара, пришельца? Истинный Ломоносов!

Думаю, что граница проходит не по образованию, развитию, а по поперечному водоразделу, по природному чутью. Любовь и ощущение искусства не обязательно прерогатива только одних художников. Меня всегда поражало, что многие из них вовсе не интересуются творчеством своих ближайших собратьев по профессии, а если и имеют чьи-то работы, то хранят их на полках мастерских. Видеть вокруг себя ежечасно произведения разных авторов, ведь это такое чудо! Это макромир, не сравнимый ни с чем. Лет десять назад, уже здесь, в Израиле, я по воле случая оказался в друзской деревне (друзы — замкнутая религиозная секта, отколовшаяся от ислама) на горе Кармель, за Хайфой, в доме Сальмана — печатника и фотографа. Сразу же поразило обилие работ на стенах, среди которых были офорты Рембрандта и Доре. Позже хозяин с чувством благоговения и трепета вынес в специальной папке живопись Веронезе (с музейным номером на тыльной стороне). Дальше в разговоре я спросил его, соблюдает ли он траур по умершему несколько дней назад духовному лидеру общины друзов. Он ответил, что его Бог вот тут, и указал на офорт Рембрандта, висевший на стене. Это к вопросу о причине и поводе.

— Твоя коллекция достаточно большая. Временные рамки создания работ?

— Большинство работ, конечно же, XX век. Хотя есть и французский офорт-акватинта XVIII века, а также произведения, созданные уже в XXI веке. Много одесситов, других художников, с которыми мне посчастливилось познакомиться в домах творчества, где я бывал, когда жил в Союзе.

— Существует какая-либо регламентация работ в твоей коллекции?

— Я не делаю ограничений по темам, технике и жанрам. Меня интересует диапазон всех направлений. По-видимому, в будущем, по мере увеличения собрания, будет необходимость распределить произведения либо по технике исполнения, либо по направлениям. Но для этого требуется еще одна важная вещь — достаточность места экспонирования.

— Какие работы в коллекции для тебя особенно ценны?

— Есть работы, которые покоряют сразу, с первой минуты. Другие же влекут к себе чем-то неведомым, неясным, но позже становятся понятными и близкими. Сейчас бытует такое выражение: "образовалась химия", контакт, что ли. Я очень ценю работы И. Островского, В. Хруща, прекрасные сухие иглы А. Шопина, живопись И. Зомба, гуаши С. Лыкова. Акварели и живопись тончайшего мастера А. Лисовского. Живопись и акварели моих учителей из художественной школы С. Сычова и Н. Зайцева.

"Грустные" акварели и живопись М. Черешни, рисунок В. Стрельникова, этюд Е. Мучника, самобытного И. Бербенца — одного из самых тонких колористов одесской школы. Виртуозного мастера цветного офорта Г. Верещагина. Дороги работы Д. Тронова. Литографии, рисунки и живопись А. Фрейдина, Лопатникова, Лантухова. Я. Ольшанецкий завораживает своей ностальгией по ушедшей Одессе. Из неодесситов — А. Архипов, графика О. Гречиной, В. Попова, Ю. Чарышникова, Г. Суханова, К. Мкртычана, Д. Шанидзе, С. Заровного, А. Суворова, С. Геты, М. Садыкова и, конечно, Остроумовой-Лебедевой.

— Экспонировалась ли коллекция, отдельные работы на каких-либо специальных выставках?

— Коллекция еще не экспонировалась целиком, но многие работы публиковались в каталогах и сборниках, выпущенных к отдельным выставкам. Это и одесситы, и художники из других городов. Их много. Не буду перечислять.

— О каких художниках, входящих в твою коллекцию, хотелось бы упомянуть особо?

— Несомненно, такие есть. Висящие на стенах моего дома произведения разных авторов стали для меня родными, но взгляд всегда выделяет самых любимых. Это работы А. Лисовского — редкий художник, который, к чему бы ни прикасался — всегда создает необыкновенное. В. Басанец для меня открылся после замечательной выставки в 1980 г. в залах Музея западного и восточного искусства. Макромир его работ внутренне ни на кого не похож. Яркая индивидуальность. Тонкая техника и колорит, а для меня как скульптора — я ведь заканчивал в училище скульптурное отделение — удивительное выраженное чувство формы. Образы неведомых лиц и фигур — тайна, это символы его творений. А. Шопин — мощь фантазии и сложность исполнения. Он, несомненно, звезда на художественном Олимпе Одессы. Мой педагог из художественной школы С. Сычов, казавшийся нам, 12-13-летним школьникам, "странноватым", часто говорил о необходимости работать над этюдом в любом понравившемся месте, не стесняясь публики, даже на перекрестке Дерибасовской и Преображенской, где я его увидел однажды пишущим этюд. Еще он любил повторять о необходимости разглядеть красоту композиции даже в палитре. Только по прошествии времени мне, к сожалению, стало понятно, что его высказывания — моменты истины. Илья Зомб, у которого я часто бывал и видел, как он работает — еще одна яркая личность, родившаяся у Черного моря. "Старики" И. Островского великолепны, и иногда видятся как живопись старых классиков, хотя и несут в себе явно

выраженные элементы неофициальной живописи конца XX века. За месяц до смерти, будучи тяжело больным, он позвонил мне и поведал грустный рассказ о еще одном одесском художнике Ефиме Ладыженском, жизнь которого трагически завершилась здесь, в Иерусалиме, в 1982 году. А Валя Хрущ! Кажется, другого художника за такие работы бы заклевали. Его необъяснимый мир, в котором ничего нет особого, но есть все. Они обладают особым ароматом, если вникнуть и прочувствовать его творчество. Впрочем, это касается многих одесситов. А взметнувшийся вверх А. Ройтбурд! Мощь его потенциала перехлестывает через край. Или Ю. Плисс, который сейчас, по-видимому, один из самых интересных художников нового поколения. Нельзя не отметить виртуоза цветного офорта Г. Верещагина. По правде говоря, я видел на "Сенеже" многих метров офорта, но Верещагин — это явление, на мой взгляд, из ряда вон выходящее. Хочется также отметить упомянутого выше Ивана Кузьмича Бербенца. Он окончил после войны художественное училище вместе с моей мамой. Учились они у Фраермана, Муцельмахера и Мучника. Как- то, лет 40 назад, он подарил ей этюд — закат на море. Не побоюсь сказать, что я всегда считал его шедевром. Это было и есть мое восприятие. А портрет матери вообще, как мозаика — каждый мазок "в яблочко" и сходство огромное. К сожалению, Бербенца поглотило ненасытное чрево Худфонда, где пропали очень многие таланты. Многие метры Союза художников считали его, и не без основания, самым сильным живописцем Одессы. Собственно, эти две работы Бербенца и положили начало моей коллекции. Еще я очень люблю работы С. Лыкова. Великолепные и ни на кого не похожие. Вот, наверное, самое главное в моей коллекции, хотя дорого все. Не буду повторяться.

— Пополняется ли коллекция в настоящее время?

— Коллекция растет. Из последних приобретений литография умершего в Израиле выпускника Одесского художественного училища 1919 года И. Фринеля, чей музей действует в Цфате. Гуашь бывшего одессита и ученика нашего училища В. Штивельберга, живущего ныне в Канаде. Есть и несколько новых работ одесситов. Среди них — В. Рисовича, творчество которого всегда привлекало меня своим неповторимым ощущением Одессы. Появились произведения Н. Каплуновича из Минска и Б. Лучанского из Алма-Аты (оба живут в Израиле), С. Тюканова из Калининграда. К сожалению, желание увеличить собрание не всегда соответствует возможностям и ограничено пространством для экспонирования, что вынуждает подбирать работы небольших размеров.

— Как представляешь будущее своей коллекции?

— Я останусь там, где живу сегодняшним днем. Былые впечатления

и воспоминания все еще потрясают душу. Понимаю, что чрезмерные планы на будущее редко выполнимы. Радуюсь работам, висящим на стенах моего дома. Они дают силы и моему творчеству тоже. Это немало. Надеюсь, что когда-нибудь собрание все же будет представлено взору публики. Пока конкретных планов нет. И несколько мыслей попутно. Большое видится на расстоянии. Это к тому, что когда в интернете встречаюсь с одесскими художниками, то воочию вижу, какой мощный пласт творцов родила Одесса. И самое главное, что ни запреты, ни застои, ни перестройки не повлияли на пробивавшиеся сквозь серый асфальт и обыденность толпы таланты. А сегодняшняя вседозволенность и "торжество рынка", видимо, не всегда сопутствует истинным и искренним произведениям. Это парадокс жизни.

— Думаю, что о коллекции ты рассказал главное. Теперь немного о своем творчестве. Я знаю, что ты давно экспериментируешь в графических техниках, создаешь работы в их сложных сочетаниях. О твоем методе рассказать непросто, тем не менее, он успешно реализуется. Есть выставки, и даже награды.

— Да, действительно, работаю много. Стараюсь работать каждый день в меру возможностей в разных техниках. Хочется максимально выразить себя в выявлении формы, "заплавлять" в единое целое некие эклектические элементы. Моя технология действительно сложна. Пока ищу пути максимального "изобразительного заполнения", хотя мечтаю когда-то создать работы малыми (менее трудоемкими. — **Т. Б.**) средствами. Кстати, я давно понял, что размер произведения не так уж важен. В небольшом формате можно выразиться максимально целостно и полно. Работы, невзирая на размер, конечно же, несут отпечаток автора, его автограф. А еще очень хочется вновь побывать в Одессе, и может быть, сделать небольшую выставку своих работ, возможно, показать свою коллекцию.

P. S. В последнем письме Гриша прислал свои воспоминания о С. Сычове, узнав о его смерти. Искренние и трогательные слова. Там же находилась и вырезка из местной газеты, где сообщалось о новом теракте в Иерусалиме, унесшем жизни взрослых и детей. Ее сопровождал грустный комментарий художника. Привожу его дословно: "Посылаю тебе статью из нашей прессы как фон нашей ежедневной жизни. Увы, тут как бы не до коллекций. Ну, ничего. С помощью Всевышнего мы преодолеем всех наших врагов. Аминь".

Ольга БАРКОВСКАЯ

Камерный театр Константина Миклашевского

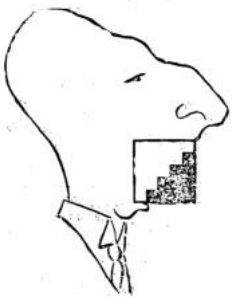

К. Миклашевский в фарсе "О шапке рогаче" Старинный театр. 1907-08

Смутное и драматическое время 1918-19 годов неожиданно стало для культурной жизни Одессы своеобразным расцветом (только одно перечисление имен столичных знаменитостей, волею политической ситуации и случая оказавшихся в нашем городе, составило бы весьма внушительный по размерам список). Литературная, художественная, театральная деятельность оживилась чрезвычайно. Чуть не каждую неделю возникали новые газеты, журналы, издательства, всевозможные общества, рождались многочисленные маленькие театры. Большинство их вполне заслуженно забыты. Но некоторые, несмотря на почти эфемерную краткость существования, заняли свое место в истории искусства.

Интереснейшим явлением в этом ряду стал Камерный театр, созданный в Одессе весной 1918 года известным петербургским актером и режиссером Константином Михайловичем Миклашевским, автором нашумевшей тогда книги "Commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов в XVI, XVII и XVIII веках" (Пг., 1914-1917).

Начало театральной карьеры К.М. Миклашевского (Миклаева, 1886-1944) связано со Старинным театром в Петербурге. Это был театр-эксперимент, поставивший своей целью воссоздание на современной сцене театральных зрелищ прошлых эпох. Старинный театр просуществовал всего два неполных сезона, в 1907-08 и 1911-12 годах, но сумел стать заметным явлением. "К.М. Миклашевский, пришедший в него как любитель, после первого сезона завершил свое специальное образование и затем выработался в серьезного, в высшей степени культурного театрального деятеля. Работа над средневековым театром до того увлекла Миклашевского, что в результате появился его серьезный, строго научный труд "Commedia dell'arte", удосто-

К. Миклашевский. Автошарж Одесса, 1919

енный премии от Академии наук", — писал Э. Старк в своей книге "Старинный театр" (Пг., 1922, с. 68). В первом сезоне Старинного театра 1907-08 годов Миклашевский выступал как актер. А к открытию нового сезона 1911-12 годов успел окончить казенную драматическую школу в Петербурге (по классу актера и режиссера Александринского театра А.И. Долинова). В 1911 г. Миклашевский — режиссер и самый молодой из трех главных руководителей театра (двое других, Н.Н. Евреинов и Н.В. Дризен, были основателями театра в 1907). Основная задача Старинного театра — "показывать именно прежде всего театр, каким он когда-то был, показывать обстановку и актера в ней" (Старк Э. Там же, с. 39). Естественно, что организаторы особое внимание уделяли строго научному изучению материала. Летом накануне открытия нового сезона все трое отправились за границу: Евреинов в Неаполь, а Дризен и Миклашевский — в Испанию, где произвели "обширные розыски в области документов, относящихся к великому прошлому испанского театра, собрали всю необходимую иконографию, посмотрели современные сценические представления, ознакомились с испанскими танцами, игравшими столь большую роль в испанском театре, вообще надышались воздухом Испании, а это было чрезвычайно важно для выработки в себе правильного отношения к предмету своей работы" (Старк Э. Там же, с. 39).

Но вернемся в 1918 год. 13 сентября (по новому стилю) в газете "Театральный день" появилось сообщение: "В Одессу приехал из Петрограда известный режиссер и автор книг о старинном итальянском театре К.М. Миклашевский". Город был переполнен беженцами, снять прилич-

Объявление к открытию Камерного театра в журнале "Мельпомена" (1919, № 49)

ное жилье стало сложно — и до конца месяца из номера в номер газета печатала слезное объявление: "Ком-на-ту! ищет Миклашевский. Екатер. 2".

Мэтр осматривался, время от времени участвовал в театральных дискуссиях, а 10 октября в театре Литературно-артистического клуба должна была состояться первая лекция "одного из выдающихся исследователей театра, режиссера и актера К.М. Миклашевского, автора книги об итальянских комедиантах, или так называемой commedia dell'arte (...). Полагаем, что лекция К.М. Миклашевского, уже выступавшего в Одессе в качестве оппонента на других лекциях, вызовет большой интерес" (Театр. день. 1918. 10 окт.). Этим выступлением правление клуба собиралось открыть новый литературный цикл, но Миклашевский заболел, и лекция не состоялась.

В начале 1919 года, освоившись в одесских театрально-художественных кругах, Миклашевский начал претворять в жизнь вполне конкретные идеи: "Кружком молодых артистов основан театр худож. исканий под названием "Молодая студия". Во главе — Миклашевский и Адашев (Московский художественный театр). Принимает участие Е.Т. Жихарева. Уже два раза шла "Электра" Софокла. Готовятся "Близнецы" Плавта и "Саломея" с участием Эльзы Крюгер" (Вечерний час. 1919. 29 янв.). Отметим здесь, что Александр Иванович Адашев — известный актер и педагог МХАТа; Елизавета Тимофеевна Жихарева — знаменитая в столицах и провинции драматическая актриса, многолетняя любимица одесской публики; Эльза Крюгер — не менее популярная характерная танцовщица, с 1917 года почти постоянно работавшая в Одессе, и всегда с неизменным успехом.

"Молодая студия" вскоре преобразовалась в более серьезное предприятие: "В помещении театра "Миниатюр" на Ланжероновской улице открывается "Камерный театр". Руководителем этого театра является один из вдохновителей Петроградского "Старинного театра" и "Музыкальной драмы" К.М. Миклашевский, режиссером приглашен артист Московск. художеств. театра А.И. Адашев (...). Заведующим музыкальной частью приглашен петрогр. артист, композитор А.И. Подашевский, художественной М.Ф. Нечитайло-Андреенко и Алекс. Беркович" (Веч. час. 1919. 25 февр.).

Михаил Андреенко-Нечитайло (1894-1982) только начинал свой путь художника. Настоящую известность он приобрел уже в эмиграции, в Париже. Уроженец Одессы, он вырос в Херсоне, учился в Петербурге, был декоратором в театре Литературно-художественного общества. Работа в Камерном театре, с его стремлением даже не к стилизации, а к историче-

ски достоверной реконструкции театра прежних эпох, стала для молодого художника хорошей школой.

Александр Беркович (1891-1930-е) родился и вырос в Херсоне, учился в Мюнхене и в Одессе. Работал в одесском Городском театре. Затем, в 1920-е годы, волею судьбы он оказывался поочередно в Москве, Ленинграде, Ашхабаде, пока в 1926-м не эмигрировал в Канаду. Как видим, оба художника были молоды, но имели достаточно серьезную профессиональную подготовку.

Материальную поддержку новому делу оказал И. Ксидиас, издатель одесской газеты "Южная мысль". По этому поводу сатирический листок "Перо в спину" ехидничал: "Банкир Ксидиас открыл "Камерный театр", чего и вам желаем. Предприятие оказалось столь же выгодным, как и "Южная мысль" (1919. № 9, март).

М. Андреенко-Нечитайло
Эскизы костюмов и декораций к "Менехмам" Плавта

Итак, новый театр накануне открытия. Газета "Вечерний час" 25 марта публикует большое интервью с руководителем, в котором Миклашевский представляет будущим зрителям задачи Камерного театра:

"Прежде всего, наш театр не кабаре и не миниатюр. Ничего не имею, в принципе, против этих видов представлений, иногда таящих в себе элементы подлинного искусства; следует, однако, признать, что они уже сказали свое слово и уже несколько приелись. Во-вторых, наш театр не будет похож на драматический театр в общепринятом значении этого слова. Совсем не будет похож. Мы не желаем надоевших пьес, отражающих

"подлинные" жизненные будни, с актерами в пиджаках, с чаепитием на сцене, с шаблонным резонерством старого слуги или няньки...

Театр исканий? — Тоже нет. Правда, наш театр мал размерами и рассчитан, так сказать, на избранную публику, но все же скажите мне, какое дело зрителю до исканий? Зритель требует новизны, но новизны испытанной и признанной. Его радуют не искания, а достижения. Таковы именно наши цели. Мы стремимся дать зрителю впечатления новые и яркие (...).

Мы не преследуем ни нравоучительных, ни воспитательных целей. Нам нужны лишь элементы подлинного театра, нам нужно то вечно театральное, что объединяет зрителя из "Лондонской" гостиницы со зрителем с Молдаванки, зрителя из Парижа со зрителем из Калькутты, зрителя 20-го века со зрителем древнего Рима".

Короткую историю театра Миклашевского, во многом продолжившего традиции петербургского Старинного театра, можно в какой-то мере восстановить по публикациям в одесской периодике.

4 марта последовало объявление: "Открытие на днях. "Камерный театр" (В помещении театра "Миниатюр") Ланжероновская, 24. Один спектакль в вечер. Репертуар: комедии, классические, стиля dell'arte, романтические драмы. Собственные декорации и костюмы". А уже на следующий день тот же "Вечерний час" сообщал: "В понедельник 10-го марта в помещении театра "Миниатюр" состоится открытие спектаклей "Камерного театра" (...). Для открытия ставится античная комедия Плавта "Близнецы" в постановке К.М. Миклашевского. Исполнители в масках. Декорации и костюмы пишутся художником Нечитайло-Андреенко по рисункам, предоставленным профессором Б.В. Варнеке. В дальнейший репертуар вошли: "Два болтуна" — Сервантеса, "4 сердцееда" — Миклашевского, "Теофил" — средневековый миракль и др." (Веч. час. 1919, 5 марта).

Некоторое представление о спектаклях дают старые рецензии.

Альцест (Е.Я. Генис): "Шли комедия Плавта "Близнецы" и интермедия Сервантеса "Два болтуна" (...). Как реконструкция античного театрального представления это было и ново, и любопытно, давало публике возможность посмотреть Плавта в той сценической интерпретации, в какой он преподносился зрителям древнего Рима. Значительно менее было здесь места чисто художественным эмоциям (...) трудно нам, современным зрителям, привыкшим наслаждаться игрой лица актера, видеть в течение часа перед собой грубые, безжизненные, размалеванные маски. Играли "Близнецов", в общем, весьма недурно — живо, ярко, с подчеркнутой выразительностью жеста и всего тела (...)

Поставлена была и срепетирована пьеса с тем вдумчивым, серьезным

К. Миклашевский
Шарж С. Зальцера
Одесса, 1918

и добросовестным отношением к делу, которое является принадлежностью истинно культурного и художественного начинания" (Мельпомена. 1919. № 50).

Профессор Б.В. Варнеке: "Хочу сказать лишь несколько слов про научно-историческую ценность этих спектаклей, представивших для всякого, кто занимается историей театра, громадный интерес (...). При содействии очень даровитого художника Андреенки ему [К. Миклашевскому] удалось до мельчайшей точности воспроизвести ряд масок, которые каждый археолог прекрасно знал по памятникам древнего искусства (...). Очень удачно воскресил г. Миклашевский и декорационную сторону: намеки на домики, спуск в суфлерскую будку точно соответствовали условиям римской сцены, снабженной спереди лестницей, по которой так же спускались и подымались римские актеры" (Мельпомена. 1919. № 52).

Были, правда, отклики и другого рода. "Пусть меня заставят ежедневно ходить в "Камерный театр" и высиживать до конца на всех греческих постановках г. Миклашевского, если я..." — эмоционально восклицал на страницах той же "Мельпомены" Ст. Радзинский.

Следующим спектаклем Камерного театра стала "Электра" Гофмансталя. Один из ведущих одесских журналистов и критиков Лев Камышников писал: "Камерный театр — это оазис среди пустыни одесской нетеатральности (...) среди грохота ресторанно-подмосточного "искусства" у нас неожиданно вырос маленький скромный театрик, смелый до отчаяния, самоуверенный до наивности, и провозгласил на своем знамени-афише — служение красоте (...). Камерный театр оправдал свое право на существование постановкой хотя бы одной "Электры" (Веч. час. 1919, 18 марта).

"В Камерном театре (...) Ближайшая премьера состоится в четверг, 6-го марта. Идет в первый раз еще нигде не шедший фарс К.М. Миклашевского "Четыре сердцееда", написанный в стиле commedia dell'arte. Музыка написана композитором А.Н. Подашевским, декорации — худ. Нечитайло-Андреенко. Также пойдет старинный водевиль П. Каратыгина "Виц-мундир" (Веч. час. 1919, 19 марта). Кстати, в издательстве "Омфалос" в это время планировался выпуск книги Миклашевского "Четыре сердцееда". С текстом фарса часть одесской интеллигентной публики могла познакомиться и раньше: "В среду в Лит. Арт. клубе режиссер и автор

книг К.М. Миклашевский читает свое произведение, псевдоклассическую комедию "4 сердцееда" (Мельпомена. 1919. № 42).

В конце марта начался пост. Театры на время закрылись: "С завтрашнего дня во всех театрах прекращаются на неделю спектакли" (Веч. час. 21 марта). Но в театре продолжалась работа — шли репетиции, обдумывались новые спектакли: "В "Камерном театре" сейчас усиленно репетируют пьесу Фольмеллера "Графиня д'Арманьяк и два возлюбленных". В главной роли выступит артистка госуд. театров Е.Т. Жихарева. Декорации заканчиваются художником Гершенфельдом". (Там же. 25 марта); "В портфеле "Камерного театра" имеется пьеса А. Луначарского "Король и брадобрей", которая будет поставлена в скором времени" (Там же. 27 марта).

"28 марта в помещении Камерного театра состоялся вечер кружка местных поэтов "Зеленая лампа". С докладом и чтением своих сонетов выступил Леонид Гроссман. Стихи читали Наталья Крандиевская, Максимилиан Волошин, Юрий Олеша, Вениамин Бабаджан и другие". (Там же. 29 марта).

31 марта спектакли в Камерном театре возобновились "Электрой": "В "Камерном театре" сегодня ставится с участием Е.Т. Жихаревой "Электра" и "Действо о Теофиле" (...). В фойе театра завтра открывается выставка картин местных и иногородних художников" (Там же. 31 марта).

"В "Камерном театре" сегодня премьера: с участием артистки госуд. театров Е.Т. Жихаревой идет пьеса Фольмеллера "Графини д'Арманьяк и ее два возлюбленных". В фойе — открытие выставки картин" (Там же. 1 апр.).

В последнем номере перед приходом большевиков (3 апр.): "Следующей премьерой в "Камерном театре" явится комедия Мольера "Мнимый больной" (со всеми интермедиями). Пьесу ставит вновь приглашенный режиссер госуд. Александринского театра Ю.Л. Ракитин". А 4 апреля в городе уже советская власть. Началась очередная ломка уклада — закрылись газеты и журналы, перестали работать многие театры.

17 апреля, уже в "красных" "Известиях Одесского Совета рабочих депутатов", появилось лаконичное сообщение о состоявшемся "на открытом воздухе" спектакле Камерного театра "Менехмы". На этом, судя по отсутствию дальнейшей информации, театр закончил существование.

Осенью 1919-го Миклашевский еще в Одессе, читает лекции в школе-студии художницы Александры Экстер, выступает на страницах "Одесского листка". Скорее всего, до 8 февраля 1920 года (когда установилась советская власть) он оставался в городе. В начале 1920-х Миклашевский ненадолго оседает в Петрограде, опять читает лекции, преподает, ставит

спектакли, публикуется в прессе. Затем, с 1925 года — эмиграция. В небольшой книжке Д. Северюхина "Русская художественная эмиграция" (С.Пб., 2003) есть сведения о Русском общедоступном драматическом театре в Белграде, причем автор замечает, что им "руководил актер А.Черепов, а после его отъезда из Югославии - режиссер К.М. Миклашевский" (с. 42). Какое-то время Миклашевский работал и в Германии, но окончательно поселился во Франции. Уже в 1927 году в Париже под псевдонимом C. Mic (К. Мик) вышла книга "La commedia dell'arte". Один из крупнейших советских историков театра А. Дживелегов писал: "Кроме книги К. Миклашевского "La commedia dell'arte. Театр итальянских комедиантов в XVI, XVII и XVIII веках, 1914-1917", так и оставшейся на русском языке обрывком и завершенной в 1927 г. на французском языке, — все, что было напечатано по-русски, представляет собою статьи или части учебной литературы" (Дживелегов А. Итальянская народная комедия. — М., 1962, с. 285). Как ни странно, наиболее подробные сведения об эмигрантском периоде Миклашевского нашлись в энциклопедическом словаре А. Серкова "Русское масонство" (М., 2001). В Париже он работал как актер и режиссер в театре и кино, сотрудничал в прессе, занимался антикварной торговлей. В 1937-39 годах увлекся идеями масонства и состоял членом двух лож, созданных российскими эмигрантами. В последние месяцы жизни играл в парижском театре Русской драмы, которым руководил Н.Н. Евреинов. Смерь его была истинно актерской — Миклашевский умер, отыграв премьеру спектакля по пьесе Евреинова "Самое главное".

Роман БРОДАВКО

Средство от забвения

Для каждого человека, кем бы он ни был, важно, какой след на земле он оставит, сохранят ли потомки память о нем. Увы, помнят далеко не всех. Это касается не только людей, посвятивших жизнь искусству и немало сделавших для его развития. Печать забвения лежит на многих одаренных авторах научных открытий и рационализаторских предложений, на крупных педагогах и врачах, талантливых рабочих и хлеборобах, мужественных командирах и рядовых. Наряду с общепризнанными лидерами, нередко в историю проникают и "разнообразные не те". Восстанавливать справедливость всегда приятно — даже если это лишь упоминание о мастере, сыгравшем видную роль в небольшом отрезке времени.

Это — рассказ о музыканте, часть жизни которого была связана с нашим городом, где он учился, успешно начинал свою творческую деятельность, встретил свое счастье. Его имя — Яков Каплун.

Он родился в 1907 году в местечке Голта в семье сапожника, который был большим любителем классической музыки. В семье был граммофон и несколько сотен пластинок с записями оркестровой и оперной музыки — по тем временам большая редкость. В пять лет Яков взял в руки скрипку. Его первым учителем стал свадебный музыкант, клезмер. Мальчик учился старательно, делал успехи. Параллельно с музыкой он увлекался рисованием, его способности к изобразительному искусству были очевидны, но победила музыка. В семилетнем возрасте он дал свой первый концерт перед ранеными солдатами первой мировой войны.

Несмотря на серьезные материальные трудности, отец все же нашел для сына настоящего учителя музыки. Это был некий Федер, профессиональный музыкант, по достоинству оценивший способности мальчика. Приблизительно в десять лет Яков начал сочинять музыку. Первыми его произведениями были этюды для скрипки.

В 1923 году шестнадцатилетний Яков Каплун поступил в Одесский музыкально-драматический институт имени Бетховена (в него на короткий срок была преобразована консерватория), в класс выдающегося педагога Петра Соломоновича Столярского. Это была для него настоящая школа! Яков совершенствовал исполнительское мастерство, активно осваивал скрипичный и альтовый репертуар, играл в оркестре и в ансамблях, а, кроме того, слушал много разнообразной музыки, в том числе современной, и сочинял. За пять лет учебы в муздрамине Каплун написал

поэму для малого состава оркестра "Песня о Гайавате" по Лонгфелло, "Вариации на финскую тему", Скерцо для скрипки и симфонического оркестра, "Колыбельную" для скрипки и фортепиано, этюды, прелюдии...

В 1928 году в Одессу приехал известный русский композитор Александр Глазунов. Услышав произведения Якова Каплуна, он дал им высокую оценку. Посоветовал продолжать заниматься композицией.

В дневнике Якова Львовича сохранились записи об одесском периоде его жизни, в частности, о знакомстве с будущей женой, одаренной пианисткой Серафимой (Фимой) Лебединской. Они датированы 1984 годом. Вот несколько фрагментов из них.

"В 1923 году я был принят в Одесскую консерваторию (тогда она называлась Муздрамином имени Бетховена. — **Р. Б.)** по классу скрипки и с 1 сентября начал занятия у Петра Соломоновича Столярского.

С Фимочкой я познакомился в 1926 году, в одном из многих и частых в то время шефских концертов в зале Одесского политехнического института. ОПИ был подшефным Муздрамину институтом, поэтому там бывали часто большие концерты, в которых участвовали наиболее продвинутые и известные в консерватории студенты. На тот концерт я попал впервые (хотя я не был очень "популярен", меня все-таки Петр Соломонович рискнул послать), репертуар был из произведений Крейслера, Венявского, Сарасате, в общем — как у всех. Репетировать с аккомпаниатором мне не удалось. Я даже не знал, кто будет аккомпанировать. Пришел я к началу концерта и увидел, что рояль стоит не на сцене, а в партере около сцены с правой стороны, и сидят там две девушки, с одной из которых я уже однажды играл. Это была Берта Козель. К ней я подошел, чтобы показать ноты и договориться о некоторых условностях. Она меня и познакомила с Фимочкой Лебединской, "восходящей звездой" среди пианистов класса Бибер...

Ее часто приглашали на работу то в драмтеатр, то в известный тогда хор имени Леонтовича. Кроме того, она великолепно читала ноты на лекциях по музыкальной форме профессора Александра Антоновича Павленко, одного из самых строгих педагогов консерватории (его лекции назывались "энциклопедиями"). Он очень высоко ценил ее талант, музыкальность, особенно когда приходилось для студентов проигрывать произведения Баха... В 1926-1927 годах состоялся ее сольный концерт в Большом зале консерватории. Программа состояла из органного концерта Вивальди-Баха, сонаты Бетховена, Испанской рапсодии Листа, Кампанеллы, пьес Скрябина и Прокофьева".

Яков Каплун параллельно учился на композиторском факультете. Летом 1927 года его однокурсник Владимир Фамилиди, прекрасный композитор, который, к сожалению, очень рано ушел из жизни, предложил Каплуну написать вариации для скрипки на тему Глазунова, взяв тему его вариаций для фортепиано фа-диез минор. Это произведение впоследствии получило высокую оценку у музыкантов, в частности, у известного профессора истории музыки Тюнеева. Высоко оценил работу Каплуна и сам Глазунов.

В 1928 году молодой музыкант переезжает в Москву. В течение двух лет он работает концертмейстером группы первых скрипок в симфоническом оркестре Центрального дома Красной Армии. Эта работа была засчитана ему как армейская служба. Параллельно с этим Каплун берет уроки у профессора Московской консерватории А.И. Ямпольского, начинает дирижировать и продолжает выступать как солист, много пишет. Среди сочиненной им музыки — несколько поэм для скрипки и фортепиано, посвященных будущей жене, талантливой пианистке Фиме Лебединской.

В 1930-1931 годах Каплун работает в качестве альтиста в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио, затем переезжает в Тбилиси и становится концертмейстером первых скрипок в симфоническом оркестре Закавказского радио.

Тбилиси в начале тридцатых — крупный музыкальный центр страны. Помимо работы в оркестре Яков Каплун с женой часто выступает с сольными концертами, которые пользуются у слушателей неизменным успехом.

В 1932 году семья возвращается в Москву, и Каплун становится концертмейстером группы альтов оркестра Государственного академического Большого театра. Здесь он прослужит двадцать лет. Но работой в оркестре его деятельность не ограничивается. Он по-прежнему много сочиняет и выступает как солист.

В 1935 году Яков Каплун завоевывает вторую премию на Втором всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в Ленинграде. Конкурсу предшествовал серьезнейший отбор, тем значительней была победа на нем.

В 1939 году Каплун поступил на дирижерский факультет Московской консерватории в класс Г. Столярова, с которым был знаком еще по Одессе. Как всегда, он проявляет исключительную добросовестность. За успехи в учебе Яков становится Сталинским стипендиатом.

В 1941 году семья Каплуна с Большим театром была эвакуирована в Куйбышев (Самару). Сюда в начале 1942 года пришло горестное известие о гибели в гетто на Украине родителей и трех младших сестер. Удар был сильным, но Яков Львович нашел в себе силы продолжать активную исполнительскую и композиторскую деятельность. В 1942 году он завоевывает две первые премии на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение патриотического содержания: за Марш для духового оркестра и за вокально-симфоническую поэму "Родной Украинской земле" на стихи Максима Рыльского для баритона, хора и симфонического оркестра.

В 1943 году семья с Большим театром возвратилась в Москву. Каплун продолжил учебу в консерватории. В 1944 году он был принят в Союз композиторов СССР, в 1945 году окончил консерваторию по классу симфонического дирижирования профессора Николая Аносова.

12 апреля 1946 года состоялось первое исполнение цикла "Девять прелюдий для скрипки и фортепиано", одного из самых известных его произведений. Эта сюита — музыкальное осмысление событий только что закончившейся войны. Критики отмечали образную емкость этого сочинения, проникновенный лиризм и трагический накал. Слушателей захватывала искренность исполнения "Девяти прелюдий" автором и его супругой. В 1947 году это произведение было выдвинуто на соискание Сталинской премии, в 1948-м издано "Музфондом". Однако уже начался период борьбы с "безродным космополитизмом", обернувшийся погромом, направленным против неугодной интеллигенции, в первую очередь еврейского происхождения. О присуждении премии не могло идти речи. В оркестре Большого театра, в Союзе композиторов стали исчезать люди, среди которых были и друзья Каплуна. Вокруг царили страх и подозрительность. Эта тяжелая атмосфера отразилась на здоровье Якова Львовича: вылилась в депрессивное состояние. Несмотря на это, он продолжал работу в оркестре театра и выступал на концертной эстраде. В 1945-1949 годах Каплун концертировал и записывался в ансамбле с Д. Ойстрахом, Л. Оборинным, С. Кнушевицким.

В 1952 году из-за хронической маниакальной депрессии Яков Каплун вынужден был уйти на пенсию. Периодически он писал музыку: части струнного квартета, романсы, песни. В 1972 году издательство "Советский композитор" переиздало "Прелюдии", в этом же году их с успехом исполнил скрипач Григорий Фейгин.

В последние годы жизни Яков Львович периодически давал уроки скрипки и альта, воспитывал внука, будущего композитора Камиля Чалаева.

Я.Л. Каплун ушел из жизни в мае 1985 года, не дожив до 78 лет. Его потомки сейчас живут во Франции.

Есть два средства от забвения, которое может наступить после ухода человека в Вечность. Первое — это жизнеспособность его творческого наследия, второе — память, которая сохраняется в потомках и передается из поколения в поколение. В случае с Яковом Каплуном происходит и то, и другое. Возможно, прочитав об этом человеке, кто-то из музыкантов заинтересуется его сочинениями, и они прозвучат как голос из прошлого, не затерявшийся в хоре голосов наших современников. Голос музыканта, формирование которого как творческой личности произошло в Одессе.

Вера КАЛМЫКОВА

Вадим Перельмутер: "Я прежде всего читатель"

Поэт в России – больше чем поэт: в смысле, еще и филолог, комментатор, преподаватель, исследователь архивов... Вадим Перельмутер, автор трех книг стихов, – не исключение. Он писал о Пушкине, Вяземском, Случевском, Георгии Шенгели, Сергее Шервинском, Аркадии Штейнберге... Проведенные им литературные исследования – всегда расследования: берется белое пятно или никем ранее не замеченная странность, полузаметная несостыковка – и рассматривается с неожиданной точки зрения. Он первым написал о Вяземском не просто как о "друге Пушкина" (а ведь так принято было писать почти полтора века), но как о самостоятельном значительном художнике. Никто до него не попытался доказать, что сказка "Конек-Горбунок" не принадлежит перу П.П. Ершова, хотя сомнения и были. Очередное писательское расследование – и перед читателями книга "Александр Пушкин (?). Конек-Горбунок. Русская сказка". Замысел уже в рукописи был настолько привлекателен, что его похитили сразу два московских издательства. Чуть больше десяти лет назад Вадим Перельмутер, роясь, по обыкновению, в архивах, нашел... писателя (неизданного и гениального) – Сигизмунда Кржижановского.

В. К. Так кто ж вы, наконец?

В. П. Я прежде всего читатель. И любая книга, которую я делаю, — это всего лишь книга, которую я сам хотел бы иметь на полке. А поскольку никто не сделал ее до меня, то...

В. К. Кого в вас больше — поэта или литературоведа?

В. П. Поэт — это скорее состояние, чем профессия. Стихи не пишутся непрерывно. Я историк литературы со всеми степенями свободы, которые из этого следуют: ведь что такое история — никто толком не знает, это та же самая литература. И, между прочим, никогда я не считал себя "литературоведом", никакой системы в моих занятиях нет. Я занимаюсь только теми, кого могу полюбить. Не очень понимаю, как может возникать литература, в том числе и "литература о литературе", иначе, чем из любви. А в объективность любви не верю.

В. К. Как-то привычнее, чтобы человек был погружен или в собственное творчество, или в исследование чужого. Вам такая двойственность не мешает?

В. П. Двойственности для меня и нет. Я глубоко убежден, что иссле-

дованием поэзии должен заниматься человек, который сам пишет стихи. Именно поэт Ходасевич доказал, что пушкинское "Румяный критик мой" — законченное стихотворение, просто начало от окончания отделено пятью томами академического издания. Тот, кто не знает, *как* это происходит, не может понять, *что* происходит.

В. К. Ну, пушкинистикой, особенно вначале, вообще много занимались именно поэты — Ахматова, Шенгели...

В. П. И были лучшими — таковыми, между прочим, и остались. По какой-то серьезнейшей глубине написанное Брюсовым о "Медном Всаднике" до сих пор не утратило своего значения.

В. К. Те поэты, писатели, которых вы изучали, оказывали на вас какое-то влияние?

В. П. Есть некий круг писавших людей — с кем-то мне повезло встречаться и дружить, кто-то умер задолго до начала моих занятий, — которые своей литературой сделали нечто, без чего я никогда не стал бы собой. У меня было сильное потрясение, когда я впервые услышал стихотворения Вяземского, а потом принялся их читать. И вдруг обнаружил, что неверен сложившийся стереотип о "поэте пушкинской поры", таком нормальном второразрядном литераторе, который подпирал своим остроумием, своей полемической силой двух гигантов, Жуковского и Пушкина. Жертвой этого стереотипа падали все — так писал Брюсов, так писал Ходасевич. Я и сделал в "Детгизе" книжку, на три четверти составленную из послепушкинского Вяземского.

В. К. Ваше прочтение отразилось на составлении этой книги?

В. П. Я сразу понял, что если составлять ее из припушкинского Вяземского, то книги, которую мне бы хотелось держать на полке, не получится никогда — набирается ведь всего-навсего 15-20 стихотворений. А вот Пушкин умер, гений его перестал довлеть, возникло страшное чувство утраты, ощущение разрыва с поколением, со временем, — и пошло то, чего ни у кого не было, пошел тот Вяземский, который в поэзии оказывается непосредственным предтечей русского символизма.

В. К. Как вы думаете, поэтические открытия интересны только специалистам?

В. П. Специалисты могут заниматься их анализом, читателю анализ может быть недоступен или неинтересен, но читатель ведь вбирает в себя уникальную авторскую личность именно через ее языковые открытия. Вяземский впервые в русской поэзии использует рифмованные и нерифмованные строки в одном стихотворении, пробует комбинацию различ-

ных метров — и возникает пронзительное приближение речи поэта к непосредственной реакции на происходящее с тобой и в тебе, резко уменьшается дистанция от дословесного к словесной передаче. Строки "Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду, Что страшно мне иметь за гробом жизнь в виду" не по "теме", а по способу выражать ее абсолютно невозможны в пушкинское время.

В. К. И такое было у вас только с Вяземским?

В. П. Нет, конечно. Я прочитал Случевского, потом прочитал все, что написано о нем, и ахнул — насколько по-другому это вижу я. Получилась книжка, тоже впервые изданная для школьников. Я в ней впервые после смерти Случевского напечатал одиннадцать стихотворений из его "Загробных песен", не входивших ни в одно пореволюционное издание. И делал-то книгу о человеке, который резко опередил поэзию своего времени.

В. К. В чем же суть влияния на вас Случевского, Вяземского?

В. П. Мне было важно получить поддержку в своем отношении к стиху, где ты должен быть сам по себе. Это внегрупповое существование в литературе, как бы и кто бы к этому ни относился. Главное при этом — возможность внутренне освободиться от чего-то, переводя в слова, и както дальше жить: что, собственно, и есть литература.

В. К. А что, в жизни Вяземского и Случевского были прецеденты такого внегруппового существования как литературного поступка?

В. П. Представьте себе: распад плеяды, и вот — непонимаемый, осмеиваемый, обкусанный со всех сторон Вяземский... А ему это не помешало почти в 80 лет сесть и написать свои воспоминания в том виде, в котором больше ничего не существовало в литературе — я имею в виду "Старую записную книжку". Создать жанр! Говорят — "фрагмент" идет от Розанова, и все начисто забыли, что комбинацию вымышленного, слышанного, предания, собственных впечатлений, своего опыта — придумал умирающий Вяземский. То же самое — Случевский: недаром же к нему на "субботы" стали ходить первые русские символисты. И теперь сравните стихи Случевского: "вот так над рухлядью и хламом Из перегноя и трухи Растут и дышат фимиамом Цветов красивые верхи" с ахматовским "Когда б вы знали, из какого сора"... Из поэзии Случевского вырос и Волошин, и Николай Заболоцкий, и даже Мандельштам...

В. К. И в своих писаниях о литературе вы выбрали позицию одиночки?

В. П. Это позволило мне сохранить свой язык, свой стиль. Группо-

вое существование в литературе привело к созданию окололитературного "академического новояза", такого "птичьего языка". Я-то глубоко убежден, что книги пишутся — не для всех, конечно, что такое "все", никто не знает и никогда не знал, — для тех, кто хотел бы их прочесть. Человек, который готов на внутреннее усилие, чтобы с тобой общаться, имеет право делать это без словаря. А ты должен быть — не "понятен", нет, но *внятен*. Самые серьезные вещи я стараюсь излагать, поплевывая на требования "тусовки".

В. К. А что это за "новояз"? Как он выглядит?

В. П. Когда я натыкаюсь на слово "дискурс", я закрываю статью. Потому что по мне — достаточно по-русски сказать "проблема", "вопрос", "противоречие". Или "дихотомия"... Есть ведь сейчас целые университетские кафедры, которые только так и разговаривают.

В. К. Может быть, ученые просто демонстрируют свою вовлеченность в западную культуру?

В. П. Зачем с титаническим усилием волекаться в то, в чем мы давно существуем? Зачем приобщаться, если в мире нет сколь-нибудь заметного университета, занимающегося русистикой, в котором люди из бывшего СССР не занимали бы авторитетного положения?

В. К. Ну, все-таки, слова типа "дискурс", "дихотомия" всему миру понятны, везде постмодернисты так разговаривают, вот и у нас...

В. П. Звезды отечественного постмодернизма, которые изображают на Западе куда большую свою популярность в России, чем она есть на самом деле, иногда выглядят комически. Сегодня западная — германская, например, — славистика вносит свой вклад в создание авторитета целому кругу наших постмодернистов.

В. К. Они же концептуалисты, это самое активное направление в искусстве!

В. П. При этом заметьте, слово "концепт" — немецкое, и сегодня так называют ту часть любого проекта, под которую можно получить деньги... Так что, я не вижу здесь желания приобщиться именно к *культурным* ценностям. И дело ведь доходит до того, что какой-нибудь суперавангардный университет, созывая пушкинскую конференцию, список приглашенных посылает нашим постмодернистам, чтобы те одобрили.

В. К. Но ведь сейчас искусство в России и на Западе движется в одном и том же направлении, и правомерна авторитетность русских, которые в советское время выстрадали, так сказать, свое право на авангард...

В. П. Знаете, я сейчас вспомнил ситуацию после знаменитой Буль-

дозерной выставки, когда власть сначала послала бульдозеры на картины, а потом разрешила много чего, и в частности, большую выставку в Измайлове. Мы туда ходили с Аркадием Штейнбергом. Такое большое московское чаепитие в Измайлове, замечательный жаркий майский день, тысячи людей, семьдесят семь художников на огромной поляне — кайф невероятный. Так вот именно там я понял, что "слева" проще выдвинуться, чем "справа".

В. К. Ну как же, ведь "левым" художникам власть проходу не давала!

В. П. Чтобы выдвинуться "справа", нужно было демонстрировать умение делать все, что остальные, плюс то, чего не умеет никто. "Слева" же достаточно было делать то, чего другие не делают, а можешь ты что-то другое или нет — вопросов не возникало. Набивай гвозди на картинку, а умеешь ли рисовать — неважно. То же происходит и в литературе, особенно в авангардных группах. Когда многие из лихих авангардистов спустя годы для заработка попытались писать, как все, выяснилось, что они этого не умеют делать. Есть стихи позднего Городецкого: чудовищно! Видно, что он стихом не владеет. Такое возможно только "слева", потому что в традиционной области ты порог не переступишь.

В. К. А сегодня есть подобный "рай"?

В. П. Интернет, интернетная литература. Просто поле чудес! Я попробовал почитать там прозу и стихи. Даже когда я сидел в отделе поэзии "Литучебы" и прочитывал в месяц до пяти тысяч строк, приходивших со всего Союза, такую дремучую графоманию встречал не часто. Знаете, такое впечатление, что сейчас все норовят освободиться от публики. Появилась масса сообществ, которые занимаются художниками, совершенно не озабочиваясь отношением "непосвященных". Художник живет на то, что, будучи "раскрученным", попадает в закрытое собрание, где его никто больше не увидит, кроме коллекционера. Проверить через 200 лет, как к этому отнесутся потомки, сейчас, как вы понимаете, невозможно. То же и с "интернетными" авторами. Я бы ввел термин "невербальная литература", потому что писание при отсутствии личных взаимоотношений со словом, с языком, есть не вербализация собственного переживания, а нечто другое.

В. К. А в литературоведении то же самое?

В. П. Давайте вспомним историю. У нас в стране по цензурным соображениям не было, например, философии. Литература занимала в обществе слишком ответственную позицию, слишком многим занималась, и отсюда — такая литературоцентричность нашей культуры. И филолог

был заодно с автором. Сейчас говорят, что с этим пора кончать, что надо указать литературе ее место — где-то между сервисом и зрелищем. Чтобы занимать такую позицию, она должна приобрести определенные черты. И тогда ее очень удобно исследовать: нужны специалисты, которые будут не посредниками между зрителем и публикой, как критики раньше, а стенкой между ними. Чтобы читатель только потреблял, а не оценивал качество потребляемого. Вот, дорогой, тебя этот художник развлекает, а мы, умные люди, сидим и решаем, кого раскручивать, кого нет...

В. К. Чтобы читатель не воскликнул что-то типа "а король-то гол!"? Для этого посторонние люди будут решать, кого ко мне, читателю, допустить, а кого нет? Но эта цензура похлеще прежней...

В. П. В этом смысле — это все скорее "пиар", чем литературоведение. И поэтому, опять-таки, естественно, что разговор о книгах ведется на "специальном" языке, которого вы, читатель, понимать не должны, не ваше это дело.

В. К. Вы уже несколько лет живете в Мюнхене. На Западе та же ситуация — в науке, в литературе?

В. П. Да, но там литературоцентричности нет и не было. Там изначально платное образование. Человек приходит в университет, потому что хочет стать профессором филологии. Он платит за это деньги — он покупает именно этот товар. Так же, как он пришел бы на компьютерные курсы или в автошколу... Как объяснить ему, что самой природой он к этому не приспособлен? Разница между человеком талантливым и бездарным видна невооруженным глазом, а определить ее невозможно. И тогда возникает необходимость его филологии обучить, и разрабатывается множество методик, по которым люди учатся делить текст на составляющие, пока не останется минимальная эстетически нейтральная единица, которую может анализировать даже ученый заяц в цирке...

В. К. И еще — компьютер для каждого пользователя создает видимость легкости работы над словом, над текстом...

В. П. Все попытки ввести в филологии компьютер и точные измерения замечательны, но все это, знаете, такие строительные леса. Кто сказал, что в точных науках все решают подсчеты и цифры? Решает оценка учителя. Везде — приходишь к мастеру, и мастер говорит, годится это или не годится. Так ходили к Ландау, так ходили к Гильберту, так ходили к Брюсову.

В. К. Если ситуация такова, как вы обрисовали, то культура может легко прозевать какого-нибудь Ломоносова...

В. П. Ну, гениев "прозевывали" всегда. Я ведь сперва, когда нашел в архивах три с половиной тысячи неопубликованных страниц Сигизмунда Кржижановского, решил, что мне пора кончать этим заниматься...

В. К. Почему? Ведь у каждого историка литературы есть мечта найти гения, которого никто не знает.

В. П. Да-да, перпетуум мобиле, проекты не рассматриваются. Одно дело — найти замечательное утраченное сочинение Булгакова, Платонова, и совсем другое — целого писателя. Со мной произошло то, чего не бывает.

В. К. Я знаю, что Кржижановского сейчас много издают на Западе...

В. П. Многотомник Кржижановского во Франции уже давно издается. В Италии вышло даже пиратское издание, слизанное с одной из моих московских книжек. Из Лондона ко мне обращался переводчик, кое-что выходит в Германии. В Америке сложнее, в Америку Кржижановского не пускают наши же литературоведы, там утвердившиеся, которые создали свою концепцию русской литературы XX века и не хотят, чтобы ее кто-то или что-то потревожило.

В. К. Вы много сил потратили, чтобы Кржижановского в Европе "раскрутить"?

В. П. Нисколько. Просто однажды известной французской переводчице с русского подарили книжку такого вот "странного" автора, и она ринулась к своему издателю, который публиковал Шаламова, Домбровского, со словами: "есть гений". Тот сразу дал добро на издание, она позвонила мне, ну и все... Во Франции очень любят слушать радио. Раз в месяц там бывает передача, в которой обсуждают литературные новинки. Когда обсуждалась книга Кржижановского "Клуб убийц букв", старейшина среди критиков сказал: "Либо это совершенно выдающееся произведение, либо я ничего не понимаю в литературе".

В. К. Это у специалистов. А у публики?

В. П. Однажды оказалось, что самый элитный книжный магазин Франции находится на грани разорения и исчезновения. Служащие вышли пикетировать площадь перед Сорбонной с плакатами, на которых были цитаты как раз из "Клуба убийц букв" и из новеллы "Книжная закладка". Узнав об этом, в Париж приехал крупнейший книготорговец Руана и парижский магазин просто купил. Кржижановского он знал до этого: в своем руанском книжном магазине он продал рекордное количество экземпляров его книги, а потом там стали собираться люди, чтобы обсуждать прочитанное. Хотя первый "клуб Кржижановского" образовался все-таки в Москве. Мне показывали

книжку, которую вслух читали студенты МГУ, — у нее странички были прозрачными, так ее зачитали.

В. К. Через столько лет забвения Сигизмунд Кржижановский вышел к читателю. Справедливость восторжествовала...

В. П. Мне Владимир Николаевич Топоров недавно признался, что всякий раз, когда бывает на Арбате, обязательно приходит во двор дома, где Кржижановский жил — просто постоять. Топоров еще добавил, что произведения Кржижановского — самое серьезное событие его жизни за последние пятнадцать лет. В общем, так: жил человек, писал, складывал в стол, при жизни напечатал шесть рассказов, потом, из-за отсутствия читателя и возможности выхода к нему, писать перестал, потом и вовсе умер. Прошло 40 лет, случай помог найти его произведения, они изданы и в России, и за рубежом очень большими тиражами. Я не люблю слов "справедливость" и "урок" — но ведь это утешительно, правда?

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Пушкинское эхо

М.-Торонто, "Минувшее", 2003

Отрывки

Что Екатерина то и дело "подражала" Петру — общее место историографии. Тем любопытнее, что из размышлений такого рода совершенно выпала история Одессы.

"Структурное" сходство Одессы с Петербургом бросается в глаза. То же строительство "с нуля" — по единому замыслу (не путать с "планом"!), та же геометрическая прямоугольность, шахматная расчерченность (не отсюда ли шахматные пристрастия уроженцев обоих городов?), те же явления дворцов — вблизи центра — на каждой улице, ведущей к морю, да и архитекторы нередко — одни и те же.

Оба города создавались искусственно — как образ (или модель) города *европейского*.

Различие в том, что Петр, русский, кроил Санкт-Питерсбурх, "Северную Пальмиру", по образу и подобию северно-европейскому, более всего — Амстердамскому (каналы, насыпи и проч.). После добавились прививки — Парижская, Венская и другие. Кроил и возводил, — как умел, силой и принуждением, — образ города без предместий и посадов, окруженный пустым

книжку, которую вслух читали студенты МГУ, — у нее странички были прозрачными, так ее зачитали.

В. К. Через столько лет забвения Сигизмунд Кржижановский вышел к читателю. Справедливость восторжествовала...

В. П. Мне Владимир Николаевич Топоров недавно признался, что всякий раз, когда бывает на Арбате, обязательно приходит во двор дома, где Кржижановский жил — просто постоять. Топоров еще добавил, что произведения Кржижановского — самое серьезное событие его жизни за последние пятнадцать лет. В общем, так: жил человек, писал, складывал в стол, при жизни напечатал шесть рассказов, потом, из-за отсутствия читателя и возможности выхода к нему, писать перестал, потом и вовсе умер. Прошло 40 лет, случай помог найти его произведения, они изданы и в России, и за рубежом очень большими тиражами. Я не люблю слов "справедливость" и "урок" — но ведь это утешительно, правда?

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Пушкинское эхо

М.-Торонто, "Минувшее", 2003

Отрывки

Что Екатерина то и дело "подражала" Петру — общее место историографии. Тем любопытнее, что из размышлений такого рода совершенно выпала история Одессы.

"Структурное" сходство Одессы с Петербургом бросается в глаза. То же строительство "с нуля" — по единому замыслу (не путать с "планом"!), та же геометрическая прямоугольность, шахматная расчерченность (не отсюда ли шахматные пристрастия уроженцев обоих городов?), те же явления дворцов — вблизи центра — на каждой улице, ведущей к морю, да и архитекторы нередко — одни и те же.

Оба города создавались искусственно — как образ (или модель) города *европейского*.

Различие в том, что Петр, русский, кроил Санкт-Питерсбурх, "Северную Пальмиру", по образу и подобию северно-европейскому, более всего — Амстердамскому (каналы, насыпи и проч.). После добавились прививки — Парижская, Венская и другие. Кроил и возводил, — как умел, силой и принуждением, — образ города без предместий и посадов, окруженный пустым

пространством, за которым — кольцом — возникали загородные дворцы-резиденции, начиная с императорских, на манер Венсана и Фонтенбло: Царское Село, Павловск, Гатчина... Ничего похожего на "подмосковныя" тут нет и быть не может (да и слова подходящего не придумать).

Петр хотел *переломить* восьмисотлетнюю "византийскую ориентацию", довлевшую — среди прочего — градостроительству со времен принятия православия.

Екатерина, немка, чувствовала — или понимала — органичность этого воздействия. Ее *образ города* — в подражание Петру, но в противоречие Петербургу, — был южно-европейским, всего ближе к Марселю или Неаполю.

Подобно Питеру, это — не город-крепость (у Петра такая роль была отведена Кронштадту, у Екатерины — Севастополю), но порт, не дверь — окно. Ни тот, ни другой не защищены толком ни с моря — бухтами, фортами, — ни с суши: там равнина или степь.

Одесса, в отличие от Петербурга, — сочетание "геометрии" с ландшафтной застройкой, она — холмиста. В ее предместьях — Молдаванка, Пересыпь и проч. — обосновались потянувшиеся в новый город обитатели окрестных, ближних и не очень, сел и местечек.

Все переселения в нее были *добровольны* — от второго корня этого слова происходит одесское "воля", "вольность", даже "вольница", никакой крепостной зависимости.

Понемногу смешиваясь с "торговыми" евреями, греками, армянами, а также итальянцами и французами, местные создавали особый языковой "коктейль", то, что можно условно назвать южно-русским языком, на котором в первое одесское столетие возникало разве что подобие литературы и который отличался от литературного не меньше, чем малороссийский или белорусский, и больше, чем, например, поморский диалект. Его *окультуривание* началось с открытия Новороссийского университета, куда отправились преподавать ученые не только из обеих столиц, но и из Киева, Прибалтики и провинциальных культурных центров (тогда это не было оксюмороном).

Языковая прививка сработала быстро и эффективно. Литературно-русский выучивался почти как иностранный, точнее — *второй родной*, но именно *выучивался*. Потому что множество особенностей и тонкостей, структура и семантические связи, при "врожденном" постижении как бы сами собой разумеющиеся, в этом случае становились рельефными, увлекательными, даже интригующими. Отсюда — совершенно особое отноше-

ние к слову — словно бы впервые услышанному, "поверяемому" всеми пятью чувствами, напряженная пристальность к полисемии и — при сохранении "южного" цветового и чувственного колорита — тяготение к точности высказывания, к стилистической разработанности и изощренности.

Писатели, *выучившие* язык, на котором сочиняют и который с детства не был родным, "семейным", нередко становятся первой величины *стилистами*: Конрад в Англии или Аполлинер во Франции. По ассоциации любопытно бы поразмыслить о *стиле* выросших в условиях языковых "коктейлей" Гоголя, Достоевского или Булгакова...

Российский Юг, или, с легкого слова Шкловского, "Юго-Запад" дал замечательных стилистов и в прозе — Бабель, Катаев, Олеша, Паустовский, — и в поэзии — Багрицкий, Кирсанов, Тарловский, Штейнберг etc. У них у всех — ощущение языковой, почти "языческой", хотя "европеизированной", свежести и остроты речи и письма. И *точности*. Почти все прозаики здесь начинали стихами, речью поэтической, в которой, по Карамзину, нет синонимов.

По аналогии — с поправкою на ее всегдашнюю условность — "Северо-Запад" решал весьма похожие задачи. Петербургское господство геометрии, европейской архитектуры и европейских языков — немецкого, французского, отчасти английского, — сдержанный, "северный" колорит, все это откликнулось на *прививку* литературно-русского языка ритмической строгостью и видимой графичностью литературы. И в этом смысле сверстник Олеши Набоков — его *зеркальный двойник*.

Эмигрантская критика из советских писателей выделяла и ценила Олешу, из своих — Сирина-Набокова.

О петербургской "поэтической школе" говорят и пишут, но феноменальна как раз "прозаическая", из гоголевской шинели выросшая, по Невскому проспекту шествующая — Вельтмановским Странником, странными героями Владимира Одоевского, господином Голядкиным, "серапионами"...

Чем южней, тем стремительней ритм — слова, музыки, жеста, жизни, тем взрывчатей гремучая смесь впечатлений.

Медлительная призрачность зимнего мира — накрепко замкнутые двери, бормот огня в камине, магические знаки инея на стекле: пространство полусна и видений.

"Северяне" *фантасмагоричнее* "южан". У них может *произойти* больше, чем у тех *происходит*. Их воображение более фабульное, у тех — сло-

весное. Даже математически и шахматно выверенный Набоков отдает прещедрую дань *фантазмам*...

...Искушение *шахматных* ассоциаций. Жертва меняет взаимоотношения *фигур* — не только на клетчатой доске. Но — вне шахмат — не бывает *корректной*. Нет выигравших...

Ахматова родилась в Одессе. Однако причисление ее к "одесситам" в литературе выглядело бы дико. Фантасмагория "Поэмы без героя", зыблющаяся магия отражающих друг друга зеркал — из *петербургской* прозы Гоголя и Достоевского, из Евреиновского "Театра для себя", Сомовских масок "Балаганчика" и разноголосого марева "Бродячей собаки"...

Из диалогов поэтов.

Случевский:

Не так ли в рухляди, над хламом,
Из перегноя и трухи,
Растут и дышат фимиамом
Цветов красивые верхи?..

Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

...Из современной эмигрантской газеты: "Как сказано у Пастернака, "если бы вы знали, из какой грязи возникают произведения искусства"...

Опыт показывает, что опыт у всех разный.

В "Книге прощания" Олеша размышляет о причинах столь напряженного, мучительно-тщательного своего писания вещей, предназначенных *публике*. В то время как *для себя* — и *для своих* — у него получается быстро, сразу набело и чаще всего хорошо. Причину он видит в том, что — поляк, русский язык — не родной, еще в гимназии "неправильности" забавляли сверстников, с тех пор и затаилась в нем боязнь быть *осмеянным*...

Думаю, объяснение неполное, то есть не совсем точное. Тем более, что и оно ведь сделано не *для себя*.

Особая кропотливость работы над словом и фразой писателей, *выучивших* язык, на котором пишут, пусть не как иностранный, скорее — как второй, известна. Они потому и становятся нередко замечательными сти-

листами, что опасение ошибиться обостряет внимание к оттенкам смысла, к произношению — звуку, ударениям, а значит — к ритму, к порядку слов, который в родном языке — иной, например, в польском он куда *регламентированней*, чем в русском...

Однако *иноязычие*, по сути, все-таки второстепенно. Описанное Олешей ощущение хорошо знакомо любому писателю. Мысль о *выходе на публику* (или, иначе, надежда на него) словно бы превращает нервы в струны. Нельзя не чувствовать себя более или менее "самозванцем" — после тех, кто были до тебя и кем эта самая публика, за поколением поколение, выращена.

Вовсе не из "гордыни", кстати сказать, Кржижановский сопоставлял то, что делал, с Эдгаром По, Сервантесом, Свифтом, но никогда — с современниками, которые в том же положении, что и он.

В России — невероятный темп движения литературы: всего полвека от Тредьяковского до Пушкина. Тот, кто вырастал на повестях Карамзина, в еще не преклонных годах мог зачитываться романами Достоевского. Потому потребовалась предельная концентрация духовных усилий, и этот стресс не был мгновенным, растянулся на десятки лет. В перенасыщенном такой энергией пространстве *имена* возникали не по одиночке — целыми созвездиями.

Байрон отрицал любое неодобрение в свой адрес — самим образом жизни.

Мандельштам *написал*, что "поэт — это сознание собственной правоты".

Сакрализация слова в подобных условиях была неизбежна. "Слово как таковое" — первый бунт против нее.

Затяжной стресс обернулся обилием трагических писательских судеб. Наличие *мучеников* во многом повлияло на возникновение совершенно особенного отношения к литературе...

Около кулис

Каждый раз, снимая с библиотечной полки один из "солидных" томиков "Одесского обозрения театров", не устаю восхищаться предприимчивостью издателей и журналистов нашего города начала прошлого столетия. На протяжении почти семи лет (1911-1917) выходила "ежедневная газета с программами и либретто одесских театров, иллюзионов, цирка и т. д.". Сброшюрованная в небольшой журнал, она попадала к зрителям непосредственно перед спектаклем или же могла быть приобретена в киосках. Хочется надеяться, что одесситы ценили возможность оперативно узнавать многочисленные городские театральные новости, а также пользоваться обильной броской и сочной рекламной информацией.

Сегодня эти тетрадки сложены по годам, одеты в солидные переплеты и дают исследователям и любознательным читателям массу ценнейших сведений о разнохарактерных зрелищах и развлечениях наших предков.

Среди издателей газеты мы находим имя З.Я. Гениса, по-видимому, брата Е.Я. Гениса (Альцеста) и Б.Я. Гениса (Лоренцо) – известных одесских журналистов, а также имя Б.Д. Флита (Незнакомца), одного из самых плодовитых и энергичных авторов, сотрудничавших во многих периодических изданиях. Те, кто уже знакомился в свое время с историей журнала "Крокодил" (1911-1912), найдут на страницах "Обозрения" знакомые имена Э. Кроткого, Н. Топуза, Picador'a, Е. Зозули, А. Фазини.

Помимо программок и оперных либретто публиковались статьи на злободневные театральные темы, изучались драматургические и музыкальные запросы горожан.

Как знакомы упреки (и сколько же им лет уже!) в адрес драматургов по поводу отсутствия новых хороших пьес. И тогда, и теперь приходится доказывать, что драматурги – "товар штучный", производство пьес не удается поставить на поток, новые таланты появляются далеко не каждый сезон.

Непосредственные и точные оценки спектаклей оперетты, шедших в Новом театре, даны в рецензиях, подписанных "Зо-ля" (один из псевдонимов Ефима Зозули). Рука мастера ощущается! Хочется познакомить вас с очерком известного критика и журналиста Петра Пильского, посвященного Лоэнгрину (псевдоним одного из братьев Герцо-Виноградских), журналисту и писателю, много лет связанному с газетами "Одесские новости" и "Южное обозрение".

Чтобы развлечь уважаемую публику, "Одесское обозрение театров" регулярно печатало в рубриках "Театральные мелочи", "Около кулис", "Антракты", "Сцена и жизнь", "Страничка мод" смешные фельетоны, драматические шутки, анекдоты из жизни знаменитых людей, новости моды, где, в частности, можно найти объявление о лекции по истории моды г-жи Веры Инбер.

И каждый раз, ставя на место подшивки "Обозрения", с сожалением констатирую, что современная Одесса, увы, не может похвастаться периодическим изданием, в котором театральная жизнь города была бы отражена столь же полно и оперативно.

Татьяна ЩУРОВА

№ 59. Одесса, 9 ноября 1911 года. № 59.

ОДЕССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами и либретто одесскихъ театровъ, иллюзіоновъ, цирка и т. д.

1-й годъ изданія. Цѣна 5 коп. 1-й годъ изданія.

Подписаня цѣна на газету

„Одесск. Обозрѣніе Театровъ“

на 1 годъ 10 руб.,
на полъ года 5 руб., 50 коп.
на 3 мѣсяца 3 руб.
на 1 мѣсяцъ 1 руб. 20 коп.

Подписка принимается въ конторѣ ред кціи, ул. Кондратенко, д. № 14 и по телефону № 7-31.

Продается Во всѣхъ мѣстныхъ кіоскахъ и у всѣхъ разносчиковъ

Новооткрытый магазинъ

Торговаго Д-ма А. ШОРЪ и К°

Александровскій проспектъ 26.

БОГАТЫЙ и ИЗЯЩНЫЙ ВЫБОРЪ

всевозможныхъ суконныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ товаровъ, плюшъ, бархатъ, платки, шали, ковры, портьеры, занавѣсы, одѣяла, Жирардовская мануфактура, полотна скатерти а также разныя форменныя матеріи.

Цѣны самыя доступныя

по субботамъ магазинъ открытъ только отъ 5-ти до 10 час. веч.

Грустные итоги.

Отовсюду идутъ грустныя вѣсти. По всей Руси общая неудовлетворенность драматической литературой текущаго сезона. Репертуаръ бѣденъ, убогъ. Если бы не появился "Живой трупъ", нынѣшній сезонъ справедливо бы могъ быть названъ наиболѣе скуднымъ изъ всѣхъ сезоновъ съ 1905 года. Скудость сезона подразумѣвается, конечно, не въ количественномъ отношеніи, – слишкомъ даже много новой драматической литературы появилось на рынкѣ, – а въ качественномъ.

Въ нынѣшнемъ году, если хотите, количественно репертуаръ довольно-таки обиленъ. Массу пьесъ выбросилъ иностранный литературный рынокъ, главнымъ образомъ, парижскій – этотъ неизмѣнный поставщикъ наиболѣе ходкихъ вещей въ русскихъ театрахъ. Къ сожалѣнію, все настолько мало-интересно, что забывается на другой-же день послѣ постановки. И многимъ антрепренерамъ, чтобы сдѣлать себѣ сезонъ, пришлось заглянуть въ архивъ и вытянуть оттуда пьесы, которыя уже давно покрылись толстымъ слоемъ пыли. До чего мы дошли въ бѣдности репертуара, видно хотя-бы изъ того, что Гординъ у насъ наиболѣе ходкій драматургъ, тотъ самый Гординъ, отъ котораго десятки лѣтъ русскій театръ брезгливо отворачивался. И не думайте, что только югъ или западныя губерніи пробавляются Гординымъ; великорусскія губерніи, Поволжье – и тѣ живутъ и дышутъ еврейскимъ драматургомъ. Зритель подчасъ совершенно не знаетъ, не понимаетъ изображаемаго Гординымъ быта, но смотритъ пьесу, въ которой драматургъ играетъ на мелодраматическихъ стрункахъ души и будитъ заснувшія чувства.

Недавно въ бесѣдѣ со мной одинъ пррвинціальный антрепренеръ откровенно сознался что не будь въ нынѣшнемъ се-зонѣ "Живого трупа", сезонъ въ матеріальномъ отношеніи былъ-бы совершенно проваленъ. Очевидно, онъ не договорилъ, что въ эстетическомъ отношеніи (оставивъ въ сторонѣ "Живой трупъ") можно смѣло сказать, что сезонъ проваленъ. Въ предыдущіе годы мы были тоже не особенно богаты, но тогда поддерживали Андреевъ, Горькій и dii minores Карповъ, Протопоповъ, – теперь и они умолкли.

Въ чемъ же дѣло? Чѣмъ объяснить реакцію въ драматическомъ творчествѣ? Вѣдь, въ смыслѣ духовыхъ переживаній русское общество за послѣдній годъ чувствовало себя нѣсколько лучше, легче, менѣе угнетеннымъ! И больше было, слѣдовательно, матеріала для пьесъ съ содержаніемъ, настроеніемъ, новыми перспективами и обѣщаніями...

Очевидно, причина не въ публикѣ, а въ писателяхъ, въ упадкѣ драматическаго творчества. Какъ будто присяжные драматурги потеряли темпъ жизни. Публика-же въ нынѣшнемъ году это сразу почувствовала и зарубила у себя на носу. Не мудрено, что она съ такимъ недовѣріемъ идетъ на всякую новую пьесу. Иностранецъ-драматургъ манерничаетъ, русскій писатель пережевываетъ старую жвачку, а публика – не дура – рѣшила дѣлать свое дѣло и не увлекаться, какъ раньше театромъ...

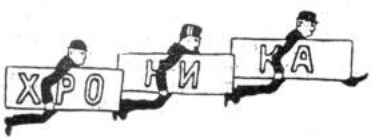
А. АРДОВЪ.

Театральныя катастрофы.

—

Драматическаго цеха
Захирѣли мастера;
Не приноситъ имъ успѣха
Театральная пора!..
Для души мы жаждемъ корма, -
Вѣкъ гигантовъ миновалъ...
И Потапенки "Платформа"
Испытала слой провалъ!
Бѣдный авторъ — онъ задавленъ,
Придушилъ его позоръ;
Русскихъ сценъ туда направленъ
Былъ техническій надзоръ!
Нѣтъ успѣха для стараній,
Антрепризъ трещитъ карманъ,
И у бѣдной "Тети Ани"
Неудаченъ былъ "романъ"...
И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ
Отъ безплодія — бѣда!
Странъ россійскихъ драматурги!
Понатужьтесь, господа!..

Picador.

Петръ Титычъ Лоэнгринъ

Его фамилія Герцо-Виноградскій, но это знаютъ... пожалуй, никто не знаетъ, если исключить историковъ Одессы и какъ было-бы хорошо, еспи бы Одессѣ когда-нибудь впослѣдствіи судьба послала новаго Де-Рибаса!

Этотъ новый лѣтописецъ сумѣлъ-бы написать страницу одесской исторіи, чтобъ озаглавить ее:

"Герцо-Виноградскіе".

Въ Россіи есть такія фамиліи, есть имена, съ которыми связано красивое представленіе о смѣлости, о защитѣ, объ огнѣ, о готовности на смерть. Есть такія фамильныя имена былыхъ моряковъ, не боявшихся плыть въ дальнія моря, смѣло и побѣдно дравшихся у береговъ Чернаго моря, защитниковъ Севастополя, и хоть бы, напримѣръ, имя Корниловыхъ. И литература тоже знаетъ своихъ Корниловыхъ, какъ бы цѣлыя семьи, .цѣлыя. поколѣнія, отдавшія себя на служеніе слову и правдѣ, искусству, сказкѣ и мысли.

НАШИ ЖУРНАЛИСТЫ — П. Т. Герцо-Виноградскій (Лоэнгринъ). (Изъ кн. М. Линской).

Были Аксаковы. Были Соловьевы, Кирѣевскіе; Герцены.

Въ журналистикѣ и, въ частности, одесской,

есть Герцо-Виноградскіе.

Баронъ Иксъ и Лоэнгринъ.

Я не зналъ Барона Икса, но читалъ иныя воспоминанія о немъ и среди всего, что обыкновенно полагается по штату воспоминаніям, т. е. елея сладости, лирики, сантиментальности, притворства, я вездѣ угадалъ и вездѣ услы-шалъ точное и строгое:

– Уваженіе.

И это не было простымъ уваженіемъ, съ которымъ всегда сочертается доля холодка.

Это было

Нѣжное уваженіе.

Не даромъ, говоря о Герцо-Виноградскомъ я все время употребляю – и никакъ не могу ихъ избѣгнуть слова: "исторія", "историческій", "историчность" "историкъ". Недаромъ потому, что Герцо-Виноградскіе станутъ страницей одесской исторіи, быть можетъ особенно оттого, что они сами всегда были въ исторіи, для нея, ради нея, въ ней.

И по этому поводу осмѣлюсь привести маленькій фактъ pro domo mea. Среди людей, доброжелательно и мирволяще относившихся къ моимъ строкамъ, П. Т. Герцо-Виноградскій является однимъ изъ убѣжденныхъ и рѣшусь сказать, горячихъ цѣнителей моихъ писаній. Такимъ же былъ онъ и по отношенію къ моимъ лекціямъ.

Но, вотъ, два года тому назадъ, мнѣ пришлось читать о русской критикѣ, гдѣ я. убѣжденный сторонникъ эстетическихъ критеріумовъ въ литературныхъ оцѣнкахъ, захотѣлъ освѣтить съ этой точки зрѣнія Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Чернышевскаго.

Вспоминаю: лекція удалась. О ней были благопріятные отзывы даже недруговъ. Но когда я на другой день развернулъ газету, я прочиталъ скупой, сдержанный, почти недовольный отзывъ Лоэнгрина. Съ минуту я недоумѣвалъ. При встрѣчѣ улыбнулся. И съ той же улыбкой отвѣчая мнѣ, вѣсь въ исторіи и ради нея, П. Т. Герцо-Виноградскій объяснилъ:

– Исторію не переспоришь. Ее нужно только уважать.

Въ.этомъ вся разгадка его, весь его секретъ, вся тайна. Въ этомъ весь Герцо-Виноградскій.

Отсюда его 'сравнительное равнодушіе къ модернизму, къ новой поэзіи, новой манерѣ письма, къ новымъ пріемамъ.

Конечно: онъ не противъ нихъ, но онъ и не за нихъ.

Онъ ихъ не сталъ бы убивать (еще бы, онъ съ душой нѣжной, какъ у дитяти!), но онъ й не сталъ бы около нихъ въ роли садовника или кормилицы.

Отсюда же и весь складъ его жизни, характера, внѣшняго спокойствія, той наружной уравновѣшенности, за которой всегда чувствуется и чуется земля, почва, преданіе.

Отсюда и весь его бытъ и даже обстановка его жизни.

Это немного интимно, (и пусть тотъ о которомъ я пишу эти строки, проститъ мою невольную нескромность!) но и самая его мебель – и этотъ книжный шкафъ, и диванъ, и письменный столъ, на которомъ было, написано столько "Зигзаговъ" Лоэнгрина, все это, – эта душа вещей – перешло къ нему, въ исторической преемственности отъ брата, – Барона Икса.

А теперь, – и это по секрету, – я слышалъ, перейдетъ къ слѣдующему брату, и, конечно, все по тому же закону преемственности, т. е. исторіи.

Изъ всѣхъ нитей, связывающихъ П. Т. съ жизнью и міромъ, сильнѣйшей и прочнѣйшей является та, которую я хотѣлъ бы назвать "золотой пуповиной" все той же исторіи.

Петръ Пильскій.
Одесса, 29 ноября 1911 г.

Вниманіе! ВЪ ВАРШАВСКОМЪ оптово-розничномъ складѣ

Я. ИЛЮТОВИЧА
ОДЕССА, ул. Жуковскаго 28, уг. Екатерининской, парадный ходъ
Всегда имѣются въ большомъ выборѣ фантазійныя и страусов. ПЕРЬЯ, ЦВѢТЫ, ШЛЯПЫ и всевозможныя отдѣлки.

Кое-что о лѣтніхъ нонцертахъ.

Одессѣ не везетъ съ лѣтними концертами.

Изъ года въ годъ мы на это жалуемся и все никакъ не можемъ придумать чего-нибудь такого, чтобы разрѣшило этотъ хроническій, наболѣвшій вопросъ.

Недавно насъ обрадовали.

– Наконецъ-то концерты въ гор. саду поставлены будутъ на надлежащую высоту.

Въ чемъ дѣло, никто не зналъ; но всѣ тѣшили себя надеждой:

– А, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь придумали.

Оказалось, что дальше трафарета не пошли.

Составили куцую программу тусклыхъ, сѣрыхъ, неинтересныхъ концертовъ и къ ней прибавили только, что разъ въ недѣлю обязательно должны устраиваться вокальные вечера.

Много разсчитывали еще на то, что вести дѣло будутъ сразу два дирижера – Прибикъ и Эйхенвальдъ. Все-таки, вѣдь, разно-рбразіе.

Но вотъ, дѣло дошло до... директорской Гор. театра – и все сразу идетъ на смарку, должно идти...

Самый главный тормазъ въ томъ, что нѣтъ денегъ...

Гор. общ. управленіе находитъ деньги рѣшительно на все – и нѣтъ ихъ только на концерты, которые лѣтомъ являются единственнымъ свидѣтельствомъ того, что въ Одессѣ живетъ клочокъ европейской культуры...

До сихъ поръ директоръ Гор. театра устраивалъ концерты въ гор. саду чуть-ли не тайкомъ.

На глазахъ всего города, быть можетъ, всей Европы г. директоръ, какъ тать, пробирался изъ темнаго Театральнаго переулка въ типографію и тамъ украдкой... печаталъ афиши о концертахъ въ гор. саду.

Одесская гор. управа смотрѣла на это спустя рукава.

Главное – это, чтобы только не стоило денегъ!

Разъ безъ денегъ – отчего-же нѣтъ?

Воистину странно и дико.

Богатѣйшій городъ не можетъ ассигновать 1000 р. на приглашеніе 2-3 пѣвцовъ, 2-3 дирижеровъ въ теченіи лѣта.

Контора Гор. театра "нагоняетъ" экономію на своихъ операціяхъ и за этотъ счетъ устраиваетъ концерты въ гор. саду.

– И теперь намъ придется дѣлать тоже самое! – жалуются намъ въ Гор. театрѣ. Только хуже будетъ еще оттого, что І. В. Прибикъ отказался отъ работы въ саду и снова вся работа будетъ лежать на одномъ Эйхенвальдѣ...

Дѣйствительно, музыкальные запросы Одессы являются у насъ какими-то пасынками, замо-

рышами, на которыхъ никто не обращаетъ никакого вниманія.

Императорское Русское Музыкальное общество лѣтомъ "отдыхаетъ", гор. общ. управленіе "не имѣетъ" денегъ — городъ оставляютъ безъ музыки, безъ музыкальнаго воспитанія — и потомъ жалуются еще, что у насъ публика скверно относится къ музыкѣ...

Развѣ послѣ этого имѣеть право жаловаться Куссевицкій?!.

Къ музыкальному невѣжеству насъ пріучаютъ съ дѣтства.

Лѣтомъ, когда вся молодежь свободна, она посѣщаетъ... иллюзіоны и бѣга...

Страничка модъ

Въ предстоящемъ сезонѣ мѣховыя накидки и широки и длинны и, въ особенности, чрезвычайно облегающи, благодаря теперешнему умѣнію придавать мѣху мягкость матеріи. Горностай болѣе чѣмъ когда-либо въ фаворѣ, хотя его стоимость прогрессируетъ съ каждымъ днемъ.

Для этихъ же накидокъ употребляются также и всѣ сорта короткихъ мѣховъ, въ томъ числѣ даже самыхъ обыкновенныхъ: кротъ, сфабрикованный въ мозаичномъ рисункѣ, выхухоль. Этотъ послѣдній мѣхъ очень хорошъ въ натуральномъ оттѣнкѣ при бордюрѣ изъ другого мѣха, лучше всего скунса или лисицы.

Накидки, о которыхъ идетъ рѣчь, являются прелестнымъ демисезоннымъ и даже зимнимъ одѣяніемъ, превосходно замѣняющимъ длинное пальто, столь неудобное для ходьбы.

Но вотъ цѣлая серія совершенно новыхъ фасоновъ горжетокъ, скомбинированныхъ изъ прелестнаго соединенія шелковой матеріи съ мѣхомъ. Широкая полоса шелка, собранная посединѣ въ морщинистую продольную складку, окаймлена бордюромъ изъ серебристой лисицы, подкладка изъ золотистаго шелка. Горжетка и рукавчики изъ серебристой лисицы, отдѣланные шелковой лентой, заканчиваются басономъ, гдѣ изъ подъ мѣха выступаетъ кружевное жабо.

Горжетка и рукавчики изъ горностая съ черными мушками, украшенные чернымъ атласнымъ бантомъ; изъ подъ горжетки ниспадаетъ на грудь волна бѣлаго кружева въ видѣ вѣера. Большой фишю изъ коричневаго шелка, окаймленный соболемъ.

Соболинные рукавчики, отдѣланные кокардами и заканчивающіеся рюшемъ изъ того же шелка. Всѣ эти модныя новинки чрезвычайно элегантны, но, увы, нѣсколько драгоцѣнны. Впрочемъ, оба эти свойства довольно часто совмѣщаются.

Мы видимъ также немало зимнихъ одѣяній жанра bouilletes излюбленнаго наряда временъ Директоріи. Это нѣчто въ родѣ нашихъ былыхъ душегрѣекъ, дѣлающихся преимущественно изъ шелка, подбитаго ватой, талія очень коротка. Эти шубки, по своей длинѣ почти равняющіяся юбкѣ, у нихъ длинные, плотно облегающіе рукава.

Подобная "старенькая" фантазія допустима, конечно, только для очень худощавыхъ и очень молодыхъ женщинъ, которымъ она придаетъ весьма пикантную и утонченную кокетливость.

ВНИМАНІЮ ДАМЪ!
ПРІѢХАЛА ИЗЪ ПАРИЖА
Марія ГРИНШТЕЙНЪ!
ОТКРЫЛА САЛОНЪ КОРСЕТОВЪ.
ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ. Дерибасовская № 26, рядомъ съ магазиномъ Распопова.

Залъ Уніонъ.

СЕГОДНЯ

19 апрѣля 1913 г.

ЛЕКЦІЯ

г-жи Вѣры Инберъ

Цвѣты на асфальтѣ

Женскія моды въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

ПРОГРАММА:

Отдѣленіе I.

1. Мода и русск. романъ.
2. Соврем. женщ.—послѣдніе яркіе цвѣта на асфальтѣ города.
3. Хитонъ менады.
4. Застывшія складки римлянъ.
5. Ризы Византіи.
6. Платье на престолѣ Ренессанса.
7. Версальская пастораль въ шелкахъ.
8. Сіяющая нагота.
9. Тріумфъ лоретки.

Отдѣленіе II.

1. Красота для всѣхъ.
2. Rue de la Paix.
3. Декорація тѣла.
4. Скульпторы платья.
5. Утонченники кисти и ткани.
6. Мы и Директорія.
7. Воскресшая Шехерезада.
8. Мода этой весны.
9. Адріанополь и наши шляпы.
10. Вечернія платья и выходн. костюмы.
11. Театр. манто.
12. Мелочи туалета.

Начало въ 8½ час. вечера.

Литературныя виньетки.

Редакторъ одной газеты обратилъ вниманіе на то, что въ отдѣлѣ "Театръ" расхваливается артистка г-жа N. Онъ призвалъ къ себѣ рецензента, и между ними произошелъ такой, во всякомъ случаѣ, поучительный разговоръ:

– Дорогой мой, я замѣтилъ, что вы уже въ четвертый или пятый разъ съ большой похвалой отзываетесь о г-жѣ N. Что за причина? Я очень радъ, что искусство и такъ дальше... Но объясни.те мнѣ причину.

– Видите-ли, г. редакторъ, я думалъ, что...

– Погодите! она кажется, подруга жены цензора?

– Нѣтъ, то NN.

– Бываетъ у издателя?

– Нѣтъ.

– Ея мужъ служитъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ?

– Нѣтъ.

– Въ почтовомъ вѣдомствѣ?

– Нѣтъ, она не замужемъ.

– Не замужемъ? У нея романъ съ нашимъ фельетонистомъ?

– О, нѣтъ.

– Съ передовикомъ?

– О!..

– Завѣдующимъ объявленіями?

– Нѣтъ, нѣтъ.

– Знаю! Съ вами! Поздравляю! Я очень радъ...

– Я и не знакомъ.

– Не знакомъ? Тогда я ничего не понимаю! Объясните же въ чемъ дѣло?

– Да очень просто: она талантлива.

Редакторъ вскочилъ крайне изумленный и, недоумѣвая, смотрѣлъ на рецензента.

– Позвольте! – крикнулъ онъ: – Но это вовсе не причина расхваливать никому неизвѣстную актрису пять разъ подъ рядъ. Изъ васъ никогда не выйдетъ порядочный журналистъ.

"ТАЙНЫ ГАРЕМА" В. Валентинова.

Извѣстная "турецкая" оперётта Валентинова теперь, конечно, какъ-разъ, что называется, "къ моменту". Однако, не только этимъ объясняется вчерашній успѣхъ ея въ "Новомъ театрѣ".

Ее — и это главное — играли живо, весело, молодо. Мѣстами, пожалуй, даже слишкомъ молодо.

Какъ всегда, былъ хорошъ г. Дмитріевъ. Нелегкая — въ виду специфической карикатурности — роль "Валяй-паши" была имъ проведена съ удивительнымъ чувствомъ мѣры.

Недуренъ — и даже очень недуренъ былъ и г. Варягинъ въ роли моряка. Онъ держался на сценѣ лѣгко, живо, весело; танцовалъ и вызывалъ неудержимый хохотъ иммитаціей женскаго голоса.

Изъ женщинъ очень мила была г-жа Ратмирова (Амина) и — особенно въ дуэтѣ въ посдѣднемъ дѣйствіи — ея партнерша, г-жа Горская (Зарема).

Что-же касается Терезы (г-жи Дези-Дорнъ), то на этотъ разъ безусловно-талантливая артистка была хороша въ третьемъ актѣ и играла нѣсколько неровно во второмъ.

ЗО-ЛЯ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ШКОЛА

Е. А. Мочаловой — Елисаветинская, 1.

Пріемъ учащ. продолжается

При школѣ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ КУРСЫ

выразительнаго чтенія, выработка живой, красивой русской рѣчи, необходимой для ораторскаго искусства, постановка голоса и развитіе дыханія въ объемѣ необходим. для рѣчи и чтенія, имѣющ. большую важность для уч-цъ и учителей.

Учащіеся знакомятся съ исторіей литературы и театра слушая лекціи профессора Б. В. ВАРНЕКЕ.

Занятія происходятъ подъ наблюд. директ. Е. А. МОЧАЛОВОЙ въ часы соотвѣт. свобод. времени поступ.

Практическія занятія на сценѣ ведетъ артистъ М. С. БОРИНЪ

ПѢНІЕ со спец. подгот. въ оперу

Практическія занятія на сценѣ ведетъ арт. В. А. Бертенсонъ

Для поющихъ—исправл. дикціи

прохожденіе партій на сценѣ на русск. и итальян. языкахъ и режиссерство.

МЕЛОДЕКЛАМАЦІЯ подъ руковод. Е. А. Мочаловой

Пластика, танцы и фехтованіе. Практика танцевъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Канцелярія школы ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО съ 11—2 час. дня и отъ 5—8 час. вечера

Романъ увядающаго поэта

(мотивъ "Хризантемы")

Я прежде былъ счастливый бардъ,
Не помнилъ ри?мы я "ломбардъ",
И воротникъ носилъ изъ скунса...
Я чашу счастья пилъ до дна
И "капуцинъ" — у Робина
И часто ужиналъ у Брунса.

* * *

Я въ нашихъ клубахъ банкъ металъ,
Мой стихъ былъ звонокъ, какъ металлъ,
И мнѣ служилъ онъ лучше ренты!
Фортуна! Рай ты мнѣ дала
И сладкій нектаръ поднесла;
Теперь суешь мнѣ горькій хрѣнъ ты!..

* * *

Мой стихъ тускнѣетъ съ каждымъ днемъ,
Я не пишу съ былымъ огнемъ,
И не найти мнѣ бойкой темы...
Боюсь: редакторъ нашъ смышленъ,
И гонораръ замѣнитъ онъ
Увы!.. "кусочкомъ хризантемы"!..

Picador.

Тайна кольца Изы Кремеръ.

Кіевскій концертъ Изы Кремеръ висѣлъ на волоскѣ, онъ едва не былъ сорванъ одной случайностью.

За полчаса до начала концерта, когда Иза Кремеръ переодѣвалась въ своей уборной, она вдругъ обнаружила пропажу своего талисмана, въ видѣ кольца съ чернымъ неизвѣстнымъ камнемъ, ни съ какой стороны неинтереснымъ, и повидимому не представляющимъ никакой цѣнности.

Но какъ оказывается, у Изы Кремеръ связано съ этимъ кольцомъ не то воспоминаніе, не то какой-то исключительный случай, повліявшій на ея жизнь, но г-жа Кремеръ необыкновенно дорожитъ этимъ кольцомъ и почти никогда съ нимъ не разстается.

Пѣвица относится къ своему кольцу съ непонятнымъ суевѣріемъ, и вчерашнее внезапное исчезновеніе этой вещи привело артистку въ удивительное горе.

Она страшно заволновалась, стала плакать и, наконецъ, категорически заявила, что если кольцо не найдется, она не будетъ пѣть.

Никакія просьбы и уговоры не дѣйствовали, а главное г-жа Кремеръ ни за что не хотѣла сказать, какая тайна связываетъ ее съ этимъ кольцомъ, съ которымъ она не разстается и которымъ она дорожитъ больше, чѣмъ: всѣми брилліантами, на крупную сумму которыми она обвѣшана.

Близкіе ей люди, впрочемъ, передаютъ всякія малоправдоподобныя версіи, но въ точности никто ничего не знаетъ. Всѣ лишь сильно заинтересованы.

Около часу продолжались поиски. и когда открывшій концертъ басъ г. Жарковскій уже пѣлъ на сценѣ, участь концерта еще не была выяснена.

Хотѣли уже дать знать полиціи, такъ какъ г-жа Кремеръ заявила, что она не пожалѣетъ никакихъ расходовъ для отысканія кольца. И совершенно случайно проклятое кольцо было, наконецъ, найдено... зацѣпившимся на кружевной юбкѣ г-жи Кремеръ.

Камень не блестящій, черный и сильно напоминаетъ своимъ видомъ пуговицу отъ ботинокъ.

Концертъ былъ спасенъ.

Около кулисъ

Хорошо знакомый одесситамъ разсказчикъ Вл. Хенкинъ передаетъ слѣдующій курьезъ.

Недавно онъ гастролировалъ въ Аккерманѣ.

Прибывъ въ городъ, онъ къ ужасу своему увидѣлъ летучки-программки, на которыхъ чернымъ по бѣлому было написано:

– "Только три гастроли заслуженнаго артиста Владиміра Хенкина".

Возмущенный такой нелѣпой рекламой, г. Хенкинъ обратился къ владѣльцу аккерманскаго миніатюра съ протестомъ:

– На какомъ основаніи вы назвали меня "заслуженнымъ" артистомъ? Этимъ званіемъ имѣютъ право называться только Варламовъ, Давыдовъ, Савина...

– Что ви волнуетесь? – отвѣчалъ дѣлецъ миніатюра, – для меня вы заслуженный...

* * *

Между прочимъ, любопытно.

Когда одинъ владѣлецъ миніатюра въ Аккерманѣ выпустилъ сногшибательную афишу о гастроляхъ Хенкина, другой рѣшилъ перещеголять его.

Онъ выпустилъ такую афишу:

– "Только двѣ гастроли артиста соединенныхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ Леона Кравчука".

О, провинція – это ты!

Тальма.

Доморощенныхъ талантовъ и всякихъ вундеркиндовъ въ Одессѣ хоть отбавляй.

Они, какъ извѣстно, всегда отличаются особой назойливостью.

Гостящій сейчасъ въ Одессѣ Л. В. Собиновъ за нѣсколько дней получилъ цѣлый рядъ умоляющихъ писемъ – разрѣшить придти къ пѣвцу и сыграть или спѣть что-нибудь, дабы "продемонстрировать" тому или иному вундеркинду свои "таланты".

Л. В. Собиновъ въ этомъ отношеніи очень терпѣливъ; но зато весьма... неделикатны одесскіе "таланты", которые, вмѣсто того, чтобы урвать "двѣ минуты", не даютъ Л. В. Собшюву... передохнуть...

Не слѣдуетъ забывать, что среди "вундеркиндовъ" 20-лѣтніе юноши – самые молодые...

Артистъ гор. театра Долининъ.

АВТОМОБИЛИ
„БЕНЦЪ“
ВПЕРЕДИ ВСѢХЪ!
Одесское отдѣленіе:
Ришельевская ул., д. № 11.

– Со мною случился курьезъ такой, который случается, развѣ, съ тѣмъ артистомъ, которому приходится пѣть съ... лысымъ партнеромъ...

Дѣло было въ Кишиневѣ.

Ставили оперу "Карменъ".

Эскамильо пѣлъ... лысый артистъ, котораго всегда смущало то обстоятельство, что онъ носилъ парикъ, весьма непрочно сидѣвшій на его головѣ.

Въ 3-емъ актѣ, въ горячей сценѣ между мною – Донъ-Хозе – и Эскамильо у меня съ головы вдругъ слетаетъ парикъ вмѣстѣ съ шляпой.

Я на минуту растерялся; но затѣмъ, не смущаясь, нагнулся, чтобы поднять свой парикъ.

...Но въ этотъ самый моментъ нагибается мой партнеръ и изъ подъ рукъ выхватываетъ у меня парикъ и надѣваетъ, вмѣстѣ съ шляпой, себѣ на голову...

Я сразу не понялъ въ чемъ дѣло. Но, когда черезъ минуту Эскамильо, догадавшись, сбросилъ въ сторону мой парикъ, я сообразилъ...

Оказывается, мой партнеръ рѣшилъ, что упалъ его парикъ и публика узнала его лысую тайну...

Вотъ, когда въ театрѣ хохотали больше, чѣмъ хохочутъ на самомъ смѣшномъ фарсѣ...

Кафе и Кондитерская
ФАНКОНИ
открыты послѣ театра.

Мелочи театральной жизни.

Александръ Дюма-отецъ былъ однажды приглашенъ въ имѣніе къ одному изъ своихъ друзей. Въ то время онъ испытывалъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и обратился съ просьбой къ гостепріимному другу — одолжить ему два луидора. Послѣдній охотно исполнилъ его просьбу. Прощаясь съ другомъ, Дюма обратилъ вниманіе на то, что изъ кухни, находившейся неподалеку отъ прихожей, доносился пріятный запахъ жаренаго.

— Это моя жена собственноручно приготовляетъ пироги съ заячьимъ мясомъ, объяснилъ пріятель.

Жена помѣщика услышала эти слова и вышла въ прихожую.

— Не угодно ли вамъ отвѣдать, г. Дюма? обратилась она къ гостю. — Я сію минуту пришлю вамъ.

Писатель, послѣ нѣкоторато колебанія, согласился принять подарокъ.

Черезъ часъ горничная помѣщицы наравляется съ посылкой къ Дюма.

На вопросъ хозяйки, по возвращеніи, исполнила ли она возложенное на нее порученіе, горничная отвѣтила:

— Странный человѣкъ, этотъ г, Дюма. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ посылки, что подарилъ мнѣ двалуидора.

--

Случай съ "Иліодоромъ и торреодоромъ", напоминаетъ инцидентъ съ покойнымъ басомъ Стравинскимъ въ Кіевѣ.

Стравинскій пѣль Мефистофеля въ "Фаустѣ". Послѣ куплетовь о "Золотомь тельцѣ", посѣтители одной изъ ложъ демонстративно покинули зрительный залъ. Въ антрактѣ артистъ получилъ приглашеніе явиться на слѣдующій день къ полицеймейстеру.

— Вы должны съѣздить къ князю Санъ-Донато и извиниться передь нимъ, — объявило начальство недоумѣвающему Стравинскому.

— Въ чемъ извиниться?

— Какъ же? Вѣдь вы позволили себѣ смѣяться въ куплетахъ надъ княземъ Санъ-Донато. Вы пѣли "Санъ-Донато правитъ балъ!" Князь, присутствовавшій на спектаклѣ, обидѣлся.

Тутъ только Стравинскій понялъ свою "вину" и прислалъ полицейместеру либретто "Фауста", въ которомъ, синимъ карандашомъ были подчеркнуты слова "Сатана тамъ правитъ балъ!"

Игорь БОЖКО

Смехотерапия доктора Фриша

Это было время, когда гигантские портреты Леонида Ильича украшали привокзальную и другие площади нашего города. Вернее, это было то время, когда художники дорисовывали на этих портретах пятую Звезду Героя на пиджаке генсека, немного увеличивая его левую пиджачную часть, чтобы эта звезда поместилась. На некоторых портретах она как бы слегка уходила в подмышку, а на некоторых немного заходила на рукав. За подобную работу брались художники, имеющие доступ на высотные работы. По одному, по два они висели на веревках, домалевывая пятую звезду, живописная свежесть которой ярко выделялась рядом с уже пожухлыми звездами.

Но наш рассказ совершенно о другом.

Как-то я, начинающий газетный работник, и угрюмый газетчик Федорков попали на сеанс смехотерапии доктора Фриша вследствие моего назойливого любопытства. Федорков пошел за компанию, потому что я пообещал после сеанса купить бутылку портвейна, на который тот был падок до жадности.

Нашему походу на смехотерапию предшествовало появление в редакции шустрой молодой женщины (очень даже обаятельной), которая стала всячески рекламировать научно-оздоровительную деятельность доктора Фриша. В одной из газетных вырезок было сказано (и подтверждено профессором Преображенским), что смехотерапия по методу доктора Фриша благотворно влияет на нервную систему человека, повышает гемоглобин и дает положительный импульс, который способствует повышению производительности труда, отказу от вредных привычек и тому подобное. Федорков в эту билиберду не верил, а я (вынужден повториться) просто из любопытства — как это доктор Фриш будет нас смешить — рассказывать анекдоты, представлять какую-то пантомиму или просто покажет указательный палец, тут же приобрел у симпатичного менеджера два дешевых, напечатанных под трафарет билетика, и в означенное время по означенному адресу (в поликлинике № 7, кабинет № 34) мы с Федорковым оказались в мрачноватой, неопрятной комнате с фикусом, где должен был проводить свой сеанс доктор. В одном из углов комнаты стояло несколько старых гинекологических кресел вперемешку с такими же ржавыми креслами стоматологическими. В другом углу были свалены лопаты, грабли, оцинкованные ведра и несколько истертых автомобильных

покрышек. По-видимому, это была не то кладовая, не то подсобка, хотя на двери означенного "кабинета" красовалась скромная, написанная от руки, табличка: "Доктор Фриш. Смехотерапия".

Нас — то ли зрителей, то ли пациентов — собралось человек десять, все расселись на разномастных, стоящих у стен расшатанных стульях, причем многие места оказались незанятыми, и мы стали ждать появления главного действующего лица. Но ожидание затянулось. Уже миновало время начала, а его все не было.

Наконец в комнату "шаркающей кавалерийской походкой" вошла какая-то женщина, похожая на уборщицу (и глаз подбит, и ноги разные), и, взяв один из незанятых стульев, с грохотом утвердила его посреди комнаты. Затем она обвела всех нас недобрым взглядом и, как бы сплюнув на пол, вышла. Через какое-то время появился и сам доктор: небольшого роста, щуплый, лысоватый, с жидкой, перекошенной набок бородкой (на которой были видны остатки кефира). На нем был помятый, не первой свежести медицинский халат, из широкого бокового кармана которого, как у известного деятеля пролетарской революции, названием наружу торчала газета "Правда". Доктор Фриш вошел, что-то дожевывая, по-видимому, во рту у него был зубной протез (мост), и там что-то застряло. Не стесняясь присутствующих, он стал ногтем мизинца что-то поддевать и выковыривать, и я вначале подумал, что смехотерапия уже началась... Но тут доктор слегка стукнул ладонью по нижней челюсти, поставил мост на место и с той же приятной картавинкой, присущей все тому же деятелю пролетарской революции, сообщил публике:

— Я вчера сделал себе рот, а он никуда не годится. Но, наверное, это не только моя проблема, но и ваша.

Кое-кто из публики посочувствовал ему неопределенным пожатием плеч, и доктор вдруг стал деловым и решительным:

— Так-с! Ну что ж, товарищи, начнем, пожалуй, наш сеанс, — он обвел взглядом присутствующих. — Что-то маловато нас сегодня... Хотя это и понятно: погода располагает к морю, а море вы сами знаете к чему, — изрек он.

Действительно, день выдался жаркий, и Федоркова — впрочем, как и всегда — сильно располагало к портвейну. Он уже угрюмо стал поглядывать на часы и тяжело вздыхать.

— Сегодня в "Правде" я прочитал замечательную речь Леонида Ильича, — сказал вдруг наш эскулап. — Вот она, "Правда", а в ней речь, — он хлопнул себя по карману с газетой. — Речь просто потрясающая! Вы по-

том ее обязательно почитайте. Много поучительного на все случаи жизни вы найдете в этой речи:

"Что-то больно храбрый дедуля, — подумал я.— За подобное начало на смехотерапии по головке не погладят. Если среди нас сидит стукач, то его просто прихлопнут, как муху".

— Не подумайте, что я такой смелый, — как бы читая мои мысли, произнес доктор. — Я тоже многого боюсь, многого опасаюсь, но, тем не менее, мы начнем нашу работу совершенно с другого конца. Сейчас я вам буду делать свой пас, и нам будет смешно...

Он сел на стоявший посреди комнаты стул, откинув полы халата, как откидывают фрачные фалды пианисты, устраиваясь перед роялем, еще раз молча обвел всех взглядом, сохраняя на лице грустную серьезность, протянул вперед правую руку и поднял вверх указательный палец. Наступила тишина. Ни один стул не скрипнул.

Доктор сидел и не моргая смотрел на свой палец, затем слегка пошевелил им. Никто из присутствующих не издавал ни звука. Пауза затянулась. Мне стало как-то неловко за доктора... Наконец кто-то робко хихикнул.

— Вот-вот. Уже пошло, — сказал доктор, не меняя своего грустно-серьезного выражения лица. — Один уже смеется. Кто следующий?

Через какое-то время хихикнул следующий.

— Смелее, смелее, товарищи, — подбодрил присутствующих доктор и еще раз пошевелил пальцем. Это был просто палец, поросший кое-где довольно длинными и рыжими волосками, и ничего смешного в нем не было.

"Он нас считает идиотами", — подумал я о докторе — и тут же почувствовал, как мой рот расползается в непроизвольной улыбке. Такие же полуулыбки появились и на других лицах. "Что за чертовщина!" — подумал я.

— Веселей, веселей, товарищи! — сказал доктор и еще пошевелил пальцем. Я как идиот рассмеялся. За мной засмеялись другие идиоты.

— Сеанс пошел, — сказал доктор, не меняясь в лице.

"Наверно, я слегка двинулся", — подумал я и уже рассмеялся над самим собой, над своей глупостью.

— Смейтесь не с пальца, а смейтесь с себя, — изрек доктор. — Смейтесь от всей души, товарищи...

Доктор стал шевелить пальцем более активно. Стыдливо поглядывая друг на друга, засмеялись еще несколько человек.

— Ничего, ничего. Не стесняйтесь, — подбадривал доктор. — Смейтесь. Здесь есть над чем посмеяться.

— Но в этом нет ничего смешного! — возразил вдруг один из присутствующих, похожий на бухгалтера человек, дурашливо улыбаясь и подхихикивая.

— Как это нет? — удивился доктор. — Вы же сами смеетесь. Это очень смешно. И он еще раз пошевелил пальцем.

— Ну, это ведь просто глупо, доктор, это же просто идиотизм какой-то, — настаивал пациент-бухгалтер и хотел, по-видимому, сделать серьезное лицо, но у него ничего не получалось. Он махнул рукой и вдруг захохотал действительно, как дурак. Дурашливо и даже с какой-то долей истерики засмеялась пожилая женщина.

— Очень хорошо! Очень хорошо, товарищи! Вы должны хорошенько высмеяться над своими судьбами. Неважно, что есть причина вашего смеха — мой палец или ваш собственный. Некоторые из вас могут смотреть на свой палец.

Я увидел, как до этого угрюмо сидящий Федорков как дурак посмотрел на свой палец и даже не улыбнулся. От пальца он перевел свой взгляд на меня и в недоумении пожал плечами. От этого его взгляда я засмеялся еще сильней и почувствовал, что от идиотского смеха у меня сводит скулы, а в животе сделалось больно. Я переломился надвое, не в силах превозмочь эту дурацкую смехотерапию.

— Ой, мне плохо! — застонала женщина в красной с вырезом блузке, и я увидел, как две ее выразительные круглые груди как-то сами по себе, подпрыгивая, вываливаются наружу.

— Кто не будет смеяться, — вдруг произнес доктор, — тот может обмочиться!

И от этой его нелепости я засмеялся еще глупее и громче.

Вдруг Федорков, кисло улыбнувшись, схватил себя за причинное место, вскочил и побежал к выходу, ругаясь нецензурными словами.

— Сеанс окончен, — наконец-то сказал доктор и опустил палец. Затем он сжал ладонь в кулак и спрятал его в карман с "Правдой".

— А тот, что выскочил — то явно подстава! — произнес, покидая помещение, человек-бухгалтер в лицо доктору Фришу. Доктор неопределенно развел руками.

— Хреновень какая-то! — зло изрек поджидающий меня на улице Федорков. Я глянул на его брюки, на которых имелось пятно явно определенного происхождения.

Илья РУДЯК

Скрипичные ключи из Америки

Из цикла рассказов "Мы здесь и там"

Жене Колкевичу

Сразу после окончания консерватории я поменял дирижерскую палочку на автомат Калашникова. Отбояриться от армии не удалось. Предстояли два потерянных года. И вдруг меня вызвали в политотдел военного округа.

— Солдат Гринкац, вы окончили композиторско...

— Так точно, товарищ полковник.

— Так вот. В Энском военном училище оркестру нужен дирижер. Справитесь?

— А как же? Извините, так точно, товарищ полковник.

— Езжайте и примите дела.

Начальник училища, генерал-майор, Герой Советского Союза Николай Иванович Сазонов встретил меня словами:

— Если не сделаешь оркестр образцовым, будешь месяц чистить нужник.

Потом по-отечески:

— Но если что нужно — немедленно заявляй.

— В первую очередь, товарищ генерал-майор, необходимо приобрести скрипичные ключи (я не заметил никакого удивления, меня занесло дальше), пару палочек, и, конечно, ноты.

...Мама не поверила, но рыдала от счастья. Жена была нежна и податлива. Двухлетний сын пытался только срывать погоны.

Я вернулся и по уши ушел в работу.

Через девять месяцев, как и положено, на смотре военных оркестров училищ наш занял первое место.

Я за это время съездил еще раз домой за "басовыми ключами". Мама, наконец, поверила в мой могендовид. Жена была на сносях.

Сын все еще пытался срывать погоны, а заодно и нашивки с лирой.

Сазонов вызвал меня и без вступления:

— Молодцом, Гринкац. Оркестр сдай лейтенанту Марчуку и продолжай трудился по-прежнему.

— Но...

— Выполняй приказ.

— Могу я закончить службу в строевой...

— На репетицию, кругом марш...

Я развернулся и пошел... пошел... пошел... и дошел до: командующего округом.

— Антисемитизм, говоришь. Да. Но если подумать здраво, без спешки и обиды... (он заглянул в папку, подготовленную для него) в училище нет ни одного еврея курсанта, нет евреев преподавателей, и только один майор Рыклин заведует снабжением.

— Товарищ Маршал Советского Союза, разрешите идти?

— Куда?

— В ЦК.

— Сколько тебе осталось до конца службы?

— Три месяца.

— Подай на дембель.

— Слушаюсь.

...Через пять лет я впервые посетил родные могилы, походил по Поварской, где вырос, побывал в зале консерватории, посмотрел спектакли, послушал оркестры. И потянуло к... Сазонову.

На пропускной:

— Стой! Куда идете?

— К генерал-майору, Герою Советского Союза...

— Фамилия?

— Доложите — дирижер, еврейтор Гринкац.

Что-то подозрительное мелькнуло у дежурного.

— Я букву вффы не выговариваю.

Поверил. Позвонил. Тут же пришел за мной адъютант и провел в кабинет вне очереди.

— Приехал отблагодарить вас, Николай Иванович. Если б не вы...

— Да чего там, я всегда помогал молодым талантам. Где обитаешь?

— В Гленвью.

Пауза.

— Это в Англии, что ли?

— Нет, под Чикаго. Примите в подарок бутылку виски "Аль Капоне".

— Спасибо.

— А Марчуку привез, для оркестра, от нашего Чикагского симфонического новенькие американские скрипичные ключи.

— Отдашь прямо в руки.

Теперь я мог спокойно вернуться домой в Америку.

Чикаго

О милая Одесса-мама

А на танцах с ним случилась нелепица. Пригласил он одну симпатичную, сидевшую, как и другие, возле стенки на стульчике, сидя рост скрадывается, да и обалдел, когда она начала вставать. Она, приподнимаясь, тянулась куда-то вверх, как тянется ползущее к солнцу растение, и казалось, это никогда не закончится, а когда все же кончилось, он обнаружил рядом с собой великолепную гигантшу, которой он не доставал и до плеча. И он, не будучи маленького роста, вдруг почувствовал себя пигмеем рядом с этим великолепием, держа ее рукой за талию и танцуя, попунцовев, что-то медленное, нескончаемое, уткнувшись ей лицом в грудь. И она тепло смотрела на него откуда-то сверху, и все это напоминало живописное — мадонна с младенцем. И когда пытка музыкой закончилась, он умчался в другую часть зала в поисках дальнейших приключений...

Когда вышла она, и они пошли к парку, где среди деревьев и кустов можно было укрыться от деловитого и суетливого многолюдного города со своими вечными заботами и абсолютно равнодушного к парочке, занятой своими проблемами. И он ей с энтузиазмом рассказывал о пребывании своем в утро этого же дня на концерте в том же Дворце студентов, из которого они вышли. И студенческом театре "Пегас", так понравившемся ему. "Ну! Рассказывайте, студент!" — "Ну что! А поначалу земля была такая горячая-горячая. Потом она начала остывать. Остывала, значит, она, остывала! Потом появились динозавры". — "Так! А какой у вас в билете вопрос?" — "Устройство радиоприемника". И он пересказывал ей, как мог, запомнившиеся ему диалоги, смеясь сам и смеша ее, и зрительно видя ярко освещенную сцену и зал, жадно реагирующий на каждое слово. Позже он услышит некоторые "пегасовские" сценки в исполнении двух блистательных одесситов, звучавшие отовсюду из телевизоров и радиоприемников. Но это будет потом, а тогда он этого еще не знал.

— Как здорово! — они уже сидели на скамейке в парке. — Как мне все-таки жаль уезжать из Одессы! — неожиданно сказала она грустно, он удивленно обернулся на нее. Оказывается, она почти закончила вуз, и по распределению ее в Одессе не оставят — это сто процентов. Он тоже заканчивал свой вуз и тоже в Одессе вряд ли оставался, точнее, не останется, это точно.

— Я тоже люблю Одессу, — сказал он. — И мне тоже очень жаль уезжать из нее.

Они какое-то время говорили о городе, большом и красивом, и необычном, к которому они приросли, привыкли, и расставаться с которым им было совсем не просто. "А ты был там-то?" — спрашивала она, увлекаясь и рассказывая ему какие-то эпизоды, дорогие ей и связанные с Одессой. "А вот я", — он тоже увлекся, вспоминая.

— А хочешь, я тебе напою об Одессе? Очень, кстати, популярное у нас.

— У кого — у нас?

— У курсантов. Я эту песню очень люблю.

— Хочу. Спой.

— В тумане растворились огоньки, — начал он, — И в море уходить нам утром рано. Поговорим о берегах твоих, о милая моя Одесса-мама! — он пел, и что-то в душе щекотало его, теплое и личное. — Здесь мне знакомо каждое окно, здесь девочки хорошие такие! — с чувством пропел он. — Одесса, мне не пить твое вино И не утюжить клешем мостовые! — он замолчал, украдкой теранув повлажневший глаз, что-то с ним творилось непростое.

Она прижалась к нему, поцеловав его, и он понимал, что нравится ей. Недавно он видел позабавившее его, когда одна, смерив глазами с головы до ног какого-то, отступив на шаг, сказала: "Вы только посмотрите на него! Тоже мене подарок ко дню Восьмого марта". Он не был подобным подарком ко дню Восьмого марта и знал себе цену. И чутьем донжуана уловил, что эта, прижавшаяся к нему, готова отдаться ему, растроганная эмоциями. И этот довольно симпатичный парень в морской форме, пожалуй, в чем-то ассоциировался у нее с самой Одессой, и все это было понятно. Но что-то, охватившее их вдруг, было выше и значительней рядовой повседневной бытовухи, и он не стал пользоваться ее настроением.

С похмуревшего неба упала крупная, как слеза, капля, за ней другая, третья.

Николаев

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол

Просто цирк…

* * *

По комнате, стены которой увешаны охотничьими трофеями, ходят хозяин и гость.

ГОСТЬ. Да-а, ваша коллекция достойна восхищения любого охотника. Видны плоды, так сказать, многолетнего труда.

ХОЗЯИН. Да уж, пришлось и потрудиться, и даже жизнью поприсковать... Но вот это всё, между прочим, я добыл на одной охоте.

ГОСТЬ. Не может быть! Расскажите!

ХОЗЯИН. Это была ночь чудес! Сначала выскочил кабан, я — бах, бах! Потом олень, я — бах! И вдруг прямо на меня медведь — бах, бах! А тут еще сзади — пингвин...

ГОСТЬ. Стоп-стоп-стоп! Сначала кабан, олень, медведь, а потом пингвин? Это где же такое возможно? Извините, но то, что вы рассказываете — это же просто цирк какой-то...

ХОЗЯИН. Не-е, это не цирк. (*Вздыхает.*) Это зоопарк. В цирк меня ночью пока не пустили.

* * *

Возле курятника репортер с микрофоном и хозяин с огромным яйцом в руках.

РЕПОРТЕР. Мы в гостях у Петра Петровича Наседкина, который прославил наш город феноменальным достижением. Именно в его курятнике, в условиях города, было снесено вот это яйцо рекордной величины. Скажите, Петр Петрович, как ученые объясняют этот феномен?

ХОЗЯИН. А что ученые? Говорят, чудо природы. М-да... Пользуясь случаем, хочу обратиться к директору нашего цирка. Заделайте, наконец, дыру в вашем заборе! Раньше в мой курятник бегали ваши лисы, а теперь сюда стал бегать еще и ваш страус!

* * *

В цирке в комнату к фокуснику заходит следователь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это вы фокусник Иванов-Загудини? Я следователь по делу о пропаже гражданина Тюхина. Вы вызвали его из зала на арену, накрыли вот этим покрывалом, взмахнули палочкой, а потом оказалось, что он пропал! Его искала жена!

ФОКУСНИК. Погодите, у меня человек сначала пропадает, но потом всегда возвращается.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Совершенно верно. Следствием установлено, что гражданин Тюхин вернулся к жене. Но через три года! И из Америки! Как вы можете это объяснить?

ФОКУСНИК. Этого не может быть! Это полное недоразумение!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я допускаю, что гражданин Тюхин — это полное недоразумение. Тем более я его видел... Однако для следствия этого недостаточно! Я обязан провести следственный эксперимент. Я накидываю покрывало, а вы взмахните палочкой. (*Лезет под покрывало.*)

ФОКУСНИК. Погодите! Уверяю вас — ничего не получится!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот мы и проверим: получится или не получится! (*Выглядывает из-под покрывала.*) Друг! Но если вдруг получится, можно увеличить срок до пяти лет?

Вы меня не так поняли!

* * *

По лестнице дома поднимается мужчина и наталкивается на лежащего на ступеньках человека.

МУЖЧИНА. Черт! Пьяные уже прямо в парадном валяются.

ЧЕЛОВЕК. Ты чё, мужик, у меня ни в одном глазу, у меня ноги отказали. Помоги, а?

МУЖЧИНА. Ой, извините, я решил, что вы пьяный. (*Тащит его, тот дыхнул, мужчина закашлялся*) Так вы же пьяный! Зачем вы врете?

ЧЕЛОВЕК. Да ты что? Трезвый я! Кум такую самогонку гонит — я литр выпил, и ни в одном глазу. А вот ноги отказали...

* * *

В кабинете директора школы за столом несколько учителей. Директор ходит вокруг, толкая речь.

ДИРЕКТОР. Товарищи учителя. Это моя первая речь в качестве директора, и я хочу, чтобы вы сразу поняли: с приходом нового директора в школе наступят новые времена. Точнее, добрые старые времена.

УЧИТЕЛЬ. Давно пора!

ДИРЕКТОР. Не перебивайте директора! Дисциплина!

УЧИТЕЛЬ. Извините.

ДИРЕКТОР. Так вот, о дисциплине. В первую очередь мы восстановим в нашей школе добрую старую линейку.

УЧИТЕЛЬ. Правильно! Все соскучились по пионерской линейке.

ДИРЕКТОР. Это вы соскучились по пионерской линейке. А я соскучился по доброй старой линейке. (*Хватает со стола линейку и бьет учителей по рукам.*) Дисциплина, я сказал! Дисциплина! Все поняли?

* * *

В секс-шопе древний старичок и продавец. Продавец разложил перед старичком кучу масок, плеток, наручников и т. п. Он с трудом сдерживает раздражение.

ПРОДАВЕЦ. Я уже битый час с вами вожусь, и все не подходит! Вы же сами попросили что-нибудь для интимных игр в постели. Я понимаю, жена, наверное, намного моложе вас...

СТАРИЧОК. Ничего подобного! Жена у меня как раз намного старше! Это она перед сном хочет немного поиграть.

ПРОДАВЕЦ. Старше вас?! Так, всё! Я уже ничего не понимаю!

СТАРИЧОК. Спокойно! Давайте начнем сначала, только не вы мне будете предлагать, а я вас буду спрашивать. Договорились? Итак, повторяю мой первый вопрос: у вас есть что-нибудь для игр в постели?

ПРОДАВЕЦ. Для этого у нас есть всё! Абсолютно всё!

СТАРИЧОК. Отлично! Второй вопрос: у вас есть шахматы?

Жизнь замечательных людей

* * *

Юрий Долгорукий с воинами едет по лесу на коне.

ЮРИЙ (*оглядываясь по сторонам*). Точно! Про место сие мне во

сне видение было. Значит, быть по сему! Вот тут, братцы, град заложим и назовем его Москва. Так мне во сне голос сказал.

ВОИН. А что еще, княже, голос сказал?

ЮРИЙ. Сказал: "Град сей Москва потомкам вашим богатства несметные принесет. Потому что, потому что..." А дальше слова какие-то непонятные. Хотя вроде по-русски говорил.

ВОИН. Почему богатство-то? Какие такие слова? Скажи, может, я пойму?

ЮРИЙ. Он сказал: "Потому что когда-нибудь квадратный метр в нем будет стоить три тысячи долларов! Минимум!

* * *

Ленин читает газету. Входит молодой рабочий и молодая работница.

РАБОЧИЙ. Владимир Ильич! У нас, у комсомольцев, тут вопрос возник...

ЛЕНИН. Спрашивайте-спрашивайте! У нас от комсомола тайн нет. Поговорим, обсудим!

РАБОТНИЦА. Мы тут тоже газету читали, прочитали слово "секс", а что это такое — не знаем.

ЛЕНИН. Не знаете, значит? Так надо учиться! Учиться, учиться и еще раз учиться! А вот после третьего раза приходите — поговорим, обсудим...

Феликс КОХРИХТ

Pinakothek der Moderne: от Пикассо до Порше

Этот снимок сделан в фойе мюнхенской Старой Пинакотеки, открывшейся в 1836 году и по праву считающейся одним из самых обширных и авторитетных мировых собраний искусства Европы — от Ренессанса по 19 век. После Второй мировой войны здание, понесшее немалый ущерб от бомбардировок, отремонтировали и вдобавок построили напротив комплекс Новой Пинакотеки, где демонстрировались работы мастеров Нового времени, в основном — импрессионистов. Но и это внушительное сооружение буквально на наших глазах — в 80 годы, увы, минувшего 20 столетия — стало тесным для бурно развивающегося современного искусства.

Помню, как четыре года назад наша деятельная приятельница Ирми записалась в "Круг друзей Пинакотеки Модерн" и с присущей немцам старательностью принялась собирать у знакомых пожертвования на ее строительство — сначала марки, а затем и евро. И к нашему изумлению — собрала! И в декабре 2000 года была приглашена на бал по случаю открытия нового музея столицы Баварии.

Разумеется, подобные активистки не осилили бы миллиардные суммы — основные средства вложили спонсоры, крупнейшие банки и концерны, — но стройку эту, как и когда-то у нас, в Германии называли народной.

Уже сегодня Пинакотека Модерн признана крупнейшим в мире собранием авангардного искусства, и, что важно — во всем диапазоне: от полотен основателей культовых школ до шедевров промышленного дизайна, от фигуративной живописи до вентиляторов.

Найти этот музей просто — он за углом от Старой Пинакотеки, по соседству с Новой. С виду здание если чем и отличается, то размерами, но стоит зайти внутрь, как сразу попадаешь в Пространство, удивительно точно придуманное, построенное и обустроенное так, что в нем самым парадоксальным образом не только уживаются, но и "поддерживают" друг друга экспонаты, казалось бы, и вовсе несовместимые.

...Вот старшеклассники соседней гимназии расположились на полу зала с картинами художников группы "Синий всадник", фундатором которой был наш земляк Василий Кандинский — у них урок рисования...

В соседнем помещении гид переводит на японский лекцию о страшноватеньких для стайки продавщиц из Токио произведениях немецких экспрессионистов...

Сюрреалисты, кубисты, абстракционисты — и повсюду Пикассо: многоликий гений Авангарда!

Работы этих мастеров стали классическими, они — в бесчисленных каталогах, альбомах, видеокассетах, на сайтах, они сегодня доступны многим. Я же фотографировал для альманаха то, что можно увидеть разве что на специальных тематических выставках, а собранное воедино, пожалуй, лишь в нью-йоркском Музее Гугенхайма и здесь — в мюнхенской Пинакотеке Модерн.

...Вот навис над пандусом, ведущим вниз — в залы технического дизайна, — огромный Монстр, гибрид доисторического ящера и сверхзвукового самолета. Его тень накрывает караван автомобилей — прототипов пижонского "порше" и трудолюбивой "шкоды", мотоциклов "харлей" и первых автоприцепов-дач...

Мерцают изысканные торшеры, тихо воркуют довоенные "Телефункены", электрола напевает голосом Марлене Дитрих...

Гарнитур мадам Петуховой соседствует с тонетовскими гнутыми стульями, на кушетке в стиле баухауз так славно было бы отдохнуть, но Пинакотека огромна, и ты из последних сил плетешься — уже вверх. И вновь тень летающего Монстра накрывает тебя...

Ловлю себя на мысли: пройдет лет десять, и это огромное здание уже не сможет вместить все, на что способны фантазия и руки пытливых землян, оснащенных и вдохновленных новациями и технологиями 21 века, в котором, надо надеяться, земные хранилища пополнятся образцами творчества лунных, а то и марсианских новаторов-авангардистов.

Предвижу, с каким тщанием наша приятельница Ирми отправится во второй поход для сбора средств на строительство Космической Пинакотеки. Возможно, это будет виртуальное сооружение, в котором разместятся голограммы... Тогда места хватит всем.

Фото автора

Блаженны мифотворцы

А.М. Дерибас
Старая Одесса
Киев, "Мистецтво", 2004

В сообщении "О том, чего я не досказал в своей книге...", читаном в Одесском библиографическом обществе, Александр Михайлович Дерибас (1856-1937) довольно внятно и совершенно бесхитростно определил характер текстов "Старой Одессы". Резюмируя им изложенное, можно остановиться на формулировке записки старожила, что в свою очередь типизируется как мемуары. Дерибас неоднократно подчеркивает, что не претендует на историзм, научность, академизм своих заметок, написанных "легко, фельетонно, без всякой системы, без всякой хронологии и без всякой претензии", картинно, эмоционально, и тем самым снимает с себя ответственность за строгую историческую достоверность. Задача этих мозаичных и пестрых глав скорее нравственная, нежели академическая. По собственным словам автора, он хотел согреть новую Одессу теплотой давешнего одесского солнца, ее прежней простодушной улыбки. Надо понимать так, что Одесса как бы исполнена некой ретроспективной энергетикой, постоянно напитывающей тонкокожих, чутких горожан, а потому придающей им неповторимый колорит, характерность, самость. Такие "особенные люди", наподобие медиумов или экстрасенсов, имеют возможность поделиться с согражданами добываемой из окружающего пространства энергией созидания и добра. В этом-то как раз и состоит великий гуманистический смысл "Старой Одессы" А.М. Дерибаса.

...Есть такой старый анекдот. Живописец портретирует немолодую отцветшую красавицу, а та этак жалостливо просит, чтоб он изобразил талию потоньше, глаза побольше, брови погуще и т. п. Вконец раздосадованный художник восклицает: "Так вы все-таки хотите быть красивой или похожей?". Портретируя Одессу в стиле ретро, Дерибас однозначно выбирает первое. "Я почти не писал дурного о старой Одессе, — признается он со всею откровенностью, — не потому, что в ее прошлом не было ничего дурного, а потому, что о дурном, когда оно прошло, и писать не стоит. Хорошее тем хорошо, что оно всегда нужно, а дурное — какая кому в нем надобность?" Пройдет каких-нибудь шесть лет и, комментируя

публичные лекции И.А. Бунина о бессмысленном и беспощадном русском бунте, о кровавой вакханалии революции, он, как бы противореча самому себе, станет оправдывать "ядовитый дурман", источаемый этими горькими речами. "Да, Бунин негодует и бранится, — отметит Дерибас в 1919-м, — но это от сердца. И во всех своих словах о великом дурмане он только срывает свое сердце. Не хочет он дурмана там, где должна сиять подлинная истина".

Как принято говорить, о покойнике либо ничего, либо хорошее. С этим убеждением Александр Михайлович жил и творил много десятилетий, чтобы на исходе дней допустить полярное: либо ничего, либо всё. Но тогда, в начале 1910-х, в промежутке катастрофических социальных потрясений, он нашел свой особый путь миротворца в мифотворчестве региональной истории (или в краеведении, каковое понятие изначально имело некоторый привкус дилетантизма). "Старая Одесса" — трогательная попытка обратить взоры "новых одесситов" к давней патриархальной соборности младенчества Южной Пальмиры, к спартанскому образу жизни первых поселенцев всевозможных социальных состояний и этносов, когда и "боги" (Дерибас, Ришелье, Ланжерон) спускались на землю, это была попытка консолидировать все более расшатывающееся и распадающееся гражданское общество посредством иллюстрации наглядных и близких исторических образчиков.

Как социальное действие попытка эта имела совершенно непредсказуемые последствия. Во всяком случае, не совсем те, какие имел в виду А.М. Дерибас. Из области чистой эстетики и социальной идеологии благостный одесский миф спустился в повседневность, в утилитарную эксплуатацию, в мелочный обиход (обстоятельства второй четверти прошлого столетия очень даже способствовали!), где, изменившись практически до полной неузнаваемости, внедрился в массовое обывательское сознание. Говоря шершавым языком одесской улицы, всякий встречный и поперечный местечковый жлоб получал картбланш "писать летопись" и слыть правомочным бытописателем, Нестором местного разлива. Амикошонство в отношении видных фигурантов региональной истории, пошловатые пародии на хронографию стремительно сделались общим местом. Разумеется, теперь можно говорить о том, что Дерибаса извратили. Однако вольно или невольно, но именно он сам и подал первый широкомасштабный пример сознательного ретуширования исторических реалий, формирования иллюзорной истории. Подобно упомянутой портретируемой экс-красавице,

Одесса гримировалась не под собственную девичью фотографию, а приноравливаясь к сфабрикованному льстецами (?) портрету. И в результате пришла к какому-то сомнительному (чтобы не сказать чудовищному) нарциссизму.

Совершенно очевидно, что и эта новая книга — добрая сказка о солнечном Городе Детства, насыщенная не только желаемым, но и действительным (о чем — см. ниже), пропитанная позитивной энергетикой добра и "гения места", — станет раздираться на части, что невежды и популяризаторы скверных и нелепых исторических анекдотов, псевдокраеведы с кровью вырвут из нее цитаты во имя шулерских открытий и пресловутых тайн. Это неизбежно. Тем не менее, наша задача — хотя бы в самых общих чертах откомментировать ключевые моменты публикуемой подборки текстов, проинформировать заинтересованного читателя о степени их достоверности.

Прежде всего отметим, что А.М. Дерибас, внучатый племянник основателя Одессы, И.М. Дерибаса, был не профессиональным историком, а журналистом. Отец Александра Михайловича, Михаил Феликсович (1808-1882), много лет редактировал "Journal d'Odessa". Автор "Старой Одессы", что называется, с младых ногтей пропитался духом изустных преданий о "раньшем времени", когда солнце светило ярче, а небо было голубее. М.Ф. Дерибас получил блестящее (но домашнее!) образование. Дерибасы чрезвычайно гордились своей неординарной ролью в одесской летописи; семейные предания и легенды возводились в ранг абсолюта; в воспитании детей культивировалась личная ответственность за судьбы города и горожан, за все с ними происходящее. Семейное чтение составляло непременный атрибут локального духовного быта. Одним из любимейших авторов тогда был Вальтер Скотт, а чуть попозже — Эмар и де Монтепен. Историософия этих блистательных романистов, пестревшая анахронизмами в угоду динамике сюжетов и выразительности текстов, судя по всему, и положила начало интеллектуальной биографии Александра Дерибаса и его младшего брата, Людвига (1866-1922), впоследствии также мемуариста и библиофила.

С некоторыми оговорками можно утверждать, что А.М. Дерибас получил экономическое образование. И в самом деле: он окончил коммерчесое училище, обучался на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Новороссийского (Одесского) университета, некоторое время служил доверенным Волжско-Камского коммерческого

банка и управляющим Киевским отделением Петербургского учетного и ссудного банка. В 1877-1880 гг. Дерибас сотрудничал в одесской "Правде", местном альманахе "Эхо", в начале 1880-х преподавал французский в частной гимназии, состоял надзирателем (то есть воспитателем) в пансионе при Ришельевском лицее. В 1882-м перебрался в Киев, занимался литературным переводом, журналистикой, к которой особенно обратился по возвращении в Одессу в середине 1900-х. Как характерный жанрист Александр Михайлович весьма удачно вписался в полихромную палитру "Одесского листка" (он был его штатным сотрудником до 1919 года включительно) и "Одесских новостей" — в то время ведущих и популярнейших местных периодических изданий. На страницах этих газет в 1906-1912 гг. и появилась обширная серия статей, избранные из которых составили первую книгу "Старой Одессы" образца 1913 года (ее репринтные издания вышли в 1990 и 1995 годах).

Для полноты картины остается прибавить некоторые биографические сведения. В 1911-1918 гг. Дерибас исполнял обязанности заместителя председателя Одесского библиографического общества при Новороссийском университете (а в начале 1920-х работал в Одесском библиографическом обществе), в 1912-1917 гг. был членом правления Одесского отделения кассы взаимопомощи литераторам и ученым. Дом Александра Михайловича (он был женат на небезызвестной А.Н. Цакни, прежде состоявшей в браке с И.А. Буниным) был одним из самых значимых "культурных гнезд" и "художественных салонов" Одессы тех лет. Дерибас был дружен или близко знаком с абсолютным большинством ее интеллектуальной элиты, так что даже нет надобности перечислять всех поименно. В 1922-1924 гг. — служил директором Одесской государственной публичной библиотеки, а в 1925-1935 гг. возглавлял краеведческий отдел этой библиотеки и составил уникальную картотеку "Одессика", положившую начало библиографическому обеспечению советского исторического краеведения в городе и регионе. В эти же годы А.М. Дерибас принимал деятельное участие в формировании музея "Старая Одесса", по-прежнему занимался журналистикой, выступая с публикациями преимущественно по художественной жизни города, литературным краеведением, в первую очередь — одесской главой пушкинской биографии, состоял членом Пушкинской комиссии при Одесском доме ученых. Однако все это — общеизвестные, в общем формальные и не чересчур значимые в данном контексте моменты.

Куда важнее мотивационные стороны его творчества, человеческие ка-

чества. И в этом смысле не очень, может быть, внятные строки Ю.К. Олеши из "Ни дня без строчки" дают в стократ больше понимания сущности Дерибаса, нежели самые обширные биографические очерки. "Это был высокий старик, с белой длинной бородой и губами, складывавшимися при разговоре так, что видно было его происхождение: француз". Французом автор "Старой Одессы", конечно, не был, он был франкоговорящим (и, разумеется, русскоговорящим) испанцем. Но эта неточность изрядно характеризует "благородного динозавра", представителя давно ушедшей эпохи первой одесской молодости, ее певца, менестреля, скальда, рапсода, как хотите, неисправимого седовласого романтика, непреклонно читающего "длинные строки александрийского стиха" наперекор радикальному напору окружающего его со всех сторон воинствующего авангардизма. В этой лаконичной картинке больше убедительности и правды, нежели в любом лукавом мудрствовании.

Столбовая проблематика очерков Дерибаса — "отцы" и "дети", эволюция их отношений на фоне социальных, административных и прочих реформ, в особенности третьей четверти позапрошлого столетия (см., например, "Студенчество и общество в шестидесятых годах"), и соответствующими изменениями уклада городского быта. Мемуарист видит свою задачу прежде всего в замирении "отцов" и "детей", порой благодушно фиксирует оное мирное сосуществование, хотя реально оно бывало куда ближе к состоянию холодной войны. Все негативное, как, впрочем, и позитивное в общественном быте старой Одессы, он склонен приписывать исключительно личным качествам одесситов, из какового посыла получается нечто в духе "Бородино": мол, были люди в наше время, богатыри, не вы...

"Прежние люди смотрели шире и яснее, — пишет Дерибас, — жизнь их не была загромождена и засорена такою массою пустяков, как теперь. Дым и копоть фабричных труб не так омрачала небо. Высокие дома не застилали горизонта и не мешали солнцу. На Черном море не ходили тяжелые пароходы, а летали быстрокрылые ладьи..." Как принято говорить, комментарии излишни.

Весьма курьезны наивные заявления о том, что "в первые десятилетия ее (Одессы. — **Авт.**) существования в ней не было ни нищих, ни бедных". Это тем более забавно, что уже в 1823 году здесь учрежден Приказ общественного призрения, а весной 1830-го на средства "именитой гражданки" Елены Кленовой на Старом городском кладбище заложен дом "приюта призрения нищих". Еще комичнее утверждение об отсутст-

вии корыстолюбия у прежних одесситов (см. "Накануне Отечественной войны"). Речь идет как раз о времени так называемой "континентальной блокады", когда средиземноморские проливы были блокированы, и юная Одесса счастливо сделалась важнейшим пунктом комбинированной транзитной торговли Запад-Восток (товары шли сухим путем из Австро-Венгрии, загружались на суда и доставлялись на восточный берег Черного моря), когда город наводнился отчаянными искателями счастья и приключения, настоящими джентльменами удачи, предпринимателями из Брод, Леванта и стран Центральной Европы, когда активно набирали обороты разнообразные коммерческие структуры, в том числе — первые крупные кредитно-банковские учреждения, когда стремительно богатели оборотистые негоцианты, в дальнейшем составившие коммерческую элиту Южной Пальмиры...

Гипертрофированные высказывания Дерибаса насчет патриархальной Одессы иллюстрируют, вместе с тем, верную, в общем-то, мысль. Мемуарист имеет в виду простоту, непритязательность, здоровый прагматизм, исключительную деловитость одесских пионеров. И если точнее расставлять акценты и называть вещи по именам, то у нас получится примерно следующее.

Одесса была, прямо скажем, проектом столь же грандиозным и многообещающим, сколь и необычным для своего времени. Можно без преувеличения говорить о том, что за последние столетия на карте Европы не появилось ничего подобного. Фундаторы города и порта отлично видели открывающиеся возможности, почти невероятные перспективы. Подобно покорителям Сибири, преобразователям Дикого Запада или даже какимнибудь крестоносцам, они получали широкий простор для маневра и колоссального по масштабам эксперимента. Реализация подобного эксперимента в "казарменной России" была вдвойне, втройне эффектной и создавала для ее участников иллюзию невероятной свободы. На довольно длительных хронологических этапах эта иллюзия становилась подлинной реальностью. Вот что имел в виду незабвенный герцог де Ришелье, когда говорил: "Не будем слишком регулировать". Он дальновидно пускал дело как бы на самотек, предоставляя строителям неограниченную инициативу, а затем всегда имелась возможность официально оформить результаты самодеятельности. Именно эти моменты и имеет в виду автор "Старой Одессы", постоянно декларируя чистоту помыслов и нравов, абсолютное бескорыстие и чуть ли не ангелоподобность первых одесских граждан.

"Отцы-основатели" и в самом деле жили довольно скромно — как по

субъективным, так и по объективным обстоятельствам. Им было не до украшательства и помпезности. Любая торговая фактория с античных времен начиналась с землянок и бараков. В Причерноморье так было всегда. Перво-наперво создавались институции, способствующие пуску коммерции, прежде всего — морской. Строились порт, казармы для войск (как же без охраны?!) и складские помещения. Плюс — нивелировались торговые площади (базары). Жилье на первых порах должно было быть функциональным. Не более того. Даже храмы ставили временные. И только с середины 1800-х под надзором Франческо Фраполли понемногу стали обустраивать Северную (Александровскую, Греческую) и Херсонскую (Новобазарную) площади, приступили к сооружению Городского театра, возведению благолепных каменных храмов и т. д. Типологические жилища состоятельных одесских купцов составлял, к примеру, Красный (Греческий) переулок. Это были средиземноморского покроя небольшие двухэтажные домики с крохотным внутренним двориком и мощным подвальным этажом, где помещались кофейни и харчевни. Явившиеся из Архипелага (Ионических островов), материковой Греции, югославянских государств, из городов южной Италии и Франции предприниматели стремились воссоздать на новом месте привычный быт, родной уклад и традиции. Именно по этой причине помимо магистрата и биржи здесь столь рано открыт театр — непременный атрибут жизни их метрополии.

Дерибас любит пристально вглядываться в этот незатейливый повседневный быт молодой Одессы. Наблюдения и медитации такого рода составляют стержень, костяк, внутреннюю конструкцию большинства его краеведческих очерков. Очевидно, что нередко он именно что медитирует, воссоздавая в памяти давние рассказы отца, в свою очередь пересказывавшего кое-какие сообщения деда, семейные предания и др. При подобной технологии отдельные анахронизмы и неточности, конечно, неизбежны. И мы обязаны об этом сказать: с тем чтобы читатель сознавал, какую почерпнутую в книге информацию все же не следовало бы тиражировать.

В зарисовке "Греческое восстание 1821 года" читаем: "И мальчики побежали на площадь, где теперь греческий базар. Базара там тогда не было, не было и Круглого дома". "Круглого дома" не было, это верно, он построен двадцать лет спустя. А вот насчет базара — явный анахронизм. Действительно, ансамбль Греческого базара был оформлен уже к середине 1810-х. Он представлял собой площадь, окаймленную четырьмя Г-образными кварталами двухэтажных строений. Причем, нижние их этажи, об-

ращенные к этой площади, предназначались исключительно под торговые помещения, по фасаду представляли собой каменные аркады и галереи, декорированные колоннами дорического и ионического ордеров. С первых эпох существования города в этом районе селились преимущественно состоятельные греческие негоцианты — Янопуло, Маразли-старший, Инглези, Велисарио, Палеолог, Цикалиоти, Амвросио, Кирико, Ралли, Ираклиди — и отдельные русские купцы: Ширяев, Крамарев, Милованов, Кислов. Описанный торговый центр и его окрестности отличались особым укладом, репрезентующим традиции всякого левантийского города. Название Греческий базар (на Северной или Александровской площади) сложилось стихийно, задолго до восстания этеристов, и причисляется к народным топонимам.

Объемный очерк "Пушкинская Одесса" также включает немало неточностей и анахронизмов, но это отчасти объясняется тем, что к моменту его написания Дерибас не располагал всею той информацией, каковой владеем мы по прошествии многих десятилетий. Впрочем, отдельные погрешности как бы и не вполне извинительны. Скажем, в этом и других текстах неоднократно упоминается о том, что масонские ложи в России ликвидированы в 1823-м. В середине 1910-х в России вышли весьма информативные издания по истории масонства, имевшиеся на руках многих представителей одесской интеллигенции, да и в библиотеке Императорского Новороссийского университета. В высшей мере странно, что Александр Михайлович не был с ними знаком.

Ложи ликвидированы в 1822-м, причем, накануне определения государственных чиновников в службу они уже в том же году должны были давать подписку о непричастности к масонству и к тайным сообществам вообще. Образцы подобных расписок имеются и в Государственном архиве Одесской области, в фонде Одесской городской думы.

Сильно преувеличена мемуаристом и веротерпимость одесситов пушкинских времен. Довольно напомнить о погроме 1821 года, описанном независимыми зарубежными корреспондентами. Не было тогда хлебных магазинов Иеронима Сабанского на Канатной: они построены позднее, в 1827-м. Барон Рено не новый дом построил на пересечении Ришельевской и Дерибасовской, а надстроил этажом прежний дом Волконского. Гимназской (а не Гимназической) изначально называлась не Ланжероновская, а как раз Дерибасовская. Георг Зонтаг, капитан Одесского порта, вовсе не англичанин, а американец, к тому же сражавшийся против "владычицы морей" и топивший ее корабли. Греческий торговый капитал не

только не потерял своего значения после 1821 года, как утверждает Дерибас, но, напротив, заметно возрос в годы генерал-губернаторства Воронцова. Отца городского головы Григория Маразли звали не Иваном, а Григорием Ивановичем. Дома Филиппа Лучича на Александровском проспекте тогда еще не было. Усадьбу Куликовского на бульваре Воронцов приобрел не в 1823-м, а еще в 1820-м. Тот же Воронцов не мог жить в частном доме Крамарева на пересечении Преображенской и Дерибасовской, поскольку арендовал другой частный особняк, Фундуклея, на углу Торговой и Херсонской. Явный перебор и с книжными лавками: достоверно известно наличие в тот период лишь одной — швейцарца Альфонса Коллена. "Письма об Одессе" Шарля Сикара известны в вариантах 1808, 1811, 1812 и 1818 годов (у Дерибаса почему-то указан 1814-й). Барон Бруннов, тайный и явный недоброжелатель, упоминается в числе сочувствующих Пушкину. Отъезд поэта из Одессы датируется концом июня (на самом деле — 1 августа, но эта ошибка из числа простительных). И уж совсем анекдотичным представляется заявление, будто в коммерческом casino не подавали горячительных напитков. Посетивший Одессу как раз в 1823 году английский естествоиспытатель и путешественник Роберт Лайелл (на него, кстати, ссылается в своем знаменитом комментарии к "Евгению Онегину" В.В. Набоков) прямо говорит о том, что в этом казино купцы нередко заключают сделки, но больше просто выпивают и закусывают. И так далее и тому подобное.

Неточности чисто краеведческого характера встречаются не только в "пушкинских" очерках и зарисовках. Возьмем тот же хрестоматийный пример с дворцом Потоцких. На самом деле нынешнее здание Одесского художественного музея построено в 1828 году и принадлежало графу Льву Александровичу Нарышкину. Разумеется, этого дома не было, и быть не могло в 1811 году. И тем более, умерший в 1805 году Станислав Феликс Потоцкий-Щенсный никак не мог презентовать дефицитную тогда в Одессе новогоднюю ель фаворитке императора М.А. Нарышкиной. Реально особняк Потоцких располагался выше по Нарышкинскому спуску: это бывший Архиерейский дом, а ныне — корпус местного ювелирного завода.

Балетмейстер Городского театра Буш приехал в Одессу не в 1830-х, а в начале 1820-х. Его имя и даже ироническая характеристика приводится в местной французской газете еще в пушкинские времена. И опять-таки, весьма странно, что именно Дерибас этого не знает. Курьезным выглядит тезис Александра Михайловича о том, что в памяти одесситов не за-

печатлелось ни одной арии из опер буфф ("Музыкальная старина") или, допустим, архинаивное предложение вернуть англичанам их военную реликвию... пушку с парохода-фрегата "Тигр", установленную на Приморском бульваре. Да и вся трактовка "одесского" эпизода Крымской кампании носит некий пропагандистский оттенок: в прежней огласовке вообще выходило примерно так, что одна батарея поистине легендарного Щеголева, насчитывающая на вооружении четыре морально и физически устаревших орудия, расправилась со всем союзным флотом. Это более чем смелое заявление опровергается всем дальнейшим ходом несчастливой для страны (и в первую голову — для Одессы!) войны: в результате сокрушительного поражения Южная Пальмира раз и навсегда утратила первенство в мировой хлебной торговле. Именно это поражение и привело к кардинальному переустройству всех сфер городской жизни, к преображению и лика, и сущности Одессы, о чем Дерибас постоянно размышляет и что настойчиво пытается растолковать, вероятно, не только читателю, но и самому себе.

Вместе с тем автор "Старой Одессы" приводит и массу подлинных новых, крайне любопытных свидетельств и документов. Если говорить о той же пушкинской Одессе, так это, скажем, информация об уже упоминавшемся особняке Фундуклея как главной резиденции М.С. Воронцова в 1823-1824 годах. Впоследствии это свидетельство было документально подтверждено видным историком градостроительства Одессы В.А. Чарнецким. Правдоподобные сведения приводятся также о Цезаре Отоне (в отличие от наших доморощенных краеведов, Дерибас знает, что эта фамилия пишется с одним "н" — поскольку речь идет о ресторатере, а не о римском императоре; с удвоенным "н" пишет Александр Михайлович и фамилию Бруннов, что также соответствует истине), хотя и приправляет свой рассказ обильным цитированием мемуаров популярного в свое время писателя Болеслава Маркевича, юность которого прошла в Одессе. Занятны сюжеты о Морали: мы узнаем, например, что, согласно семейным преданиям Дерибасов, "корсар в отставке" причастен к восстанию этеристов.

Огромный интерес представляют введенные Дерибасом в научный оборот архивные документы, например, в публикации "К истории сгоревшего театра". Это невероятно симпатичный рапорт Семена Аркудинского о гардеробе, доставленном для новостроящегося одесского театра из Императорской театральной дирекции Санкт-Петербурга (реестр реквизита впечатляет и воссоздает самое атмосферу первобытного Городского театра), и письмо князя Шаховского, первого антрепренера нашего театра,

к барону Рено — первому театральному директору (перечисляются все амплуа актеров труппы и проч.). Небезынтересны материалы, касающиеся истории Ришельевского лицея и его предшественников, в частности — о пожаре в гимназии Вольсея в ночь с 6 на 7 февраля 1806 года. Любопытны подобные же контрастные ретроспективные "мелочи жизни" вроде игры бесподобного Сальвини... на бильярде у Фанкони или сообщений о том, какие именно сорта водки в удовольствие потребляли прежние одесские актеры и журналисты. Потому что "мелочи жизни", в конечном счете, и складываются в самое жизнь, единственную и неповторимую.

В творчестве А.М. Дерибаса явственно ощущается неизменная оппозиция между "отцом", испытывающим ностальгию по привычному прежнему миру с его трогательными и обаятельными обрядами, по устойчивому мирозданию, где он мог обитать без засилья суеты и мельтешения, и "сыном", человеком очередного, дежурного нового времени, сознающим, что, хочешь или не хочешь, а неизбежно приходится формировать какую-то иную среду обитания, однако не находящим еще верных рецептов, твердых правил современного переустройства. А потому ему остается одно: тосковать по утраченному детству (почитайте, с какою нежностью Дерибас описывает даже... амбарных крыс, их гнездышко в тюфяке, на котором он спал!), длить его, медитировать и медитировать, "питаться детством".

"Для чего я пишу о старой Одессе, — восклицает Александр Михайлович, — для чего я тревожу прах ее прошедших дней?" ("О дедах и внуках"). Снова и снова вопрошает себя Дерибас о мотивации собственных действий. И снова отвечает: "Мне мечталось, что своими очерками я делаю нечто большее, что, черпая хорошее из оставшегося еще во мне родника старой Одессы, я проливаю это хорошее в новую жизнь". Однако, печально продолжает он, "новая Одесса живет новою жизнью и у нее нет ни времени, ни желания возвращаться к прошлому и вдохновляться его милыми образами и славными примерами". Это замечание носит универсальный характер и всегда актуально. В том числе — и сегодня, когда из самых прекраснодушных человеколюбивых побуждений издается эта замечательная книга, согревающая и воодушевляющая отзывчивого читателя. Парадоксально, но, в отличие даже от правды, добро всегда объективно. Так думал Александр Михайлович Дерибас, так думаем и мы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Олег ГУБАРЬ

Необыкновенный вояж Олега Губаря

Олег ГУБАРЬ
Мое собачье дело
Одесса, Optimum, 2004

Как часто и, по-моему, совершенно несправедливо мы пишем, переписываем, говорим и обреченно повторяем, что, дескать, время берет свое. Только ведь не свое оно берет, но кровное наше, целиком принадлежащее нам по праву наследования того, чем когда-то жили предки. А жизнь человеческая неотделима от быта, без знания подробностей которого все наши, вроде как полные, представления о ней оказываются изрядно сглаженными, обесцвеченными и лишенными всяческого аромата. В Одессе эту истину в ее первородном смысле Олег Губарь понял одним из первых и написал книгу, о которой, перефразируя персонаж романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, можно сказать, что написать ее — не ешака купить. Великолепным бытописателем был Владимир Александрович Гиляровский, но он имел дело с современными ему и исчезнувшими на его же глазах реалиями. Губарю на сей предмет не пофартило. И, как говорят в Одессе, иметь бы мне столько хорошего, сколько раз доводилось видеть его в читальных залах нашей родной "публички", склонившегося над старинной газетой, толстенным томом или пожелтелым манускриптом. Причем, было это не только в какой-нибудь серенький ноябрьский денек, но в разгар прекрасного одесского лета, когда нормальные люди находят себе какие-нибудь другие занятия.

Но ему не было никакого резона и времени дожидаться ноября или, скажем, декабря, поскольку позарез требовалось не походя прикоснуться, но вроде как переселиться в далекие годы, обжиться там, обзавестись массой знакомых разного возраста, пола, нрава, семейного положения и места под одесским солнцем, уразуметь достоинства и недостатки бессарабского красного и шабского белого, отчетливо представить себе, как выглядит лубяное лукошко из-под халвы фабрики Дуварджогло и картонная коробочка со слабительными пилюлями, приготовленными в аптеке Гаевского, прознать о том, сколько берет извозчик за день и мамзель за ночь,

на какой улице имеет жительство французский вице-консул, стоит или лучше не надо останавливаться в гостинице "Сан-Суси" на Преображенской, чем пахнет контрабандный вынос товара за черту порто-франко, какова вместимость пивной бутылки завода Санценбахера, чем различаются уставы Дворянского собрания и Английского клуба, как звали сына мадам Блювштейн — она же Сонька Золотая Ручка, и еще множество всяких, порой неожиданных, на первый взгляд даже зряшных, но, как потом оказывалось, совершенно необходимых вещей...

И только возвратившись из своего затянувшегося, непредсказуемого и необыкновенного вояжа, Олег осмыслил все случившиеся там встречи, знакомства, впечатления, озарения, догадки, эмоции и построил книгу, полную веселья, озорства, иронии и шутки. Но, как в каждой шутке, там всего лишь доля шутки, а остальное — неповторимая, невообразимая, эксцентричная и, в то же время, такая милая, обычная для тех лет жизнь удивительного города, корнями уходящего в седую древность, а кроной — будем жить, будем посмотреть, куда уйдет крона. Но при любом раскладе событий эпоху, в которой побывал Олег Губарь, времени уже не взять как свое. А фигушки!

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Справедливость без скобок

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Мадам Любка
Одесса, "Печатный дом", 2004

Сказать, что Одесса в долгу перед памятью Исаака Эммануиловича Бабеля — значит, еще ничего не сказать. Одна мемориальная доска, да и та с фактической ошибкой. Улица, на которой у домов нет табличек, называющих бывшую Виноградную улицей Бабеля. Ни одной — не то чтобы изданной серьезной, глубокой монографии, но нет и подготовленных в Одесском университете бабелеведов.

И это при всем притом, что для всего читающего мира литература, рожденная в XX веке в Одессе, прежде всего, ассоциируется с И. Бабелем. А уже потом с Ю. Олешей, В. Катаевым, даже Ильфом и Петровым...

Единственные, кто честно работал, стараясь хоть своим телом при-

на какой улице имеет жительство французский вице-консул, стоит или лучше не надо останавливаться в гостинице "Сан-Суси" на Преображенской, чем пахнет контрабандный вынос товара за черту порто-франко, какова вместимость пивной бутылки завода Санценбахера, чем различаются уставы Дворянского собрания и Английского клуба, как звали сына мадам Блювштейн — она же Сонька Золотая Ручка, и еще множество всяких, порой неожиданных, на первый взгляд даже зряшных, но, как потом оказывалось, совершенно необходимых вещей...

И только возвратившись из своего затянувшегося, непредсказуемого и необыкновенного вояжа, Олег осмыслил все случившиеся там встречи, знакомства, впечатления, озарения, догадки, эмоции и построил книгу, полную веселья, озорства, иронии и шутки. Но, как в каждой шутке, там всего лишь доля шутки, а остальное — неповторимая, невообразимая, эксцентричная и, в то же время, такая милая, обычная для тех лет жизнь удивительного города, корнями уходящего в седую древность, а кроной — будем жить, будем посмотреть, куда уйдет крона. Но при любом раскладе событий эпоху, в которой побывал Олег Губарь, времени уже не взять как свое. А фигушки!

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Справедливость без скобок

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Мадам Любка
Одесса, "Печатный дом", 2004

Сказать, что Одесса в долгу перед памятью Исаака Эммануиловича Бабеля — значит, еще ничего не сказать. Одна мемориальная доска, да и та с фактической ошибкой. Улица, на которой у домов нет табличек, называющих бывшую Виноградную улицей Бабеля. Ни одной — не то чтобы изданной серьезной, глубокой монографии, но нет и подготовленных в Одесском университете бабелеведов.

И это при всем притом, что для всего читающего мира литература, рожденная в XX веке в Одессе, прежде всего, ассоциируется с И. Бабелем. А уже потом с Ю. Олешей, В. Катаевым, даже Ильфом и Петровым...

Единственные, кто честно работал, стараясь хоть своим телом при-

крыть безмерные лакуны, были краеведы. И прежде всего Абрам Владимирский и подхвативший у него эстафетную палочку поиска Александр Розенбойм (тогда и до сих пор печатается под псевдонимом Ростислав Александров).

Когда несколько дней назад он мне позвонил и сказал, что готовит к изданию книгу, я решил, что в год 110-летия Исаака Бабеля и в год 65-летия Александра Розенбойма это и будет давно задуманная, но еще не осуществленная Книга о Бабеле. В какой-то мере я ошибся, но только в какой-то мере. Это вновь подступ к бабелевской теме. Размышления над судьбой в рассказах Бабеля и в живой жизни, в легендах Молдаванки одной из бабелевских героинь — Любки Казак, мадам Любки...

Так что же, прикажете — плакать? нет, так нет, — как писал Иосиф Уткин.

Нет, это еще не книга о Бабеле, но это текст, который, в отличие от работ Сергея Лущика, следует назвать не реальным комментарием, а размышлением над правдой и вымыслом, над жизнью и представлением о жизни, своеобразный романтический комментарий.

А разве об "Одесских рассказах" можно писать без романтического прищура, без знания всех деталей жизни, отраженных в говоре одесситов, в сплетнях, в газетных хрониках, в скандалах дворового, что для Одессы значило — общегородского характера?

Мне кажется, что в книге, которую сейчас нам предлагает Ростислав Александров, интересно все — и история женского предпринимательства (а мадам Любка — одна из них), и трагедия великого музыканта Берты Михайловны Рейнгбальд (а она, оказывается, внучка Любки), и поиск забытых нами, но запомнившихся горожанам рассказов И. Бабеля. К примеру, рассказ "Справедливость в скобках". Найдя его, Ростислав Александров и смог рассказать об отношениях родичей Любки и семьи Бабеля, то есть всю справедливость без скобок...

А не слишком ли я обидел Одессу за невнимание к Бабелю? Обижать нужно было бы власти. А мы старались делать свое дело (Карл Маркс свое, а мы — свое). В конце 50-х годов в Одессе и только в Одессе, в самиздате, я опубликовал "зеленый" том Бабеля, куда вошли "Колывушка", "Мой первый гонорар", "Фроим Грач"... Тиражом всего в пять экземпляров, но их размножали и размножали.

Но всего этого, конечно, мало. Очень мало. Но краеведы продолжали свой архивный, газетный поиск. Результаты? Прокомментировал Ростислав Александров рассказ "Король", сейчас выходят его штудии по поводу "Любки Казак". Дай Бог, придет к читателю и объемная, а главное, раз-

венчивающая лжелегенды книга о жизни и творчестве И.Э. Бабеля, об его отношениях с родным городом.

Справедливость без скобок. Как долог, как труден и кропотлив к ней путь — и насколько необходима справедливость без скобок всем нам. Спасибо, что кавычки или скобки сняты, и подлинный Бабель — во всей мудрости и печали, во всей ироничности и трезвости, возвращается к нам книгами — его и о нем.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сфинкс в пальто

Феликс КОХРИХТ
Ойкумена одессита
Одесса, "Автограф", 2004
Дизайн — А. ГОЛУБОВСКАЯ

Не ведаю, как вам, а мне сподручнее обозревать многочисленные "чудеса света" с эксклюзивного дивана. Особенно впечатляют нестареющие пирамиды со сфинксами, барханы, чайханы и ханы, по четвергам — ливерпульская гавань, далекая Амазонка с лондонскими туманами, а с пятницы на субботу — амазонки с неаполитанками и таитянками, что для меня в принципе одно и то же. Черкнул когда-то по этому поводу: "Под сенью струй лежу себе с невестой... Обломов приходил — так нету ж места".

А чего вы хотите? "Я это в телевизоре видал". В "Клубе кинопутешественников", каковой неизменно вел обстоятельный Юрий Сенкевич, сплавлявшийся на плотах совместно и лично с Туром Хейердалом. И вся наша новая историческая общность, весь советский народ, включая Кохрихта, Голубовского и меня, любимого, сплавлялся с ними заочно, однако весьма убедительно. И ничего смешного! Плыли же мы "в революцию дальше", в светлое послезавтра на полном серьезе, в туда, где "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Гребли охотно, энергично, вдали блистали миражи, при этом видели отлично, что по бокам плывут моржи. Голубой вагон бежит, качается, а "Титаник" набирает ход. Почему же палуба качается, если веселится весь народ?

Короче говоря, приплыли. Но дорогой всего насмотрелись. Да так запала в нашу чистую пролетарскую душу всякая черточка ненужного бере-

венчивающая лжелегенды книга о жизни и творчестве И.Э. Бабеля, об его отношениях с родным городом.

Справедливость без скобок. Как долог, как труден и кропотлив к ней путь — и насколько необходима справедливость без скобок всем нам. Спасибо, что кавычки или скобки сняты, и подлинный Бабель — во всей мудрости и печали, во всей ироничности и трезвости, возвращается к нам книгами — его и о нем.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сфинкс в пальто

Феликс КОХРИХТ
Ойкумена одессита
Одесса, "Автограф", 2004
Дизайн — А. ГОЛУБОВСКАЯ

Не ведаю, как вам, а мне сподручнее обозревать многочисленные "чудеса света" с эксклюзивного дивана. Особенно впечатляют нестареющие пирамиды со сфинксами, барханы, чайханы и ханы, по четвергам — ливерпульская гавань, далекая Амазонка с лондонскими туманами, а с пятницы на субботу — амазонки с неаполитанками и таитянками, что для меня в принципе одно и то же. Черкнул когда-то по этому поводу: "Под сенью струй лежу себе с невестой... Обломов приходил — так нету ж места".

А чего вы хотите? "Я это в телевизоре видал". В "Клубе кинопутешественников", каковой неизменно вел обстоятельный Юрий Сенкевич, сплавлявшийся на плотах совместно и лично с Туром Хейердалом. И вся наша новая историческая общность, весь советский народ, включая Кохрихта, Голубовского и меня, любимого, сплавлялся с ними заочно, однако весьма убедительно. И ничего смешного! Плыли же мы "в революцию дальше", в светлое послезавтра на полном серьезе, в туда, где "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Гребли охотно, энергично, вдали блистали миражи, при этом видели отлично, что по бокам плывут моржи. Голубой вагон бежит, качается, а "Титаник" набирает ход. Почему же палуба качается, если веселится весь народ?

Короче говоря, приплыли. Но дорогой всего насмотрелись. Да так запала в нашу чистую пролетарскую душу всякая черточка ненужного бере-

га турецкого и Африки, что, сморкаясь и плача в кашне, просили мамочку милую вышить нам рушник, а в самом крайнем случае написать нам в Египет, как там Волга наша течет и впадает ли еще в Каспийское море. Над всей Испанией, как известно, чистое небо, очищенное сталинскими соколами, а над Канадой небо почему-то по-российски сине, хотя чуждое оно, враждебное и, прямо скажем, провокационное. Остряки переиначили текст патриотической песни Городницкого, и тогда получилось: "Над Китаем небо сине, меж трибун вожди косые". В оригинале вместо вождей были дожди, которых в СССР стабильно не было, и из-за недолива гибли на корню урожаи и пустовали "Закрома Родины". Насчет Азии и Африки мы знали, что "там пустыни, там барханы, там страною правят ханы, там живется тяжелей, там разбойник Бармалей". А еще — "крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла". Такая вот история с географией.

Сложившаяся картина мира нас вполне устраивала — висела на стене, словно телеэкран. Всегда можно было включить-выключить виртуальную экзотику — подлинно "Весь мир в кармане". Страны НАТО, СЕАТО, СЕНТО, БЕНИЛЮКС и прочие. Всё знаем, всё видели, всё нам на блюдечке с голубой каемочкой, обленились до того, что и визу неохота пробивать — по ОВИРам я с детства скитался, не имея родного угла. Далее по тексту.

А Феликсу Кохрихту не лень сличать соцреалистический художественный образ с явью. Помните, как Марк Твен сам себя и своих припечатал — "Наши простаки дома и за границей". Отправился на поиски Бармалея иже Минотавра с помянутым багажом: специфической библиотечкой в голове. Чему все возрасты покорны? Только не удивлению, не радости открытия, для каковых потребно не приобрести патологически, а сохранить в себе много детского. Молодую поросль надо хоть насильно таскать по городам и весям, странам и континентам, чтоб впитывали — они могут. А нам дайте отлежаться на диванах, не то мы по ходу вояжирования начнем делать наоборот — как вправе поступать от восторга только дети. Опасаюсь я этого, время мое ушло, песочек сыплется. Феликс не страшится. И растут и множатся на его горизонте "миражей нежданных минареты". Сопровождая печаль свою, пристраиваются в хвост и в гриву Сфинкс в пальто, славный Птах, царица Хатшепсут, собачка Цербер, бедняга Минотавр, зануда Пенелопа, праотец наш Моисей, друг Лаокоон, Александр Филиппович Македонский и другие действующие лица и исполнители, включая Сталина и Жукова, Штирлица и Мюллера, Байрона и Пушкина, Дульфана и Хруща, Паниковского и Фандорина, Инезилью и Дон Жуана,

Данте и Фрейда, матроса Железняка и Васю-шмаровоза, Пуччини и Рафаэля, Толкиена и Брежнева, Маковского и Голубовского...

Всякий персонаж извлекается из "Подвала памяти" и демонстративно водружается на пирамиды, мавзолеи, башни Эйфеля, Пизы, Слоновой Кости и Кремля, мосты Святого Людовика и доверия, всякий раз иронически идентифицируя некий трепетный узел сознания, некий его тон — так мягкие молоточки обыгранного пианино безошибочно находят скрытые в недрах струны, и те, как прежде, отзываются доверительно и неизменно. Помните ассоциативный ряд эстрадного скетча: "врач — больной", "холодно — жарко" и т. п.? Мы как раз такие: "Африка?" — "Айболит!"; "Северный полюс?" — "Папанин!"; "Индия?" — "Индира Ганди!" и т. п. Не смешно, говорю я, печально. Невыразимой печалью веет от запоздалой "Одиссеи" жизнепроходца Феликса Кохрихта. Потому, должно быть, печаль эта прячется за камуфляжем ряженого, за спасительной самоиронией.

Спеленатый младенец, затянутый в форму школьник и курсант, стреноженный временем и цензурой литератор и журналист, ограниченный металлическими занавесями "путешественник", конь в пальто. Теперь уже — сфинкс...

Олег ГУБАРЬ

Долгая память

Леонид АВЕРБУХ
Штрихи к портретам
Одесса, "Мигдаль", 2004

Одесса — это голубое небо, Черное море, белая акация, "Красная" гостиница и, конечно же, ракушечник, который поэт Семен Кирсанов, он же Корчик, назвал когда-то "желтым камнем солнечного детства". А еще это — легендарная Потемкинская лестница, скрипучие деревянные галереи старинных домов, классическая колоннада Думы, отдающее романтикой Средневековья здание бывшей Бродской синагоги, знаменитый Городской театр, многоголосый Староконный базар, строгий в своем величии памятник Неизвестному матросу и могучие платаны Пушкинской улицы... Все это так, но автор книги — одессит в седьмом поколении и, может быть, поэтому совершенно справедливо считает, что Одесса — это,

Данте и Фрейда, матроса Железняка и Васю-шмаровоза, Пуччини и Рафаэля, Толкиена и Брежнева, Маковского и Голубовского...

Всякий персонаж извлекается из "Подвала памяти" и демонстративно водружается на пирамиды, мавзолеи, башни Эйфеля, Пизы, Слоновой Кости и Кремля, мосты Святого Людовика и доверия, всякий раз иронически идентифицируя некий трепетный узел сознания, некий его тон — так мягкие молоточки обыгранного пианино безошибочно находят скрытые в недрах струны, и те, как прежде, отзываются доверительно и неизменно. Помните ассоциативный ряд эстрадного скетча: "врач — больной", "холодно — жарко" и т. п.? Мы как раз такие: "Африка?" — "Айболит!"; "Северный полюс?" — "Папанин!"; "Индия?" — "Индира Ганди!" и т. п. Не смешно, говорю я, печально. Невыразимой печалью веет от запоздалой "Одиссеи" жизнепроходца Феликса Кохрихта. Потому, должно быть, печаль эта прячется за камуфляжем ряженого, за спасительной самоиронией.

Спеленатый младенец, затянутый в форму школьник и курсант, стреноженный временем и цензурой литератор и журналист, ограниченный металлическими занавесями "путешественник", конь в пальто. Теперь уже — сфинкс...

Олег ГУБАРЬ

Долгая память

Леонид АВЕРБУХ
Штрихи к портретам
Одесса, "Мигдаль", 2004

Одесса — это голубое небо, Черное море, белая акация, "Красная" гостиница и, конечно же, ракушечник, который поэт Семен Кирсанов, он же Корчик, назвал когда-то "желтым камнем солнечного детства". А еще это — легендарная Потемкинская лестница, скрипучие деревянные галереи старинных домов, классическая колоннада Думы, отдающее романтикой Средневековья здание бывшей Бродской синагоги, знаменитый Городской театр, многоголосый Староконный базар, строгий в своем величии памятник Неизвестному матросу и могучие платаны Пушкинской улицы... Все это так, но автор книги — одессит в седьмом поколении и, может быть, поэтому совершенно справедливо считает, что Одесса — это,

прежде всего, люди разных национальностей, сословий, профессий и занятий, которые на излете XVIII столетия основали ее в сухой причерноморской степи, обустраивали, холили, защищали, вывели на высокую орбиту мировой славы и доверчиво оставили потомкам. Леонид Григорьевич — врач более чем с полувековым стажем, хорошо знает, как, к сожалению, быстротечна человеческая жизнь и, может быть, поэтому давно и упорно старается сохранить память о земляках, достойных лучшей участи, нежели забвение. К тому же, с некоторыми из них автор был знаком лично.

...Во времена моего детства пожилые соседки еще выходили по вечерам за ворота, дабы, восседая на лавочке, неспешно обсудить все накопившееся за длинный летний день, себя, кому это интересно, показать, а главное, людей посмотреть. Только многих ли можно было увидеть на одной из улиц, будь она даже колоритной Малой Арнаутской, элегантной Ланжероновской, разудалой Костецкой или респектабельной Ришельевской? Леонид Авербух не приглашает посидеть у ворот, но ведет нас по городу, уверенно переходя из улицы в улицу, легко перешагивая из десятилетия в десятилетие, учтиво раскланивается и великодушно знакомит с повстречавшимся на пути актером, археологом, биологом, военачальником, инженером, кинооператором, литературоведом, математиком, певцом, политическим деятелем, поэтом, скульптором, физиком, художником. И если вы думаете, что это уже все, то совсем наоборот. Там были еще архитектор, врач, журналист, пианист, прозаик, философ, химик. Одни из них известны во всем мире, другие — в своей или какой другой стране, третьи — только в собственном городе, а четвертые и вовсе оказались подзабытыми. Но независимо от этого без каждого их них история Одессы ни в коем разе не может быть полной. К тому же, как благородно и мудро написал прекрасный писатель И.А. Бунин, "не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле".

В свое время биографические очерки Леонида Авербуха по разным случаям, причинам и поводам публиковались в различных периодических изданиях. Но уж такова участь газет и даже журналов, что они сегодня, честно отработав свое, завтра, в лучшем случае, ложатся толстенными подшивками на бесконечные библиотечные полки, а если покидают их, то не часто и не надолго. То ли дело книги, у которых совсем другая жизнь, И долгая, как память. Сообразно названию серии автор составил свою книгу из очерков о земляках-евреях. Как говорят в Одессе, а почему нет?

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Не последний альбом

Юрий КОВАЛЕНКО
Последний альбом
Проект Олега ГУБАРЯ
Одесса, "Автограф", 2004
Верстка Сони и Мити КОБРИНСКИХ

Уверен, Олег Губарь согласится с заголовком этих заметок. Частица "не" в данном случае — не более чем частица. Удивительна эта верность. Писателя — художнику. Исследователя — феномену. Друга — другу.

Еще при жизни Юрия Коваленко Олег издал книгу "Человек с улицы Тираспольской", которая сегодня — четыре года спустя — представляется уникальной. В ней запечатлен яркий, сложный, противоречивый и, что греха таить, не всегда комфортный для окружающих образ, но это — не посмертная маска, не мемории, не венок к подножью монумента (в данном случае — могильного холмика, а раблезианский, гоголевский, губаревский портрет Человека с Улицы Вселенской, проживавшего в квартале, славившемся славными работниками, лихими выпивохами и возмутителями спокойствия: Параджанов, Кола Брюньон, Тарас Бульба, Пиросмани, Коваленко...

Теперь, когда мастер прописан по другому адресу, но по соседству с теми же Персонажами, Губарь собрал из его наследия — литературного и художественного — сборник, который опрометчиво назвал "Последний альбом".

Думается, на его презентации в галерее "Либерти" Юрий Андреевич, нынче не отражающийся в зеркале и не отбрасывающий тени, выхватив из стопки книг и себе экземпляр, перелистывал страницы, по обыковению гудя в бороду и ворча...

И на застолье в гроте художественного музея опрокинул не одну чарку губаревки, внимая тостам в честь именинника-Олега, поражаясь неожиданному для нас, но не для Юры, изыску Виталия Абрамова, блеснувшего в это вечер артистическим перевоплощением: он — один из тех, кто способствовал выходу альбома и благодарно отмечен составителем в соответствующем списке.

Альбом содержит графику и стихи Юрия Коваленко. Как выяснилось (а Губарь знал это давно), уроженец городка Прилуки, учившийся в Санкт-Петербурге и проживший большую часть жизни в Одессе, был не

только мощным мастером живописи, но и умельцем психологического рисунка, но и поэтом, удивительным образом сохранившим в суете приморских городов верность певучему и лагідному, терпкому и сумному украинскому языку.

Стихи и графика как бы перетекают друг в друга, являя собой то ли віночок, то ли сюиту. И в этой композиционной целостности — еще одна заслуга автора проекта — так нынче называется то, что придумал и осуществил Губарь.

...Открыв наугад альбом прочел и увидел то, что предлагаю и вам:

Як крутяться
колеса часу!
Трансмісії
людських доріг
монтуються,
в світах
безкраїх,
де радість,
горе,
піт
і кров.

Неспинний
і священний
рух —
Володар Всесвіту
Одвічний —
смішних
не потребує
монументів...

1966

Феликс КОХРИХТ

Другие берега — Любви

А.И. ИЛЬФ
Илья Ильф, или Письма о любви
Москва, "Текст", 2004

Через бурное море последних восьмидесяти лет нашей истории, с других берегов, до нас долетел пронзительный и чистый голос Любви. Нам подарила судьба счастье родиться в том же городе, где родились они, эти двое влюбленных. Их имена известны. Более того, Он знаменит, и Его имя стало очень важной составляющей в культуре страны, города и каждого из нас. Он — это Илья Ильф, и его любовь — юная художница Маруся Тарасенко, которая станет его женой.

только мощным мастером живописи, но и умельцем психологического рисунка, но и поэтом, удивительным образом сохранившим в суете приморских городов верность певучему и лагідному, терпкому и сумному украинскому языку.

Стихи и графика как бы перетекают друг в друга, являя собой то ли віночок, то ли сюиту. И в этой композиционной целостности — еще одна заслуга автора проекта — так нынче называется то, что придумал и осуществил Губарь.

...Открыв наугад альбом прочел и увидел то, что предлагаю и вам:

Як крутяться
колеса часу!
Трансмісії
людських доріг
монтуються,
в світах
безкраїх,
де радість,
горе,
піт
і кров.

Неспинний
і священний
рух —
Володар Всесвіту
Одвічний —
смішних
не потребує
монументів...

1966

Феликс КОХРИХТ

Другие берега — Любви

А.И. ИЛЬФ
Илья Ильф, или Письма о любви
Москва, "Текст", 2004

Через бурное море последних восьмидесяти лет нашей истории, с других берегов, до нас долетел пронзительный и чистый голос Любви. Нам подарила судьба счастье родиться в том же городе, где родились они, эти двое влюбленных. Их имена известны. Более того, Он знаменит, и Его имя стало очень важной составляющей в культуре страны, города и каждого из нас. Он — это Илья Ильф, и его любовь — юная художница Маруся Тарасенко, которая станет его женой.

Недавно в московском издательстве "Текст" вышла книга "Илья Ильф, или Письма о любви", подготовленная и откомментированная Александрой Ильиничной Ильф.

В книгу вошли полторы сотни писем, из которых половина принадлежит перу Ильи Ильфа, два рассказа самого писателя, документы, свидетельства современников...

Но, конечно, нерв книги, ее прозрачный воздух — это переписка Ильи Ильфа и Маруси Тараненко, их мир, в котором шум их времени, картины бытия. Но все же над всем этим, превозмогая житейские невзгоды, звучат два голоса, две мелодии, сливающиеся в одну — музыку любви.

У большинства поэтов любовная лирика — суть поэзии ("Ангел мой, ты слышишь ли меня?"). Мы часто, повторяя любимые строки и строфы, соотносим их со своими переживаниями, со своим душевным опытом.

Другое дело — письма двух людей, предназначенные только друг для друга. Публикация писем при жизни даже одного из участников любовного дуэта, мягко говоря, вызывает чувство сомнения и неловкости. Очевидно, не только "стихам, как драгоценным винам", но и письмам особенно, должен прийти "свой черед". Вот он и пришел — черед этим посланиям.

Эти письма невозможно цитировать, вырывая отдельные строки, разрывая их живую, трепещущую на сквозняке испытаний ткань.

На что похожи эти письма? На письма к Прекрасной даме? Нет, в них отсутствует учтиво-холодная куртуазность. На письма о "науке страсти нежной"? Тоже нет, в них не найти смутивших бы стыдливого читателя откровений.

Эти письма похожи только на тех двух талантливых и счастливых людей, которые их писали.

Страстно, взахлеб, в смятении любви и горестях размолвок писались строки этих писем.

Что для нас эти письма?

В них возникает холодная и голодная Одесса. И такая же Москва. Продутые ветрами одесские улицы и московские переулки. Сошедший с ума быт. Его скороговоркой произнесенные детали.

В них возникает перед нами другой Илья Ильф, о котором мы догадывались, а сейчас явственно увидели — цельный, ранимый, защищенный только любовью. Илья Ильф, говорящий иным языком, в этих письмах таким же естественным, но иным, чем язык романов, записных книжек, фельетонов.

Удивительно, но ни у Ильфа, ни у Маруси — никаких колоритных осо-

бенностей одесского языка. Даже их речь, обращенная друг к другу, отказывается от локальной языковой географии. Язык двух сердец.

Время, в которое писались эти письма, было, вероятно, еще более жестким и омерзительным, чем наше.

Но вот же, два человека, два сердца, две души — сохранили любовь, достоинство и благородство! Не главный ли это дар книги "Илья Ильф, или Письма о любви"? Не урок ли это читателям этой книги?

И еще об одном. Есть распространенная банальность — о природе, отдыхающей на детях гениев. Мне не хочется в это верить. Книга, о которой идет речь, служит подтверждением моего несогласия. На мой взгляд, природа награждает детей гениев другими дарами. Даром памяти, верности, любви, подвижничества, что, согласитесь, немало. Александра Ильинична Ильф и все, что она делает, безукоризненно и элегантно (в отзывах об Илье Ильфе частый эпитет — элегантный), — тому свидетельство.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Вадим КОРОБ

Связная Молодцова-Бадаева 6

60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Борис РЕЗНИК

Из винтовки по "юнкерсу" 20

60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Александр КРАЙНИЙ

Бабушка Саша 40

60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Александр ПАРНИС

Неизвестный рассказ Виктора Некрасова об Одессе 50

Виктор НЕКРАСОВ

Сорок лет со дня освобождения Одессы 52

Александр ДОРОШЕНКО

Ночные тени в Городе 56

Сергей КАЛМЫКОВ

Взгляд с противоположной стороны 64

Олег ГУБАРЬ

Дом на Полицейской 66

ПРОЗА

Владимир КАТКЕВИЧ

Бомбей 77

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ
Два рассказа 90

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ
Мы попали в запендю: жизнь в театре, театр в жизни 108

Валерий ХАИТ
Утренний рассказ 116

Рита БАЛЬМИНА
Из цикла "Бедный Нью-Йорик" 119

Михаил КОРДОНСКИЙ
Большая молитва 132

Леонид ГЕРВИЦ
Non ti scordar di me... 146

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ
Разговор свечей 149

Ефим БЕРШИН
Человек параллельной эпохи 157

Юрий СКРОЦКИЙ
Одесса издалека 162

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК
Мечтатель и страх 165

Марианна ОРЛОВА
Табу 171

Анна ОСТАПЕНКО
Осень-2 174

Ксения КОЖУХОВА
Я утомилась в вязкой тине дня… 176

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Последний герой....179

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

К 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я.П. ПОЛОНСКОГО
Елена ГОЛЕНИЩЕВА
Поэт сердечной и гражданской тревоги 229

Владимир МИНЕНКО
Среди серых камней....236

Татьяна БАСАНЕЦ
Коллекция....245

Ольга БАРКОВСКАЯ
Камерный театр Константина Миклашевского 250

Роман БРОДАВКО
Средство от забвения....258

ПУБЛИКАЦИИ

Вера КАЛМЫКОВА
Вадим Перельмутер: "Я прежде всего читатель" 264
Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР
Пушкинское эхо....271

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Около кулис....277

АХ, ОДЕССА

Игорь БОЖКО
Смехотерапия доктора Фриша 291

Илья РУДЯК
Скрипичные ключи из Америки 295

Олег СОЛЯЩАНСКИЙ
О милая моя Одесса-мама 297

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок"— пятый угол 299

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Pinakothek der Moderne: от Пикассо до Порше 304

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ, Олег ГУБАРЬ
Блаженны мифотворцы 307

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Необыкновенный вояж Олега Губаря 318

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Справедливость без скобок 319

Олег ГУБАРЬ
Сфинкс в пальто 321

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Долгая память 323

Феликс КОХРИХТ
Не последний альбом 325

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Другие берега — Любви 326

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 20

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 20

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 23-13-60

Подписано в печать хх.хх.2005.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Автограф"
Свидетельство ДК № 225 от 25.12.2000.
Одесса, ул. Канатная, 83, оф. 208
Тел. 22-38-28